ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРАВДЕ

Б. А. Викторов

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

ВЫПУСК

3

Память

с особой горечью

возвращает нас

в трагические годы

сталинских репрессий

Беззаконие и произвол не обошли

ни одну республику,

ни одн

Допущенн

массовые аресты, лагерное

старики и

стороной

народ.
ле в прошлом
мученичество,
обездоленные женщины,
дети в переселенческих зонах
продолжают взывать
к нашей совести,
оскорбляют нравственное чувство.
Об этом забыть
нельзя.

...Верховный Совет
Союза Советских
Социалистических Республик
гарантирует,
что попрание прав человека
и норм гуманности
на государственном уровне
больше никогда
не повторится
в нашей стране.

ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ПРАВДЕ

На первом форзаце цитата из Декларации Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик//Известия. 1989. 24 нояб.

На втором форзаце фотографии:

(верхний ряд слева направо)

Антонов-Овсеенко А. А., председатель Петроградского военно-революционного комитета, 1917 г.

Жлоба Д. П., начальник 18-й кавалерийской дивизии со своим штабом, 1921 г.

второй ряд

Обвиняемый Булаткин К. Ф., начальник дивизии на процессе командующего 2-й Конной армией Миронова Ф. К., 1919 г.

Дыбенко П. Е., народный комиссар по военным и морским делам, 1917 г.

третий ряд

Обвиняемый Миронов Ф. К., командующий 2-й Конной армией, со своим защитником Рыбаковым, 1919 г.

Думенко Б. М., командир 1-го сводного кавалерийского корпуса, 1920 г.

Главный военный совет Высшего состава РККА, конец 1935 г. (см. с. 265—266 этой книги).



ВЫПУСК

Б. А. Викторов

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

Записки военного прокурора

Москва
«Юридическая литература»
1990

67.3
В43

Рецензенты:

В. Г. Провоторов
М. М. Лыков

Викторов Б. А.

В43 Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора. — М.: Юрид. лит., 1990. — 336 с. («Возвращение к правде»).
ISBN 5-7260-0215-6

Автор рассказывает о том периоде деятельности Прокуратуры Союза ССР, когда после смерти Сталина были подвергнуты пересмотру в судебных органах многие дела прошлых лет на лиц, обвинявшихся в контрреволюционных преступлениях.

В итоге этой работы были реабилитированы видные деятели партии и государства, другие лица, ставшие жертвами культа личности и преступной деятельности Ежова, Берии, Абакумова и других.

Для практических работников правоохранительных органов и широкого круга читателей.

В $\frac{1203010000-028}{012(01)-90}$ 15-90 67.3

ISBN 5-7260-0215-6

Лед тронулся...

Фальсификаторы держат ответ. В ноябре 1953 года в военном трибунале Западно-Сибирского военного округа рассматривалось необычное дело, которое возникло под влиянием сообщения об аресте Берии.

Как только известие об аресте Берии дошло до села Тундрихи, расположенного на обширных равнинных просторах Алтайского края, группа колхозников составила коллективное письмо Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву следующего содержания:

«Мы одобряем решение Пленума ЦК об исключении Берии из партии. Нам, сибирякам, хорошо известно, сколько невинных людей он сослал в Сибирь. Вы справедливо поступили, что арестовали «большого» Берию. Теперь просим арестовать нашего «районного Берию».

Колхозники просили разобраться с осуждением председателя колхоза Федора Ивановича Таскаева, хорошего организатора и человека, бывшего офицера-фронтовика, и, учитывая его невиновность, просили выпустить из тюрьмы, — «очень он нужен в колхозе». Районный начальник МГБ Н. Ф. Гоманков упек его в тюрьму только за невыполнение указаний, «когда, что и где сеять».

В аппарате ЦК КПСС письмо колхозников взяли на контроль. Прокуратуре СССР было поручено проверить обоснованность осуждения председателя колхоза им. М. В. Фрунзе Ф. И. Таскаева и арест его по инициативе начальника Залесского райотдела МГБ Н. Ф. Гоманкова.

После смерти Сталина и ареста Берии к подобным письмам стали относиться иначе. Их не списывали в архив без всякого реагирования, как это делалось раньше.

Произведенным новым дополнительным расследованием по делу Ф. И. Таскаева установлено, что обвинительные материалы в отношении его о вредительстве и проведении им антисоветской агитации сфальсифицированы начальником Залесского райотдела МГБ Гоманковым и оперативным уполномоченным того же отдела Жульдиковым.

На основе ложных материалов и по показаниям четырех свидетелей, принужденных угрозами к даче ложных показаний, Таскаев был неправильно осужден за контрреволюционные преступления к длительному сроку лишения свободы.

Подтвердилось, что Н. Ф. Гоманков, уполномоченный районного комитета партии по Залесскому сельсовету и колхозу, не зная особенностей сельскохозяйственного производства, давал указания, наносящие ущерб производству. Это вызвало протесты со стороны колхозников и председателя колхоза Таскаева. Создалась острая конфликтная ситуация, относительно которой в краевой газете появилась статья корреспондента. В ней были оценены действия и поступки Гоманкова как плохого уполномоченного.

Гоманков возненавидел Таскаева и приказал своему подчиненному оперативному уполномоченному Жульдикову собирать материалы на него как на контрреволюционера. Следствием установлено, что Гоманков, отдавая такое приказание, заявил: «Если сейчас не арестуем, кончится уборка и будет поздно».

Материалы дополнительного расследования позволили внести в установленном порядке предложение о пересмотре Верховным Судом РСФСР дела Ф. И. Таскаева и об отмене вынесенного в отношении него приговора за отсутствием состава преступления с немедленным освобождением из-под стражи. Одновременно было возбуждено дело на тех, кто сфальсифицировал обвинительные материалы на Таскаева.

Поскольку речь шла об офицерах органов государственной безопасности, расследованием дела занялась Военная прокуратура. Было установлено, что Гоманков и Жульдиков, злоупотребляя служебным положением, занимались фальсификацией обвинительных материалов на честных, невиновных граждан, за что и были преданы суду военного трибунала.

Дело принял к производству военный трибунал Западно-Сибирского военного округа, а я, как военный прокурор округа, поддерживал государственное обвинение в суде.

Дело было рассмотрено в открытом судебном заседании с присутствием на процессе большого числа сотрудников Алтайского управления (к этому времени преобразованного из МГБ в МВД).

Обосновав доказанность виновности Гоманкова и Жульдикова в совершении преступлений — фальсификации обвинительных материалов не только в отношении Таскаева, но и Жукова, Филатова, Астахова и Хромина, что привело к необоснованному осуждению их к длительному незаслуженному пребыванию в местах лишения свободы, я в обвинительной речи обратил внимание суда и присутствующих на важное

общественно-политическое значение этого судебного процесса.

«Мы, участники судебного процесса, ясно представляем себе, какое особое место отведено органам государственной безопасности в системе нашего государства. На материалах процесса мы убеждаемся в том, что отдельные лица, проникая в эти органы, используют службу в них для достижения личных, карьеристских целей.

Нигде, ни в каком другом органе так не ощутим тот огромный политический вред от преступной деятельности карьеристов и авантюристов, как в органах, призванных обеспечивать государственную безопасность нашей страны.

Подобные преступники страшны тем, что фабрикуют дела против людей честных и преданных, людей невиновных, создавая видимость разоблачения врагов действительных, настоящих. Незаслуженно страдает честный человек, забота о котором — одна из насущных, главных задач в деятельности нашей Коммунистической партии».

Выдвинув перед трибуналом просьбу об осуждении Гоманкова и Жульдикова к лишению свободы — первого на 10, а второго на 8 лет лишения свободы, я, руководствуясь только что принятым Президиумом Верховного Совета СССР Указом от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» в память об умершем вожде, упомянул о необходимости его применения и к осужденным, что означало сокращение им срока наказания наполовину.

После моей речи, в перерыве перед вынесением приговора, колхозники взяли меня «в штыки»: «Да что это такое? Какое может быть снижение наказания для таких мерзавцев? Зачем такая милость?»

Я пытался разъяснить, убедить, но так ничего и не получилось. Мои оппоненты остались при своем мнении. Надо отметить, что этот Указ вызвал немало неодобрительных суждений. По нему были в основном помилованы преступники, совершившие общеуголовные преступления, в том числе тяжкие, немало среди них было и рецидивистов.

Все это отрицательно сказалось на общественном спокойствии и порядке. Между тем многие невиновные люди продолжали сидеть в лагерях или находиться на спецпоселении. У них была статья о контрреволюционном преступлении. Несправедливость становилась все более очевидной. Хотя инициатор этого Указа Берия рассчитывал на другое...

13 ноября 1953 г., за месяц до суда над Берией, трибунал

вынес приговор. Бывшие офицеры МГБ Гоманков и Жульдиков за злоупотребление служебным положением были осуждены на длительные сроки лишения свободы.

Это — один из первых приговоров в отношении фальсификаторов, взращенных Берией после Ежова. Наказать их раньше было невозможно. Чтобы предать суду, требовалось согласие министра внутренних дел или министра госбезопасности. Последние такого согласия не давали, и фальсификаторы уходили от ответственности. Их число множилось. Арестом Берии был положен конец безнаказанности.

Самый радостный ледоход на Енисее. Я, конечно, знал, что в отдаленных районах Сибири, в местах прошлой царской ссылки находится очень много репрессированных. Им определено «вечное поселение». И вдруг 22 апреля 1954 г. получаю телеграмму из Москвы:

«Военному прокурору Западно-Сибирского военного округа
полковнику юстиции Б. А. Викторову

В связи с производством расследования по делу арестованных, бывших ответственных работников центрального аппарата НКВД Родоса и Шварцмана допросите находящуюся на спецпоселении в г. Казачинске бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ Пикину Валентину Федоровну, обратившуюся в ЦК КПСС с жалобой на неправильное осуждение ее и других товарищей из руководства комсомолом в 1938 году.

Протокол допроса незамедлительно вышлите.

Заместитель Главного военного прокурора
генерал-майор юстиции Е. Варской».

Началось... Этого и надо было ожидать. Телеграмма навеяла воспоминания о далеком прошлом, о том, как я, комсомолец 30-х, вступил в его ряды. Знал по печати секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, помнил и другие фамилии комсомольских вожаков — Лукьянова, Чемоданова, Горшенина. Называлась тогда и Пикина.

С комсомолом была связана вся моя, если можно так сказать, служебная карьера. Вспомнилось, когда на бюро райкома комсомола мне давали рекомендацию для работы в прокуратуре, я сказал:

— Что вы делаете? Какой из меня следователь, ведь я ничего не знаю?

На это секретарь Костя Симутов ответил:

— Вначале многие ничего не знают. Если хочешь оправдать рекомендацию комсомола, — научишься. Рядом с тобой будут опытные наставники.

В февральский вечер 1934 года, придя домой, я объявил, что стал народным следователем. В глазах матери появился испуг, нескрываемое недоумение выражало и лицо тетушки.

— Кто ты? — переспросила она меня.

— Народный следователь...

После некоторого размышления тетка стала сопоставлять.

— Я родилась и жила много лет до революции в Рязани. Вот там был судебный следователь. Представительный, одет в соболиную шубу, имел выезд из трех лошадей. Когда проезжал по улице, все городовые и жандармы вытягивались в струнку, а простой люд не знал, что и делать. Все удирали в подворотню. Какой же ты следователь? Кто тебя будет бояться или уважать?

Она махнула рукой и замолчала.

— Ну, то был царский следователь. А я народный.

Этой разницы ни мать, ни тетка никак не могли уяснить. Я же старался не подать виду, что и у меня на душе кошки скребут перед неведомым. Так я стал народным следователем одного из районов тогдашней Московской области — Веневского.

Во время работы народным следователем, старшим следователем, начальником следственного отдела Тульской области прокуратуры, а с начала Отечественной войны — военным следователем и военным прокурором, я имел дело только с общеуголовными преступлениями (убийства, грабежи, хулиганство, хищения и др.) и воинскими. К делам специальной подсудности (контрреволюционным) отношения не имел. Но что это за дела с 1936 года стал иметь некоторое представление. Не мог забыть и инцидент между прокурором Никифоровым и начальником райотдела НКВД Соколовым, невольным свидетелем которого мне пришлось быть.

— Я изучил ваши материалы, — говорил Никифоров. — Вы просите санкцию на арест. Оснований для ареста этих граждан не нахожу. Как же вы позволили без санкции прокурора арестовать? Я дал предписание немедленно их освободить.

, — Это же «бывшие» — один поп, два купца.

— Не понимаю вас, товарищ Соколов. Неужели вы забыли, что сказал Сталин в докладе о проекте Конституции? Могу напомнить: он выступил против лишения избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев. А сказал он вот что: «Не все «бывшие» враждебно настроены против Совет-

ской власти». И привел еще поговорку: «Волков бояться, в лес не ходить».

— Напрасно вы мне это напоминаете. Я выполняю указание.

— А я соблюдаю Конституцию. Никто не может быть арестован без санкции прокурора.

— Не дадите санкцию вы, дадут другие. А сидеть они будут. Они из тех, кто оказывает сопротивление социализму.

— В этом я не убежден.

— Зато убеждены другие.

Когда рассерженные оба — Никифоров и Соколов — расстались, я спросил у своего начальника:

— Как все это надо понимать?

— Не знаю, — ответил он. — Посмотрим, что будет дальше.

В дальнейшем произошло следующее: Дмитрия Тимофеевича Никифорова — моего прокурора и наставника вызвали в областную прокуратуру, и он больше в район не вернулся. Во время войны погиб на фронте. Хорошо, что не арестовали. Возможно спасло, что был старым большевиком. Но тогда арестовывали не только «бывших».

Знакомясь с протоколом допроса В. Ф. Пикиной от 29 апреля 1954 г., я прежде всего обратил внимание на ее анкетные данные:

«Пикина Валентина Федоровна, 1908 года рождения, уроженка Ленинграда, из семьи рабочих, в настоящее время беспартийная, с высшим образованием, закончила Комвуз, замужняя».

Ко времени ареста ей едва исполнилось тридцать. В самом расцвете жизни ее лишили счастливой женской доли и любимой работы, разлучили с восьмилетним сыном.

Протокол допроса был следующего содержания:

«Вопрос: Расскажите, кто вас допрашивал в период нахождения под следствием?

Ответ: Меня допрашивали после ареста: первым Берия, затем Кобулов. Позднее меня допрашивали Морозов — заместитель начальника следственной части, помощники Берии — Родос, Шварцман и рядовые следователи: Оршацкая, Бабич, Козлов.

Вопрос: Расскажите о методах допроса.

Ответ: На первом допросе, который вел лично Берия, он настойчиво внушал мне, зачем я, выходец из рабочей семьи, защищаю врагов народа. Услышав от меня, что не знаю, о ком

идет речь, Берия перечислил фамилии. Начав с Косарева, он назвал всех из руководства ЦК комсомола[1]. На это я ответила, что всех перечисленных товарищей знаю как честных и преданных коммунистов.

Берия продолжал настойчиво добиваться от меня показаний на Косарева как на врага народа. Я категорически отказалась это сделать и заявила, что не могу давать ложные показания.

На второй день меня допрашивал Кобулов. Он сразу же объявил, что арестованы отец, мать вместе с моим ребенком. «Вы должны спасти и их, и себя. А для этого нужно, чтобы вы дали показания на Косарева».

Я ответила, что ничего плохого сказать о Косареве не могу. Тогда Кобулов пустился в рассуждения о том, что НКВД готовит «Молодежный процесс», и на этом процессе я должна выступить с разоблачительными показаниями.

Возмутившись, я ответила: «Таких показаний вы от меня не получите».

Последовала серия непрерывных допросов, по 50—60 часов. Менялись следователи, а я все эти часы стояла и не имела права присесть, да и не на что было. Во время этих допросов я лишалась пищи и сна.

Никаких протоколов об этих допросах не составлялось, поскольку желаемых показаний я не давала.

Во время этих допросов в кабинет заходил Кобулов и неизменно спрашивал:

— Что? Не дает?.. Продолжайте.

Следователь Морозов мне объявил: «Отправим вас в Лефортовскую тюрьму. Там-то вы у нас заговорите». Вскоре меня перевели в Лефортовскую тюрьму и подсадили ко мне в камеру какую-то даму, которая назвалась Лизой Райф. В разговоре она внушала мне, что сидит за какой-то материал, обнаруженный у нее и компрометирующий Поскребышева, и что только признанием она добилась облегчения в условиях ее содержания под следствием.

И, действительно, если я была измученной, то она выглядела хорошо, курила дорогие папиросы, получала передачи. Когда же меня перевели в другую одиночную камеру, стены которой специально были обрызганы кровью, я из какого-то

[1] Так записано со слов Пикиной В. Ф. при допросе 29 апреля 1954 г., а при сличении с протоколом ее допроса в НКВД в 1938 году выяснилось, что Берия конкретно требовал от нее показаний на секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ Уткина и секретаря Ивановского обкома ВЛКСМ Адмиральского.

вмонтированного в стену репродуктора периодически слышала рассказ о том, что в Сухановской тюрьме есть электрический стул и что туда отправляют упорно сопротивляющихся. Когда все это на меня не подействовало, тогда стали бить.

Вопрос: Кто конкретно Вас избивал?

Ответ: В Лефортовской тюрьме меня избивали Кобулов, Морозов, Шварцман, Козлов и другие. Били резиновой дубинкой. Давали карандаш, били, останавливались, требовали: «Садись, пиши». Я не садилась. Продолжали бить...

В феврале 1939 года меня вызвали Морозов и Козлов и объявили: «Руководством принято решение вас расстрелять как неразоружившегося врага». Поставили к стене. Когда я стояла у стены, то сказала: «Стреляйте... Ну, что не стреляете?»

На это они ответили: «Ничего... В следующий раз расстреляем».

Показания записаны с моих слов правильно и мною лично прочитаны.

Подпись: В. Пикина.

Допросил подполковник юстиции Савичев».

Я поинтересовался у Савичева, как выглядит Валентина Федоровна, каково ее настроение.

— Мне трудно сравнивать, — сказал Савичев, — какой она была до ареста и какой стала. Несомненно, изменилась. Ведь 16 лет провела в лагере и в ссылке, вдали от родных мест, от сына. Рассказала, как она пыталась через нас, через прокуратуру, пробить брешь в стене. После осуждения отправила несколько жалоб Генеральному прокурору СССР Вышинскому. Ни одного ответа не получила. Как только умер Сталин, в тот же день написала письмо в ЦК. Хотя знала, что Берия оставался у власти, написала обо всем так же, как рассказала на этом допросе. В заключение Валентина Федоровна сказала: «Представьте себе, у меня никогда не исчезала надежда, что рано или поздно тираны за все ответят. Кажется, дожила до этого».

Все, что я узнал из прочитанного протокола допроса Валентины Федоровны Пикиной и из той информации, которую получил от своего помощника Савичева, до глубины души тронуло меня.

Ведь я был в числе тех тысяч комсомольцев, которые на проходящих тогда комсомольских собраниях единодушно выражали одобрение по поводу разоблачения пробравшихся к руководству врагов народа Косарева, Пикиной и других.

Вспомнилось, какое страшное обвинение было предъявлено

руководству ЦК комсомола: «пытались оторвать комсомол от партии». Говорилось и о том, что вожаки комсомола двурушничали, принимали решение о борьбе с проникшими в комсомол врагами народа и в то же время покровительствовали им. И только благодаря принципиальной комсомолке Мишаковой их удалось разоблачить.

Вот что означало в те времена полное неведение о действительном, отсутствие возможности защищаться от нелепых обвинений.

Слабым утешением было то, что Валентина Федоровна Пикина осталась жива и что наступает время спросить с тех, кто творил этот беспрецедентный произвол. Досада оставалась. Пока из Сибири возвращались лишь уголовники.

На июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС было принято постановление «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». Он и его соучастники в преступлениях были арестованы. Преданы гласности факты фальсификации дела на «врачей-убийц», они освобождены из-под стражи, а тысячи отправленных на вечное поселение невиновных людей продолжали оставаться в местах проживания, определенных органами НКВД. В таком положении в апреле 1954 года находилась и Валентина Федоровна Пикина. Помочь ей мы не могли. Лишь в мае 1954 года стали пересматриваться решения на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находившихся в ссылке на поселении.

Для решения вопроса о возможности освобождения из мест заключения и со спецпоселения тех лиц, в отношении которых были основания сомневаться в целесообразности их содержания и обоснованности осуждения, образовались в центре и на местах специальные комиссии, наделенные правами на досрочное освобождение из лагеря или с места ссылки. Речь шла лишь о разгрузке лагерей.

Но, освобождая осужденных и находящихся в ссылках и на поселении граждан, эти комиссии не решали вопроса о их невиновности.

Многие из освобожденных не были полностью удовлетворены, поскольку считали себя невиновными. Они настаивали на их полной реабилитации.

Что же означало это слово? В словаре современного русского литературного языка есть пояснение — под реабилитацией имеются в виду: 1) восстановление доброго имени, репутации неправильно обвиненного или опороченного

лица; 2) отмена всех правовых последствий обвинительного приговора в отношении лица, необоснованно привлеченного к судебной ответственности, вследствие признания его невиновности.

В. И. Даль в своем словаре написал так: «Реабилитировать — восстановить чистоту, незапятнанность чьей-либо репутации, опровергая ложные обвинения, порочащие слухи». Он привел выдержки из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского и «Поединка» А. И. Куприна и назвал упоминавшееся там слово «реабилитация» сокровеннейшим, с чем нельзя не согласиться. Так стало знакомым и понятным это старое слово, о реабилитации мечтали, её добивалась Валентина Федоровна Пикина и тысячи, тысячи таких же, как она, жаждавших истины и правды.

Прокурор обязан обвинять и защищать

Вам будет поручено. Начало нового 1955 года я встретил в Москве. 3 января. Пушкинская, 15а. Знакомое здание Прокуратуры СССР. Поднимаюсь по мраморной лестнице в приемную Генерального прокурора Романа Андреевича Руденко.

Что я знаю о нем? Был прокурором Украинской республики, Главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками. Его речь на этом процессе я не просто читал, а изучал. Для нас, военных юристов, речь Р. А. Руденко на Нюрнбергском процессе стала во многом поучительной...

Вскоре после ареста Берии был освобожден от должности Генеральный прокурор СССР Г. Н. Сафонов. Хотя причина этого официально не объявлялась, мы понимали: прокуратура не справилась со своими задачами.

Тогда и был назначен Р. А. Руденко.

Чем ближе я подходил к кабинету Руденко, тем острее ощущал волнение: «Зачем я вызван?»

Правда, мой непосредственный начальник, Главный военный прокурор, генерал-майор юстиции Евгений Иванович Варской успокоил: «Роман Андреевич знакомится с прокурорами округов и флотов».

Вскоре выяснилось, что причина спешного вызова оказалась иной. После нескольких общих вопросов Руденко раскрыл папку, извлек из нее документ. Я невольно взглянул на заголовок: «Приказ Генерального прокурора СССР». Роман Андреевич, улыбаясь, пояснил:

— Внесено предложение о назначении вас заместителем Главного военного прокурора. Надеюсь, вы не будете возражать.

Приказ был подписан. Я поблагодарил за оказанное мне доверие.

— Пока коротко, — сказал Руденко, — объясню вашу основную обязанность. Вам будет поручено руководство специальной группой военных прокуроров и следователей, которая займется рассмотрением жалоб и писем с просьбами о реабилитации. Просьб таких стало поступать все больше и больше. Рассматривать их надо объективно. Важно наладить личный прием посетителей. Следует добиться, чтобы мнение у народа

о военной юстиции изменилось в лучшую сторону. Пока прокуратура больше преуспела в том, чтобы как можно удачнее прикрыть свое или чужое беззаконие, погасить жалобы. Не исключено, что придется нам ставить вопрос об отмене неправосудных приговоров. Это будет с нашей стороны подкоп под фетишированную «стабильность приговоров». Мы и здесь унаследовали реакционные взгляды дореволюционных юристов. Они тоже ратовали за «стабильность приговоров». Мне недавно показали статью известного профессора-процессуалиста Владимирова. Рекомендую прочесть.

Руденко указал на лежавший на столе журнал. На обложке значилось: «Журнал гражданского и уголовного права. Санкт-Петербург. 1878». Владимиров тогда писал: «Незыблемость вступившего в законную силу приговора служит всеобщему благу, тогда как колебания приговора опасны. Пересмотр вошедших в силу приговоров перевернул бы «вверх дном всю московскую юстицию» и произвел бы «настоящую революцию в среде судившихся».

Это высказывание Владимирова Роман Андреевич объяснил так:

— Нетрудно заметить, Борис Алексеевич, как оберегал свою несправедливость, освященную судом, царизм устами этого ученого юриста в отношении хотя и невинно осужденных, но опасных для царского строя людей. Наше законодательство с первых законов о советском правосудии установило не только возможность, но и обязанность прокурорского надзора потребовать пересмотра любого приговора независимо от времени его вынесения. В законе перечислены и основания: лживость показаний свидетеля или заключения эксперта; преступные злоупотребления судей или лиц, производящих расследование; подложность вещественных доказательств.

К сожалению, эта правовая норма в последние годы у нас не работала. Случаи, когда по жалобе осужденного или его адвоката было бы назначено новое дополнительное расследование по вновь открывшимся обстоятельствам, хотя имелись прямые указания на фальсификацию обвинения, можно сосчитать по пальцам. Обычно это было не новое скрупулезное расследование, а примитивная проверка доводов, которые легко отклонялись. Все расценивалось как «клевета на органы НКВД, в которых ничего подобного быть не может». Таких фактов немало. Для восстановления честного имени не может быть никаких сроков давности. Чтобы принимать обоснованные решения, придется производить заново всестороннее

объективное расследование. В этом примут участие сотрудники КГБ. Его аппарат в основном обновился, пришли новые люди, честные и принципиальные.

— Будут попытки, — продолжал Р. А. Руденко, — поставить под сомнение правильность осуждения действительных врагов Советской власти. За всю историю их было немало. Кое-кто захочет «под шумок» реабилитировать себя, хотя и виноват. Этого мы не должны допустить.

На оккупированной территории действовали активные пособники фашистов. Они участвовали в карательных операциях. Были и такие, которые добровольно сдались в плен врагу, помогали лагерным стражникам мучить и глумиться над военнопленными. Некоторые из них ушли служить в РОА[1]. Как это ни сложно, в правильности их осуждения придется разбираться.

Наряду с пересмотром дел прошлых лет в органах КГБ возникают и будут возникать новые дела о государственных преступлениях. Еще не все скрывшиеся каратели — пособники фашистов выявлены, розыск их активизируется. Есть люди, вступающие в сотрудничество с иностранными разведками. Наш надзор за такими делами должен быть надлежащим...

Далее Роман Андреевич разъяснил, чем я должен заняться неотложно:

— Прежде всего обеспечьте подбор хороших, способных товарищей для работы в вашей группе. Сформировать ее надо как можно скорее. Проинструктируйте людей. Наладьте работу и сочетайте ее со специальной подготовкой, непрерывной учебой. Рекомендую познакомиться с делами на осужденных Ежова и его первого заместителя Фриновского. В своих показаниях они подробно рассказывали, какими были следствие, надзор прокуратуры, как рассматривались дела в суде. В деле Берии вы найдете подробности того, как этот авантюрист ловко втерся в доверие к Сталину. Для отвода от себя обвинений за расправу над создателями большевистских организаций в Закавказье он учинил расправу над «ежовцами», а сам продолжал творить произвол. В деле Вы обнаружите все эти факты, за которые его и расстреляли.

Рассказал Руденко и о только что рассмотренном в Ленинграде деле Абакумова, где он выступал на процессе:

— И сам Абакумов, и его соучастники — непосредственные

[1] РОА — русская освободительная армия, созданная немцами, под командованнем изменннка Родины генерала Власова.

исполнители провокации в отношении Алексея Александровича Кузнецова и других товарищей были вынуждены раскрыть, как готовилась и проходила эта гнуснейшая провокация. Передано на рассмотрение суда и дело самого ближайшего сподвижника Берии — Багирова с группой его подчиненных. Вы ведь Багирова знали по работе в Баку?

Я подтвердил свое знакомство с ним, поскольку как военный прокурор Бакинского гарнизона в 1946—1951 гг. не раз участвовал в заседаниях бюро ЦК КП Азербайджана, в различных совещаниях, проводимых первым секретарем ЦК Миром Дмажаровичем Багировым. Объяснялся с ним.

Если я знал его в таком качестве, то следствие выявило его как двурушника в партии и палача настоящих коммунистов.

— Познакомьтесь и с делом Рюмина, — порекомендовал Руденко, — воспитанника Абакумова, сфабриковавшего «дело врачей». Насколько авантюризм безнравствен, вы увидите из взаимоотношений, которые сложились между Абакумовым и Рюминым.

Кажется, это все, что хотел вам сказать. Желаю успехов.

Снова в бою за справедливость. Указание Генерального прокурора о сформировании специальной группы нам удалось выполнить быстро. В нее вошли в основном выпускники Военно-юридической академии последних двух лет, взятые на работу в центральный аппарат. Новички не имели практического опыта, зато все они прошли фронт. Это были преимущественно строевые командиры, политработники, которые после окончания войны решили приобрести высшее военно-юридическое образование. Среди них были два Героя Советского Союза: Борис Станиславович Нарбут и Алексей Георгиевич Торопкин. Командир саперной роты Нарбут обеспечил в июне 1944 года под непрерывным огнем противника 1010 рейсов через Днепр, захват и удержание плацдарма на правом берегу реки. Командир батальона капитан Торопкин штурмовал Сапун-гору.

Остальные имели по несколько наград и знаков воинского отличия. Не скрою, меня интересовал вопрос: что их побудило стать военными юристами?

Ответы всех сводились к одному: юстиция в переводе с латыни — справедливость. Фронт научил их бороться за справедливость, и они хотели продолжить это нелегкое, но благородное дело.

Ответы радовали.

На первом оперативном совещании группы я ознакомил

собравшихся с обязанностями, которые предстояло выполнять. Посыпались вопросы.

— Есть ли решение о массовом пересмотре дел прошлых лет?

— Специального пока нет. Вы сами видите: идут просьбы без всякого решения. Их надо рассматривать как следует, а не отвечать по шаблону: «Оснований к пересмотру нет».

— Как быть с теми, кто был в плену? Многие утверждают, что попали туда ранеными, а осуждены за измену Родине!

— Вопрос не простой. Ранения разные. Обстановка тоже. Проверять надо. Как решать? Посмотрим, посоветуемся.

— Ко мне поступила жалоба. Ее автор признает, что служил в РОА. Надо ли заниматься такими делами?

— Признает... А чем же недоволен?

— Пишет, что вел патриотическую деятельность, склонял товарищей к переходу на сторону Советской Армии, что к партизанам перешла вся их бригада. Им объявили, что Сталин их амнистировал. А этому не верят.

— Надо проверять.

— Как быть с теми, кого осудили за хранение фашистских листовок? Судили-то напрасно — листовки брали на курево.

— Вот вы сами и ответили.

На докладе у Генерального прокурора я доложил обо всем этом.

— Поведение ваших товарищей объяснимо, — заключил Роман Андреевич, — им нелегко сразу воспринять все то, что вы им сообщили. Просят сослаться на решение о пересмотре дел прошлых лет? Что же, так привыкли. Не верят на слово? В академии так учили. Всем нам придется столкнуться с тем, что оценки некоторых событий и их участников, казавшиеся неизменными, нужно будет пересмотреть. Сделать это надо во имя истины, справедливости и правды истории. А решения будут. Они готовятся...

19 января 1955 г. было опубликовано постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности и усилению прокурорского надзора». Подобных постановлений, обращающих внимание всей партии, всех государственных органов и общественных организаций на проблемы укрепления законности, ЦК КПСС не принимал 30 лет. Руководствуясь этим постановлением, прокуратура должна обеспечить неослабный надзор за строжайшим соблюдением законов при ведении следствия в органах государственной безопасности как в центре, так и на местах, подбирая

на работу по осуществлению этого надзора политически проверенных и высококвалифицированных прокуроров; добиться активного участия прокуроров в разоблачении врагов Советского государства — шпионов, диверсантов и других государственных преступников.

В целях повышения роли прокуратуры в обеспечении социалистической законности Верховному Совету страны рекомендовалось принять Положение о прокурорском надзоре в СССР, которое явилось бы общесоюзным законом.

Все зто вызывало у нас, прокуроров, и чувство глубокого удовлетворения, и понимания все возрастающей ответственности за устранение недостатков в работе, за повышение зффективности прокурорского надзора.

Законность пробивает дорогу. Наша работа приобретала размах. В июне 1955 года в Москве было созвано Всесоюзное совещание руководящих прокурорских работников. В числе военных прокуроров присутствовал и я. Основным вопросом совещания было обсуждение доклада Генерального прокурора Союза ССР Р. А. Руденко «О задачах органов прокуратуры по выполнению постановления ЦК КПСС от 19 января 1955 г. «О мерах по дальнейшему укреплению прокурорского надзора».

На заключительное заседание прибыли Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин и К. Е. Ворошилов. Без преувеличения скажу — зто было воспринято, как сенсация. Такого внимания со стороны руководителей партии и государства прокуроры не удостаивались почти четверть века. Лишь в 1932 году на торжественном собрании по случаю 10-летнего юбилея прокуратуры присутствовал Михаил Иванович Калинин и выступил с речью. Она была настолько объективной, поучительной и одобряющей, что прокуроры запомнили ее на всю жизнь.

Сталин же перед прокурорами никогда не выступал и ни в какие юбилеи приветствий не присылал.

Он делал зто только в адрес бойцов Первой конной армии и сотрудников ВЧК — ОГПУ.

После наших восторженных приветствий Никита Сергеевич Хрущев попросил слово. Это была не речь, а скорее беседа. Он обратился к собравшимся с такими словами:

«Мы пришли к вам не для того, чтобы упрекать, что при вашем попустительстве в НКВД творился произвол... Мы пришли засвидетельствовать свое почтение и уважение к вам».

Нетрудно представить, как реагировали участники совещания на эти слова руководителя нашей партии.

Чтобы лучше понять ту резко изменившуюся обстановку в стране, в которой нам, военным коммунистам, приходилось работать, приведу такие высказывания Н. С. Хрущева: «Берия и его банда создали систему — сами арестовывали и сами судили. Вы тоже виноваты, но мы принимаем во внимание, в какое положение вы были поставлены...

Руденко рассказывал, как удивился Абакумов, когда его в тюрьме посетил прокурор и поинтересовался, нет ли у него каких-либо жалоб. Казалось бы, нормальное положение — посещение тюрьмы прокурором, но подобного во времена Берии и Абакумова не было, это было исключено. Теперь больше удивляться не будут».

Обратил внимание Хрущев и на то, что отношения прокурор должен строить не на личных связях, а на законе. Прокурор обязан быть строгим законником и неумолимым государственным человеком.

«Либеральный подход у нас проистекает из наших партийных и человеческих качеств. Сейчас готовится амнистия для тех осужденных советских граждан, которые по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами. Мы считаем это справедливым и гуманным. Нельзя не учитывать создавшуюся обстановку во время войны и коварство врага.

В государстве должен быть порядок. Нельзя притуплять и бдительности. Мы окружены врагами, есть и преступники, которых надо перевоспитывать, а не просто использовать как рабочую силу, как делал Берия.

Хочу напомнить, ошибка прокурора очень дорого обходится. Нужны прилежание и внимание в работе».

Эта встреча с руководителями партии и государства вселила в нас уверенность в необходимости и важности порученной работы, масштабы которой расширялись с каждым днем. Заниматься приходилось делами все более сложными как по содержанию, так и по принятию решений.

Прямое отношение к более успешному выполнению нашей группой работы по пересмотру дел прошлых лет имел вышедший 17 сентября 1955 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг»[1].

[1] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17.

В преамбуле Указа говорилось, что после победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ добился новых больших успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Учитывая это, а также прекращение состояния войны между Советским Союзом и Германией и руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР счел возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период войны по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами. Согласно Указу, лица, сотрудничавшие с оккупантами, осужденные за измену Родине и шпионаж в период Великой Отечественной войны на срок до десяти лет лишения свободы включительно, освобождались из мест лишения свободы, а осужденным на срок свыше десяти лет наказание сокращалось наполовину. Лица, осужденные за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, освобождались из мест заключения независимо от срока наказания. Все следственные дела и дела, не рассмотренные судами, подлежали прекращению.

Этим Указом снималась судимость с граждан, освобожденных от наказания. Освобождались от ответственности за эти же преступления советские граждане, совершившие контрреволюционные преступления в период Отечественной войны и оказавшиеся за границей, если они искупили вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

Мы к этому времени имели в своем «портфеле» много жалоб. Содержание некоторых хочу привести.

«Я честно воевал, — писал один из осужденных, — и не моя вина, что попал в плен. Таких, как я, в безвыходном положении, фашисты захватили тысячи. Невозможно передать пережитое в плену.

Какие-то «добровольцы» ходили по лагерям военнопленных и записывали в РОА. Служить в РОА не хотел и не служил, а в их списках остался. Вернулся из плена домой — из фашистского лагеря попал в свой. За что?.. Уполномоченному «Смерш» надо было показать свою работу?.. Какой я враг? Какой изменник? Разберитесь. Снимите с меня пятно предателя».

Были жалобы и другого рода:

«Из плена бежать не удалось. Находясь в лагере, избирался или назначался старостой, бригадиром, а кто

знал немецкий язык, — привлекался в качестве переводчика».

Некоторые признавались в своих жалобах, что, выполняя так называемые административные обязанности, допускали рукоприкладство в отношении товарищей по плену, но делали это исключительно в отношении нарушителей дисциплины и правил общежития. Подобные меры, по их утверждению, находили одобрение со стороны всех военнопленных, живущих в бараке. Изменниками Родины себя не считают и просят снять с них это позорное клеймо.

Из других жалоб мы узнавали о подвигах.

Летчик-офицер Михаил Гаврилович Мартыщенко с первых дней войны воевал в Балтийском небе. О том, как воевал, мы узнали из фронтовой газеты-листовки, приложенной к жалобе. Фронтовой корреспондент писал: «Офицер Мартыщенко — его имя служит символом бесстрашия и самопожертвования во имя Родины, человек железной воли и недюжинного мужества, суровый боец и большой жизнелюб, весельчак и балагур. Один из тех, кого называют «Балтийские соколы».

В жалобе М. Г. Мартыщенко написал следующее:

«25 июля 1941 г., измученный бессонницей, шестой раз за день сел в самолет и повел группу «мигов» на задание. Когда возвращались, слева из-за облаков вынырнули «юнкерсы». Принял решение атаковать их. Один бомбардировщик задымил, другой стал уходить. Вдруг перед глазами задрожали и расплылись приборы. По лицу потекла кровь. Почувствовал острую боль в ноге. Понял, это — осколки зенитного снаряда. А «юнкерс» уходил со своим смертельным грузом, чтобы снова бомбить наши города. Выход один — таранить немедленно. Бомбардировщик взорвался, но и мой самолет камнем стал падать вниз, мотор заглох. У самой земли выровнял самолет, увидел зеленое картофельное поле. Посадил самолет на «брюхо». Хотел выбраться из горящей машины, но не смог. Немцы тотчас открыли по самолету шквальный минометный огонь. Меня не убили, но пламя сбили. Затем случилось самое страшное в моей жизни...

Что такое плен — описывать подробно не буду. Ограничусь одной достоверной фразой: «Кто в плену не был — тот горя не знает».

Долго готовились бежать, все не удавалось, спустя некоторое время побег закончился успешно. Вышел к своим

и снова стал летать. Но пришел вызов в Москву за новым назначением.

Новым назначением оказались тюрьма и обвинение в чудовищном преступлении — измена Родине.

Состоялся скорый суд, и я снова оказался в лагере, но теперь в «нашенском».

Окончательно добила жена. В ответ на письмо получил шесть разящих слов:

«Женой изменника Родины быть не хочу».

«Изменник Родины» — какие это мучительно тяжкие слова для ни в чем не повинного человека. Но на Советскую власть я не в обиде. Убежден — не она, не моя родная партия совершили эту несправедливость».

М. Г. Мартыщенко после нашей проверки был полностью реабилитирован.

В дальнейшем расскажу о других патриотических поступках наших воинов в фашистском плену, о настоящих героях, чьи имена были длительное время преданы забвению, пока не восторжествовала справедливость и не были отброшены необоснованные подозрительность и предвзятость по отношению ко всем, кто попал в плен или оказался на оккупированной территории.

Вытекающее из приведенного Указа признание на государственном уровне того факта, что иногда в сотрудничестве с оккупантами некоторые наши люди вступали из-за малодушия и несознательности и что в плену совершались подвиги, было определенным ориентиром для нашего правильного суждения и подхода к принятию решений по подобного рода жалобам и делам.

Разоблачение культа Сталина. 14—25 февраля 1956 г. состоялся XX съезд КПСС.
По инициативе Романа Андреевича Руденко я оказался в числе приглашенных на съезд. Это было глубоко впечатляющее, незабываемое событие в моей жизни. Я впервые оказался на территории Кремля, в Большом Свердловском зале. Имел возможность полюбоваться великолепием исторических палат и соборов. Кремль для всенародного посещения еще не был открыт... В конце работы съезда выступил Никита Сергеевич Хрущев. Его доклад о злоупотреблениях Сталина произвел большое впечатление. Еще свежа была в памяти всенародная скорбь. Прощаясь со Сталиным, многие искренне плакали. Все хорошо знали, помнили лозунг: «За Родину, за Сталина». С этими словами

шли в бой и погибали. С его именем связывали все предшествующие достижения — Турксиб, Днепрогэс, Магнитка, коллективизация и др. Что произошло в 1936—1937 годы и почему, многие не могли объяснить. Слышали: были в НКВД изверги Ежов и Берия, но им ничего не простили, покарали. О какой-либо конкретной виновности во всем этом самого Сталина никто открыто не говорил.

Впервые от Никиты Сергеевича Хрущева мы услышали о фактах личных злоупотреблений Сталина — один страшнее другого. В своем блокноте я сделал тогда пометки, которые сохранились.

Оказывается, еще до съезда Президиум ЦК КПСС образовал комиссию под председательством П. Н. Поспелова для расследования причастности Сталина к тому произволу, который творился в НКВД, а теперь поручено огласить некоторые результаты работы этой комиссии.

Еще до съезда Военной коллегией Верховного Суда СССР реабилитировано посмертно 7679 человек (в их числе значатся и реабилитированные по предложению нашей группы).

Среди реабилитированных — люди невиновные. Н. С. Хрущев сослался на заявление Генерального прокурора Р. А. Руденко о том, что «с точки зрения юридических норм не было никаких доказательств не только для ареста, но и для суда над этими людьми. Все обвинение было построено на их собственных признаниях, вырванных у них путем применения психологических и физических пыток».

Так погибли кандидат в члены Политбюро Р. Эйхе, которому следователь перебил позвоночник, председатель контрольной комиссии ЦК Рудзутак после мучительных пыток.

Никита Сергеевич зачитал предсмертную записку командарма Якира, адресованную Сталину, и письмо бывшего члена Коллегии ВЧК М. Кедрова, раскрывающие преступные действия Берии и покровительство его со стороны Сталина.

В выступлении Н. С. Хрущева прозвучал намек на то, что злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова было организовано сотрудниками НКВД с одобрения Сталина, что в этом еще надо разобраться ЦК.

XX съезд Коммунистической партии полностью одобрил решительные меры, принятые ЦК КПСС по пресечению

преступной заговорщической деятельности опасного врага партии и народа Берии и его банды.

Съезд рассмотрел вопрос о культе личности И. В. Сталина и принял соответствующее решение.

Съезд отметил, что Центральный Комитет правильно и своевременно выступил против культа личности, распространение которого умаляло роль партии и народных масс, принижало роль коллективного руководства в партии и нередко приводило к серьезным упущениям в работе, к грубым нарушениям социалистической законности.

Нарушения законности стали особенно значительны и получили массовое распространение, когда контроль над органами государственной безопасности «со стороны партии и правительства был постепенно подменен личным контролем Сталина, а обычное отправление норм правосудия нередко подменялось его единоличными решениями». Положение еще больше осложнилось, когда во главе органов государственной безопасности оказалась преступная банда Берии. В результате происков врагов были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди.

Съезд поручил Центральному Комитету последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных Лениным.

Принятое съездом по докладу Н. С. Хрущева постановление «О культе личности и его последствиях» отличалось сжатостью изложения. Понять что-либо из него коммунистам было трудно. Сам доклад так и не был опубликован. Поэтому моя информация о выступлении Н. С. Хрущева на съезде была воспринята коммунистами нашего коллектива с известной долей сомнения. Необычными казались обвинения в адрес Сталина для коммунистов, недавних фронтовиков, прошагавших с именем главнокомандующего-генералиссимуса почти от самой Москвы до Берлина. Но в то же время была и уверенность, что поднятый на XX съезде вопрос о личной ответственности Сталина за произведенные репрессии без должного разъяснения не останется.

Через полгода, 30 июня 1956 г., вышло подробное поста-

новление ЦК КПСС «О культе личности и его последствиях».

Скажу откровенно: я с облегчением вздохнул. Теперь мои товарищи-коммунисты могли убедиться, насколько правдивой была моя информация о Сталине...

На практике ошибочная формула Сталина о том, что по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться, послужила основанием грубейших нарушений социалистической законности и массовых репрессий... Факты говорят о том, что Сталин повинен во многих беззакониях.

Исходя из решений XX съезда партии, Центральный Комитет КПСС призывал все партийные организации: «до конца исправить нарушения революционной, социалистической законности»[1]. Требование это непосредственно адресовалось и нам — военным юристам, занимавшимся пересмотром дел.

Мы стали свидетелями того, как Центральный Комитет КПСС и местные партийные органы решительно очищали органы госбезопасности от лиц, скомпрометировавших себя в прошлом, от нарушителей законности, карьеристов и заведомо непригодных работников. Фальсификаторы дел были не только уволены из органов госбезопасности, но и привлечены к уголовной ответственности, сурово наказаны. Эта ответственная работа проводилась при активном участии партийных организаций органов госбезопасности и при поддержке чекистов — честных и преданных Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет КПСС и местные партийные органы начали проводить работу по укреплению новыми кадрами органов государственной безопасности, прокуратуры и судебных учреждений. Восстанавливался прокурорский надзор за законностью, в частности по делам об особо опасных государственных преступлениях.

В этих же целях было установлено: направлять в ссылку только по приговорам судов; отбывших сроки наказания литовских, латвийских и эстонских националистов, семьи которых по специальным постановлениям находились на поселении, направить к семьям; всех остальных лиц, находившихся в ссылке на поселении, от дальнейшего нахождения в ссылке освободить.

В июле 1956 года была изменена подсудность дел о государственных преступлениях и отменен установленный в 1934—

[1] Правда. 1956. 1 июля.

1937 года исключительный порядок расследования и рассмотрения дел о некоторых особо опасных государственых преступлениях, позволявший рассматривать дела без адвоката, не допускавший кассационного обжалования приговора и вводивший другие недопустимые упрощения в расследование и рассмотрение дел.

Все дела об этих преступлениях, совершенных гражданскими лицами, кроме дел о шпионаже, изъяты из подсудности военных трибуналов и переданы общим судам.

Существовавшие специальные суды — военные трибуналы ОГПУ — НКВД, МВД, лагерные, транспортные — были упразднены.

При пересмотре дел работники органов суда, прокуратуры и государственной безопасности руководствовались указанием директивных органов от 19 декабря 1956 г. ЦК КПСС, в котором, в частности, содержалось и такое важное предостережение:

«Решительно разоблачая перед народом враждебную сущность вылазок антисоветских элементов, пресекая их зловредную деятельность, партийные организации в то же время должны учитывать, что часть советских людей иногда в силу недостаточной политической зрелости неправильно оценивает происходящие события и попадает под влияние чуждой пропаганды. *Таких людей нельзя сваливать в одну кучу с враждебными элементами*» (курсив мой. — *Б. В.*).

Подводя первые итоги нашей работы на одном из оперативных совещаний, я сообщил, что Генеральный прокурор Роман Андреевич Руденко просил напомнить о всей важности порученного нам дела. Выполняя известные решения XX съезда КПСС, постановление ЦК КПСС «О культе личности и его последствиях», мы проделали определенную работу, нашедшую одобрение. Но надо помнить, что эта работа еще не закончена, — так велики масштабы репрессий.

Внутренняя контрреволюция и ВЧК

С каждым днем поток поступавших в Главную военную прокуратуру жалоб и прошений о пересмотре дел все возрастал. Увеличивалось и число посетителей. Укоренившееся убеждение о бесполезности обращения к нам исчезало. Вывеска оставалась прежней, но состав работников в нашем аппарате полностью изменился. Ни одна жалоба в новой обстановке не отправлялась в архив, по каждой следовало глубокое изучение дела и проверка выдвинутых аргументов. Оставить без внимания эти просьбы мы не могли.

Среди многочисленных прошений о проверке дел появлялись и такие: сомневались в правильности репрессирования тех, кто был арестован в 1936—1938 годы, и раньше, в период гражданской войны и военного коммунизма.

Родственники, друзья репрессированных, писатели и журналисты (о встречах с некоторыми я еще расскажу) толкали нас в самые дебри архивов, и мы упорно искали и извлекали давно забытые или незнакомые нам дела и имена.

Запомнилось такое письмо. «В газете «Известия» за 1918 год было опубликовано сообщение ВЧК о результатах следствия по делу контрреволюционного заговора Локкарта. В этом заговоре участвовали якобы сам английский посланник Локкарт, французский генеральный консул Гренар, лейтенант английской службы Сидней Рейли и американский генеральный консул Коломатиано и т. д. Но Локкарт опубликовал в Англии свои мемуары, где он отрицал какую-либо свою враждебную деятельность против Советской России и обвинял ВЧК в искусственном создании дела о заговоре».

В другом письме речь шла о Марии Спиридоновой. Ее называли убежденной революционеркой, боровшейся с царизмом. О ней положительно отзывался В. И. Ленин. Являясь лидером партии левых эсеров, она участия в организации провокационного убийства германского посла Мирбаха не принимала.

В письме, ссылаясь на приговор Верховного революционного трибунала в отношении Спиридоновой М. А., автор утверждал, что она, лишенная возможности заниматься политической деятельностью, на какой-то срок была выпущена на свободу и вновь незаконно арестована и расстреляна... Непонятно, как могло это случиться?

Оказались и такие «доброжелатели».

«Имейте в виду, — писал один из них, — ВЧК пользовалась услугами провокаторов. Был такой гр-н Павлов, который посылал в ВЧК клеветнические доносы, а она арестовывала невиновных людей и расстреливала...»

А другой предостерегал:

«Будьте бдительны. Кое-кто под шумок попытается себя реабилитировать, хотя они самые настоящие враги».

Прежде чем отвечать на приведенные и другие подобного рода прошения о реабилитации репрессированных в период гражданской войны, нам предстояло углубить или приобрести дополнительно новые познания о том, как осуществлялась в те годы борьба с контрреволюционными преступлениями. Не обошлось и без того, чтобы познакомиться и с хранящимися в спецархивах неопубликованными документами.

Так состоялось наше прикосновение к истории.

Еще в 1910 году В. И. Ленин писал: «Социалистический пролетариат ни на минуту на забудет, что ему предстоит и предстоит неизбежно революционная массовая борьба[1]».

На смену свергнутому ненавистному царизму должен прийти новый социалистический строй. Должны были быть осуществлены вековечные чаяния трудового народа: всеобщий мир, земля — крестьянам. Но не так-то просто все это было осуществить. Возникшее в России в феврале 1917 года Временное правительство оказалось антинародным. После его свержения была установлена диктатура революционного пролетариата в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 25 октября 1917 г. в 2 часа 10 мин. член Военно-революционного комитета Антонов-Овсеенко А. А. с группой революционных матросов Балтики арестовал членов Временного правительства.

II Всероссийский съезд Советов, состоявшийся 26 октября 1917 г., принял постановление:

«Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и другие арестованы революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается всем армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление»[2].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 176.
[2] Известия. 1917. 27 окт.

28 ноября 1917 г. был принят декрет Совнаркома об аресте вождей гражданской войны против революции. В нем говорилось: члены руководящих белогвардейских партий, кадетов, партий врагов народа подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской группой в гражданской войне против революции.

Декрет вступает в силу с момента его подписания[1].

Меры, предпринятые этим съездом, вполне объяснимы, ибо оставление на свободе этих видных членов Временного правительства представляло реальную угрозу для пролетарской революции.

Среди арестованных бывших министров фигурировала и фамилия того самого Малянтовича, о реабилитации которого нас просили. Мы занялись выяснением его судьбы после состоявшегося ареста. Об этом расскажем...

Не меньшую угрозу революции представляли и некоторые деятели из числа меньшевиков, что вынуждало Советское правительство выдать ордер на их арест.

В нем говорилось: «Церетели И. Г., Чернов В. М., Дан Ф. И., Брамсон Л. Б., Скобелев М. С., Гоц А. Р., Розанов В. Н., Бинасик М., Венгеров Г., Ивановский В. В., Гамбаров Н. П., Герман-Каменский В. предаются суду революционного трибунала за выступление с провокационной целью клеветнической газеты «Революционный набат» № 4 от 2 декабря, заведомо ложно приписывающей Советской власти продажу России Вильгельму, освобождение Николая Романова и т. д.

Во избежание уклонения их от революционного суда и для прекращения их контрреволюционной деятельности — подлежат задержанию.

Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: И. Сталин, Н. Авилов (Глебов Н.), В. Менжинский, Г. Петровский.

За управляющего делами СНК Ф. Дзержинский

Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов 4 декабря 1917 г.»[2].

В ордере сказано, чем мотивировано задержание этих лиц.

Но этих и некоторых других мер изоляции противников

[1] См.: СУ РСФСР. 1917. № 5. С. 70.
[2] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 549.

революции и Советской власти оказалось недостаточно. В Петрограде, в других городах стали возникать вооруженные восстания.

«Известия» от 30 октября 1917 г. сообщали:

«25-го, в начале революции, только часть юнкеров была обезоружена и отпущена под честное слово. Большинство осталось даже неразоруженными.

И вот вчера, 29-го с утра, юнкера начали восстание, обезоруживая прохожих, арестовывая членов социалистических организаций, расстреливая прохожих из пулеметов...

Юнкерам предложили сдаться и выдать оружие, гарантируя безопасность. Юнкера ответили отказом и продолжали стрельбу...

Пришлось прибегнуть к обстрелу из орудий, после чего четыре юнкерских училища были заняты, причем одно было совершенно разрушено во время боя.

Предприняты меры к обезвреживанию других очагов контрреволюции, проявляющих агрессивные действия»[1].

Восстание юнкеров было подавлено. Однако в ноябре 1917 года на Дону и Урале царские генералы Каледин, Корнилов и Дутов подняли новое восстание против Советской власти, стали громить Советы, арестовывать и расстреливать борцов за упрочение Советской власти.

Совет Народных Комиссаров принял в связи с этим тревожным событием «Обращение к населению» следующего содержания:

«1) Все области на Урале, Дону и в других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на осадном положении.

2) Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3) Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4) Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны мятежного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5) Вожди заговора объявляются вне закона.

6) Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго

[1] Известия ЦИК. № 211. 1917. 30 окт.

калединых, корниловых и дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти.

Совет Народных Комиссаров»[1].

Восстания продолжались и в 1918—1920 годах...

Подавление открытых вооруженных восстаний не только не сократило число контрреволюционных преступлений, но и увеличило.

6 декабря 1917 г. В. И. Ленин обратился с запиской к Ф. Э. Дзержинскому. Вот ее преамбула:

«К сегодняшнему Вашему докладу о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.

Нельзя ли двинуть подобный декрет: «О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками».

Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящей голодом миллионам людей...

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»[2].

7(20) декабря 1917 г. на заседании Совета Народных Комиссаров был заслушан доклад Ф. Э. Дзержинского и принято постановление:

«Назвать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее». Определены задачи:

«1. Преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили.

2. Предание суду Верховного революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними.

[1] СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 53.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 156.

3. Комиссия ведет только предварительные расследования, поскольку это нужно для пресечения»[1].

Вскоре обстановка в стране еще более осложнилась. Это видно из составленного в 2 часа 21 февраля 1918 г. воззвания СНК «К трудящемуся населению всей России по поводу наступления Германии». В нем говорилось:

«Рабочие, солдаты, крестьяне!

Советская власть поставлена народом под знаменем борьбы за мир. Мы, Совет Народных Комиссаров, обратились с предложением общих мирных переговоров ко всем воюющим странам. Союзные правительства отвергли наше предложение и поддержали против нас Духонина, Каледина, Алексеева, Киевскую раду и румынское правительство, стремясь сорвать нашу борьбу за мир. Германское и австрийское правительства вступили в переговоры. Но мир, который они нам предложили, оказался построенным на захвате и насилии. Рабочий класс Германии и Австрии, пробужденный русской революцией, еще не сумел справиться со своими империалистами...

Совет Народных Комиссаров сделал новую попытку приостановить наступление солдат Гогенцоллерна, выразив согласие подписать предъявленные нам условия мира...

Но в то же время мы считаем необходимым предупредить вас, рабочие, крестьяне и солдаты, что германские империалисты могут не остановиться ни перед чем в своем стремлении сломать Советскую власть, отнять землю у крестьян, восстановить власть помещиков, банкиров и монархии...

Совет Народных Комиссаров призывает все местные Советы и армейские организации приложить все силы к воссозданию армии. Все развращенные элементы, хулиганы, мародеры, трусы должны быть беспощадно изгнаны из рядов армии, а при попытке сопротивления должны быть стерты с лица земли...

Рабочие, крестьяне, солдаты! Пусть знают наши враги — извне и внутри — что завоевания революции мы готовы отстоять до последней капли крови.

Совет Народных Комиссаров»[2]

В тот же день Совнарком издал декрет «Социалистическое отечество в опасности», который определил правовое положение ВЧК и ее местных органов. До 21 февраля права ВЧК

[1] ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Лд. 31 об.
[2] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 492—494.

были ограничены. Она вела только предварительное следствие, поскольку это было необходимо для пресечения преступлений. Все законченные производством дела направлялись в Военно-революционный трибунал для определения меры наказания. Теперь же пункт 8 декрета позволял расстреливать на месте преступления «неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов». 22 февраля 1918 г. ВЧК объявила об этом ее праве всему населению[1].

В записке от 9 августа 1918 г., адресованной в Нижегородский Совдеп, Ленин писал: «т. Федоров! В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления. Надо действовать вовсю. Массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных. Смена охраны при складах, поставить надежных»[2].

В другом документе — телеграмме А. К. Пайкесу в Саратов 22 августа 1918 г. В. И. Ленин рекомендовал «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»[3]. Так же требовал В. И. Ленин поступать с преступниками, угрожающими делу снабжения армии. Вот выдержка из его письма члену Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта:

«Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили»[4].

Ленинские телеграммы и записки с требованиями чрезвычайных мер были ориентирующими для руководства ВЧК. Наряду с расстрелами на месте преступления коллегия ВЧК под председательством Ф. Э. Дзержинского вынесла довольно много решений о расстреле очевидных врагов революции. Среди них была эсерка Фанни Каплан, совершившая 30 августа 1918 г. злодейское покушение на В. И. Ленина; террорист, бывший юнкер Виктор Каннегисер, убивший председателя Петроградской ЧК Урицкого М. С. и другие.

Отвечая на обвинения в «жестокости» большевиков, В. И. Ле-

[1] Известия ВЦИК. 1918. 23(10) февр. № 32 (296).
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 286.
[3] Ленинский сборник. XVIII. С. 189.
[4] Ленинский сборник. XXXIV. С. 65.

нин заявил в своей речи 22 октября 1918 г.: «Всякая революция тогда чего-нибудь стоит, если умеет защищаться».

В то же время руководитель первого в мире государства трудящихся понимал острую необходимость утверждения законности. 18 ноября 1918 г. по инициативе В. И. Ленина, о чем свидетельствует ленинский «Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов», датированный 2 ноября 1918 г., VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов принял постановление «О точном соблюдении законов». Насколько важным было это постановление, видно из его текста:

«За год революционной борьбы рабочий класс России выработал Основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России.

С другой стороны, непрекращающиеся попытки контрреволюционных заговоров и война, навязанная империалистами рабочим и крестьянам России, делают в некоторых случаях неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него.

Исходя из этого, VI Всероссийский чрезвычайный съезд постановил:

1. Призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений.

2. Впредь установить, что меры, отступающие от законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией. В каждом данном случае применение подобных мер должно сопровождаться». Далее приводилось содержание этих мер[1].

Диктатура пролетариата допускает возможность отступления от законов. Та самая диктатура, которая означает, по определению марксистов, Ленина, «неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть»[2].

Но насилие, подавление осуществляет большинство общест-

[1] СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 908.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 288.

ва — весь трудовой народ в отношении явного меньшинства, а конкретно в отношении тех, кто оказывает сопротивление революционным преобразованиям, подрывает основы Советской власти, нарушает революционный правопорядок.

В этом раскрывается демократический характер диктатуры пролетариата, ее созидательное призвание, направленность на обеспечение реальной свободы и подлинного блага для трудового человека.

ВЧК и была таким надежным и верным органом диктатуры пролетариата, осуществляющим свою деятельность в интересах трудящихся. Поэтому Владимир Ильич Ленин не раз давал отповедь всем тем, кто выступал с нападками на ВЧК, разъяснял, убеждал в необходимости ее существования.

В одном из своих выступлений Владимир Ильич, обращаясь к господам-капиталистам, российским и иностранным, сказал: «Мы знаем, что Вам этого учреждения не полюбить... У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно»[1].

Как соблюдались ленинские принципы в расследовании конкретных дел о контрреволюционных преступлениях? Вернемся к тем письмам, в которых выражались сомнения по поводу выдвинутых ВЧК обвинений в адрес дипломатических представителей ряда капиталистических государств, готовивших в 1918 году заговор против Советской власти. В истории он получил название «Заговор трех послов» — имелись в виду главы дипломатических представительств Великобритании (Р. Локкарт), Франции (Ж. Нуланс), США (Д. Фрэнсис) и соучастники — русские контрреволюционеры.

Это дело было нами изучено, с привлечением дополнительных архивных материалов. Расскажем, как раскрывался заговор.

Когда в начале 1918 года в ВЧК поступили первые сигналы о шпионской и заговорщической деятельности иностранных дипломатов, Ф. Э. Дзержинский пригласил к себе чекистов Буйкиса и Спрогиса[2] и поручил им проникнуть в контрреволюционную среду, чтобы узнать, кто держит в своих руках нити заговора и материально поддерживает заговорщиков.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 327—328.

[2] Я. Я. Буйкис, 1895 года рождения, член КПСС с июля 1917 года. В марте 1918 года направлен на службу в ВЧК. С 1956 года пенсионер. Я. Я. Спрогис — чекист, погиб на фронте.

В таких действиях ВЧК нет ничего противозаконного. Негласная проверка служит средством исследования достоверности поступивших сведений и способствует проведению мер по своевременному пресечению намеченных преступлений. Выполняя указание Председателя ВЧК, Буйкис выехал в Петроград, где под видом бывшего царского офицера Шмидхена сумел войти в доверие к контрреволюционерам, а те представили его как «надежного человека» английскому военно-морскому атташе Кроми, а затем и нелегально пробравшемуся в Россию агенту английской разведки Сиднею Рейли.

Узнав, что у «Шмидхена» есть связи среди командиров латышских стрелков, Кроми и Рейли стали настойчиво требовать от него выехать в Москву, встретиться с английским дипломатом Локкартом и вручить ему письмо конспиративного содержания. До вручения этого письма Локкарту его содержание стало известно Ф. Э. Дзержинскому.

Локкарт поручил «Шмидхену» найти предателя среди командиров латышских стрелков, что он и сделал. В роли «предателя» выступил командир 1-го дивизиона латышской стрелковой бригады Э. П. Берзин. С согласия заместителя председателя ВЧК Петерса Берзин вступил в организацию заговорщиков и стал знать в основном их планы. Они сводились к следующему: два латышских полка должны были движением на Вологду способствовать захвату союзниками Северной области. Одновременно оставшиеся в Москве латышские части должны были арестовать пленарное заседание ВЦИК вместе с Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным.

За содействие перевороту Локкарт и французский генеральный консул Гренар обещали Берзину до 5 млн. руб. и выдали ему 1 млн. 200 тыс. на организацию восстания, деньги Берзин сдал в ВЧК, и они служили одним из вещественных доказательств деятельности дипломатов-заговорщиков.

Дело пополнилось не только этим вещественным доказательством. При обысках были обнаружены письмо французского гр-на Рене Маршана к президенту Французской Республики Пуанкаре с предупреждением о последствиях готовящегося заговора, а также письменные донесения шпионов, шифр и ключи к расшифровке их, извлечение из трости американского генерального консула Коломатиано. У ряда арестованных заговорщиков обнаружили крупные суммы денег, предназначенные, по их объяснению, для уплаты вознаграждений участникам предполагаемого восстания.

По делу арестовали целую группу заговорщиков, в том числе несколько иностранных граждан.

Локкарт и арестованные дипломаты были по решению Советского правительства обменены на арестованных в Лондоне М. М. Литвинова и других большевиков.

Остальные заговорщики были преданы суду. Дело рассмотрел в конце ноября 1918 года Верховный трибунал ВЦИК. Мы обратили внимание на то, что к участию в судебных заседаниях была допущена защита. Подсудимых защищали 14 адвокатов и среди них известный Плевако.

По ходатайству защиты Трибунал предоставил возможность обвиняемым, не владеющим русским языком, ознакомиться с материалами дела на своем родном языке. На том же языке было вручено им и обвинительное заключение Коллегии ВЧК. В итоге всестороннего исследования всех обстоятельств дела, выслушивания подробных объяснений подсудимых и мнений защитников Трибунал признал всех подсудимых виновными и назначил каждому наказание. Локкарт и Рейли были осуждены заочно к смертной казни.

Наряду с материалами судебного дела нам представилась возможность познакомиться с мемуарами Роберта Локкарта, изданными в 1932 году в Лондоне под названием «Мемуары британского агента». Из самого их названия следовало признание Локкарта в принадлежности к английской разведке.

Выдавая себя в мемуарах за человека, влюбленного в Россию, где он жил и работал как дипломат с 1912 года, Локкарт уклончиво, но признает, что в 1918 году в России готовился заговор с целью свержения Советской власти и что он принимал в нем участие.

Каких-либо оснований для реабилитации осужденных по этому делу мы не усмотрели. Заговорщики сделали ставку на эсеров. И прежде всего на Марию Спиридонову. Она действительно активно участвовала в революционном движении. В первом приговоре об этом упомянуто, во втором — ни слова...

В первый раз в 1906 году Владимир Ильич Ленин сослался в своей брошюре «Победа кадетов и задача рабочей партии» на Марию Спиридонову, как на пострадавшую революционерку, стойко выдержавшую все истязания сатрапов царской охранки[1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 319—320.

Являясь членом партии социал-революционеров (эсеров), Мария Спиридонова вела активную политическую деятельность, и это было подмечено Лениным.

В статье «Три кризиса», опубликованной 19 июля 1917 г. в журнале «Работница» № 7, Ленин отметил, что при всех колебаниях эсеров Спиридонова решительно высказывалась «за переход власти к советам»[1].

В газете «Рабочий» № 10 за 14(1) января 1917 г. Ленин похвалил Спиридонову за то, что она среди эсеров выступает за «усиление, укрепление, развитие революционно-интернационалистических течений»[2].

Накануне Октябрьской революции в газете «Рабочий путь» (№ 20—21) от 9 и 10 октября 1917 г. была опубликована статья Ленина «Задачи революции». В ней Владимир Ильич подчеркнул важную роль Спиридоновой в правильном отношении эсеров к задачам революции[3].

Самый примечательный факт в политической биографии М. А. Спиридоновой тот, что она вместе с Лениным (от большинства ЦК большевиков, а Спиридонова от ЦК левых эсеров) голосовали за мир с Германией, подписание Брестского договора[4].

Однако через каких-нибудь несколько месяцев в политической ориентации Марии Спиридоновой произошел резкий поворот. Она оказалась заодно с лидерами левых эсеров, которые 6 июля 1918 г. в дни работы V Всероссийского съезда Советов, подняли в Москве тайно подготовленный контрреволюционный мятеж, и среди задач этого мятежа было расторжение мирного договора с Германией. Еще не ведая о тайных замыслах лидеров левых эсеров, Ленин в своей речи на V Всероссийском съезде Советов 5 июля 1918 г. раскритиковал позицию левых эсеров, выступивших против заключения Брестского мира. О позиции, в частности, Спиридоновой он сказал следующее:

«За два месяца перед январем 1905 года и февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию. Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 430.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 130.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 230.
[4] См. Ленинский сборник, XI.

войне, это — политика людей, совершенно растерявшихся, потерявших голову. И, чтобы привести доказательство этой растерянности, я приведу вам пример из слов человека, в искренности которого ни я, ни кто другой не сомневается, — из слов товарища Спиридоновой, из той речи, которая была напечатана в газете «Голос трудового крестьянства» и о которой не было опровержения. В этой речи 30 июня товарищ Спиридонова поместила три ничего не говорящие строчки, будто бы немцы предъявили нам ультиматум — отправить им на два миллиарда мануфактуры»[1].

В речи на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. В. И. Ленин еще раз разоблачил ложь, которую распространяла Спиридонова и которая пошла на пользу помещикам и повторяется теперь самыми темными и неразвитыми элементами из черносотенцев; эта ложь должна быть опровергнута и разоблачена[2].

Такой стала Мария Спиридонова, приняв вместе с другими членами ЦК партии левых эсеров решение о провокационном убийстве германского посла Мирбаха, осуществленном эсером Блюмкиным, с расчетом вновь ввергнуть Россию в войну с Германией, поднять повсеместно восстание против Советской власти и свергнуть Советское правительство и арестовать его членов вместе с Лениным. Авантюра левых эсеров закончилась их поражением. Они окончательно разоблачили себя как ярые враги Советской власти, лишенные всякой поддержки трудящихся.

При ликвидации мятежа самый активный его организатор, состоящий на службе в ВЧК в должности заместителя председателя, Александрович и еще 12 других активных участников восстания были арестованы и по решению ВЧК расстреляны.

М. А. Спиридонова была предана суду.

Верховный трибунал при ВЦИК обстоятельно разобрался во всех материалах дела, в личной вине Спиридоновой, не оставил без внимания и особенности, характеризующие ее личность. Признав М. А. Спиридонову виновной в организации левоэсеровского мятежа, Трибунал в приговоре записал:

«Принимая во внимание болезненно-истерическое состояние обвиняемой, не преследуя в наказании целей отмщения врагам революции и не желая причинять М. Спиридоновой

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 496.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 13.

излишние страдания, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, Трибунал постановил изолировать М. Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год с пребыванием в санатории».

В последующие годы М. А. Спиридонова отошла от всякой политической деятельности. Между тем во времена сталинских репрессий она была снова арестована.

Вернемся снова в 1918 год. Когда 6 июля в Москве возник левоэсеровский мятеж, то ночью 7 июля В. И. Ленин и И. В. Сталин обменялись телеграммами по поводу убийства германского посла Мирбаха. Призвав Сталина к принятию мер подавления возможных восстаний левых эсеров на юге страны, Ленин назвал их «жалкими и истеричными авантюристами, ставшими орудием в руках контрреволюционеров». Такая оценка отвечала объективному суждению, свойственному Ленину. Она, эта ленинская оценка, была принята во внимание и Трибуналом при наказании М. А. Спиридоновой. Но каким был ответ Сталина!

«Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески. Сталин».

Эта телеграмма впервые была опубликована в «Правде» № 21 от 21 января 1936 г., в самый разгул сталинских репрессий. Рука «вождя всех народов» действительно не дрожала, когда он определял судьбу арестованных революционеров, в том числе и М. А. Спиридоновой. Она была расстреляна в 1941 году в Орловской тюрьме, без приговора, по приказу Берии.

Приговор Трибунала от 1919 года в отношении М. А. Спиридоновой свидетельствовал о том, что в те годы уже применялась ссылка, отрешение определенных лиц от политической и общественной деятельности.

Возникновение в нашем законодательстве и в практике судебных и административных органов институтов ссылки и высылки. Впервые указание на высылку как на меру наказания мы обнаружили в Инструкции Наркомюста революционным трибуналам, изданной в 1917 году. Им предоставлялось право удалять из столиц, отдельных местностей или из пределов Советской Республики «порочных элементов»[1].

20 июня 1919 г. Президиумом ВЦИК было принято поста-

[1] СУ РСФСР. № 12; Герцензон А. А. История советского уголовного права 1917—1947 гг. М., 1948. С. 126.

новление[1] о несудебных полномочиях ЧК. По этому декрету в целях борьбы с нарушениями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за ЧК и ГубЧК, с утверждения ВЧК, сохранялось право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше пяти лет. Из Москвы, Ленинграда, Ростова и других ГПУ было выслано несколько тысяч таких лиц[2].

Декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г. установлено, что по приговорам чрезвычайных комиссий (без направления дела для судебного разбирательства) лишение свободы могло быть назначено на срок не свыше двух лет, притом только в отношении лиц, уличенных в принадлежности к антисоветским политическим партиям. По этому декрету был направлен в ссылку 551 человек — активных членов партии меньшевиков. Эта контрреволюционная партия в те годы развернула активную враждебную деятельность. В восьми пунктах нашей страны она имела подпольные типографии, печатала и распространяла свою литературу антисоветского содержания. Все остальные дела, — было сказано в декрете, — находившиеся в производстве ВЧК, должны направляться в особые камеры народного суда или в революционные трибуналы[3].

Через год применение административных мер наказания, без суда, по решению особой комиссии, ставшей прототипом судебной коллегии ОГПУ, было расширено. Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке» гласил:

1. В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке. (В данном случае это распространялось на любых лиц, а не только на членов антисоветских партий. — *Прим. автора.*)

2. Рассмотрение вопросов о высылке отдельных лиц возложить на особую комиссию при Народном комиссариате внутренних дел, состоящую из представителей от Народного

[1] СУ РСФСР. 1919. № 27. С. 301.
[2] Трифоиов И. Очерки по истории классовой борьбы в годы нэпа. М., 1960. С. 80.
[3] СУ РСФСР. 1921. 51.

комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата юстиции, утверждаемых Президиумом ВЦИК[1].

Срок административной высылки, как указано в декрете, не может превышать трех лет.

Высланные поступали под надзор местного органа Государственного политического управления, которым определялось местожительство высылаемого в районе высылки. За побег с места высылки или с пути следования к нему была установлена ответственность по суду, согласно ст. 95 Уголовного кодекса.

17 апреля 1920 г. Президиум ВЧК своим приказом № 48 в связи с опубликованием Основного положения о трибуналах («Известия ВЦИК» от 27 марта 1920 г.) предложил всем губчека принять к неуклонному исполнению: «...при рассмотрении всякого законченного следствием дела в коллегии губчека последняя может давать ему в дальнейшем одно из следующих трех направлений:

...в) в порядке административного разрешения и заключения направлять виновных в лагеря принудительных работ».

Далее в приказе разъяснялось, на кого зто распространяется: «Сюда относятся, например, лица, которые подвергаются заключению как бывшие помещики, капиталисты, князья, царские чиновники, лица, подозреваемые в соучастии в той или иной спекулятивной сделке, но в отношении которых сумма собранных против них улик ограничивается только знакомством с уличенными лицами или арестом у них на квартирах, или хранением их документов и ценностей.

Характерно, что этот приказ был подписан не только председателем ВЧК Ф. Дзержинским, но и докладчиком Кассационного трибунала при ВЦИК Н. В. Крыленко[2].

Применение ссылки в административном порядке было еще более расширено в 1922 году.

Тогда же в августе 1922 года XII Всероссийская конференция РКП(б) приняла специальную резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях».

В ней говорилось:

«Вместе с тем нельзя и отказаться от применения репрессий не только по отношению к зсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо бес-

[1] СУ РСФСР. 1922. № 51.

[2] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС//ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 1184. Лд. 19—25.

партийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которые в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием... Репрессии... диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом позиции...

Однако партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо помнить, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами репрессии будут достигать цели»[1].

В. И. Ленин был одним из тех лидеров нашей партии, который проявлял повышенную озабоченность тем, чтобы роль репрессий не переоценивалась и при первой возможности сужалась, ограничивалась.

Ленин об ошибках ВЧК. Выступая на митинге-концерте у сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г., он заявил:

«Нет ничего удивительного в том, что не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК. Тяжелую задачу мы взяли на себя. Когда мы взяли управление страной, нам, естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК, — это неумение поставить вопрос в большом масштабе. У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

Мы же говорим: на ошибках мы учимся. Как во всех областях, так и в этой мы говорим, что самокритикой мы научимся. Дело, конечно, не в составе работников ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность...

Вполне понятно примазывание в ЧК чуждых элементов. Самокритикой мы их отшибем»[2].

Итак, В. И. Ленин призывал к самокритике, еще раз самокритике. Из истории ВЧК известно, как использовался этот верный рычаг в практической работе ВЧК, в очищении ее рядов от недостойных людей.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7-е. С. 669—674.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 150—151.

В ленинском архиве находится много его записок, телеграмм, адресованных в ВЧК, в местные ее органы, в которых он требовал внимательно разобраться с арестом того или иного гражданина, с достоверностью доказательств. В ряде случаев разбор закончился исправлением ошибочных решений... Из многих его требований достаточно упомянуть следующие:

«Все те лица, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение, подлежат освобождению из заключения»[1].

«К бывшим царским генералам подходить не огулом, а индивидуально... Только потому, что он генерал, — карать нельзя»[2].

Один из руководителей ВЧК М. Лацис писал: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советской власти с оружием или словом». В. И. Ленин не оставил без внимания этой публикации и в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» назвал это утверждение М. Лациса нелепостью[3].

Известны многие факты принятия В. И. Лениным мер к тому, чтобы не допустить необоснованного применения репрессий, внимательно относиться к жалобам арестованных, проверять их объяснения, быть объективными в своих выводах и суждениях.

В. И. Ленин продолжал пристально наблюдать, как ВЧК перестраивает свою работу в новых условиях.

30 мая 1921 г. Малый Совнарком рассмотрел результаты обследования деятельности междуведомственной комиссии по отчуждению складов и имущества иностранцев, существовавшей при Главпродукте. Обследование вел следователь ВЧК Васильев. Его доклад был признан неудовлетворительным, а расследование необъективным. Малый Совнарком принял решение следователя Васильева от этого дела отстранить и поручить Наркомюсту провести объективное расследование.

Именно на этом заседании по предложению Владимира Ильича была образована комиссия под председательством наркома юстиции Д. И. Курского. Ей было поручено разобраться во взаимоотношениях ВЧК с органами юстиции,

[1] СУ РСФСР. 1918. № 100.
[2] Дзержинский Ф. Э. Биография. М., 1963. С. 184.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410.

разработать законодательные меры, регулирующие надлежащий надзор за следственным аппаратом ВЧК.

Далее события с работой этой комиссии развивались таким образом. В ноябре 1921 года Л. Б. Каменев переслал на ознакомление В. И. Ленину основные положения, составленные Коллегией ВЧК, с которыми согласился нарком юстиции Д. И. Курский, и проект положения о ВЧК (взамен действующих постановлений о ВЧК и ее местных органах) для представления на утверждение ВЦИК. В сопроводительном письме Л. Б. Каменев писал Владимиру Ильичу:

«Взгляните. Это минимум, на который пошел Дзержинский и которым, конечно, удовлетворился Курский. Я отстаиваю максимум: 1) Разгрузить ЧК, оставив за ним политические преступления, шпионаж, бандитизм, охрану дорог и складов. Не больше. Остальное — НКюсту.

2) Следственный аппарат ЧК влить в НКюст, передав его ревтрибуналам».

В ответном письме Ленин написал:

«т. Каменев! Я ближе к Вам, чем к Дзержинскому. Советую Вам не уступать и внести в Политбюро. Тогда отстоим из максимумов. На НКЮ возложим еще ответственность за недонесение Политбюро (или Совнаркому) дефектов и неправильностей ВЧК. 29.XI. Ленин»[1].

Через день после этого письма Каменеву, Ленин в своих намерениях относительно существования ВЧК пошел дальше. Он внес 1 декабря 1921 г. в Политбюро ЦК РКП(б) предложение преобразовать ВЧК, сузив круг ее деятельности.

Предложения В. И. Ленина были приняты Политбюро в тот же день — 1 декабря. Они легли в основу решения XI конференции РКП(б), проходившей 19—22 декабря 1921 г. В решении конференции было записано:

«Судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»[2].

В своем решении IX съезд Советов записал: «Укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить

[1] С этими документами нас познакомили в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1956 году, так как ранее они не публиковались и впервые были напечатаны в 1965 году (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 620).

[2] КПСС в резолюциях... Ч. 1. С. 593.

круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов Советской республики на судебные органы».

Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК и ее органы были упразднены. При Народном Комиссариате внутренних дел создавалось Государственное политическое управление, в задачу которого входило подавление открытых контрреволюционных выступлений, борьба со шпионажем, охрана железнодорожных и водных путей сообщения, охрана границ, борьба с контрабандой, а также выполнение специальных поручений Советского правительства по охране революционного порядка.

ГПУ было лишено права на применение каких-либо видов уголовного наказания без суда, но это Решение просуществовало недолго...

Коллегия ГПУ — ОГПУ снова обрела право на назначение мер уголовного наказания, ссылки и высылки. Об этом расскажем позже.

Этим и была продиктована инициатива В. И. Ленина в образовании в нашей стране специального органа по надзору за законностью — прокуратуры.

К весне 1922 года после широкого и тщательного обсуждения вопроса о прокуратуре в печати, на съездах и совещаниях работников советской юстиции Наркомюст выработал проект Положения о прокуратуре, который от его имени был внесен Н. В. Крыленко на рассмотрение III сессии ВЦИК IX созыва. Проект предусматривал централизованное подчинение прокуратуры и общий надзор в качестве одной из ее главных функций.

На заседании сессии 15 мая 1922 г. по докладу Крыленко развернулись прения, законопроект Наркомюста был подвергнут резкой критике значительной группой членов ВЦИК, выступивших с требованием «двойного» подчинения прокуратуры или лишения ее права общего надзора. Выступление этой группы открыл Л. М. Каганович. Он призвал членов ВЦИК отклонить законопроект Наркомюста, утверждая, что введением централизованной и независимой от местных властей прокуратуры якобы нарушается Конституция, выражается недоверие местам, затрагиваются самые основы советского строительства на местах. На призыв Кагановича откликнулись В. В. Осинский, Д. Б. Рязанов, Я. Б. Полуян и другие[1].

[1] См.: Известия. 1922. 16 мая.

Решительно высказался за принцип централизованного построения прокуратуры Н. А. Скрыпник. Возражая Кагановичу, он заявил, что прокуратура должна быть независимой от исполкомов, в противном случае «последние уподобятся унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла». Скрыпника полностью поддержал В. И. Яхонтов. Яркую речь в защиту ленинских принципов социалистической законности произнес М. И. Калинин. Он категорически отверг все возражения против проекта Наркомюста. Отвечая Осинскому, который заявлял, что если мы хотим воспитать законность, то прежде всего надо воспитывать ее в самих органах управления, М. И. Калинин сказал: «Вот именно, организация прокуратуры и есть один из способов, одна из возможностей воспитать законность в органах власти»[1].

Законопроект Наркомюста не был принят на данном заседании III сессии ВЦИК. Его сдали в комиссию, избранную на том же заседании сессии. Комиссия большинством голосов отвергла право прокуроров опротестовывать решения местных властей, а также назначение прокуроров центром и подчиненность их только центру. Она высказалась за «двойное» подчинение прокуроров на местах — центру в лице прокурора республики и соответствующему губисполкому. В комиссии ЦК партии, назначенной для руководства работами III сессии ВЦИК, шла такая же борьба.

Ошибочное и вредное решение комиссии ВЦИК, а также разногласия в комиссии ЦК обеспокоили В. И. Ленина. Несмотря на болезнь, он 20 мая 1922 г. продиктовал по телефону из Горок письмо И. В. Сталину для Политбюро «О двойном» подчинении и законности». В своем письме Ленин разбил все доводы защитников «двойного» подчинения прокуратуры и всесторонне обосновал принцип единства социалистической законности. Он указывал, что позиция большинства комиссии ВЦИК, являясь принципиально неправильной, подрывает всякую работу по установлению единой законности и «выражает интересы и предрассудки местной бюрократии и местных влияний, т. е. худшего средостения между трудящимися и местной и центральной Советской властью, а равно центральной властью РКП»[2].

Чтобы преодолеть местничество и действительно обеспечить единство социалистической законности, необходимо бы-

[1] ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 24. Ед. хр. 3. Лд. 155, 185.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 201.

ло, по мнению Ленина, создать прокурорский надзор, независимый от местных властей, имеющий право опротестовывать их решения с точки зрения законности и построенный на началах подчинения прокуроров только центральной прокурорской власти. В свою очередь центральная прокурорская власть должна работать под непосредственным наблюдением высших партийных органов и в самом тесном контакте с ними. Все это представляло собою максимальную гарантию против местных и личных влияний.

В. И. Ленин внес в Политбюро ЦК конкретные предложения, которые определили порядок организации и деятельности советской прокуратуры, обеспечивающий действенность этого органа в правоведении единой социалистической законности.

Против ленинских установок, с защитой «двойного» подчинения прокуратуры и назначения прокуроров местными исполкомами в комиссии ЦК, а затем и в Политбюро выступили Каменев и Рыков. Их точку зрения разделял и Зиновьев[1]. 22 мая Политбюро ЦК большинством голосов приняло по всем спорным вопросам предложения В. И. Ленина. В постановлении Политбюро говорилось: «Отвергнуть «двойное подчинение», установить подчинение местной прокурорской власти только центру в лице генерал-прокурора. Местные прокурорские власти назначаются генерал-прокурором под контролем Верхтриба, Наркомюста и Оргбюро ЦК. Сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда»[2]. Однако это не остановило Каменева и Рыкова. Они перенесли борьбу против ленинских предложений в коммунистическую фракцию III сессии ВЦИК.

Выступивший на заседании фракции 24 мая 1922 г. Каменев утверждал, что Ленин исходит из слишком оптимистического представления о положении дел на местах и о состоянии советских законов, что в Советском государстве не существует единой законности и установить ее невозможно, поэтому создавать прокурорский надзор вообще не следует. Каменев и Рыков упорно добивались отмены решения ЦК партии о прокурорском надзоре или во всяком случае

[1] ЦПА ИМЛ. Ф. 94. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 90—92.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 551.

«двойного» подчинения прокуратуры. В результате фракция поддержала требование комиссии ВЦИК о «двойном» подчинении прокуратуры вопреки постановлению Политбюро[1]. В связи с этим вопрос о прокуратуре в тот же день рассматривался в Политбюро ЦК. В новом его решении «двойное» подчинение прокуратуры категорически отвергалось, подтверждались принципы организации и деятельности прокуратуры, изложенные в ленинских предложениях.

Но и после этого Каменев, Зиновьев, Рыков и их сторонники продолжали срывать работу партии по установлению в стране единой социалистической законности. На заседании фракции III сессии ВЦИК 26 мая 1922 г. им удалось добиться того, что фракция, приняв к сведению и руководству решение Политбюро, вместе с тем постановила просить Пленум ЦК пересмотреть вопрос о прокуратуре в духе прежнего решения фракции. При этом фракция поручила Каменеву, Рыкову и Сапронову защищать ее точку зрения на Пленуме ЦК[2]. Но это была последняя попытка выразителей местничества отстоять свою позицию. Ленинские предложения о задачах советской прокуратуры, принципах ее организации и деятельности были приняты и победили в высших партийных и советских органах. 26 мая 1922 г. III сессия ВЦИК IX созыва приняла законопроект о прокурорском надзоре, отредактированный в соответствии с предложениями В. И. Ленина. 28 мая 1922 г. постановление сессии было подписано Председателем ВЦИК М. И. Калининым, и положение о прокуратуре стало законом.

Письмо В. И. Ленина «О «двойном» подчинении и законности», его решительная борьба против сторонников местничества сыграли решающую роль в установлении принципа единства социалистической законности и создании советской прокуратуры. Письмо Ленина стало программным документом, которым и поныне руководствуется Коммунистическая партия в своей борьбе за укрепление советской законности.

1922—1923 годы характеризуются необычайно широкой законодательной и кодификационной работой Советского государства.

Интенсивно производилась разработка вопросов уголовного права. Особенное значение имел вопрос о самых основных принципах советского уголовного права, о понятии преступ-

[1] ЦПА ИМЛ. Ф. 94. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 96.
[2] ЦПА ИМЛ. Ф. 94. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 118—120.

ления, о роли наказания, о воспитательном воздействии на преступника и др.

В. И. Ленин принял непосредственное участие в работе по первой кодификации советского уголовного права. Об этом свидетельствуют его замечания, поправки и дополнения к проекту Уголовного кодекса РСФСР, изложенные в письмах Д. И. Курскому, написанных в мае 1922 года, накануне рассмотрения проекта сессий ВЦИК.

Большое внимание В. И. Ленин уделял точности формулировок преступных деяний особо опасного характера. Данная Лениным формулировка была положена в основу статьи, определявшей понятие контрреволюционного преступления:

«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеваний пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами» (ст. 57 УК РСФСР 1922 г.).

Дополняя проект вводного Закона к Уголовному кодексу РСФСР, Ленин предложил расширить применение высшей меры наказания (с заменой высылкой за границу) за все виды контрреволюционной деятельности меньшевиков, эсеров и других антисоветских партий, а также «найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)»[1].

В этих указаниях Ленина и в его наброске дополнительного параграфа Уголовного кодекса (о контрреволюционной пропаганде и агитации) отчетливо раскрывалась одна из важнейших особенностей советского уголовного законодательства — сочетание в его нормах юридической квалификации того или иного преступления с общеполитической его характеристикой. В них одновременно подтверждалось ленинское требование строить уголовную ответственность обязательно с учетом индивидуальной виновности лиц, привлекаемых к суду.

Ленинские указания и принципы легли в основу Уголовного кодекса РСФСР, принятого на сессии ВЦИК в мае 1922 года.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189.

Вместо ВЧК — суд

В. И Ленин: «ВЧК надо реорганизовать». 1921—1922 годы... Из пределов Советской России изгнаны вооруженная внутренняя контрреволюция и интервенты. Но борьба не прекратилась, революция еще нуждалась в защите. Однако, по мнению В. И. Ленина, методы борьбы должны быть иными, чем во время гражданской войны. Он был глубоко убежденным сторонником формирования Советского правового государства. Идея внедрения законности во все сферы государственной и общественной жизни и во весь процесс борьбы с контрреволюционными преступлениями не покидала его. Еще раз вспомним ленинский «Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов» и само это постановление, принятое VI Всероссийским съездом Советов среди ряда неотложных декретов в 1918 году. Гражданская война, интервенция отодвинули заботы о правовом государстве на второй план. В отчете ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов (23 декабря 1921г.) Ленин заявил: «Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы»[1].

Развивая свою мысль, Владимир Ильич с определенной категоричностью утверждал: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности»[2].

Примечательно, что свое требование о соблюдении «*большей революционной законности*» Ленин связал с ограничением компетенции ВЧК: «тем *у́же* (курсив мой. — *Б. В.*) становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков»[3].

Эти взгляды Ленина о законности в новых условиях и принципах уголовной политики имели непосредственное отношение к начатой разработке первого Уголовного кодекса РСФСР.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 328—329.
[2] Там же. С. 329.
[3] Там же.

По замыслу Ленина и его сторонников, УК РСФСР должен устранить при решении дел о контрреволюционных преступлениях ссылки на «революционное правосознание, целесообразность» и т. п. на основание выбора мер наказания.

Исчезнут из практики такие приговоры, как, например, вынесенные судом под председательством народного судьи столяра Ивана Жукова 7 марта 1918 г.

«Именем революционного народа, — говорилось в этом приговоре, — Пуришкевича подвергнуть принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно, причем после первого года работы с зачетом предварительного заключения Пуришкевичу представляется свобода, и, если в течение первого года свободы он не проявит активной контрреволюционной деятельности, он освобождается от дальнейшего наказания».

Впредь суды должны будут руководствоваться твердыми предписаниями закона.

Ленин счел необходимым высказаться по самым принципиальным вопросам будущего уголовного закона. Приведу содержание его письма народному комиссару юстиции Д. И. Курскому:

«7.V.1922.

т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всяческой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить (курсив мой. — Б. В.) принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы»[1].

По всем составам контрреволюционных преступлений в проекте Уголовного кодекса предусматривалась возможность смертной казни. Были в то время и противники ее. Все это предстояло обсудить.

Ленин, выступая за сохранение смертной казни, выдвинул в том же письме условия: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить (курсив мой. — Б. В.) его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190.

революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого...»

Мы знаем, каким представлял Ленин народный суд — прежде всего организованным на демократических основах. В нем царит подлинное правосудие, независимо от того, кто стоит перед ним. Суд, в котором будет представлена возможность защищаться от обвинения, если будет нужно, оказана юридическая помощь в защите. Приговор суда может быть обжалован. Любой осужденный имеет право на обращение с просьбой о помиловании. Этому отвечали и принятые решения о компетенции ВЧК. В постановлении IX съезда Советов было сказано: «Съезд Советов отмечает героическую работу, выполненную органами Всероссийской чрезвычайной комиссии в самые острые моменты гражданской войны, и громадные заслуги, оказанные ею делу укрепления и охраны завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений.

Съезд считает, что ныне укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушениями законов советских республик на судебные органы.

Исходя из этого, съезд Советов поручает Президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть Положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее органах в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности»[1].

Во исполнение решения IX съезда Советов Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял в том же году (6 февраля 1922 г.) Декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и о правилах производства обысков и арестов».

Этим декретом было предписано Всероссийскую чрезвычайную комиссию и ее местные органы упразднить. При Народном комиссариате внутренних дел РСФСР образовать Государственное политическое управление с функцией при необходимости принятия мер пресечения в отношении лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям и другим наиболее опасным уголовным преступлениям.

Значительное изменение в функции нового органа заключалось в том, что ГПУ было лишено права назначения

[1] СУ РСФСР. 1922. № 4. С. 42.

наказания арестованным. В декрете указывалось: «Впредь все дела о преступлениях, направленных против Советского строя или представляющие нарушения законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в *судебном порядке* (курсив мой. — *Б.В.*) революционными трибуналами или народными судами по принадлежности»[1].

Принятию Уголовного кодекса 1922 года предшествовало детальное его обсуждение на III сессии ВЦИК IX созыва (12—27 мая 1922 г.)

После окончания прений на сессии была создана комиссия, которая учла высказанные замечания по проекту. На заседании 23 мая 1922 г. проведено постатейное чтение, обсуждение и принятие Уголовного кодекса. В результате дискуссии по вопросу о смертной казни сессия приняла решение: смертную казнь как меру наказания не включать в общий перечень видов наказания, а в отдельной статье УК установить, что она применяется временно, в качестве исключительной меры наказания, впредь до полной ее отмены. При обсуждении вопроса о сроках лишения свободы большинство высказалось за повышение максимума до 10 лет.

На сессии ВЦИК каждая статья проекта УК подвергалась детальному обсуждению, редакция многих из них была улучшена.

Принятие Уголовного кодекса РСФСР имело большое политическое значение. Впервые был издан Уголовный кодекс, основанный на социалистических правовых взглядах, на учении В. И. Ленина о диктатуре пролетариата, имеющий своей задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян от преступных посягательств со стороны врагов социализма.

Уголовный кодекс РСФСР явился законодательным выражением и закреплением учения В. И. Ленина о социалистической законности. В нем была дана целостная система норм Общей и Особенной частей советского уголовного права, применение которых на практике способствовало дальнейшему укреплению социалистической законности в области отправления правосудия.

Впервые в истории развития советского законодательства о государственных преступлениях была систематизирована Особенная часть советского уголовного права. Все государственные преступления были сведены в отдельную главу, из них

[1] СУ РСФСР. 1922. № 16. С. 160.

наиболее опасные — контрреволюционные — помещены в первый параграф.

Как было сформулировано определение общего понятия контрреволюционного преступления?

Согласно ст. 57 УК РСФСР 1922 года, контрреволюционное — это «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основе Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства»... Таким образом, контрреволюционным преступлением признавалось только сознательное умышленное деяние, а контрреволюционером — врагом народа — лишь тот, кто своими преступными действиями преследовал цель свержения Советской власти.

Таким определением создавалась преграда для какого-либо произвольного толкования понятия контрреволюционного преступления, отнесение к их числу схожих с ними уголовных преступлений, объявления врагом Советской власти всякого человека только по его происхождению, из числа «бывших».

Важно подчеркнуть, что, хотя смертная казнь и была сохранена в уголовном законе, но как мера временная и исключительная. Ее применение допускалось лишь в отношении лиц, совершивших такие безусловно доказанные преступления, за которые в законе она предусмотрена и вынесена только судом, с соблюдением всех демократических правил отправления правосудия.

Таким становилось советское правосудие после предпринятых В. И. Лениным в 1921—1922 годы усилий по принятию ВЦИК Положения о судоустройстве РСФСР[1], Положения о прокурорском надзоре[2] и Уголовного кодекса 1922 года.

Возникшие в те годы дела о контрреволюционных преступлениях, как свидетельствуют сохранившиеся архивные материалы, расследовались следственными органами и рассматривались судом при соблюдении установленных законом процессуальных правил, с обеспечением прав привлеченных к суду лиц на свою защиту и т. д., на обжалование приговоров, на обращение с просьбами о помиловании.

Даже сами военные трибуналы, вынося приговоры изобличенным в преступлениях контрреволюционерам к высшей мере наказания, сталкиваясь с какими-либо смягчающими или

[1] СУ РСФСР. 1922. № 69. С. 902.
[2] СУ РСФСР. 1922. № 36. С. 424.

иными сложными житейскими обстоятельствами, находили возможным ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК о помиловании. Примером может служить судебный процесс по делу правых эсеров.

Дело правых эсеров слушалось Верховным трибуналом ВЦИК с 8 июня по 7 августа 1922 г. Этот процесс вскрыл политическую сущность партии социалистов-революционеров, контрреволюционную деятельность ее руководителей.

Суду Верховного трибунала были преданы:

Гоц А. Р., Донской Д. Д., Герштейн Л. Я., Лихач М. А., Иванов Н. Н., Ратнер-Элькинд Е. М., Раков Д. Ф., Федорович Ф. Ф., Веденяпин М. А., Гендельман-Грибовский М. Я., Морозов С. В., Артемьев Н. И., Ратнер Г. М., Тимофеев Е. М. — по обвинению в том, что, ... будучи руководящими деятелями и вождями партии эсеров, направляли деятельность этой партии в сторону использования всех ее средств и сил на свержение завоеванной пролетарской революцией власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства.

На этом одном из первых судебном процессе после принятия Уголовного кодекса 1922 года Н. В. Крыленко подробно разобрал юридическое, правовое обоснование признания действий подсудимых именно контрреволюционными: «Подведение итогов процесса и значительная часть речи должны содержать в себе определение, с одной стороны, индивидуальной вины каждого из обвиняемых и, с другой стороны, определение состава преступления с точки зрения действующих карательных норм. Для того, чтобы определить основную точку зрения для оценки действий подсудимых, надо обратиться раньше всего к точной формулировке закона, определяющего понятие контрреволюционных действий».

Согласно определению ст. 57 Уголовного кодекса, Советская власть признает контрреволюционными всякие действия, направленные на свержение завоеваний пролетарской революции и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства.

Следует только определить, были или не были совершены действия, направленные на свержение власти.

Изложив в деталях содержание всех предъявленных подсудимым обвинений и их обоснованность, государственный обвинитель так закончил свою обвинительную речь.

«Задача трибунала — прежде всего установить, что эти лю-

ди социально опасны и нет надежды на то, что их действия изменятся.

Приговор должен быть один: расстрел всех до одного за все преступления, за всю кровь, за весь ужас, за все страдания, за все лишения, которые в течение пяти лет нам приходилось выносить и которые сознательно причинили Республике эти лица, заявившие здесь, что они и впредь не отказываются от того, чтобы все силы, умственные и физические, как еще говорил Чернов на IV съезде, направить на то, чтобы приносить и в дальнейшем вред нашему делу, за которое мы уже пять лет боремся. Мы выстрадали себе это право самозащиты и самообороны против наших врагов. Я требую высшей меры наказания».

Верховный трибунал постановил: Ратнера Г. М. и Морачевского Ю. В. оправдать; Гоца А. Р., Донского Д. Д., Герштейна Л. Я., Гендельмана-Грибовского М. Я., Лихача М. А., Иванова Н. Н., Ратнера-Элькинда Е. М., Тимофеева Е. М., Морозова С. В., Агапова В. В., Альтовского А. И., Игнатьева В. И., Семенова Г. И., Коноплеву Л. В., Иванову-Иранову Е. А. приговорить к расстрелу, а всех остальных — к различным мерам наказания.

Принимая во внимание, однако, что В. И. Игнатьев порвал со своим контрреволюционным прошлым, добросовестно служит Советской власти и является элементом социально безопасным, Верховный трибунал обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством об освобождении его от наказания.

В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской и Дашевского Верховный трибунал нашел: эти подсудимые добросовестно заблуждались при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции; поняв на деле контрреволюционную роль партии с.-р., они вышли из нее. Названные подсудимые вполне осознали всю тяжесть содеянного ими преступления, и трибунал, в полной уверенности, что они будут мужественно и самоотверженно бороться в рядах рабочего класса за Советскую власть против всех ее врагов, ходатайствует перед Президиумом ВЦИК об их полном освобождении от всякого наказания.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил:

1) приговор Верховного трибунала в отношении к подсудимым Гоцу А. Р., Донскому Д. Д., Герштейну Л. Я., Гендельману-Грибовскому М. Я., Лихачу М. А., Иванову Н. Н., Ратнеру-

Элькинду Е. М., Тимофееву Е. М., Морозову С. В., Агапову В. В., Альтовскому А. И. и Иванову-Иранову Е. Д., приговоренным к высшей мере наказания, утвердить, но исполнением приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и осужденные к долгосрочному заключению остаются в строгом заключении;

2) в отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить.

Со смертью В. И. Ленина совпала активность белой эмиграции. Руководящие круги империалистических государств, устанавливая дипломатические и экономические отношения с СССР, не прекращали тайной подрывной деятельности против Советского государства.

По инициативе Англии в Гельсингфорсе (Хельсинки) была созвана конференция прибалтийских государств с задачей создания «единого фронта» против Советского Союза и Коммунистического Интернационала.

Душой и руководителем белогвардейской эмиграции считался генерал Деникин, однако пальма первенства постепенно переходила к более активному, бывшему командиру Первого армейского корпуса генералу Кутепову. В 1924 году он образовал Российский общевойсковой Союз (РОВС) и возглавил его (курсив мой. — Б.В.). О сущности этого союза один французский промышленник сделал такое заявление репортерам ряда газет: «Белые армии больше не существуют. Они и не нужны, если оружие выбито из рук. Но военная организация этих контингентов остается. Нет белых корпусов и дивизий, но есть заменяющие эти корпуса пять отделов РОВСа, дислоцированных во многих странах... Нет только оружия. Дайте его

завтра этим «группам», и они действительно себя «покажут».

В начале своей деятельности РОВС сделал ставку на убийства из-за угла ответственных советских представителей за границей. Так, бывший офицер Дроздовской дивизии капитан Конради убил в Швейцарии полпреда В. В. Воровского; эмигрант Б. Коверда стрелял в советского посла, аккредитованного в Польше. Бывший саперный офицер врангелевской армии Бородин подготовил убийство советского посла в Австрии, которое было предотвращено.

Вскоре по настоянию правительства Франции эти покушения прекратились. Но враждебная деятельность РОВС не затихла.

После признания Францией Советского Союза на одном из заседаний французского парламента, отчет о котором был опубликован во всех французских газетах, один из левых депутатов этого парламента внес министру внутренних дел запрос: «На каком основании французское правительство разрешает иностранцу (Кутепову) вести подрывную работу на территории Франции против государства (СССР), признанного Францией?» Ответ министра был таков: «В расположении министерства не имеется данных, которые позволили бы считать подрывной ту работу, на которую указывает уважаемый депутат».

После сообщения в печати к Кутепову явилось несколько репортеров газет различных буржуазных стран. На их вопросы он ответил: «Как русский, я имею право интересоваться русскими делами. Ничего противозаконного с точки зрения законов Франции в этом нет».

Окрыленный снисходительным отношением французского буржуазного правительства, глава РОВС Кутепов еще шире развернул шпионскую и диверсионную работу на территории СССР.

Судя по опубликованным данным, с 1921 по 1924 год органами ВЧК ОГПУ были ликвидированы контрреволюционные организации «Западный областной комитет», «Юго-восточный областной комитет», отдельные организации савинковского «Союза защиты родины и свободы» в Самаре, Саратове, Одессе, Харькове, Туле и Киеве. В Москве было ликвидировано несколько савинковских резидентур, а на территории Ленинградского военного округа — различные его ячейки общей численностью 220 человек.

Значительная часть разоблаченных членов этой контрреволюционной организации была арестована. За контрреволюци-

онные преступления в РСФСР за 1924 год осуждено 2011 человек, из них за политическую и экономическую контрреволюцию 1103 (т. е. более 50 %), за изменническую контрреволюционную деятельность — 172, за контрреволюционную агитацию — 511, за активную борьбу с рабочим движением при царском строе — 225 человек[1].

Нами были изучены дела РОВС. Составлены заключения. Приведу некоторые из этих дел.

В июне 1924 года контрразведывательным отделом Киевского отдела ГПУ за шпионскую деятельность в пользу польской разведки были арестованы: Белавин Виктор Платонович, бывший генерал-майор царской армии, служивший в Красной Армии, до ареста нигде не работавший; Иванов Александр Петрович, бывший поручик царской армии, с 1918 года служил в Красной Армии, до ареста — начальник оперативно-строевой части штаба 45-го стрелкового корпуса КВО; Кржечковская Нина Эдмундовна, слушательница Археологического института.

Расследованием и судебным рассмотрением установлено, что в конце 1923 года в Киеве резидентом 2-го отдела польского генерального штаба Павловским, работавшим под прикрытием секретаря польского консульства на Украине, была создана шпионская организация, занимавшаяся сбором секретных сведений для польской разведки, главным образом военного характера.

Руководитель этой организации Белавин лично и через завербованных им лиц собирал и передавал Павловскому интересующие польскую разведку сведения, за что получал денежное вознаграждение.

По заключению экспертизы переданные сведения являлись секретными и совершенно секретными и представляли большую ценность для польского генерального штаба.

Военным трибуналом Белавин, Иванов и Кржечковская осуждены к расстрелу.

Дело рассматривалось с участием государственного обвинителя и защиты. По делу было допрошено большое число свидетелей. В их допросах в суде принимали участие не только члены состава суда, но и сами подсудимые и их защитники-адвокаты, задавали различные уточняющие вопросы, получали ответы. Приговор был опубликован в печати.

[1] См.: Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Особенная часть. Ч. II. М., 1928. С. 76.

В 1925 и 1926 году усилилась напряженность в международной обстановке. Объяснялось это тем, что империалисты видели в укреплении и развитии Советского Союза угрозу для капиталистической системы. Они проводили линию на экономическую изоляцию СССР, угрожали новой военной интервенции. Застрельщиками антисоветской политики выступали наиболее реакционно настроенные английские империалисты.

В это время готовился вооруженный переворот в Польше, который и был осуществлен. Установленную в Польше фашистскую диктатуру возглавил Пилсудский.

Разбираясь с делами тех лет, мы обнаружили документ, который многое прояснял:

Записка Ф. Э. Дзержинского Артузову А. Х.[1]

Т. Артузову!

Надо бы для комиссии т. Рыкова составить доклад о том, что Ленинград является объектом очень усиленного внимания и по линии шпионажа, и по линии активной диверсии со стороны Англии (и Германии?) через эстонцев и финляндцев.

И надо наметить ряд наших, разведуправских, военных, дипломатических, судебных и общих мер.

Прошу разработать и доложить мне.
25/XI.25 г.

Ф. Дзержинский.

Поручение Дзержинского было выполнено. В архиве ОГПУ сохранились документы, свидетельствующие о том, что в ОГПУ поступили сведения о намерении английского генерального штаба с помощью Польши и других граничащих с СССР стран организовать широкую диверсионную работу на советских промышленных предприятиях. Органы ГПУ задержали ряд диверсантов и шпионов, заброшенных из-за кордона. Активизировалась враждебная деятельность и антисоветски настроенных людей внутри страны. Нам пришлось познакомиться с отдельными делами на осужденных тогда шпионов и буржуазных националистов, связанных с правящими кругами западных стран.

В Верховном Суде Белоруссии в июне 1925 года было заслушано дело начальника штаба повстанческой организации

[1] Артузов А. Х. — начальник ИНО ОГПУ, о его судьбе будет рассказано.

«Зеленый дуб», бывшего полковника Ксеневича-Грача. Ксеневич-Грач был задержан при переходе польской границы На допросе он показал, что в середине сентября 1924 года он вместе с атаманом «Западного дуба» Дергачом и Кречетом был вызван в экспозитуру № 1 2-го отдела польского главштаба в Вильно, где сотрудник экспозитуры Зацвилиховский предложил им отправить в СССР одного из членов их организации. Этому сотруднику надлежало спровоцировать представителя Советской власти и вовлечь его в работу по формированию повстанческих организаций на территории Польши.

Было решено послать Ксеневича-Грача. Он получил 200 польских злотых, пропуск и отправился в БССР, где и был задержан.

Ксеневич-Грач, бывший деникинец, служил в польской армии и в армии Балаховича, оттуда перешел в повстанческую организацию «Зеленый дуб», где занял пост начальника штаба. Организация «Зеленый дуб» получала помощь и деньги от польского главштаба и была связана с организациями Савинкова, Балаховича и Перемыкина. Дело слушалось в открытом судебном заседании. На процессе присутствовали корреспонденты.

В «Правде» от 28 и 30 июня 1925 г. опубликованы краткие судебные отчеты по делу Ксеневича-Грача. Ксеневич-Грач виновным себя признал и показал, что целью организации было отторжение Белоруссии от Советского Союза и присоединение ее к Польше. Он также признал, что в Советский Союз забрасывался неоднократно. В судебном заседании было оглашено воззвание № 1 «К белорусскому народу» за подписью ЦК «Зеленый дуб». В воззвании рекомендуется убивать коммунистов, свергать комиссаров и т. п.

Судебная коллегия Верховного Суда БССР 28 июня 1925 г. признала Ксеневича-Грача виновным по ст.ст. 60 и 66 УК БССР и приговорила его к расстрелу. Осужденный Ксеневич-Грач обратился с просьбой о помиловании. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 7 февраля 1927 г. расстрел ему был заменен 10 годами лишения свободы.

2-й отдел польского генштаба засылал свою агентуру и на территорию Украины. *В апреле 1925* года был арестован *Ровенским ГПУ* агент разведывательного поста *2-*го отдела польского генштаба Анчак, а вскоре на месте законспирированной явки был задержан *ранее* переброшенный из *Польши* агент *5-й* экспозитуры Бабиенко-Сарницкий. *Вместе* с *ним*

арестована содержательница явки Татьяна Вышиманская, у которой на квартире нашли 1000 листов-воззваний союза «Бороться за самостийную Украину».

При обыске обнаружили и шифровальный список агентов, который был расшифрован, и это позволило арестовать 75 агентов, работавших в пользу буржуазной Польши на территории всей Украины.

Из показаний арестованных выяснилась их связь со 2-м отделом польского генштаба и его содействие работе украинской отечественной контрреволюции. Подробный отчет о судебном процессе с изложением доказательств виновности был опубликован в «Правде» 10 апреля 1925 г.

В том же 1925 году ОГПУ Грузии закончило следствие по делу антисоветского и «паритетного комитета».

Обвинительное заключение по делу «паритетного комитета» антисоветских партий Грузии подробно излагало историю организации антисоветского фронта в Грузии и блока грузинских антисоветских партий за границей, а также националистов всего Кавказа.

В деле оказались доказательства того, что «паритетный комитет», он же «комитет независимости Грузии», организовался в 1922 году, т. е. на следующий год после установления в Грузии Советской власти. В состав «комитета» входили представители меньшевиков, национал-демократов, социал-федералистов, грузинских независимых социал-демократов и правых эсеров. Из показаний обвиняемых установлено, что за границей был создан блок грузинских националистов с муссаватистами и дашнаками, а также с представителями националистических групп Северного Кавказа. Цель этого блока — политическая борьба за «независимость» Закавказских республик.

Партиями, заключившими блок, была представлена докладная записка председателю совета министров Франции Бриану. В ней расписывались экономические богатства Кавказа и выгода, которую получат французские капиталисты в случае реставрации вошедших между собой в соглашение бывших националистических правительств Кавказа.

В обвинительном заключении были приведены подробности переговоров между Чхенкели, выступающим от имени блока, и представителем правительства Франции Лушером.

К августу 1922 года на территории Грузии широко развился политический бандитизм. Известный Чолокаев усиленно вербовал антисоветски настроенное офицерство, формируя

повстанческие кадры. При «паритетном комитете» была организована военная комиссия. Она устраивала командировки членов «комитета» за границу. Момент восстания в Грузии был приурочен к началу англо-советских переговоров в феврале 1924 года.

К этому времени «комитет» получил специальное директивное письмо от Жордания, который подробно развивал вопрос о восстании. В план восстания входил захват правительственных складов оружия. «Комитет» надеялся, что советские грузинские воинские части не будут вступать в бой с повстанцами из «национальных чувств».

В обвинительном заключении приводились подробности свидания Церетели с Эррио, Ренофелем и Макдональдом, а также текст меморандума «паритетного комитета» на имя англо-советской конференции в Лондоне. «Паритетный комитет» рассчитывал получить из Европы необходимую денежную помощь.

15 июля в Верховном Суде Грузии начался судебный процесс по делу «паритетного комитета».

20 дней в условиях гласности длился этот процесс. 3 августа 1925 г. Верховный Суд Грузии вынес приговор по делу «паритетного комитета». Андроникашвили, Джавахишвили, Джинория и Ишхнели были приговорены к расстрелу, но суд заменил им расстрел 10 годами лишения свободы, 11 подсудимых осуждены к лишению свободы на срок от 3 до 8 лет, 31 — к 3 годам лишения свободы условно, 1 — оправдан.

16 июля 1926 г. «Правда» опубликовала об этом деле подробное сообщение и писала о неприглядной роли официальных представителей французского правительства.

24 ноября 1926 г. полномочным представителем ОГПУ в Ленинградском военном округе за шпионскую деятельность в пользу английской разведки были арестованы:

командир спасательного судна «Коммуна» бригады подводных лодок морских сил Балтийского моря Клепиков Евгений Васильевич и его жена Клепикова Надежда Александровна.

Расследованием установлено, что в конце сентября 1926 года Клепиков при содействии своей жены через курьера-разведчика английской и финской контрразведок, бывшего казачьего офицера Тегенцева установил связь с одним из руководителей английской контрразведки по СССР в Финлян-

дии, бывшим капитаном царского флота Четверухиным, в прошлом сослуживцем Клепикова по царскому флоту, и передал последнему ряд военных сведений секретного характера: о составе бригады эсминцев, какие из них находятся в строю, о вооружении и местонахождении крейсера «Рюрик», линейного корабля «Гангут» и сведения о новом торпедном приборе.

За переданные сведения Клепиков получил от английской контрразведки вознаграждение, ему было дано новое задание по сбору интересующих английскую контрразведку сведений. В частности, Клепикову предлагалось за вознаграждение собрать сведения о составе военно-морского флота, как находящегося в строю, так и строящегося; о готовности и ремонте отдельных судов, об их элементах, артиллерийском и минном вооружении, современных тактических качествах, дислокации, маневрах, оперативных заданиях судам, о плане мобилизации флота, о новых военных изобретениях — торпедах и минах заграждения, о новом полевом орудии, о типах самолетов и их количестве и др.

Выполняя полученное задание, Клепиков собрал и подготовил к передаче в отпечатанном виде сведения о предполагаемом вступлении в строй эсминцев и их местонахождении, о составе подводных морских сил и операциях подводных лодок за летнюю компанию 1926 года, о новом полевом орудии, копии двух секретных приказов, секретных схем распределения учеников школ учебного отряда Балтийского моря, приложения к трем секретным приказам Реввоенсовета Республики, в том числе приложение к приказу № 445 «Штаты», рукописные сведения о торпедах, секретный справочник по морским силам СССР и т. п.

Все эти сведения, как и задания английской разведки, отпечатанные в виде вопросов, были тщательно спрятаны в квартире Клепиковых в висевших на стенах картинах, обнаружены и изъяты при обыске.

Клепиков объяснил, что часть указанных сведений ему была известна по роду службы, другие сведения он собирал путем посещения военных кораблей, а также расспросов и бесед с военнослужащими.

Изобличенные вещественными доказательствами арестованные Клепиковы заявили, что начали заниматься шпионажем с целью улучшения своего материального положения. Дело слушалось в открытом судебном заседании, с участием прокурора и защитника. Военно-морской трибунал Балтийско-

го флота приговорил Клепикова Е. В. и Клепикову Н. А. к расстрелу.

Из материалов следующего дела мы узнаем, какого опасного преступника удалось разоблачить ОГПУ в июне 1926 года в момент нелегального перехода латвийско-советской границы неизвестным. Он был доставлен в Москву, а спустя год предстал перед Верховным Судом СССР.

На скамье подсудимых — бывший поручик царской армии С.Дружиловский. Родился в 1894 году в Рогачеве, в семье полицейского исправника. Октябрьская революция застает его в звании поручика. Он бежит за границу. В финской охранке выдает себя за жертву московских чекистов, рассказывает о своих страданиях. В это время в Хельсинки контрразведчики Юденича ведут вербовку кадров среди бежавших из России офицеров, и «жертва» чекистов приходится им ко двору. Дружиловского перебрасывают в Ревель. Там при штабе Юденича он получает должность адъютанта командующего авиацией. Во время наступления Юденича на Петроград Дружиловского во главе диверсионной группы посылают в Гатчину взорвать ангар на аэродроме. За этот «подвиг» он получил орден из рук самого Юденича.

После разгрома Красной Армией Юденича Дружиловский в Польше становится агентом польской разведки. К концу 1923 года обосновывается в Берлине. Именно здесь начинается его «звездная» пора. В начале 1924 года в белогвардейской газете «Руль» появилось такое объявление:

«Русское информационное бюро «Руссино» — Анабахерштрассе, 8. Зарегистрировано германскими властями. Принимаем заказы на сведения о деятельности Коминтерна в мировом масштабе. Корреспонденции и сведения о положении дел в России. Требуются корреспонденты. Вознаграждение по соглашению. Директор С. М. Дружиловский. Секретарь Г. П. Кип».

5 марта 1929 г. «Известия» опубликовали подборку материалов под заголовком «В Берлине раскрыта фабрика антисоветских фальшивок».

Сам Дружиловский на суде назвал «наиболее удачным» фальшивое «письмо Коминтерна» болгарским коммунистам, призывающее к восстанию. Для того чтобы эта фальшивка выглядела достовернее, руку к ней приложил посол Болгарии в Германии.

Между тем тогдашний фашистский правитель Болгарии Цанков опубликовал фальшивку во всех болгарских газетах,

потрясал ею в парламенте и начал кровавую расправу над всеми, кто имел какое-либо отношение к коммунистическому и рабочему движению. В ту пору в Болгарии были казнены тысячи коммунистов. Цанков отвез фальшивку в Париж, где предъявил ее совету послов Антанты, и совет разрешил ему увеличить армию на 10 000 человек, как сказано было в решении, «ввиду смертельной опасности государству со стороны коммунизма».

По другой фальшивке Дружиловского, адресованной польским коммунистам, польская охранка бросила в концентрационный лагерь «Береза-Картусска» сотни польских коммунистов.

Верховный Суд СССР, тщательно разобравшись во всех его преступлениях, приговорил Дружиловского к расстрелу.

Так закончил свою преступную карьеру один из политических авантюристов белогвардеец Дружиловский.

В ожидании исполнения приговора Дружиловский написал на имя своих хозяев петицию, в которой восклицал:

«Разве я один? Разве я мог быть один? А где теперь все, которые вели меня под ручки к могиле... Я же ваш, я же с вами историю делал, а за это мне — смерть... Судили-то меня за вас, за ваши исторические дела-делишки. И смерть мне тоже за вас».

В этих словах Дружиловского была правда. Такие дружиловские платили жизнью за авантюрные планы своих хозяев. Но справедливое возмездие не миновало их.

В 1926 году в руки нашего правосудия Правительством Китая были переданы два генерала белой армии, ушедшие в Китай с остатками разгромленного белогвардейского войска, действовавшего в 1918—1920 годах на территории Сибири и Семиречья. Мы извлекли из архива и изучили это дело. Согласно приговору Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР в Выездной сессии в г. Семипалатинске рассмотрела в судебном заседании с 25 июля по 12 августа 1927 г. дело по обвинению Анненкова Бориса Владимировича, 37 лет, бывшего генерал-майора, командующего Отдельной семиреченской армией и Денисова Николая Александровича, 36 лет, бывшего генерал-майора, начальника штаба Отдельной семиреченской армии, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 2 и 8 Положения о государственных преступлениях.

Что было бесспорно установлено судом?

Анненков после Октябрьской революции стал на сторону контрреволюции, пренебрегая требованиями Оршанского,

Пензенского и Самарского Советов рабочих и крестьянских депутатов о разоружении, прибыл в декабре в Омск и сразу же вступил в конфликт с местным Советом казачьих депутатов, требование которого о разоружении и роспуске отряда не исполнил, за что и был объявлен вне закона.

В июле 1918 года он со своим отрядом выехал на Уральский фронт, где вел бои с красными войсками. Когда в Семипалатинской области и в прилегающих районах вспыхнули крестьянские восстания, Анненков с отрядом и вновь сформированными в г. Троице частями был направлен в Семипалатинск. Немедленно начались жесточайшие расправы с заподозренными в участии в восстании. Во многих случаях учинялись истязания: отрубали руки, ноги, отрезали уши, носы, разрезали груди и лишь потом убивали или полуживыми закапывали в землю.

Все внесудебные расправы производились по личным распоряжениям Анненкова или с молчаливого его согласия по инициативе командиров карательных отрядов...

В Семипалатинске Анненков приступил к формированию партизанской дивизии, вошедшей в состав 2-го Степного корпуса.

Подозреваемых в сочувствии Советской власти граждан сажали в тюрьму или же немедленно расстреливали без суда и следствия ...

В конце ноября 1918 года Анненков выехал в Семиречье. Приказом по дивизии офицерам было предоставлено право расстреливать всякого, сеющего панику или проявлявшего сочувствие красным.

Часто по подозрению в заговорах расстреливались по 10—12 и более солдат. В 1919 году после попытки выступления солдат против офицеров своего полка были обезоружены несколько сот человек, из них около 500 были расстреляны и зарублены в камышах под Уч-Аралом.

После перехода на китайскую территорию Анненков был интернирован с группой войск около 4000 человек.

Второй подсудимый Денисов Николай Александрович был непосредственным помощником Анненкова во всех злодеяниях.

Суд признал Анненкова Б. В. и Денисова Н. А. виновными в том, что с 1917 по 1925 год вели борьбу против Советской власти и за отторжение от нее территории Семипалатинской области и Семиречья, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 2 Положения о государственных

преступлениях, и в том, что с 1917 по 1920 год систематически уничтожали активных советских деятелей и представителей рабочих и крестьянских организаций, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 8 Положения о государственных преступлениях.

На основании вышеизложенного, руководствуясь ч. 3 ст. 326 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила Анненкова Бориса Владимировича и Денисова Николая Александровича к высшей мере — расстрелу.

Возмездие обрушилось в августе 1927 года лишь на двух главарей белогвардейских банд. Остальные продолжали жить в Европе и в Маньчжурии, лелея мечту о возможном вооруженном нападении на СССР, а когда это случилось, то с большой охотой предложили свои услуги гитлеровскому фашизму и японским милитаристам. Чем это закончилось? Расскажем.

К сожалению, к этим годам относятся и факты отступления от ленинских принципов революционной законности, социалистического правосудия и уголовной политики. Пришлось вспомнить и о забытых именах, героях гражданской войны...

О забытых именах — героях гражданской войны

Вошедший ко мне в кабинет очередной посетитель скромно представился:

— Начинающий ростовский литератор Владимир Карпенко.

— Рад познакомиться.

— Нашей просьбе прошу не удивляться. Это моя просьба и думенковцев.

— Кого?

— Думенковцев. Это ветераны гражданской войны. Они воевали на Дону против белой армии в составе конного корпуса, которым командовал Думенко. Не слышали такую фамилию?

— Нет.

— Я от группы ветеранов и супруги Думенко, которая пока жива, прошу Вас заняться делом Бориса Макеевича. Он был осужден в 1920 году в Ростове ревтрибуналом. Расстрелян. Все, с кем мне пришлось беседовать, утверждают, что он — жертва клеветы и интриг, обвинения все нелепые. Он — один из тех, кто был организатором нашей прославленной красной кавалерии, и один из творцов ее легендарных побед. Правда, с тех трагических событий прошло больше 40 лет. Но время не должно помешать установлению истины. Для восстановления истины время не играет никакой роли. Правильно я говорю?

— Согласен.

— Конечно, трудно разобраться скрупулезно и объективно в запутанной истории сорокалетней давности. Но верю в способности военных юристов.

— Что же, попробуем, — ответил я. — Тем более что такое прошение ветеранов гражданской войны мы не можем оставить без внимания. Оставьте его у меня. Я распоряжусь.

— Да, я хочу вам передать и письмо жены Думенко, прочитайте.

— Обещаю.

Прочитав письмо, я снял с него копию и сохранил среди своих записей. Приведу его содержание.

«В Центральный Комитет КПСС

от Анастасии Александровны Думенко,
проживающей в г. Ростов-на-Дону,
по ул. Энгельса, 91, кв. 19

Заявление

Извините, что беспокою Вас своими заявлениями. Знаю, что Вы очень заняты по своему положению государственными делами нашей любимой Родины, заботитесь, чтобы избежать войны и сохранить мир на Земле.

Я — простая женщина, труженица, преклоняюсь перед Вами, Вашей энергией и заботой о советском народе, который под руководством партии строит коммунистическое общество в нашей стране Советов.

Хочу сообщить о себе несколько слов. Я, Думенко, жена бывшего командира кавалерийского корпуса Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В январе 1920 года мой муж Борис Макеевич Думенко был арестован, по решению военного трибунала 11 мая 1920 г. расстрелян в г. Ростове-на-Дону. Я, красная партизанка, активно участвовала в партизанском движении в Сальских степях, в гражданской войне, которая окончилась полной победой Рабоче-Крестьянской Красной Армии в ноябре 1920 года. Все белогвардейские и контрреволюционные армии белых разгромлены и уничтожены.

Прошу Вас не отказать в моей просьбе, поручить главному прокурору СССР затребовать из архива дело Бориса Макеевича Думенко, который по решению военного трибунала был расстрелян. Если он, Думенко, действительно враг партии, тогда он наказан революционным правосудием правильно, если же в деле и материалах будет видно, что приговор суровый, прошу Бориса Макеевича Думенко реабилитировать посмертно, поскольку мне известно, что Думенко Борис Макеевич расстрелян по указанию предателя Троцкого.

Я, жена Б. М. Думенко, так и не знаю, за что же расстрелян мой муж. Мне уже много лет, получаю пенсию трудовую государственную 38 р. 20 к. в месяц, воспитываю правнучку, так как родители погибли в Отечественную войну.

А. Думенко
28 февраля 1962 г.».

Не скрою, заявление это произвело на меня сильное впечатление: какая выдержка после всех испытаний, какая

вера в нашу партию, в ее единственное устремление — служить правде, счастью, миру на земле! После некоторого раздумья, кому поручить проверку этого необычного дела, я остановился на подполковнике юстиции Борисе Петровиче Беспалове. Мне нравилась его въедливость в поиске объективных доказательств. Он с каким-то наслаждением любил работать в различных архивах, просиживал там часами и с довольным выражением на лице докладывал об «удивительных находках» в этих пыльных, пожелтевших от времени архивных папках...

Я вызвал его и показал заявление Анастасии Александровны Думенко. Он внимательно прочел. По выражению лица я понял, что оно тоже произвело на него сильное впечатление.

— Борис Алексеевич! Вы обратили внимание — это ведь 1920 год, а сейчас 1962!

— Ну и что?

— Как что? Здесь не обойтись без помощи сотрудников разных архивов.

— Ничего, Борис Петрович... Я уверен, это доставит вам удовольствие... Помощь мы получим от всех, от кого будет нужно. Был у меня начинающий ростовский писатель Карпенко. Он и привез письма от Анастасии Александровны и группы соратников Думенко. Как я понял, Борис Петрович очень заинтересовался историей Думенко. Мы условились с Карпенко, что будем сообща трудиться над сбором материалов. Он согласился и оставил свои координаты.

— Возьмите их. Они безусловно потребуются... Вы согласны со мной, что мы все получим удовлетворение, если найдем ответ: справедливо ли осужден один из активных участников гражданской войны? Действительно ли этот революционер, борец за Советскую власть в течение какого-то короткого времении переродился? Стал контрреволюционером? Если это так, то почему? Разве это не интересно знать?

— Конечно, — ответил Беспалов.

— Тогда надо приниматься за дело.

Проверка по делу Б. М. Думенко была завершена. Расскажу, как принималось решение по этому делу. Прежде всего, подполковник Б. П. Беспалов составил обстоятельное заключение по итогам проверки дела, положил мне на стол и сказал: «Теперь можете познакомиться с делом Думенко глубже, чем раньше».

Думенко Борис Макеевич, 1888 года рождения, уроженец хутора Хомутец-Казачий станицы Бочаевской, Области Войска

Донского. По происхождению из крестьян (иногородний). Образование — приходское училище. В 1914 году был призван на военную службу, демобилизовался в 1917 году в чине вахмистра, сразу же вступил в Красную гвардию, затем в Красную Армию и активно боролся против контрреволюции на Дону. В ряды Коммунистической партии вступил 19 декабря 1919 г., партийный билет № 1119.

Первое упоминание о Думенко находится в приказе № 1 Революционных войск Южной колонны от 4 июня 1918 г., где говорится о формировании 8-го сводного крестьянского социалистического полка и о назначении его командиром 2-го батальона.

26 июня 1918 г. приказом № 9 по 3-му сводному крестьянскому социалистическому полку объявляется благодарность товарищу Думенко и бойцам-кавалеристам за организацию 24 июня 1918 г. боя с противником в районе станции Сапная около озера Чапрак.

10 июля 1918 г. из отрядов, вошедших в состав 3-го сводного крестьянского социалистического полка, был выделен 1-й кавалерийский социалистический полк под командованием тов. Думенко.

С первых дней своего создания 1-й крестьянский социалистический полк вел непрерывную борьбу с контрреволюционными силами на Дону. В информационном бюллетене ВЦИК за август 1918 года сообщалось, что «особенной храбростью отличается крестьянский полк под командой Думенко. С 1000 всадников он держит 80-верстный фронт, наводя панику на кадетские банды».

19 сентября 1918 г. в телеграмме В. И. Ленина, адресованной Реввоенсовету Царицынского фронта, говорилось:

«Передайте наш братский привет геройской команде и всем революционным войскам Царицынского фронта, самоотверженно борющимся за утверждение власти рабочих и крестьян. Передайте им, что Советская Россия с восхищением отмечает геройские подвиги революционных и коммунистических полков Худякова... кавалерии Думенко... Держите красные знамена высоко, несите их впереди бесстрашно, искореняйте помещичье-генеральскую и кулацкую контрреволюцию беспощадно, покажите всему миру, что Социалистическая Россия непобедима».

24 сентября 1918 г. по Северо-Кавказскому военному округу был получен приказ: «Из первого крестьянского социалистического кавалерийского полка сформировать

1-ю Донскую советскую социалистическую бригаду. Командиром бригады назначить тов. Думенко, помощником тов. Буденного».

Став во главе кавалерийских частей, тов. Думенко Б. М. ведет непримиримую борьбу с нарушителями воинской дисциплины и аморальными поступками бойцов и командиров. На протяжении октября — декабря 1918 года кавалерия Думенко успешно борется с противником. Так, по случаю победы над красновскими бандами под станицей Гнило-Аксайской Реввоенсовет 10-й армии писал:

«От всей души поздравляем тов. Думенко и Буденного с победой над красновскими бандами под Гнило-Аксайской. Передайте, что мы гордимся доблестными бойцами-кавалеристами нашей армии под вашим прекрасным руководством. Реввоенсовет возбуждает ходатайство перед Центральной народной властью о награждении вас, тов. Думенко и Буденного, высшей наградой — орденами Красного Знамени. Да здравствуют храбрые смелые бойцы, доблестные кавалеристы доблестной кавалерийской бригады, да здравствует отважный командир кавалерии тов. Думенко!»

28 ноября 1918 г. приказом № 62 войскам 10-й армии «Кавалерия 1-й Стальной дивизии и кавалерийской бригады тов. Думенко сводится в одну дивизию под командованием тов. Думенко. Тов. Буденный назначается помощником».

2 марта 1919 г. начальник дивизии Думенко, командир бригады Буденный награждаются орденами Красного Знамени.

Председатель Совнаркома В. И. Ленин 4 апреля 1919 г. направил телеграмму: «Царицын, командарму 10, копия Великокняжская, начдиву Думенко:

Передайте мой привет герою 10-й армии товарищу Думенко и его отважной кавалерии, покрывшей себя славой при освобождении Великокняжской от цепей контрреволюции. Уверен, что подавление крестьянских и деникинских контрреволюционеров будет доведено до конца.

Предсовнаркома Ленин».

С 17 по 25 мая Думенко находится в непрерывных боях. 25 мая в районе хутора Плетнева и на реке Сал завязался жестокий бой с превосходящими силами противника. В этом бою командующий армией тов. Егоров А. И. и Думенко Б. М. были тяжело ранены. Думенко, раненный в правую сторону груди, выбыл из строя. В результате ранения у него было удалено одно легкое и несколько ребер.

По выздоровлении Б. М. Думенко в начале сентября

1919 года вернулся к месту своей службы, а 14 сентября ему было поручено формировать сводный конный корпус.

Сводный конный корпус Думенко с 13 декабря 1919 г. и до 22 февраля 1920 г., перейдя в подчинение командарма 9-й армии А. Степина, находился в непрерывных тяжелых боях, о чем свидетельствует ряд документов.

В телеграмме от 8 января 1920 г., подписанной командармом 9-й армии Степиным, направленной комкору Думенко, говорится:

«Чудо-богатыри красноармейцы, командиры и комиссары, Реввоенсовет 9-й преклоняется перед вашей доблестью и самоотверженностью. Вы своей грудью сломили упорное сопротивление противника. Вы разбили Донскую армию южной контрреволюции. Гнездо контрреволюции Новочеркасск под вашими ударами пал».

Эти неопровержимые документы о героических действиях сформированных Б. М. Думенко первых частей Красной кавалерии и другие, характеризующие его как подлинного героя, содержатся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и в Центральном государственном архиве Советской Армии, на них и ссылался в своем заключении подполковник юстиции Беспалов Б. П.

Мы решили себя перепроверить. Нас заинтересовало, а что о Б. М. Думенко сказано в исторической литературе? Попросили историков, библиографов помочь нам. Они представили обстоятельный обзор о деятельности Б. М. Думенко и его героях-бойцах.

В этом обзоре прежде всего обращалось внимание на то, что оценка деятельности Б. М. Думенко в исторической литературе претерпела с 1918 по 1964 год ряд изменений. В 1918—1932 годы о Думенко говорят многие авторы. До 1920 года его показывают, основываясь на оценках В. И. Ленина, народным героем и одним из первых организаторов Красной конницы. После расстрела 11 мая 1920 г. Б. М. Думенко и опубликования в печати приговора большинство авторов продолжали говорить о нем, как об одном из первых организаторов Красной конницы, сыгравшем положительную роль в разгроме донской контрреволюции, он упоминался обычно с С. М. Буденным, как его помощник. Среди этих авторов известный военачальник Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников опубликовал в «Военном вестнике» (№ 10 за 1921 год) статью «Кавалерийские очерки».

Начиная с 1933 года фамилия Думенко перестает упоми-

наться. Все заслуги в организации Красной конницы приписываются Буденному, Ворошилову и Щаденко, а идея создания крупных конных соединений — Сталину. Постепенно создается мнение, что 1-я Конная армия — главная ударная сила в гражданской войне (многим было неизвестно о существовании в это время 2-й Конной армии и других войсковых соединений во главе с М. В. Фрунзе, которые обеспечили окончательное изгнание белогвардейцев с нашей земли). Утверждается также, что лишь благодаря 1-й Конной армии мы добились победы в гражданской войне. В 1939 году особое внимание уделялось деятельности С. М. Буденного в годы гражданской войны. Он не только молчаливо соглашался с тем, что писали о его роли в создании кавалерии и ее заслугах в борьбе с контрреволюцией, но и в своих выступлениях в печати допускал «забывчивость» в отношении того, как было в действительности с разгромом Деникина, окончательной ликвидацией контрреволюционных сил юга России. Он даже не вспомнил, что был помощником у Думенко, что В. И. Ленин адресовал свои благодарственные телеграммы именно Думенко. В воспоминаниях «Пройденный путь» Буденный отзывается о Думенко как о предателе, относясь к нему с неприязнью.

Когда мы продолжали заниматься проверкой дела Думенко, у меня в кабинете раздался телефонный звонок:

— Буденный говорит.

— Я вас слушаю, товарищ маршал.

— До меня дошли сведения, что вы собираетесь реабилитировать Думенко. Так ли это?

— Мы никого не можем реабилитировать. Это может сделать только суд. Действительно, занимаемся делом Думенко, но в порядке прокурорского надзора за законностью и обоснованностью вынесенного судом приговора. Проверяем. Собираем материалы.

— А не собираетесь вы и Врангеля реабилитировать?

— Нет, конечно, не собираемся.

— Ну, смотрите, — и положил трубку.

После этого не совсем приятного разговора с маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным мы продолжали заниматься делом Думенко. Однако звонок этот настораживал. Ведь известны случаи, когда люди перерождались, из вчерашних друзей, спутников превращались в врагов. Тогда нет ничего нелогичного, что большевик Буденный с неприязнью относится к предателю Думенко.

Нам было важно установить, действительно ли Думенко — преступник, предатель, изменник делу Революции?.. Мы разбирали пункт за пунктом те обвинения, которые реввоентрибунал признал установленными и вменил в вину ему, а также арестованным вместе с ним работникам его штаба.

Пункт первый: «проводили юдофобскую и антисоветскую политику, ругая центральную Советскую власть и обзывая руководителей Красной Армии жидами, не признавая политкомов и противодействуя политработе в корпусе, стараясь подорвать авторитет комиссаров и Советской власти.

Никаких материалов о том, что в корпусе проводилась политика такого рода, ни в материалах следственной комиссии, ни судебного следствия нет. В деле имеется единственное донесение политработника Пескарева на имя члена РВС 9-й армии, в котором он сообщал, что Думенко в его присутствии сорвал со своей груди орден Красного Знамени и, забросив в угол, сказал: «Не надо мне его от жида Троцкого». Никаких свидетелей этого эпизода нет. Сам Думенко в суде показал, что, ругаясь, иногда употреблял слово «жид», но не придавал тому политического смысла и не считал государственным преступлением, к тому же слово «жид» в его понятии — обычное ругательное слово, которым он обзывал лиц не только еврейской национальности, но и разных национальностей».

Несостоятельным оказалось и утверждение суда о том, что Думенко не признавал политкомов и противодействовал их работе. Наоборот, в архиве обнаружены документы, свидетельствующие о том, что Думенко добивался направления к нему в корпус политработников, а с теми, кто был у него в корпусе, в основном были нормальные отношения, хотя он резко критиковал некоторых из политработников за то, что они «отсиживались» в штабах и «не умели сидеть на лошади».

Думенко категорически отрицал, что он ругал Советскую власть и подрывал ее авторитет, действительно, суд никакими конкретными уликами на этот счет не располагал, да и само обвинение находилось в противоречии с отношением Ленина к Думенко и с тем, что Думенко добровольно встал на защиту Советской власти и жертвовал за нее своей жизнью...

Второй пункт обвинения гласил: «Не проводили неуклонно в жизнь утвержденные положения о регулярной Красной Армии. Своими действиями поддерживали и развивали дух партизанщины, не всегда беспрекословно и точно выполняли

боевые задания, не боролись с достаточной энергией с грабежами, незаконными конфискациями, реквизициями и насилием над населением, пьянствовали сами и поощряли пьянство среди подчиненных». Неопределенные формулировки говорили сами за себя — «не проводили неуклонно», «не всегда», «не боролись с достаточной энергией». Между тем обнаруженные в архиве документы свидетельствовали о том, что было желание и стремление и самого Думенко, и его штаба успешно решить все нелегкие по тому времени задачи. Упрек в недостатках, упущениях, возможно, был справедливым, но он не мог, не должен был перерасти в обвинение, тем более в государственном преступлении...

Наконец, самое тяжкое обвинение: «В целях ограждения себя от политического контроля удаляли лиц, не разделявших их бандитские и антисоветские наклонности. С этой же целью организовали убийство военкома корпуса Микеладзе и покушение на убийство политкома связи штаба 9-й армии Захарова».

Если обстоятельства убийства военкома корпуса Микеладзе остались невыясненными, то относительно покушения на убийство политкома Захарова по материалам предварительного следствия установлено, что он случайно забрел в штаб Думенко и попал на общий завтрак работников штаба корпуса (без присутствия Думенко), где, по его утверждению, велись различные разговоры, направленные против коммунистов и комиссаров.

При проверке дела в архиве были обнаружены материалы, из которых следовало, что прибывший на работу в корпус Микеладзе установил с командиром деловой и политический контакт и поддерживал Думенко в проведении организационных мероприятий в отношении некоторой части непригодных политкомов и работников особого отдела корпуса. В архиве сохранились лично написанные Микеладзе донесения об этом в реввоенсовет 9-й армии. В архиве также были обнаружены приказы Думенко, его воззвания к бойцам корпуса, в которых осуждались имевшие место отдельные факты бесчинства по отношению к населению. К судебному разбирательству Реввоентрибунал подошел примитивно, поверхностно и предвзято. Хотя Реввоентрибунал вызывал в судебное заседание допрошенных на следствии свидетелей Ворошилова, Щаденко, Буденного, Пескарева, Ананьина и др., показания которых отрицались Думенко и другими подсудимыми, никто из свидетелей в суд не явился, а трибунал их явки не добился. Показа-

ния этих свидетелей нуждались в объективной проверке, так как были противоречивыми даже по одному и тому же эпизоду, разговору, по-разному интерпретировались, содержали ссылки на источники, которые остались не проверенными.

В деле оказались и стенограммы речей обвинителей и защитников Думенко. Ознакомление с ними убедило, что обвинители Колбановский и Белобородов (первый — работник трибунала, а второй — член реввоенсовета армии) никакими достоверными доказательствами виновности Думенко не располагали и свои речи построили на предположениях и с позиции осуждения вреда партизанщины вообще, «непонимания кое-кем важнейшей роли политработы и комиссаров в формировании Красной Армии, повышении сознательности и боевого духа ее бойцов».

Солидаризируясь с этими правильными общими рассуждениями обвинителей, выступившие в судебном заседании защитники — юристы Шик, Бышевский и общественный защитник — председатель Донисполкома Знаменский в то же время очень тщательно проанализировали каждый эпизод, каждое предположение, из которых было составлено обвинение Думенко и других подсудимых. Читая их выступления, убеждаешься, насколько аргументированно были опровергнуты защитниками выводы предварительного следствия и заключения обвинителей о виновности Думенко и других преданных суду офицеров его штаба.

Между тем Реввоентрибунал вынес суровый приговор.

Составив свое заключение, в котором мы высказались за необходимость отмены вынесенного Думенко приговора как несправедливого, необоснованного, мы пошли на доклад к Генеральному прокурору СССР Роману Андреевичу Руденко.

— Оставьте... Я почитаю, — сказал он нам.

Через несколько дней он вызвал меня и автора заключения подполковника юстиции Беспалова...

— Вижу, вы провели очень большую работу. Согласен с вашими выводами. Подготовьте протест в Верховный Суд. Я подпишу... Но хочу отметить, что речь должна идти о реабилитации Думенко не только в юридическом, но и в политическом и военно-историческом плане... Думаю, что надо выяснить по этому вопросу мнение Генштаба.

Вскоре пришел ответ, подписанный начальником Генштаба маршалом Советского Союза Захаровым М. В. и заместителем начальника Главного политического управления генералом-полковником Калашником М. Х. Сообщалось, что Думенко

и его штаб необходимо реабилитировать и внести предложение о реабилитации Думенко в общественном мнении, через военно-историческую печать...

Мы, конечно, были удовлетворены таким ответом. Руденко подписал протест. Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством генерал-майора юстиции Н. Ф. Чистякова удовлетворила протест Генерального прокурора Союза ССР. Приговор выездной сессии Революционного Военного трибунала Республики от 5—6 мая 1920 г. в отношении Думенко Бориса Макеевича и осужденных вместе с ним сослуживцев из его штаба был отменен, а дело о них в уголовном порядке производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Занимаясь делом о судебном процессе, состоявшемся в мае 1920 года в освобожденном от деникинцев Ростове-на-Дону, над командиром Сводного конного корпуса Думенко Борисом Макеевичем, мы неоднократно встречали фамилию Жлоба. Он сыграл определенную роль в судьбе Думенко.

Из книги «История гражданской войны» узнаем: Жлоба Дмитрий Петрович, 1887 года рождения, член партии большевиков с 1917 года, из крестьян, участник первой мировой войны, младший унтер-офицер. Во время Октябрьского вооруженного восстания в Москве возглавлял красногвардейский отряд. В ноябре 1917 года вместе со своим отрядом был направлен в Донбасс в качестве военкома для организации защиты угольных шахт от банд генерала Каледина.

В 1918 году Жлоба командовал красногвардейским отрядом на Дону, затем 2-м революционным северо-кавказским полком, преобразованным впоследствии в кавалерийскую бригаду, получившую название Первая Стальная бригада.

В должности командира этой бригады Жлоба Д. П. был вовлечен в конфликт с командиром Сводного конного корпуса Б. М. Думенко. Участвовал в следственной Комиссии Революционного Трибунала Республики. Отрицая причастность кого-либо из бойцов своей бригады к убийству комиссара конного корпуса Микеладзе (хотя труп был обнаружен недалеко от его штаба), он в категорической форме утверждал, что убийство Микеладзе организовано Думенко и командирами его штаба, так как они ненавидели комиссаров.

Еще перед началом судебного процесса над Думенко Б. М. председатель Реввоентрибунала Кавказского фронта Зорин

по телеграфу обязал Жлобу направить в Реввоентрибунал всех лиц, которые могут дать сведения об антисоветской деятельности Думенко, и явиться в суд самому. Зорин предупредил, что их показания в суде будут иметь важное значение, так как Думенко отрицает эти показания и называет их ложными.

Однако ни один из свидетелей, в том числе Жлоба, в трибунал не явились. Тогда Зорин доложил в Военный трибунал Республики об уклонении от явки в трибунал фронта Жлобы и Буденного, последний тоже давал показания в следственной комиссии и намекал на антисоветские настроения Думенко.

В ответ на свое донесение Зорин получил телеграмму заместителя председателя этого трибунала следующего содержания: «Не увлекайтесь слишком подробным выяснением всех деталей, обстоятельств преступлений. Дело имеет высокое общественное значение; со временем это теряется. Розенберг».

Зорин подчинился этому разъяснению и закончил судебное следствие без допроса в суде Жлобы и Буденного.

Несмотря на аргументированное даже не для юристов предложение общественных защитников не пользоваться непроверенными в суде свидетельскими показаниями, Военный трибунал все же положил в основу своего приговора показания Буденного и Жлобы.

Как выяснялось при проверке нами дела Думенко, Трибунал Республики имел указание Троцкого об осуждении и расстреле Думенко, который нанес ему личное оскорбление. Этому способствовали и показания Буденного, и в особенности Жлобы, который из корыстных и карьеристских целей был заинтересован в осуждении Думенко.

В Государственном архиве Советской Армии были обнаружены такие документы:

19 февраля 1920 г. Думенко Б. М. послал командарму 9-й Степину донесение: «Ввиду несоответствия занимаемой должности комбрига Первой партизанской тов. Жлобы, благодаря ему партизанская бригада настроена панически, не принимает боя, а отходит, прошу смещения комбрига тов. Жлобы и замены его другим командиром. Комбриг тов. Жлоба совершенно не знаком с военным делом».

Тем временем Жлоба обращается к члену Реввоенсовета 9-й армии Анисимову и тот, ссылаясь на него, докладывает

Реввоенсовету Юго-Восточного фронта, что Думенко ведет себя, как Махно.

В ночь на 24 февраля 1920 г. Думенко со всем своим штабом был арестован.

В ту же ночь Жлоба становится вместо Думенко командиром Сводного конного корпуса и издает приказ:

«Я в 1 час 30 мин. после ареста комкора со штабом вступил во временное командование корпусом.

Все, кто не подчиняется мне и моему штабу, будут арестовываться, а в случае сопротивления расстреливаться на месте».

Недолго пришлось Жлобе командовать этим корпусом. В июле 1920 года Реввоенсоветом 10-й армии была создана комиссия для расследования обстоятельств и причин, вызвавших поражение конного корпуса под командованием Жлобы на мелитопольском направлении.

В докладе комиссии от 14 июля 1920 г. дана отрицательная характеристика Жлобе и признано необходимым:

«Назначение нового командира корпуса, ввиду явной несостоятельности товарища Жлобы, не обладающего качествами, присущими начальнику столь крупного войскового соединения, разменивающегося на мелочи и не охватывающего работы в ее полном объеме».

В связи с таким заключением комиссии Реввоенсовет 10-й армии снял Жлобу с занимаемой должности.

Однако Сталин и Буденный вступились за Жлобу. Он стал командовать кавалерийской дивизией, был награжден двумя Орденами Красного Знамени.

Буденный, например, вел со Жлобой такие переговоры по телеграфу: «Комбригу Жлобе. Хутор Черемской. 1 сентября 1919 г.

Для пользы общего дела войди в тесную связь с корпусом для совместных действий, оказывая поддержку 38-й и 32-й стрелковым.

При непосредственной близости смогу оказать поддержку организации другого корпуса под твоей командой. Если сможешь, приезжай. Лично поговорим. Шлю привет. Буденный».

Несмотря на поддержку, Жлоба после окончания гражданской войны был демобилизован (по собственному желанию или в аттестационном порядке — уточнить нам не удалось).

В 1956 году мы надеялись встретиться со Д. П. Жлобой, выяснить его отношение к реабилитации Думенко Б. М. Мнение Буденного на этот счет нам было известно.

Но Жлобы Д. П. уже не было в живых... Что случилось с ним?

1937 год. Д. П. Жлоба работает в Краснодаре начальником «Союзводтреста». Трест занимается освоением рисовых полей. Но разве может быть какой-то трест, в котором нет вредительства? Над Жлобой сгущаются грозовые тучи. Он понимает, что ничто не спасет его, даже то, что он — признанный герой гражданской войны, дважды орденоносец. Угроза надвигающегося ареста настолько велика, что единственная надежда у Жлобы — поискать защиты у Сталина и Буденного. Они-то знают его. И Жлоба уезжает в Москву. Удалось ли ему попасть на прием к Сталину, встретиться с С. М. Буденным, так и осталось неизвестным. «Врага народа» Жлобу находят в одной из гостиниц Москвы и по личному указанию Фриновского арестовывают. Он так и не увидел ни жены, ни сына — их тоже арестуют и осудят к лишению свободы на несколько лет.

По совместному нашему заключению с Комитетом государственной безопасности, Жлоба, как и его «вербовщики» Шебалдаев и Дорошев, были реабилитированы, так как дело было сфальсифицировано.

От принятого решения в отношении Жлобы некоторое чувство неудовлетворенности оставалось. Ведь Жлоба был повинен в гибели комкора Бориса Макеевича Думенко. Отвернулись и Сталин, и Буденный, когда над Жлобой нависла расправа со стороны НКВД в 37 году...

Судьба командарма 2-й Конной армии. Из Ленинграда от члена КПСС с 1917 года, бывшего комиссара Донского кавалерийского корпуса Е. Е. Ефремова пришло письмо. Он просил пересмотреть решение об объявлении врагом народа бывшего командарма 2-й Конной армии Филиппа Кузьмича Миронова.

Ветеран гражданской войны, Евгений Евгеньевич Ефремов аргументированно утверждал, что «обвинение Миронова в организации контрреволюционного мятежа в Саранске — результат фальшивой подделки Троцкого и его окружения».

Реабилитировать отца просил и сын Миронова — Артемон Филиппович Миронов. Он убежден, что отец осужден необоснованно, предательски уничтожен. «Его считали героем гражданской войны, а кому-то надо было объявить его врагом Советской власти, за которую он, не щадя своей жизни, боролся».

Наведенная справка свидетельствовала: приговором Чрезвычайного трибунала 7 октября 1919 г. командир Донского корпуса Миронов Ф. К. приговорен к расстрелу. 23 октября

1919 г. Президиумом ВЦИК помилован, затем командовал 2-й Конной армией. В феврале 1921 года назначен Главным инспектором кавалерии. По пути в Москву арестован, привезен в Москву, заключен в Бутырскую тюрьму и 2 апреля 1921 г. во время прогулки «случайно застрелен». В этих давних, покрытых таинственностью событиях, нам предстояло разобраться.

Сложной оказалась проверка дела на командира Филиппа Кузьмича Миронова.

Знали только 1-ю Конную и организаторов этой легендарной армии — Сталина, Ворошилова, Буденного. О 2-й Конной, совершившей не менее героические боевые действия в Крыму, не принято было ни говорить, ни писать. Все, что было написано, изъяли, спрятали за «семью замками».

Из архивных документов стало известно:

Ф. К. Миронов родился 14 октября 1872 г. в станице Усть-Медведицкой (ныне г. Серафимович) бывшей Донской области, в бедной казачьей семье. Окончил два класса гимназии, экстерном сдал экзамены за среднюю школу и был принят в юнкерское училище.

Первое боевое крещение молодой офицер принял в русско-японской войне в 1904—1905 годах. Его смелые и успешные рейды в тыл врага с командой разведчиков принесли ему славу, четыре ордена и звание подъесаула.

Вернувшись на Дон, Миронов становится активным защитником трудового казачества. В 1906 году он был делегирован в 1 Государственную думу с революционным наказом от Усть-Медведицкого округа, на обратном пути арестован, разжалован и уволен из войска.

В августе 1914 года его снова призвали в армию, восстановили в офицерском звании и направили на фронт командиром сотни в 32-й донской казачий полк.

Февральскую революцию Ф. К. Миронов встретил восторженно. Он горячо призывал казаков голосовать за большевистский список.

После Октябрьской революции Миронов открыто выступил против реакционного офицерства. Его активно поддержали рядовые казаки.

Он принял активное участие в становлении Советской власти в Усть-Медведицком округе и в организации борьбы с контрреволюционным восстанием Краснова.

Все, кто имел оружие, пошли во главе с Мироновым на борьбу с красновцами. Официально его отряды назывались

«революционными войсками Усть-Медведицкого и Хоперского фронта», а Филипп Кузьмич был их командующим.

В июле отряды были объединены в «Усть-Медведицкую бригаду Миронова», которая в это время насчитывала около четырех тысяч штыков.

В жестоких боях с белогвардейцами бригада Миронова нанесла им тяжелые потери. Даже сам атаман Войска донского генерал Краснов вынужден был признать, что «немалую роль в освободительном движении в Усть-Медведицком округе сыграл войсковой старшина Миронов».

Краснов дважды объявлял за голову Миронова большое вознаграждение: 22 июля — 200 тыс., а в августе — до 400 тыс. руб.

Заслуги Ф. К. Миронова перед Родиной были по достоинству оценены Советским правительством. 28 сентября 1918 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета под председательством Я. М. Свердлова обсуждал необычный вопрос — кого первым наградить только что утвержденной высшей революционной наградой — орденом Красного Знамени. Положение членов Президиума было нелегким. Надо было из многих представленных к награждению героев отобрать первых трех. В протоколе заседания Президиума ВЦИК № 15 от 28 сентября 1918 г. было записано:

Слушали:

«Телеграмму командиров 1 и 2 революционных Медведицких полков и 3 Булавинского полка тов. Березина, Дартенко и Иделева о присуждении ордена Красного Знамени командиру бригады тов. Филиппу Кузьмичу, отличившемуся в боях в Усть-Медведицком округе».

Постановили:

«Первым по времени знак отличия присудить тов. Блюхеру, второй — Тов. Панюшкину, третий — тов. Кузьмичу и сделать соответствующий доклад о них на заседании ВЦИК».

Что касается третьего кавалера ордена Красного Знамени тов. Кузьмича, то о нем долгое время ничего не было известно. Не получил он и награды. Только в 1963 году в результате тщательного изучения документальных материалов удалось установить, что командир бригады «тов. Филипп Кузьмич» — не кто иной, как Филипп Кузьмич Миронов. Подлинный текст телеграммы не обнаружен. При ее передаче фамилия команди-

ра бригады, очевидно, была пропущена. Искажены были и фамилии командиров полков.

В действительности ими явились Гавриил Михайлович Березов, Гавриил Иванович Бортенко и Родион Степанович Диделев.

Указанные в телеграмме полки входили в состав бригады, которой командовал Ф. К. Миронов. Именно он и был награжден за отличие в боях с белоказаками в Усть-Медведицком округе.

Слава Миронова гремела по всему Дону.

Как опытный военачальник, Миронов видел недостатки и упущения в управлении войсками фронта и со свойственной ему прямотой резко критиковал их, невзирая на лица и не стесняясь в выражениях. 26 ноября в донесении командующему 9-й армией А. И. Егорову он «от лица революции» еще раз заявил, что «так бороться нельзя» и просил разрешения «отправиться в Москву для доклада Совету Народных Комиссаров, что в рядах Красной Армии еще много носовичей»[1].

В то время, когда Филипп Кузьмич Миронов готовил приказ о форсировании Северного Донца, поступила телеграмма народного комиссара по военным делам и председателя Революционного военного совета Республики Троцкого об отзыве его в распоряжение главного командования. В телеграмме говорилось: «Ввиду предположения дать начальнику дивизии Миронову более ответственное назначение предлагаю отправить его немедленно в Саранск, дабы дать возможность полевому штабу и мне ближе с ним познакомиться».

Приказ Троцкого был неожиданным и иезуитским. Он давно питал неприязнь к Миронову за его открытую и резкую критику. Так, в начале февраля 1919 года при штабе Южного фронта было организовано гражданское управление, на которое возлагалась организация гражданской власти в освобожденных районах. Миронов неоднократно критиковал плохую работу этого управления, но положение не менялось. Тогда в одном из писем на имя члена Реввоенсовета Южного фронта Сокольникова он прямо заявил, что «надо разогнать засевших в гражданском управлении шайку авантюристов, а вместе с ними и самого Троцкого».

Миронов не устраивал троцкистов, и в разгар наступления

[1] Полковник царской армии Носович, вступивший на службу в РККА, во время боев на Царицынском фронте перешел на сторону Деникина и выдал врагу оперативные замыслы командования фронта.

под благовидным предлогом повышения в должности фактически был снят с командования объединенной группой войск 9-й армии.

Миронов получил приказ принять командование Особым корпусом. При этом ему было сказано, что корпус находится в полной боевой готовности. Каково же было его негодование, когда он на месте увидел, что никакого корпуса нет. Миронов считал своим долгом доложить об этом В. И. Ленину и М. И. Калинину. 24 июня он телеграфировал им: «Назначая меня комкором особого, Реввоенсовет Южного фронта заявил, что этот бывший экспедиционный корпус силен, что в нем до 15 тыс. штыков, в том числе до 5 тыс. курсантов, и что это одна из боевых единиц фронта. Если такие сведения даны Вам, то я считаю революционным долгом донести о полном противоречии этих сведений с истинным положением вещей. Я нахожу это недопустимым, ибо... закрываем глаза на действительную опасность... Докладываю, что корпус имеет около 3 тыс. штыков».

Вскоре Миронова вызвали в Москву. 8 июля он был принят В. И. Лениным. На приеме присутствовали М. И. Калинин и комиссар по казачьим делам М. Я. Макаров. Около двух часов продолжалась дружеская беседа. Владимир Ильич внимательно ознакомился с докладом Миронова, в котором тот излагал свою стратегию и тактику по отношению к казачеству. Филипп Кузьмич сказал, что он «глубоко убежден в том, что казачество не так контрреволюционно, как на него смотрят».

Заручившись поддержкой руководителей Советского государства, Филипп Кузьмич с радостным настроением возвратился в Саранск, где находился штаб формируемого им Особого Донского корпуса. Для комплектования корпуса Миронов решил прежде всего использовать уроженцев Донской области, бежавших от Деникина. С этой целью он обратился с воззванием «К беженцам Донской области»: «В прошлом году многих из вас красновская контрреволюционная волна заставила оставить родные степи и хаты. Много пришлось пережить и выстрадать. Обратный революционный шквал в январе растрепал кажущуюся мощь красновщины, и то, что он завоевывал долгими месяцами и ценою десятков тысяч тел обманутого казачества, пришлось сдать в течение двух-трех недель. Вы вернулись в свои углы, правда, разоренные, но все-таки в свои. В своей же хате и дым сладок.

Наша расхлябанность и разнузданность создали генерала Деникина и вновь пришлось всем нам искать убежища в чужих

краях. Но этот второй раз и будет разом последним. Если одолеет генерал Деникин — спасения никому нет».

Филипп Кузьмич призывал всех казаков: «...невзирая на свои годы, лишь бы были крепкие руки, да меткий, верный глаз, все под ружье, все под Красное знамя труда, которое вручает мне сегодня революция. Только дружным усилием и натиском, только дружным откликом на мой зов мы сломим тех, кто изгнал нас. Только тогда мы, а не они, прислоним их к стенке».

Донцы горячо откликнулись на призыв своего земляка.

Ф. К. Миронов написал В. И. Ленину большое письмо, в котором резко критиковал отдельных партийных работников, проводивших неправильную, осужденную впоследствии партией линию сплошного «расказачивания».

Миронов значительно раньше понял, какую опасность таила в себе политика «расказачивания», и выступил против нее, за что подвергся травле со стороны тех, кто ее проводил на местах.

Письмо Владимир Ильич не получил. Формирование корпуса прекратилось. Травля Миронова усилилась. Распространялись провокационные слухи о якобы готовившейся им измене. Посыпались доносы о том, что Миронов опасен, что это новый атаман Григорьев, который выступит против Советской власти, как только закончит формирование корпуса.

Тем временем генерал Деникин рвался к Москве. 10 августа Мамонтов, прорвав фронт, пошел по тылам советских войск, 18 августа он занял Тамбов, через десять дней — Козлов, откуда эвакуировался штаб Южного фронта. Одновременно с прорывом Мамонтова генерал Кутепов занял Курск. Враг без остановки двигался к Москве.

В это тяжелое для Республики время Ф. К. Миронов потребовал отправить его с наличными силами на фронт. Настойчивость Миронова в той сложной и напряженной обстановке еще больше вызвала недоверие к нему.

23 августа в 2 часа член Реввоенсовета Республики И. Т. Смилга срочно вызвал Миронова к прямому проводу и потребовал объяснений. «Я получил сведения, — сказал Смилга, — что вы собираетесь выступить со своими частями на фронт без ведома Южного фронта... Я категорически настаиваю, чтобы вы своими несогласованными действиями не затрудняли бы наши армии».

Ф. К. Миронов ответил: «В создавшейся вокруг меня атмосфере я задыхаюсь. Фронт определенно нуждается во мне. Никакого осложнения я на фронт не принесу, а принесу толь-

ко моральную поддержку и силу штыков дивизии. Я согласен влиться с сотней преданных мне людей в родную мне 23-ю дивизию, но лишь бы не переживать тех душевных мук, которые преследуют меня с 15 июля. Моя платформа ясна: борьба с Деникиным и буржуазией... Изменником революции я не был и не буду... Если вы, тов. Смилга, имеете чутье государственного человека, то я тоже категорически настаиваю не препятствовать мне уйти на фронт, только там я буду себя чувствовать удовлетворенным».

Это выступление в исторической литературе известно как «мятеж полковника Миронова». В специальном воззвании «к войскам Донского корпуса» И. Т. Смилга писал, что «Миронов изменил революции и Советской власти... На словах он защитник социальной революции, на деле он такой же предатель, как Григорьев и Махно. Ему был послан приказ не двигать войска из Саранска с предупреждением, что, в случае неповиновения, он будет объявлен предателем. Вместо исполнения воинского долга он повел свои части против советских войск. Заявляю вам: «Миронов предатель и изменник делу революции и объявляется вне закона».

Смилга приказал войскам Донского корпуса «немедленно вернуться в Саранск и приступить к исполнению своих обязанностей. Мятежника Миронова живым или мертвым доставить в штаб советских войск».

Позже Смилга признал, что он был не прав. Правда, он всю вину свалил на командование Южным фронтом. «Можно смело сказать, — писал он, — что если бы не было сделано ряда политических и организационных промахов со стороны Южфронта, мироновского мятежа не было бы».

Однако страсти продолжали разгораться. Мнительный Миронов потерял надежду получить разрешение выступить с корпусом на борьбу с Деникиным, решил действовать вопреки приказу командования фронтом.

24 августа Особый Донской корпус под командованием Миронова, имея в своем составе «четыре тысячи человек, из них около двух тысяч вооруженных, тысячу коней, два орудия и около десяти пулеметов», покинул Саранск и двинулся на юг к линии фронта.

На подавление «мятежа Миронова» были направлены части запасной армии Республики под командованием Б. И. Гильденберга и конный корпус С. М. Буденного.

Накаляя вокруг Миронова враждебную обстановку, местные газеты поспешили сообщить, что «из перехваченной пе-

реписки Миронова установлено, что он находился в связи с Деникиным; Миронов изменил подло, трусливо, не имея мужества сказать прямо, что он идет против Советской власти».

В действительности же Миронов шел не к Деникину, а на борьбу с ним, что подтверждается материалами суда и проверки.

Можно по-разному квалифицировать эти заявления и действия Миронова, но одно несомненно: любой командир, какие бы он ни имел выдающиеся заслуги, не имеет права на самоуправство, на неповиновение, тем более в сложнейшей военной обстановке. Миронов заслуживал наказания, но вопрос — какого?

К решению этого вопроса приложили свои руки Троцкий и Смилга.

Для расследования «мятежа Миронова» была учреждена «чрезвычайная следственная комиссия».

Троцкий внимательно следил за ходом следствия. Он дал указание провести «судебное разбирательство как можно более скорым темпом для того, чтобы достигнуть необходимых политических результатов».

Об отношении Троцкого к Миронову имеется такое свидетельство.

В статье «Полковник Миронов», написанной Троцким, утверждалось, что Миронов желал стать на Дону наказным атаманом, и, хотя уверял, что Деникин ему враг, помогал ему. «Нет никакого сомнения, — писал он, — что между ними натягиваются тайные связи, темные посредники переходят из деникинского лагеря в мироновский и обратно».

Никакими доказательствами для такого утверждения Троцкий не располагал и привести их в своей статье не мог.

Она была написана с расчетом на то, чтобы с помощью своего тогдашнего «авторитета» повлиять на дальнейшую судьбу Миронова и отомстить ему за критику.

Троцкий, как это видно из сохранившихся архивных материалов, сам подобрал состав суда. Обвинителем на процессе Троцкий назначил И. Т. Смилгу, того самого, кому не повиновался Миронов. Конечно, он не был беспристрастен.

Вот как в судебном заседании сам Миронов оценивал свои выступления того времени: «Я не выпускал из рук винтовки до первого марта 1919 года, когда мне удалось занять станицу Урюпинскую. Ведя объединенную группу из нескольких дивизий, везде устраивал митинги, разъяснял истинное значение коммуны, ибо был убежден, что то поведение, которое

наблюдалось у отдельных лиц, могло сильно повредить делу и вызвать нежелательные явления, вроде восстания казаков, которое кадеты могли использовать в своих целях. Я не против идейного коммунизма, а против отдельных личностей, которые своими действиями подрывали авторитет Советской власти. Я обрисовывал все примеры очень рельефно, называл имена тех, кто совершал те или иные преступления, указывал на примеры и факты там, где они имели место. Я говорил, что если подобные безобразные поступки не прекратятся, то, закончив войну с Красновым, нужно будет оглянуться на коммунистов. Эти нападки на отдельные личности были приняты за нападки на Советскую власть и, читая газеты, я видел, что меня обвиняют в том, в чем не виновен и чего никогда не делал».

Миронов ничего не знал о том, что судьба его уже решена. В своем заключительном слове, отвечая на обвинение Смилги в том, что он должен был понимать и знать все последствия своего выступления, Миронов сказал: «Ко мне относились до сих пор враждебно и сейчас не доверяют, но я заявляю и всем своим поведением доказал, что не выступал против Советской власти».

Приговор Чрезвычайного трибунала был суров. Трибунал приговорил Ф. К. Миронова и девять его ближайших помощников к высшей мере — расстрелу.

Процесс Миронова произвел большое впечатление. «Картина суда напоминала процессы великой революции, — говорил Смилга члену Реввоенсовета Южного фронта В. А. Трифонову. — Подсудимые в последнем слове кричали: «Да здравствует Советская власть и коммунисты». Несмотря на то, что я требовал для них смерти, один даже произнес здравицу за меня».

Срок исполнения приговора приближался. По просьбе «смертников» их поместили в одну камеру. Всю ночь они пели революционные песни и прощались с жизнью, а утром им объявили решение Президиума ВЦИК: «Миронова и его соучастников, присужденных Чрезвычайным Революционным трибуналом в Болошеве к расстрелу по делу о восстании, помиловать и приговора в исполнение не приводить. Всех арестованных по делу Миронова освободить».

Когда прочитали телеграмму, Миронов не выдержал и зарыдал. Он радовался предоставленной ему возможности продолжать борьбу за власть Советов.

«Дарованная мне Президиумом ВЦИК жизнь, — писал Фи-

липп Кузьмич Миронов, — будет мною отдана до последней капли крови делу коммунистического строительства, а в дальнейшем, если Президиум ВЦИК вернет мне свое доверие, я встану в ряды Коммунистической партии, чтобы отдать все свои силы на укрепление ее позиций в трудящихся массах, особенно среди казачества. Идея коммунизма свята».

Владимир Ильич Ленин поручил Ф. Э. Дзержинскому внимательно разобраться с «делом Миронова». В ноябре 1919 года на заседании Политбюро ЦК Феликс Эдмундович доложил о проверке «дела Миронова» и предложил обсудить вопрос о приеме его в партию. Владимир Ильич решил лично поговорить с Мироновым, еще раз выслушал его соображения о борьбе с контрреволюцией на Дону.

Встреча с Лениным произвела на Миронова огромное впечатление.

— Двенадцать лет я считал себя социалистом-максималистом, — сказал он, — а посещение Ленина и беседа с ним в течение нескольких часов сделали меня коммунистом.

Долго и задушевно беседовал с Мироновым Ф. Э. Дзержинский. По его предложению 10 января 1920 г. Миронов был направлен на работу в Донской исполнительный комитет на должность начальника земельного отдела, а 15 января того же года был принят в члены большевистской партии...

Появившись однажды в начале 1921 года у себя на родине в станице Усть-Медведицкой, Филипп Кузьмич Миронов со свойственной ему прямотой на сходке казаков-земляков подверг резкой критике неправильные действия отдельных партийных работников, о чем он писал В. И. Ленину.

Некий Скобиненко А. Т. об этом выступлении донес в Донской ревком в извращенной форме, придав словам Миронова контрреволюционное содержание.

Вскоре Миронов был арестован и доставлен в Москву. Здесь при странных обстоятельствах оборвалась его жизнь. То, чего не добился в отношении его в 1919 году Троцкий, сделали другие. При проверке этого дела спустя тридцать с лишним лет удалось установить бесспорный клеветнический характер донесения Скобиненко. Сам автор этого доноса через год, в 1922 году, был исключен из партии за допущенные злоупотребления и извращения политики партии, в 1934 году осужден за хищение к 10 годам лишения свободы и впоследствии умер. Одностаничники его охарактеризовали как карьериста и клеветника. Ф. К. Миронов был реабилитирован. Такой сложной и трагической оказалась его судьба.

Поправки с далеко идущими последствиями

Среди поступавших в Главную военную прокуратуру все новых и новых заявлений-просьб о пересмотре дел 20—30-х годов были и предостерегающие: «Не поддавайтесь всепрощению. Была ожесточенная борьба. Было и немало врагов». А один, назвавшийся юристом, старым большевиком, просил: «Обратите внимание на поправки с далеко идущими последствиями, внесенные без Ленина в уголовные законы. Поправки «развязали руки» для массовых репрессий»...

Все это настораживало, требовало основательно вникнуть в дела и в содержание законов тех лет, о которых шла речь в письмах.

Листаем архивные материалы. Убеждаемся, что не прошло и каких-то нескольких месяцев, как в принятые Уголовный, Исправительно-трудовой кодексы и в декреты о функциях ГПУ и прокуратуры были внесены существенные поправки «с далеко идущими последствиями».

Расскажем об этом по порядку.

В июле 1923 года, когда состояние здоровья Владимира Ильича Ленина резко ухудшилось, и он уже не мог принимать участие в различных государственных делах страны, состоялась вторая сессия ВЦИК 10-го созыва. На этой сессии был заслушан доклад Н. В. Крыленко. Основное содержание этого доклада заключалось в том, что после принятия Уголовного кодекса 1922 года, в разработке которого лично участвовал Владимир Ильич, теперь в его отсутствие вносились поправки.

«Самое большое, крупное, принципиальное изменение, — заявил Н. В. Крыленко, — предполагается внести в ст. 57 Уголовного кодекса».

В чем суть этих изменений? Н. В. Крыленко пояснил: «Сейчас раздел о контрреволюции и контрреволюционных преступлениях признает контрреволюцией те преступления, которые были направлены на свержение Советской власти. Мы расширяем это понятие (курсив мой, — Б. В.) и предлагаем вставить в текст статьи кроме слова «свержения» еще два слова: «подрыв и ослабление» Советской власти, ибо сейчас форма открытой контрреволюции представляет собой уникумы, а между тем контрреволюционная деятельность в других фор-

мах имеется налицо. Это первая поправка. Вторая поправка следующего содержания.

Контрреволюционными признаются и такие действия, которые, не будучи непосредственно направлены на свержение Советской власти, тем не менее заведомо для совершителя содержат в себе покушения на основные хозяйственные или политические завоевания революции»...

Н. В. Крыленко отчетливо представлял, что означало такое дополнение — поправка к ст. 57 УК РСФСР 1922 года (формулировка которой была разработана комиссией Д. И. Курского при участии В. И. Ленина).

Поэтому он акцентировал внимание делегатов сессии на том, что:

«Это чрезвычайно широкое толкование, дающее суду признать контрреволюционными действия и такие, которые, не будучи прямо направлены на свержение Советской власти, тем не менее покушаются на основные завоевания пролетарской революции».

Как и следовало ожидать, Крыленко объяснил, что это необходимо для «эластичности нашей карательной политики для борьбы со скрытыми формами контрреволюционной деятельности, которая до известной степени возобладала».

Не менее принципиальной была и поправка к ст. 63 Уголовного кодекса.

В первоначальной редакции вредительство было сформулировано как «участие в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений или предприятий или использующей таковые в тех же целях».

Закон содержал прямое указание на наличие во вредительстве контрреволюционной цели. Это уже не устраивало инициаторов и авторов поправки данной статьи. Поэтому была предложена новая редакция ст. 63 УК РСФСР. Она излагалась так: «Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта (экономическая контрреволюция)».

Объясняя суть этой поправки, Н. В. Крыленко указал, что в понятие «экономическая контрреволюция» нужно внести ясность. Для признания экономической контрреволюции требуется сознательная деятельность, направленная к разрушению и расстройству транспорта, торговли и промышленности в контр-

революционных целях, но это не значит, что если данных признаков не будет, то и нет экономической контрреволюции.

Если будет доказано противодействие в виде сознательного неисполнения обязанностей, заведомо небрежного исполнения их или излишней канцелярской волокиты, то мы «притянем» виновного либо по этой статье либо по разделу о должностных преступлениях. Об этом будет оговорено в ч. 2 ст. 63 УК РСФСР.

«Мы не дадим расстрела, — как бы заранее успокаивал несогласных с ним делегатов сессии Н. В. Крыленко. — Там расстрел не предусмотрен, а более мягкая мера».

Читая стенограмму доклада Н. В. Крыленко, можно только удивляться его рассуждениям. Но образованная на сессии юридическая комиссия после бурного обсуждения одобрила представленный НКЮ проект поправок ст. ст. 57 и 63, и сессия их утвердила в таком содержании.

Свое несогласие с произведенными поправками высказал ряд ученых юристов: А. Эстрин (сразу же в 1923 году)[1], Б. Змиев (в изданном труде в Казани в 1925 году)[2], профессор С. В. Познышев[3].

В 1930 году признал свою неправоту и Н. В. Крыленко, но это уже никак не повлияло на прекращение уже получившего распространение широкого толкования в практике состава контрреволюционных преступлений[4].

В дальнейшем, сохраняя принятое в 1923 году Общее положение о составе контрреволюционного преступления, ЦИК и СНК СССР приняли 14 августа 1925 г. постановление об ответственности за шпионаж, а также за собирание и передачу экономических сведений, не подлежащих оглашению»[5].

К этим сведениям были отнесены данные не только военного и экономического характера, но и «иного рода сведения, касающиеся переговоров и соглашений СССР».

Сохранилось общее понятие контрреволюционного преступления в том виде, в каком было сформулировано постанов-

[1] Эстрин А. Уголовное право РСФСР. М., 1923. С. 40—41, 57.
[2] Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная. Казань, 1925. С. 57.
[3] Познышев С. В. Очерки основных начал уголовного права. М., 1928. С. 223—224.
[4] Крыленко Н. В. Суд и право в СССР. Ч. 3. М.-Л., 1930. С. 79.
[5] СУ РСФСР. 1925. № 52. Ст. 390.

лением ВЦИК 10-го созыва 10 июля 1923 г. и в Кодексе РСФСР 1926 года (т. е. в расширительном толковании)[1].

Ссылаясь на обострение классовой борьбы в городе и деревне, ЦИК СССР на третьей сессии 25 февраля 1927 г. принял Положение о преступлениях государственных[2]. В него были включены как контрреволюционные, так и особо опасные для Союза ССР преступления против порядка и управления. Положение ввело новые статьи, предусматривающие ответственность за антисоветские действия (ст. 11 — об ответственности за участие в заговоре и ст. 14 — за саботаж, при этом без контрреволюционных целей).

Этим же Положением был унифицирован состав контрреволюционной пропаганды и агитации, в него включены все возможные формы пропаганды и агитации, содержащие призыв к свержению, подрыву и ослаблению Советской власти без контрреволюционных целей. Равно каралось изготовление, хранение или распространение литературы того же содержания (ст. 58^{10}) УК РСФСР. В 1988 году содержание этой статьи также было изменено.

В статью об ответственности за сношение с иностранными государствами, кроме цели склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики, было добавлено «а также способствование иностранным государствам после объявления им войны, в чем бы оно ни *выражалось*» (курсив мой. — *Б. В.*).

После принятия Положения о преступлениях государственных ЦИК СССР 21 ноября 1929 г. принял постановление «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказавшихся вернуться в Советский Союз»[3].

Закону, в отличие от общепринятого Положения, была придана обратная сила и предусматривался особый процессуальный порядок привлечения виновного к уголовной ответственности (заочно, без получения объяснения подсудимого разрешалось выносить приговор к высшей мере наказания — расстрелу).

Одновременно компетенция ГПУ расширялась, беззаконие покрывалось. Государственное Политическое Управление (ГПУ)

[1] Только в 1988 году наше законодательство вернулось к ленинской формулировке общего понятия особо опасного преступления, признав основным его признаком наличие цели — «свержения насильственным путем советского государственного строя».

[2] СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 123.

[3] СЗ СССР. 1929. № 76. Ст. 732.

получило права внесудебной расправы, а также было наделено правом выселять и заключать в лагерь принудительных работ на срок (не свыше трех лет) следующих лиц:

а) деятелей антисоветских политических партий;

б) лиц, дважды судимых за преступления, предусмотренные... (далее указывался длинный перечень статей Уголовного кодекса).

Под контроль ГПУ были взяты действия и решения трибуналов, рассматривающие дела о политических преступлениях, о шпионаже и т. д. путем делегирования в состав суда представителя ОГПУ.

Хотя и было оговорено, что «Государственное Политическое Управление обязывается отчитываться в своей деятельности перед Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета один раз в три месяца», однако этот контроль был малоэффективным. В последующие годы репрессивные полномочия и права ОГПУ расширялись.

В марте 1924 года ОГПУ предоставлено право вынесения приговоров о ссылке или заключении в концентрационный лагерь меньшевиков, эсеров и членов других контрреволюционных партий, а также троцкистов, занимавшихся антисоветской деятельностью.

В 1926 году ОГПУ разрешено запрещать тем или иным лицам, отбывшим срок наказания по приговорам ОГПУ, возвращаться в Москву и Московскую губернию.

При наделении органов ОГПУ широкими полномочиями по применению мер репрессий, в том числе и крайне суровых, видимо, предполагалось, что это будет сочетаться с надлежащим прокурорским надзором за законностью их действий. Это вытекало из смысла ленинского письма «О «двойном» подчинении и законности», послужившего основой для образования в стране органов прокуратуры.

Между тем созданное после ликвидации ВЧК Главное политическое управление (ГПУ), ОГПУ добилось того, что в первом Положении о его деятельности было записано:

ограничить функции прокурорского надзора по наблюдению за следствием и дознанием по делам политическим и по обвинению в шпионаже (ст. ст. 57—73 УК РСФСР).

Это означало, что прокурор лишался установленного ранее законом права непосредственно наблюдать за проводимым органами ГПУ следствием по перечисленным делам, давать им обязательные к исполнению указания.

А через год, в 1924 году — после смерти Ленина, в приня-

том ЦИК постановлении об «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» было даже оговорено, что право прокурора на немедленное освобождение всякого неправильно лишенного свободы гражданина не распространяется на тех, кто арестован органами ОГПУ[1].

Все поправки в принятые при жизни В. И. Ленина законы были внесены перед самой его смертью и сразу же после нее, что означало предание забвению заветов Ленина.

В своих работах В. И. Ленин большое значение придавал укреплению демократии, народовластия, формированию Советского правового государства, всемерному укреплению законности...

Как эти заветы Ленина, после его смерти, претворялись в жизнь?

Вызывало удивление, что в «Клятве», произнесенной Сталиным на II Всемирном съезде Советов (26 января 1924 г.) «По поводу смерти Ленина», не было ни одного слова ни о соблюдении демократии, ни о законности[2].

На состоявшейся через год XIV Конференции РКП(б) (27—29 апреля 1925 г.) был внесен на рассмотрение специально вопрос «О революционной законности». К чему же свелось обсуждение этого важнейшего вопроса?

Правда, доклад поручили сделать товарищу Сольцу А. А., члену ЦКК и члену партии с 1888 года, приверженцу ленинских взглядов на значение законности. В своем докладе он напомнил делегатам конференции, какое большое значение В. И. Ленин придавал законности в социалистическом строительстве, как, будучи уже больным, принял участие в дискуссии об организации прокуратуры, изложив свои принципиальные взляды в известном письме «О «двойном» подчинении и законности», ставшим программным документом партии в формировании правового государства.

Приведем следующую выдержку из доклада тов. Сольца:

«Надо широким трудящимся массам, надо членам партии, надо тем, кто осуществляет Советскую власть, понять, что наши законы во всех своих проявлениях также утверждают и укрепляют то социалистическое строительство, которое мы хотим осуществить и укрепить, а нарушение наших законов разрушает это строительство...

Ведь чем дальше продолжается наше строительство, тем

[1] СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

[2] Сталин И. В. Т. 6. С. 46.

меньше становится тех элементов, которые, так сказать, способны бороться против нас активно, тем больше на нашу сторону переходит людей, готовых нам помочь в этом строительстве»[1].

Можно представить себе, насколько отрицательно отнесся к этим словам докладчика Сталин. Он был убежден в необходимости бескомпромиссного подавления классово чуждых элементов, без чего не мыслил продолжение своего диктаторского пути строительства социализма.

Тем более Сталин не мог солидаризироваться с той задачей, которую выдвинул Сольц:

«Задача наша состоит в том, чтобы за всеми слоями населения обеспечить те права, которые мы считаем необходимым ему обеспечить в интересах нашего строительства. Какова роль даже кулаков и нэпманов в нашем строительстве в условиях нэпа? Почему определенные права им даются? Потому, что нам для нашего строительства их содействие, их работа на известный период необходимы. Помимо своей воли они своей работой в условиях нэпа помогают нам пройти переходный период подготовки к социализму, помогают нам победить не только с оружием в руках, но и как лучшие строители, как лучшие работники[2]».

Несмотря на то что Сольц привел немало конкретных фактов грубейших нарушений советских законов, критиковал негативное отношение целого ряда партийных и советских руководителей к соблюдению законности, по его докладу никакого обсуждения не состоялось.

Председательствующий на конференции предложил доклад тов. Сольца принять без прений. Его единогласно поддержали.

Приведем краткую резолюцию по докладу тов. Сольца:

«О революционой законности. Резолюция XIV Конференции РКП(б) 27—29 апреля 1925 г.».

«Признавая, что интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой партии требуют максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти, конференция постановляет:

[1] Стенографический отчет XIV конференции РКП(б). М., 1925. С. 253.

[2] Там же.

а) одобрить инициативу ЦКК по постановке этой задачи, как одной из основных задач, стоящих в настоящий момент перед Советской властью;

б) поручить ЦК и ЦКК разработать на основе указаний Ленина, высказанных им в опубликованном 23 апреля с. г. письме, и доклада Сольца все необходимые организационные мероприятия для укрепления революционной законности с проведением этих мероприятий в советском порядке»[1].

Содержание этих документов подтверждает, что решение проблемы укрепления законности в стране в значительной степени недооценивалось.

В связи с этим приведу любопытный документ из личного архива Сталина. В мае 1925 года он поручил своему помощнику Товстухе создать для него хорошую библиотеку и составил список нужных книг. Перечень получился большой. Под пунктом «П» значилось: «съезды и конференции (а также резолюции) партийные, коминтерновские и иные (без декретов и кодексов законов. — *Подчеркнуто Сталиным*)»[2].

Выступая с докладом о советском строительстве на III Всесоюзном съезде Советов 16 мая 1925 г., М. И. Калинин подчеркнул необходимость основательного обсуждения и принятия проекта об укреплении революционной законности.

«Укрепление законности, — отметил он, — повышает культурность населения, его правосознание. Многие думают законность утвердить циркулярами, строгими административными мерами и т. д. Я не отрицаю известного значения таких мер, но было бы наивно думать, что только ими можно ее восстановить. Достаточно вспомнить, что в нашей стране в прошлом законность никогда не занимала почетного места.

...Было бы слишком самонадеянно и неправильно, если бы мы думали, что за годы революции мы далеко ушли в этом отношении от дореволюционного периода. Конечно, у нас очень выросло чувство самодостоинства в массах. Рабочий, крестьянин, городской обыватель сейчас куда более ревнивей относится, чем это было до революции, к нарушению их прав.

[1] Имеется в виду письмо В. И. Ленина «О „двойном" подчинении и законности», написанное им 20 мая 1922 г. и опубликованное 23 апреля 1925 г. в Правде (№ 91). Три года это письмо В. И. Ленина скрывалось от членов партии и всех трудящихся.

[2] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1925. 6-е изд. Ч. II. С. 25.

Это — бесспорно, положительное завоевание революции. Но параллельно с этим война и гражданская борьба создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять — для них значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона»[1].

III съезд Советов Союза ССР 20 мая 1925 г. принял постановление «О точном проведении революционной законности». Все его содержание свелось к следующему:

III Съезд Советов Союза ССР Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР:

1. Соответствующим законодательным актом ограничить административные штрафы как в городах, так и селениях только определенными размерами и случаями, устанавливаемыми в законодательном порядке.

2. Выработать и издать постановление об ограничении конфискации имущества по суду, а также продажи имущества за неуплату налогов, штрафов и т. п.[2].

Несмотря на выступление М. И. Калинина на этом съезде, его решение в соблюдении твердой законности на практике почти ничего не изменилось...

В этом мы убедились, познакомившись с докладом Г. К. Орджоникидзе на XV съезда ВКП(б). Из доклада следовало, что в суде «дела тянутся страшно долго, привлекают к суду очень часто необоснованно: например, в народных судах, в РСФСР, за 1926 год закончено 1 427 776 уголовных дел. По этим делам привлечено 1 906 791 человек. Огромный процент этих дел — 34,6 % прекращены и 25,4 % оправданы. Оправданных по суду и привлеченных по делам, которые были прекращены по одной РСФСР, — 1 060 687, а людей все-таки вызывали, людей все-таки таскали, не подумав заранее, не разобравшись толком, надо предавать суду или не надо.

Украина не отстает от РСФСР; здесь, очевидно, идет соревнование. За 1925—1926 гг. по уголовным делам вызвано было в УССР 438 783 подсудимых, 2 074 470 свидетелей, по гражданским делам 1,5 миллиона и 5869 экспертов. Всего, таким образом, по УССР вызывалось в судебные учреждения в течение одного года 4 011 366 человек, или 15 % всего

[1] Калинин М. И. Вопросы советского строительства. М., 1958. С. 245—248.
[2] СУ СССР. 1925. № 35. Ст. 247.

населения. Спрашивается, товарищи, чем это вызывается — усилением преступности в нашей стране или нашей безалаберностью? Результат рассмотрения этих дел, приговоры судов говорят о том, что усиления преступности нет, а есть усиление безалаберщины»[1].

Все это послужило поводом для острой дискуссии между делегатами съезда от Наркомата юстиции и ЦКК — РКИ. Выступивший в прениях по докладу Орджоникидзе ответственный работник ЦКК — РКИ Янсон заявил (цитируем по стенографическому отчету):

«По тому опыту, с которым мы встречаемся в работе органов юстиции, я лично пришел к убеждению, что здесь нам нужно не только реформами заниматься, но даже небольшую революцию произвести (Сольц: «Правильно») снизу доверху. Правда, товарищи, которые работают в органах юстиции, призваны к тому, чтобы защищать законность, но иногда эта защита законности превращается в буквоедство».

Продолжая свое выступление, тов. Янсон высказал обобщенное мнение: «Мы думаем, что наша законность должна быть построена так, чтобы она была связана непосредственно и в первую очередь с требованиями жизни (голос: «Правильно!»), с жизненной целесообразностью (аплодисменты)... Я полагаю, что наибольших результатов мы достигнем в том случае, если органы юстиции построим по такому принципу, чтобы там было определенное количество людей с практическим смыслом и опытом, людей рабочего происхождения...

Реплика Сольца: И поменьше юристов...

Янсон: ... А сейчас у нас имеется некоторый профессиональный юридический уклон, который не совсем полезен для дела советской юстиции, являющейся совершенно новой формой по сравнению с буржуазной»[2].

Выступивший от имени прокуратуры делегат съезда Н. В. Крыленко, почувствовав неправильную ориентацию, прозвучавшую в выступлении Янсона и в репликах Сольца, дал делегатам такое разъяснение:

«У нас, у юристов, нет юридического уклона, ибо рабочих среди юристов 33,5 %. Из 1176 уездных помощников прокуроров РСФСР лишь 124 имеют юридическое образо-

[1] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л., 1928. С. 407—408.

[2] Там же. С. 413.

вание, 210 — общее среднее, 690 — низшее, 236 без всякого юридического стажа. Почти 100 % коммунисты»[1].

«Что в конце концов, — спрашивает Крыленко, — является для судебных работников основным указующим критерием: имеет ли он право, или не имеет права вкривь и вкось по своему усмотрению, толковать, применять или не применять любой закон? Если революционная целесообразность, — то в переводе на простой язык означает: «как бог на душу положит», но она не может заменить точные указания Советской власти»[2].

Изучая стенограмму съезда, нельзя не обратить внимание на то, что ни одно выступление на съезде, кроме оппозиционеров, так не перебивали репликами, как речь Крыленко. Даже когда он цитировал Ленина, из зала кричали: «Не делайте из этого фетиша».

Тов. Сольц, как зафиксировано в стенограмме, подал реплику: «Есть законы плохие и есть законы хорошие. Хороший закон надо исполнять, а плохой... голоса с мест: «Исправлять, не исполнять», «Правильно!». «А как же иначе?» (Смех):

Последнее слово в этой полемике осталось за членом ЦКК — РКИ М. В. Шкирятовым. Насколько оно было компетентным и аргументированным, можно судить по его содержанию:

«В одной деревне происходили убийства, а суд никого не мог осудить. Суд, видите ли, ищет факты. Тут царит только буква закона. На глазах происходит убийство, а им давай факты. Видите, к букве закона не подходит человек, а потому судить нельзя». Обратимся к другой истории, которую рассказал делегатам съезда Шкирятов: «Один человек во время гражданской войны боролся с бандитизмом. Этот товарищ кое-кого без закона расстрелял в то время. А теперь, когда мы живем в спокойной обстановке, когда все успокоились, один из судебных крючкотворов разыскивает это дело... и говорит: вот такой-то коммунист (хороший ленинградский, кажется, или украинский рабочий-металлист) обвиняется в том, что он не по закону расстреливал, — и его предают суду (реплика Крыленко: «Не отдали его под суд!»)[3].

«Что вы рассказываете! — продолжал Шкирятов. — Да, да,

[1] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 413.
[2] Там же, с. 412.
[3] Там же. С. 414.

т. Крыленко, если бы не вмешалась ЦКК, товарища бы отдали под суд. Вот, тут-то нужно руководствоваться не только буквой закона, но и подходить к этому закону своим пролетарским революционным чутьем. Вот что должно быть, т. Крыленко. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты).

Реплика Крыленко: «Выходит, что расстрелять можно беззаконно?»

«Нет, — ответил Шкирятов, — не выходит, а выходит то, что нельзя быть бездушным чиновником»[1]. (Аплодисменты).

Та полемика, которая развернулась при обсуждении доклада Орджоникидзе на XV съезде и свелась к игнорированию соблюдения законности, еще раз убеждает, насколько у определенной части делегатов съезда были сильно деформированы ленинские взгляды на необходимость неукоснительного соблюдения законов Советской власти.

Всем этим, как мы убедились, воспользовался Сталин в своих политических установках, призвав не считаться с действующими законами или истолковать их по своему усмотрению. Как видно из архивных материалов, стремление определенных сотрудников ОГПУ выйти из-под надзора за их деятельностью со стороны прокуратуры получило после 1924 года дальнейшее развитие.

Среди архивных материалов обнаружена переписка в 1927 году между ОГПУ и Прокуратурой по следующему вопросу: 20 июля 1927 г. в «Известиях ЦИК СССР» за № 163 была помещена статья тов. Менжинского В. Р., посвященная памяти Ф. Э. Дзержинского. В этой статье говорилось: «Презрительно относясь ко всякого рода юридическому крючкотворству и прокурорскому формализму, Дзержинский чрезвычайно чутко относился ко всякого рода жалобам на ЧК по существу».

На это место обратили внимание прокурорские работники. В Прокуратуру СССР, которая тогда была при Верховном Суде, пришло много писем с просьбой обратиться к товарищу Менжинскому В. Р. о внесении поправки, уточнения в его статью.

В рапорте, который представил по этому поводу военный прокурор Ленинградского военного округа тов. Перфильев, было, например, сказано:

«Именем умершего Дзержинского в своеобразном виде на страницах правительственного органа дается директива,

[1] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 415.

которая должна усложнить отношение со стороны ОГПУ к требованиям, совершенно законным, прокуратуры»[1].

Была издана совместная директива. Ее содержание, как можете убедиться, свидетельствует о том компромиссе, который был выработан руководством прокуратуры и ОГПУ: «На взаимоотношениях ОГПУ и прокуратуры отражается непонимание и недооценка со стороны прокуроров задач, стоящих перед органами ОГПУ, и наоборот. У некоторых работников прокуратуры до сих пор имеются взгляды, что работники ОГПУ сознательно не хотят выполнять и считаться с законами, так как являются противниками укрепления социалистической законности. Работники ОГПУ в свою очередь видят в прокурорах формалистов-крючкотворцев, мешающих и тормозящих работу органов.

Понятно, что подобное отношение в будущем недопустимо. Работники прокуратуры должны уяснить, что органы ОГПУ были, есть и будут органом пролетарской диктатуры, требующей от своих работников прежде всего революционной закалки и решительности в деле пресечения преступлений. *Особые условия работы органов ОГПУ могут иной раз находиться в противоречии с формальными требованиями закона, но они необходимы и целесообразны*» (курсив мой. — *Б. В.*).

Директиву подписали старший помощник Прокурора Верховного Суда СССР Павловский и заместитель начальника особых отделов ОГПУ Ольский[2].

Ущемление прав прокурорского надзора шло и по линии запрещения прокуратуре самостоятельно возбуждать дела и вести следствие на сотрудников ОГПУ. В Положении об ОГПУ было специально оговорено, что: «Вести следствие на своих сотрудников будут сами органы ОГПУ, а их решения о прекращении дел на них не требуют утверждения прокуратуры.

В тех случаях, когда ОГПУ найдет нецелесообразным судить своего сотрудника в трибунале, то Коллегии ОГПУ было предоставлено право вынесения внесудебных приговоров по делам на сотрудников ОГПУ».

Как правило, пользуясь защитой из ведомственных соображений со стороны руководства ОГПУ, виновные в преступ-

[1] См.: Материалы о взаимоотношениях органов прокуратуры с ОГПУ. 1927. Л. 33, Архив ГВП.

[2] Архив Главной военной прокуратуры за 1927 год//Ф. О. 9. Оп. 131. С. 31—32.

ных деяниях сотрудники уходили от заслуженного строгого наказания.

После смерти Ф. Э. Дзержинского фактическим руководителем ОГПУ стал Ягода. Председатель ОГПУ Вячеслав Рудольфович Менжинский часто и продолжительное время болел. Что собой представляет Ягода как личность, тем более оказавшийся на таком высоком государственном посту, — это особый разговор. Нам, занимавшимся пересмотром дел на репрессированных чекистов-дзержинцев, коекакие сведения, характеризующие этого человека, стали известны.

Не только по личной инициативе Ягоды, но и с поощрения самого Сталина, начиная с 1927 года в органах ОГПУ стали допускаться факты фальсификации обвинительных материалов, применения недозволенных методов следствия.

Эти факты стали известны и за границей. 5 ноября 1927 г. Сталин принял большую делегацию иностранных рабочих (присутствовало 80 делегатов от 10 зарубежных стран).

Ему были заданы такие вопросы: каковы судебные права ГПУ, имеют ли место разбор дел без свидетелей, без защитников, тайные аресты? Так как подобные меры не допустимы французским общественным мнением, то было бы интересно знать их обоснование. Предполагается ли их изменение или прекращение?

Сталин ответил на этот вопрос следующим образом:

«ГПУ или ЧК есть карательный орган Советской власти. Этот орган более или менее аналогичен Комитету общественной безопасности, созданному во время великой французской революции. Он карает главным образом шпионов, заговорщиков, террористов, бандитов, спекулянтов, фальшивомонетчиков. Он представляет нечто вроде военно-политического трибунала, созданного для ограждения интересов революции от покушений со стороны контрреволюционных буржуа и их агентов.

Этот орган был создан на другой день после Октябрьской революции, после того, как обнаружились всякие заговорщицкие, террористические и шпионские организации, финансируемые русскими и заграничными капиталистами.

Этот орган развился и окреп после ряда террористических актов против деятелей Советской власти, после убийства товарища Урицкого, члена Революционного комитета в Петрограде (он был убит эсером), после убийства тов. Воло-

дарского, члена Революционного комитета в Петрограде (он был убит тоже эсером), после покушения на жизнь Ленина (он был ранен членом партии эсеров).

Надо признать, что ГПУ наносил тогда удары врагам революции метко и без промаха. Впрочем, это качество сохранилось за ним и по сие время. С тех пор ГПУ является грозой буржуазии, неусыпным стражем революции, обнаженным мечом пролетариата.

Неудивительно поэтому, что буржуа всех стран питают к ГПУ животную ненависть. Нет таких легенд, которых бы ни сочиняли про ГПУ. Нет такой клеветы, которую бы ни распространяли про ГПУ. А что это значит? Это значит, что ГПУ правильно ограждает интересы революции. Заклятые враги революции ругают ГПУ, — стало быть, ГПУ действует правильно.

Не так относятся к ГПУ рабочие. Походите по рабочим районам и спросите рабочи про ГПУ. Вы увидите, что они относятся к нему с уважением. Почему? Потому, что они видят в нем верного защитника революции.

Я понимаю ненависть и недоверие буржуа к ГПУ. Я понимаю разных буржуазных путешественников, которые, приезжая в СССР, первым долгом справляются о том, жив ли еще ГПУ и не наступило ли время для ликвидации ГПУ. Все это понятно и неудивительно.

Но я отказываюсь понять некоторых рабочих делегатов, которые, приезжая в СССР, с тревогой спрашивают: много ли контрреволюционеров наказано ГПУ, будут ли еще наказывать разных террористов и заговорщиков против пролетарской власти, не пора ли прекратить существование ГПУ?

Откуда только берется у некоторых рабочих делегатов эта заботливость о врагах пролетарской революции? Чем ее объяснить? Как ее обосновать?

Проповедуют максимальную мягкость, советуют уничтожить ГПУ... Ну, а можно ли ручаться, что после уничтожения ГПУ капиталисты всех стран откажутся от организации и финансирования контрреволюционных групп заговорщиков, террористов, подрывников, поджигателей, взрывателей? Разоружить революцию, не имея никаких гарантий в том, что враги революции будут разоружены, — ну, разве это не глупость, разве это не преступление против рабочего класса?

Нет, товарищи, мы не хотим повторять ошибок парижских коммунаров. Парижские коммунары были слишком мягки

в отношении версальцев, за что их с полным основанием ругал в свое время Маркс. А за свою мягкость они поплатились тем, что, когда Тьер вошел в Париж, десятки тысяч рабочих были расстреляны версальцами.

Не думают ли товарищи, что русские буржуа и помещики менее кровожадны, чем версальцы во Франции? Мы знаем, во всяком случае, как они расправлялись с рабочими, когда занимали Сибирь, Украину, Северный Кавказ в союзе с французскими и английскими, японскими и американскими интервенционистами.

Я этим вовсе не хочу сказать, что внутреннее положение страны обязывает нас иметь карательные органы революции. С точки зрения внутреннего состояния положение революции до того прочно и непоколебимо, что можно было бы обойтись без ГПУ. Но дело в том, что внутренние враги не являются у нас изолированными одиночками. Дело в том, что они связаны тысячами нитей с капиталистами всех стран, поддерживающими их всеми силами, всеми средствами. Мы — страна, окруженная капиталистическими государствами. Внутренние враги нашей революции являются агентурой капиталистов всех стран. Капиталистические государства представляют базу и тыл для внутренних врагов нашей революции. Воюя с внутренними врагами, мы ведем, стало быть, борьбу с контрреволюционными элементами всех стран. Судите теперь сами, можно ли обойтись при этих условиях без карательных органов вроде ГПУ.

Нет, товарищи, мы не хотим повторять ошибок парижских коммунаров. ГПУ нужен революции, и ГПУ будет жить у нас на страх врагам пролетариата. (Бурные аплодисменты)»[1].

В унисон Сталину тогда же выступил в печати М. И. Калинин. В статье «Что делает Советская власть для осуществления демократии?» он писал: «...в ГПУ, как и в других советских органах, бывают ошибки, самоуправство и даже злоупотребления, которые, конечно, жестоко отзываются на попавших под воздействие ГПУ, это понятно, с этим руководящие органы самого ГПУ решительно борются. Но все россказни наших врагов о массовом аресте рабочих, о боязни крестьян перед агентурой ГПУ и т. д. и т. п. — все это есть сплошное вранье»[2].

[1] Сталин И. В. Т. 10. С. 234—237.
[2] Калинин М. И. О социалистической законности. М., 1959. С. 122—127.

Познакомившись с этой статьей М. И. Калинина, мы с сожалением констатировали, насколько он преуменьшал степень и опасность допускаемых в ГПУ серьезных арушений законности и безапелляционно утверждал, «что все это есть сплошное вранье», «у нас в ГПУ работают наиболее уважаемые и выдержанные товарищи», и за все, «что делало и делает ГПУ», отвечает Советское правительство.

Между тем остается фактом, что за правильностью ведения всех без исключения дел в органах ГПУ не было установлено действительного контроля и наблюдения со стороны ЦК и правительства, как требовал Ленин, и не было надлежащего прокурорского надзора. Последствия всего этого не преминули сказаться...

Расширительное толкование оснований уголовной ответственности за контрреволюционные преступления привело к возможности привлечения за такие преступления не только советских граждан, но и иностранцев...

Один из первых таких судебных процессов был проведен в Москве в 1925 году.

В связи с возникшей необходимостью нам пришлось изучить материалы этого дела.

23 июня 1925 г. в «Правде» появилась публикация: «Сообщение об аресте участников террористической организации «Консул» Киндермана К. Г., Вольшта Т. Э., Дитмарина М. Н. В нем говорилось: 13 октября 1924 г. в Москву прибыли из Германии гр-не немецкого государства Карл Германович Киндерман, Теодор Эмильевич Вольшт — студенты Берлинского университета им. Фридриха Вильгельма. Двумя днями позже к ним присоединился гр-н Эстонской республики Максим Наполеонович Дитмарин — он же фон Дитмар, студент того же университета. Все трое выдавали себя за членов Коммунистической партии Германии, прибывших в СССР как научные экскурсанты, на самом деле они имели задание террористической фашистской организации «Консул» по совершению террористических актов против руководителей СССР, причем первым покушением был назначен террористический акт против Сталина[1]».

Через восемь месяцев следствие закончилось. Предстоящему судебному процессу решили придать международное звучание. Для рассмотрения дела назначили Специальное судебное присутствие Верховного Суда Союза ССР.

[1] См.: Правда. 1925. 23 июня.

Государственное обвинение на судебном процессе было поручено осуществить старшему помощнику Прокурора Верховного Суда СССР Н. В. Крыленко.

Судя по обвинительной речи, Крыленко предстояло от имени Советского Суда разоблачить реакционую сущность зарождающегося в Германии фашизма и пригвоздить его к позорному столбу истории.

Возникал, конечно, вопрос, зачем пожаловали эти студенты-фашисты в Москву?

Свое посещение Москвы арестованные студенты на следствии, затем в суде объяснили «научной поездкой». С этой целью они завязали связи с некоторыми учеными Дальнего Востока, Сибири, послали им запросы, получили ответы, но воспользоваться всем этим из-за их ареста ОГПУ не смогли. Следствие, напротив, утверждало, что эти «замаскированные под туристов» фашисты прибыли в Москву со шпионскими и террористическими намерениями.

Для осуществления преступных намерений они вели разведывательные беседы с немецкими политэмигрантами, интересовались, кто из них работает в Коминтерне, как можно проникнуть на территорию Кремля и т. д. Встречались со служащими в иностранных фирмах и выведывали у них сведения экономического характера о нашей промышленности.

Самым существенным доказательством того, что подсудимые прибыли для совершения террористических актов в отношении руководителей партии и правительства, следствие считало:

«признательные об этом показания Киндермана, данные им на допросе в ОГПУ 6 февраля 1925 г., и

обнаружение у Вольшта при его аресте пробирки с порошком, который по заключению химической экспертизы признан ядом — цианистым калием».

По поводу протокола от 6 февраля 1925 г. подсудимый Киндерман в судебном заседании сделал заявление, что подписал его под воздействием гипноза, а подсудимый Вольшт утверждал, что эксперты в силу своей некомпетентности ошиблись — порошок в пробирке был не яд, а лекарство — пирамидон.

Эти объяснения подсудимых Крыленко опровергал тем, что допрошенный в суде следователь ОГПУ Розенфельд отрицал применение при допросе Киндермана «гипноза», сомнения же Вольшта в компетенции экспертов, по мнению обвини-

теля, неубедительны. Поэтому он настаивал признать их виновными в подготовке террористических актов.

Вместе с тем Крыленко признал, что для осуждения подсудимых за экономический шпионаж достаточных доказательств не имеется, и от обвинения в этой части отказался.

Предвидя очевидную слабость доказательств против подсудимых в подготовке ими террористических актов и сомнительность их осуждения за это, Крыленко высказался по поводу того, какой могла быть защита подсудимых.

«Если бы, — заявил Крыленко, — была представлена защита, как она первоначально предполагалась быть (для нас так и осталось неясным, почему защитников в таком судебном процессе не было), кретины от юриспруденции, пожалуй, построили бы свой юридический аргумент следующим образом: они бы доказывали — допустим, они хотели совершить террористический акт. Даже если это допустим, то все-таки их нужно выпустить на свободу, ибо они ничего не сделали, ибо они не виновны, как агнцы, так как никакого вредного действия ими не было совершено. А закон, сказали бы кретины от юриспруденции, карает только за действие. А закон карает за то, что сделано. Закон не карает лиц тогда, когда они ничего не сделали. Они бы сослались и на статью УК, в которой сказано: «Приготовление не карается, если оно само по себе не составляет деяния наказуемого, согласно настоящего кодекса». Вот так можно было бы юридически построить эту защиту, если бы мы стали слушать подобных кретинов»[1].

Отозвавшись пренебрежительно о своих возможных оппонентах-адвокатах, которые при нормальном судопроизводстве должны были бы иметь возможность высказать «свои» аргументы в защиту подсудимых, Крыленко распропагандировал на весь мир принятый ЦИК при его участии закон — «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (в октябре 1924 года, после смерти В. И. Ленина), в котором суду было предоставлено право «определять прежде всего опасность данного явления и социальную опасность данного лица, хотя бы оно *ничего* и не сделало из того, что оно *хотело*» (курсив мой. — Б. В.)[2]. Эта новелла имела далеко идущие последствия...

[1] Крыленко Н. В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М., 1937. С. 305—306.

[2] Крыленко Н. В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. С. 305—306.

Крыленко считал возможным осуждение подсудимых не только по ст. 64 УК РСФСР «за приготовление к терактам», но и по ст. 57 УК, по которой в силу примечания к ней, по его мнению, могут нести уголовную ответственность как граждане СССР, так и иностранцы. Он поведал в своей речи, что «когда писался Уголовный кодекс, нам, писавшим этот Кодекс, в голову не приходило, что нужно написать особую статью, которая будет карать за содействие международной буржуазии в ее борьбе против Советской власти»[1].

Часть 2 ст. 57 УК РСФСР гласила: «Контрреволюционным признается всякое действие в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. д.»

Крыленко так интерпретировал дополнение к этой статье:

«Настанет момент, когда международная буржуазия в борьбе против Советской власти поставит своей целью создание организаций для этой борьбы. Это нужно было предусмотреть. И настоящий процесс, когда первый раз у нас на скамье подсудимых сидят иностранцы, члены иностранной буржуазной организации, члены боевой организации буржуазии, именно той буржуазии, которая не признает, как говорил Ленин, «равноправия приходящей на смену капитализму коммунистической системы». В этом тоже историческое значение процесса, поскольку доказывает, как рушатся все национальные рамки в этой классовой борьбе, как она шагает через национальные границы»[2].

В заключение своей речи он призвал: «Фашизм, посылающий в нашу страну передовой отряд, должен быть встречен согласованным, стройным пулеметным огнем наших батарей. Первый отряд его должен быть уничтожен целиком на аванпостах нашей границы. Отряд фашистов не может вернуться. В этом уничтожении всех троих, согласно точному смыслу закона, должен содержаться ответ, который дает суд на установленные факты»[3].

Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР приговорило:

[1] Крыленко Н. В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. С. 307.
[2] Там же. С. 307.
[3] Там же. С. 309.

1) Карла Киндермана,

2) Теодора Вольшта и

3) Максима фон Дитмара к высшей мере наказания.

Приговор не был приведен в исполнение, и через некоторое время на основании специального постановления Правительства СССР осужденные Киндерман и Вольшт были обменены на арестованных в Германии коммунистов.

Возвратившись в Германию, Киндерман совершил поездки по всей Германии и изобразил московский процесс над ним как провокацию. Примерно через десять лет арестованному по личному указанию Ежова начальнику ИНО ОГПУ — НКВД Артузову А. Х. наряду с другими сфальсифицированными обвинениями будет вменено и такое:

являясь агентом немецкой разведки, он — Артузов, выполнил директиву Абвера, согласно которой:

1) Абвер посылает студентов-корпорантов (Киндермана и др.) сделать покушение на Троцкого, имея в виду этим прославить и выдвинуть последнего перед массами трудящихся СССР;

2) покушение не должно быть удачным;

3) арестованные не должны быть расстреляны и выданы в дальнейшем германскому правительству.

Арестованный Артузов А. Х. категорически отрицал какую-либо преступную связь с немецкой разведкой (в этом мы убедились, проверяя дело на него. Он был необоснованно репрессирован и посмертно реабилитирован). О его судьбе и других чекистов, восставших против произвола, будет подробно рассказано.

Зловещая командировка

Сталин попирает закон. В одной из жалоб, поступившей от сына репрессированного за принадлежность к контрреволюционной организации «Крестьянская трудовая партия (КТП)», мы прочли: «Возникновению многих дел на членов этой мнимой контрреволюционной организации послужила зловещая командировка Сталина в Сибирь в январе 1928 года. Прочтите отчет о его поездке».

Читаем: «Я командирован к вам в Сибирь на короткий срок. Мне поручено помочь вам в деле выполнения плана хлебозаготовок. Мне поручено также обсудить с вами вопрос о перспективах развития сельского хозяйства, о плане развертывания в вашем крае строительства колхозов и совхозов».

Сославшись на нежелание кулаков сдать излишки хлеба по действующим государственным ценам, Сталин спрашивает:

«Если кулаки ведут разнузданную спекуляцию на хлебных ценах, почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции — 107 статья Уголовного кодекса РСФСР, в силу которой виновные в спекуляции привлекаются к судебной ответственности, а товар конфискуется в пользу государства?»[1].

Его точка зрения поражает юридической безграмотностью. Чтобы судить за спекуляцию, надо установить, доказать «скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы», — так гласит закон, — определяя состав уголовного преступления — спекуляции. Ни тем, ни другим крестьяне — держатели излишков хлеба — не занимались. Они не согласны были сдавать излишки хлеба государству по заниженным, невыгодным для себя ценам. Еще в 1925 году в своих статьях и выступлениях Н. И. Бухарин неоднократно призывал крестьян «обогащаться», сам Сталин защищал Бухарина от нападок троцкистов на него за этот лозунг. На законных основаниях допускалась аренда земли, поощрялось развитие крепких крестьянских хозяйств. Еще сохраняли свое действие рыночные отношения, действовал нэп.

Сталин решил положить конец этой политике и отменить действовавшие законы... Прежде всего он обрушился на прокуроров и судей, которые не усматривали законных оснований

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 3.

для применения ст. 107 УК в отношении держателей хлеба.

В том же своем выступлении он заявил: «Я видел несколько десятков представителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках, и, конечно, стараются жить в мире с кулаками. На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире чище и кормят лучше. Понятно, что от таких представителей прокурорской и судебной власти нельзя ждать чего-либо путного и полезного для Советского государства. Неприятно только, почему эти господа до сих пор еще не вычищены и не заменены другими честными работниками»[1].

Репрессивные меры к «строптивым» прокурорам и судьям не заставили себя ждать. Их, как и требовал Сталин, «вычистили» из органов прокуратуры и суда. То же случилось и с рядом партийных и советских работников.

Нетрудно заметить, насколько уже тогда Сталин позволял себе выдвигать бездоказательные и провокационные обвинения и добивался расправы над неугодными и непослушными ему людьми.

Никто в центре, ни один из руководителей центральных юридических ведомств не возразил против незаконных требований Сталина. Таких возражений нам обнаружить так и не удалось. Сначала в Сибири, затем по всей стране началась кампания по привлечению к судебной ответственности за спекуляцию не только кулаков, но и любого крестьянина, имевшего в закромах хлеб, с последующей его конфискацией.

Точных данных о количестве таких неправосудных приговоров нет, но это не одна тысяча. Дела были отправлены в архивы и к ним никто все эти годы не прикасался...

Но в то же время инициатива и действия Сталина в Сибири получили официальную положительную оценку[2]. Приводились данные, что было изъято, конфисковано 150 млн. пудов хлеба. Хлебозаготовки успешно завершены. Между тем обстановка в деревне после репрессивных мер, проводимых по инициативе Сталина в отношении крестьянства, коренным образом изменилась... А какой она была до этого? Какой была политика партии по крестьянскому вопросу?

Заботясь о социалистическом преобразовании деревни, В. И. Ленин еще весной 1919 года на VIII съезде партии осуждал перегибы в колхозном строительстве.

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 3—4.
[2] См.: Сталин И. В. Соч. Примечание к т. 11. С. 356.

Крестьянин твердо запомнил слова Ленина на этом съезде о том, что «действовать здесь насилием — значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания... Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина,.. учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать!»[1].

Крестьянство убеждалось, что и после смерти В. И. Ленина (в 1925—1927 гг.) главный его завет «Не сметь командовать» руководством партии большевиков соблюдается.

На XII съезде ВКП(б) (18—31 декабря 1925 г.) Сталин в Политическом отчете Центрального Комитета заявил:

«Надо дать лозунг бедноте, чтобы она стала, наконец, на свои собственные ноги, чтобы она при помощи Коммунистической партии и при помощи государства организовалась в группы, училась на арене Советов, на арене кооперации, на арене кресткомов и на всех аренах деревенской общественности бороться с кулаком, но бороться не путем обращения в *ГПУ* (курсив мой. — *Б. В.*), а путем политической борьбы, путем организованной борьбы»[2].

За два месяца до командировки Сталина в Сибирь состоялся XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 года). Выступая на этом съезде, Каменев обвинил руководство партии в недооценке капиталистических элементов в деревне и по существу призвал ужесточить курс против кулака.

Сталин, разделявший тогда взгляды Бухарина, заявил на съезде: «Не правы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство легкое, но далеко не действенное. Кулака надо взять мерами экономического порядка. И *на основе советской законности* (курсив мой. — *Б. В.*). А советская законность не есть пустая фраза»[3].

На самом деле в деревне с января 1928 года ничего на «основе советской законности» не делалось.

О том, к чему это привело, свидетельствует выступление секретаря ВЦИК А. С. Киселева 26 марта 1928 г. на заседании фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК:

«...применялись такие меры принуждения и администра-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 200, 201.
[2] Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 333.
Там же. С. 331.

тивного нажима, что они нам совершенно испортили настроение крестьянства», «антисоветские настроения в деревнях за последнее время усилились в связи с тем, что забирали у крестьянства хлеб. Причем, если бы забирали только у кулаков, то это было бы еще ничего, но хлеб забирался и у середняков, и у бедняков... На Северном Кавказе были организованы чрезвычайные тройки для усиления хлебозаготовок... Так как этим тройкам было предоставлено право ареста, то они арестовывали крестьян за невыполнение их приказаний...» Назвав ряд подобных фактов, А. С. Киселев констатировал: «настроение в связи с посевной кампанией скверное, в деревне появилось стремление к сокращению посевов («сей для себя»). Крестьяне говорят, неужели мы пришли к военному коммунизму, ...нет уверенности, что у тебя будет прочная база для того, чтобы в дальнейшем развивать свое хозяйство... Они обращаются к газете за разъяснениями, обращаются к правительству с просьбой дать твердую основу, сказать, как быть дальше. Мы считаем, что имеются перегибы, при которых вести крестьянское хозяйство невозможно».

Несмотря на серьезные сигналы о распространении беззаконий, которые поступали в Президиум ВЦИК и ЦК ВКП(б), никаких мер к их пресечению фактически не было принято.

Более того, в 1929 году состоялись два Пленума ЦК (апрельский и ноябрьский), на которых Сталин осудил нэп и выдвинул идею сплошной коллективизации, а законы об аренде земли было предложено «отложить в сторону».

Тогда же на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК Сталин провозгласил и возможность применения «чрезвычайных мер». «Почему, — спрашивал Сталин, — нельзя иногда, при известных условиях, применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества? Почему можно сотнями арестовывать спекулянтов в городах и высылать их в Туруханский край, а у кулаков, пытающихся взять за горло Советскую власть и закабалить себе бедноту, нельзя брать излишков хлеба в порядке общественного принуждения по ценам, по которым сдают хлеб нашим заготовительным организациям бедняки и середняки? Откуда это следует? Разве наша партия когда-либо высказывалась в принципе против применения чрезвычайных мер в отношении кулачества?»[1].

Все эти оговорки — «иногда», «при определенных условиях», «у кулаков, пытающихся взять за горло Советскую

[1] Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947. С. 259.

власть» приводились для сокрытия истинных намерений повторить в деревне экспроприацию хлеба у крестьянства подобно того, что было сделано в 1928 году.

Ссылка на необходимость применения чрезвычайных мер была необходима для оправдания развертывавшихся репрессий, чтобы подавить сопротивление (которое объективно, как ответная реакция, имело место), вселить страх и послушание.

Той обстановки и тех условий, в силу которых декретом ВЦИК от 9 мая 1918 г. предписывалось осуществить некоторые репрессивные меры в отношении кулачества во время гражданской войны, в 1929 году уже не было. И ссылка Сталина на прошлое была несостоятельна.

Из архивных партийных документов видно, что предложение Сталина о необходимости чрезвычайных мер в деревне поддерживали Бухарин, Рыков, Томский и другие члены ЦК. Нет необходимости в этих записках подробно рассказывать об их позиции. Она достаточно полно освещена историками Д. Волкогоновым и Р. Медведевым в их публицистических очерках. Основа ее — «преувеличение революционности», об опасности которой предупреждал Владимир Ильич Ленин и которая была игнорирована его учениками и соратниками. В статье «О революционных мерах и законности» В. И. Ленин писал: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать... в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах... надо уметь перейти к действию реформистскому»[1].

В партии были коммунисты, не согласные с введением в деревне чрезвычайных мер.

Об одном из таких коммунистов мы узнали из поступившего к нам заявления Гвоздиковой О. К. — дочери старого большевика Моисея Ильича Фрумкина. Она писала, что ей неизвестно, за что осужден ее отец, но она убеждена, что это

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

был «принципиальный, честный коммунист, осмелившийся выступить с протестом против действий Сталина во время проведения массовых репрессий в деревне. Теперь об отце, наконец, будет сказано правдиво, а не так, как написано о нем в Энциклопедии, изданной в 1935 году».

Открываем эту Энциклопедию и читаем следующее:

«Фрумкин Моисей Ильич (Л. Германов), 1878 года рождения, видный советский работник, коммунист. Несколько раз арестовывался за революционную деятельность. Принимал участие в редактировании газет.

В 1928 году М. И. Фрумкин — видный представитель правого уклона, сформировавший «платформу» кулацкого сопротивления политике индустриализации и коллективизации, проводимой партией.

Правооппортунистические теории, в том числе и «лозунги» Фрумкина, направленные к реставрации капитализма, и антипартийная «теория деградации сельского хозяйства», были разоблачены в выступлении Сталина на ноябрьском Пленуме ЦК в 1928 году[1]».

Мы навели о Фрумкине М. И. надлежащие справки по соответствующим учетам, оказалось, что он был арестован НКВД 23 октября 1937 г.

Из справки на арест, без какой-либо ссылки на доказательства, следовало утверждение: «Фрумкин М. И. с 1933 года вел активную борьбу с Советской властью в составе оппозиции правых с целью реставрации капитализма и завербовал большое количество сторонников ее взглядов. Сам он был вовлечен в контрреволюционную деятельность А. И. Рыковым».

Разбираясь с этим обвинением, мы установили, что Моисей Ильич Фрумкин, член партии с 1898 года, 15 июня 1928 г. действительно обратился в ЦК ВКП(б), лично к Сталину, с письмом, в котором содержался протест против чинимого в деревне беззакония. Автор письма спрашивал, на каком основании «кулак объявлен вне закона» и почему допущены противозаконные действия в отношении почти всего крестьянства?

Письмо Фрумкина и ответ на него Сталина не были тогда опубликованы. Сделано было это сознательно, ибо при анализе содержания ответного письма Сталина очевидно, что Фрумкин справедливо забил тревогу. Мы, конечно, не могли не

[1] См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 9-е изд. М., 1947. С. 372—376.

прокомментировать тот ответ: «Конечно, — писал Сталин, — было бы неправильно отрицать наличие нарушения законов со стороны известной части наших работников в деревне»[1] (заметим — виноваты местные работники, а не он, Сталин, призвавший их еще в январе 1928 года во время своей поездки по районам Сибири к противозаконным мерам в отношении «держателей хлеба»).

Продолжая свой ответ, Сталин писал: «Было бы еще более неправильно отрицать тот факт, что ввиду неумелого ведения борьбы с кулаком со стороны известной части наших работников удары, предназначенные для кулака, падают иногда на головы середняков и даже бедняков...»[2].

Здесь за каждым словом скрытый смысл. Что подразумевается под ударами? Известен и характер, и масштабы этих ударов. Они означали по существу осуществление Сталиным (а не местными работниками) политики физического уничтожения сотен тысяч людей, в том числе детей, высланных в административном порядке в специально отведенные и особо неблагоприятные для проживания местности. И люди там погибали...

На самом деле удары падали не иногда, а очень часто на крестьян, необоснованно причисленных к «подкулачникам». Лишь в отношении самого небольшого количества необоснованно репрессированных решения местных властей были пересмотрены.

Сталин утверждал: «Нет сомнения, что необходима самая решительная борьба с этими извращениями партийной линии»[3]. Однако вся последующая практика свидетельствовала об обратном, тем более что Сталин предупреждал, что классовую борьбу в деревне ослаблять нельзя. Никаких кардинальных мер для пресечения беззаконий не было принято. Оно еще больше разрослось...

Десять месяцев шли допросы Фрумкина, пока в деле не появился протокол с признанием предъявленного ему обвинения.

Его дело рассматривала Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством Ульриха. Каким был этот судья, мы уже знали. Как видно из записей в протоколе судебного заседания, весь «суд» длился 20 минут. Записано —

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 124.

[2] Там же.

[3] Там же.

«Фрумкин виновным себя признал». Предельно краткий приговор гласил: «Фрумкина — расстрелять».

Никакого упоминания в материалах дела об обращении Фрумкина с письмом в ЦК в 1928 году, как и об ответе Сталина, не было.

Кто-то постеснялся это поставить ему в вину, но зато сформулировал совершенно нелепое обвинение: «За ведение борьбы с Советской властью, начиная с 1933 по 1937 год, под руководством А. И. Рыкова». Фрумкин с 1898 года до самого ареста находился в рядах партии большевиков, из нее не исключался. Являясь управляющим трестом «Союзхимплатмаш» НКТП СССР, он работал под руководством Серго Орджоникидзе, а не Рыкова, к тому же о деле Рыкова и других, полностью сфальсифицированных, мы уже знали. По заключению Главной военной прокуратуры Моисей Ильич Фрумкин был посмертно реабилитирован...

«Кулацкий террор». Каким он был! О масштабах «кулацкого террора» есть упоминание в «Очерках по истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа». Без ссылки на источники автор приводил такие данные: если в 1926 году было 400 случаев кулацкого террора, то в 1927 году — 700, а в 1928 году — свыше 1000.

Одновременно с той же целью совершались поджоги, которые исчислялись тысячами[1].

Официальная судебная статистика тех лет свидетельствовала, что террористические акты, совершенные кулаками, имели место, однако не в тех масштабах, как это сказано в упомянутых очерках историка Трифонова.

Нам представилась возможность ознакомиться с аналитической справкой Верховного Суда РСФСР по изученным делам о террористических актах за 1926—1928 годы. Из нее следовало, что в 1926—1927 годы судами Федерации было всего рассмотрено 26 дел, а в 1928 году — 36.

Характерны такие данные из этого анализа: смертельный исход террористические акты имели место в 48 случаях; покушение на убийство — в четырех случаях и избиение — в трех случаях.

Преобладающее количество этих преступлений было совершено по мотивам мести пострадавшим за их действия, направленные на выявление преступлений кулаков, таких, как мошен-

[1] См.: Трифонов И. Очерки по истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960. С. 183, 206, 231.

ничество при хлебозаготовках, сокрытие посевной площади и объектов налогообложения и т. д. Начиная с 1924 года в нашей стране общее число пострадавших от террористических актов распределялось так: селькоров и стенкоров — 13 человек, председателей сельсоветов — 8 человек, активистов-общественников — 23 человека, председателей волисполкомов — 2 человека, милиционеров — 2 человека. Итого — 48 человек. Таким образом, наибольшее количество пострадавших оказалось из числа активистов-общественников и селькоров.

В результате изучения некоторых дел в 1955—1960 годы было подтверждено, что именно кулаки по мотивам классовой мести пытались убить (сжечь) одного из первых трактористов — комсомольца из сельхозкоммуны «Новый путь» Западной Сибири Петра Егоровича Дьякова[1].

По тем же мотивам был убит кулаками в одном из сел Мелекесского района Ульяновской области молодой коммунист, тракторист Николай Яковлевич Уткин[2].

Особенно много мы получали тогда писем, в которых ставилась под сомнение политическая и юридическая оценка убийства пионера Павлика Морозова и его семилетнего брата как террористического акта со стороны кулачества села. Более того, поступок Павлика Морозова, давшего правдивые показания на суде о своем отце, оценивался некоторыми авторами как безнравственный, равносильный доносу.

Материалы дела и открытого судебного рассмотрения свидетельствовали о том, что это было умышленное, заранее организованное зверское по исполнению убийство пионера-подростка, который обрел качества борца за справедливость, и ему за это мстили кулаки. Доказано, что организатором этой террористической расправы был кулак Арсентий Кулуканов.

Тогда же, в 1955 году, Прокуратура Союза ССР разъяснила, что никаких оснований для пересмотра квалификации этого убийства как террористического акта и положительной нравственной оценки поступка пионера Павлика Морозова не имеется.

[1] О встрече с П. Я. Дьяковым рассказала «Комсомольская правда» 5 апреля 1987 г. Он живет в Тюмени, имеет семь внуков и двух правнучек.

[2] В 1989 году Президиум Верховного Совета РСФСР вынес Указ об увековечивании памяти Н. Я. Уткина, переименовав поселок второго отделения совхоза им. Крупской в поселок Уткин.

В том же 1955 году Центральный совет Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина принял решение занести пионера Павлика Морозова в книгу Почета этой организации. Считалось, что всякие сомнения вокруг этого дела сняты[1].

Начиная с 1924 года в нашей стране шло усиленное пополнение рядов селькоров. Если в 1924 году их насчитывалось около 25 тысяч, то к концу 1925 года — 116 тысяч, и количество их продолжало расти. Одновременно, как отмечалось в прессе, участились случаи преследования и даже убийств селькоров[2].

В ноябре 1924 года Верховный Суд Союза ССР разъяснил, что убийства селькоров в связи с их деятельностью следует квалифицировать как террористический акт.

Выяснением обоснованности осуждения за совершение террористического акта в отношении одного из селькоров-военкоров пришлось заниматься и Главной военной прокуратуре. Родственники осужденного солдата Абакумова И. Н. поставили под сомнение приговор Военного трибунала Ленинградского военного округа, вынесенный 26 июня 1927 г. Пришлось извлечь из архива это дело и разобраться в нем. Оказалось, что данному делу и организованному судебному процессу было придано большое политическое значение[3]. Поэтому более подробно расскажем, о чем свидетельствовали материалы дела и судебного процесса. Начнем с данных, характеризующих пострадавшего... Им оказался Ампилогов Семен Иванович, уроженец села Матасы Петуховского района Уральской области. Еще до призыва на действительную военную службу он был активным селькором. Придя на службу в армию, Ампилогов не захотел расставаться со своим пристрастием — выполнять общественные корреспондентские обязанности. Так он стал военкором.

[1] Однако до 1989 года в печати, в многочисленных письмах продолжалось обсуждение дела об убийстве Павлика Морозова. Некоторые авторы упорно не хотели согласиться с ранее принятым решением. Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина провел новое исследование обстоятельств дела, в котором приняли участие Прокуратура СССР, редакция газеты «Пионерская правда» и журналы «Пионер», «Человек и закон». В результате вновь пришли к тем же выводам, которые позволили подтвердить решение 1955 года. (См.: Комсомольская правда. 1989. 5 апр.).

[2] См. статью В. А. Карпинского//Правда. 1924. 30 окт.

[3] См.: Правда. 1927. 25 июня.

В своих корреспонденциях в стенной газете и армейской печати военкор Ампилогов довольно резко, но обоснованно, как это было установлено в суде, критиковал красноармейца Абакумова И. Н., который неоднократно и грубо нарушал воинские уставные требования, нерадиво относился к службе, высказывал недовольство порядками в армии. Увещевания, разъяснения на него не действовали. Далее события развивались таким образом: обозленный Абакумов потребовал от Ампилогова прекращения его военкоровской деятельности. Когда тот отказался это сделать, Абакумов, заполучив оружие, подкараулил Ампилогова и выстрелил ему в спину. К счастью, ранение оказалось не смертельным.

Экспертизой оружия, свидетельскими показаниями, приобщенными в качестве вещественных доказательств, корреспонденциями виновность Абакумова в покушении на убийство Ампилогова была полностью доказана.

Не отрицал свою виновность и подсудимый Абакумов. В судебном заседании он заявил:

«Я хотел Ампилогова убить за то, что он — военкор. Возненавидел его. Когда стрелял, крикнул: «Знай, негодяй, как писать».

Как уже отмечалось, этому судебному процессу было придано большое политическое значение. От всей красноармейской печати выступил общественный обвинитель журналист Лаврентьев. В своей речи он заявил: «Впервые в СССР, в Ленинградском военном округе прозвучали шесть выстрелов в спину военкора, красноармейца-общественника Ампилогова, который выражал в печати все то здоровое, что было и должно быть в армейской жизни.

Красная Армия уже сказала свое слово и просит самых решительных мер. Армейская общественность требует для подсудимого Абакумова высшей меры наказания».

Другой общественный обвинитель — представитель редакции газеты «Правда», заведующий военным отделом этой редакции Лапшин в своем выступлении сказал:

«Общественные организации, которые я представляю на данном судебном процессе, имеют тысячи запросов от рабкоров и селькоров по делу Абакумова. Вся советская общественность заинтересована этим процессом как неслыханным актом против военкоров. Военкоры — строители новой жизни, помогают государству в строительстве социализма. Военкор Ампилогов до поступления в армию был селькором. Покушение на селькора-военкора — это преступление против

советской печати, перешедшей в руки рабочих с завоеваниями Великой Октябрьской революции. Вот почему за такое преступление Абакумов заслуживает высшей меры наказания, и об этом просит вся наша общественность».

Военный трибунал приговорил Абакумова И. Н. к высшей мере наказания — расстрелу.

Факт покушения Абакумова на жизнь Ампилогова был налицо. Но было создано и общественное мнение, требовавшее приговора с исключительной мерой наказания. Кажется, с этого дела пошла практика, когда пресса, ее представители, вольно или невольно, стали воздействовать на суд, предопределять его решение о мере наказания, да к тому же не только тем, кто действительно совершил уголовное преступление, но даже в отношении невиновных, как это было перед процессами над Тухачевским, Бухариным, Рыковым и другими. К сожалению, мы не избавились от этого до сих пор.

Дело Абакумова И. Н. мы возвратили в архив, ибо обсуждать вопрос о справедливо назначенной мере наказания осужденному — несомненно виновному через 28 лет было, по нашему мнению, бессмысленно, а о полной реабилитации его не могло идти и речи.

В последующие годы количество возбужденных дел о террористических актах в стране возрастало, не всегда они были обоснованы с точки зрения правильной политической и юридической оценки происходящих событий. Не помогло и обращение 15 февраля 1925 г. Ф. Э. Дзержинского с письмом в Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу об убийствах в деревне селькоров и других активистов. Он считал вредной поднятую в печати шумиху по поводу убийств селькоров. Настаивал на тщательном выяснении мотивов этих убийств. Однако последующие решения вызывали лишь расширительное толкование террористического акта.

Так, в 1929 году НКЮ РСФСР циркуляром №101 разъяснил, что посягательства на учителей-общественников, если эти посягательства (убийство, избиение, иные насильственные действия) в своей основе имели противодействие культурной и общественно-политической деятельности учительства со стороны кулачества и других классовых врагов, надлежит квалифицировать как террористические акты.

Пленум Верховного Суда РСФСР 8 марта 1930 г. предложил посягательства на членов комиссий содействия проведению хлебозаготовок, совершенные в целях препятствия их

деятельности, также квалифицировать как террористический акт.

В 30-х годах усилились преступления, направленные против раскрепощения женщин (особенно среди восточных народностей) в самой разнообразной форме (убийства, ранения, избиения, издевательства, изнасилования и т. п.). На создавшуюся обстановку Президиум ЦИК СССР отреагировал постановлением от 16 февраля 1930 г.:

«Ввиду обострения классовой борьбы в городе и в деревне и усиления в связи с этим убийств на почве раскрепощения женщин, особенно среди восточных народностей, являющихся, таким образом, преступлениями контрреволюционными, разъяснить ЦИК союзных республик, что за убийство женщин, если точно установлено, что убийство произошло на почве раскрепощения женщин, можно применять ст. 8 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных)»[1].

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР 6 августа 1931 г. было признано, что убийство ударников в связи с их активной работой на производстве также должно квалифицироваться как террористический акт.

Принятием перечисленных выше разъяснений было сделано отступление от закона, и стало возможным привлечение за террористический акт при недоказанности контрреволюционной цели (о которой прямо было сказано в законе).

Такая трактовка контрреволюционного преступления не была оправдана, хотя сопротивление мероприятиям Советской власти продолжало иметь место. Это сразу сказалось на соблюдении законности. Вскоре были подмечены серьезные ошибки от расширительного толкования субъективной стороны контрреволюционных преступлений. В докладе Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР о судебной практике по преступлениям, предусмотренным ст. 58^8 УК РСФСР 1926 года, справедливо указывалось на то, что «окончательный вывод о наличии контрреволюционного преступления, в частности, террористического акта должен иметь место лишь в случае установления такого мотива совершения преступления, который связан с борьбой враждебных сил против политики, проводимой партией и Советской властью. Ошибки судов, — указывалось далее в докладе, — состоят в подведении под террористический акт как бытовых убийств, так и убийств

[1] Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного Суда СССР. М., 1935. С. 97—98.

из других мотивов, не связанных с классовой борьбой и общественно-политической деятельностью потерпевших»[1].

Хотя и со значительным опозданием, только 10 апреля 1932 г., но было решено внести в Уголовный кодекс, в ст. 73 УК РСФСР, дополнение (примечание). Оно указывало на необходимость проводить разграничения между террористическими актами и общеуголовными преступлениями, внешне с ними схожими.

Поэтому ст. 73[1] Уголовного кодекса дополнялась ч. 2 следующего содержания:

«Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий в отношении общественников-активистов, ударников на производстве, а также колхозников в связи с общественной или производственной их деятельностью — в случаях, когда эти действия по характеру, обстановке их совершения или последствиям не могут рассматриваться как террористический акт», должно квалифицироваться как общеуголовное преступление.

Такое уточнение в уголовном законодательстве относительно правильного понимания террористического акта как контрреволюционного деяния, совершаемого на классовой, политической основе, позволило в некоторой мере выправить судебную практику, но воспрепятствовать ошибочной квалификации в полной мере оно не смогло.

Осталось без пересмотра немало приговоров, и вынесены новые с осуждением за террористический акт, хотя квалификация была ошибочной.

Поэтому такие неправильные приговоры пришлось пересматривать в 1955—1960 годы, внося в них существенные изменения, главным образом в изменение политической оценки совершенного преступления. Этого и добивались те, кто обращался к нам с просьбами о пересмотре некоторых таких дел...

ГПУ фальсифицирует дела на специалистов-аграрников. 21 июля 1930 г. ОГПУ арестовало директора Института экономики сельского хозяйства, всемирно известного ученого профессора сельскохозяйственной академии им. Тимирязева Александра Васильевича Чаянова. Вслед за ним была арестована целая группа ученых экономистов-аграрников: Н. Д. Кондратьев — профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии... директор Конъюнктурного института; Л. Н. Юровский — профессор Московского планово-экономи-

[1] Судебная практика РСФСР. 1929. № 2. С. 5.

ческого института, член коллегии Наркомфина СССР; Н. П. Макаров — профессор, член Президиума Земплана Наркомзема РСФСР; А. Н. Челинцев — профессор, консультант планово-экономического управления Наркомзема РСФСР; профессора Л. Н. Литошенко, Л. Б. Кафенгауз и другие.

В опубликованном ОГПУ сообщении говорилось о том, что названные выше ученые-антимарксисты встали во главе «кулацко-зсеровской контрреволюционной организации», именуемой трудовая крестьянская партия, сокращенно ТКП, и поставившей своей целью «подготовку вооруженной интервенции, свержение Советской власти, реставрацию капитализма».

Из сообщения ОГПУ следовало, что эта широко разветвленная контрреволюционная организация состоит преимущественно из кулацких элементов, уклонившихся от раскулачивания, и ушедших в глубокое подполье зсеров. В печати сообщалось, что у КТП было девять подпольных групп в Москве, а всего в ней состояло около 200 тысяч человек.

Разоблачения зти были «очень кстати». Сталинский тезис об «обострении классовой борьбы» подтверждался в глазах народа «конкретными фактами». Народу было дано понять, кто́ создает трудности в социалистических преобразованиях в деревне. Все зто, как бесспорное, вошло в «Краткий курс истории КПСС» и внедрялось в сознание все новых и новых поколений советских людей.

Так было до начала 1956 года. Оставшиеся в живых близкие родственники Чаянова А. В., Кондратьева Н. Д. и других осужденных по делу КТП обратились с просьбами о пересмотре зтого дела.

Генеральный прокурор Р. А. Руденко распорядился заняться проверкой обоснованности осуждения Чаянова А. В. и других так называемых руководителей зтой партии и ее членов.

Главная военная прокуратура была вынуждена заняться делом Чаянова А. В. и других осужденных гражданских лиц, потому что им инкриминировалась «шпионская деятельность», а дела о шпионаже относились по закону к юрисдикции военной юстиции.

Чаянов А. В. оказался вполне «подходящим» арестованным для обвинения в шпионаже. Он стажировался в Бельгии, Швейцарии, Германии, где изучал сельскохозяйственную кооперацию и экономику производства у виднейших ученых того времени.

Разве могли иностранные разведки (по стереотипу мышле-

ния того времени, царившему в ОГПУ) пройти мимо такого подходящего «субъекта» для вербовки? И, как утверждали следователи ОГПУ, не прошли.

Чтобы сделать достоверные выводы по делу КТП, недостаточно было изучить только материалы следствия, хранившиеся в архивно-следственном деле.

Нашим товарищам потребовалось с помощью ряда специалистов расширить и углубить круг своих познаний о том времени, когда возникло дело ТКП, разобраться в действиях и поступках осужденных, предшествовавших их аресту. В особенности это относилось к объявленным лидерам этой контрреволюционной партии А. В. Чаянову и Н. Д. Кондратьеву.

Изучая личность Чаянова А. В., мы обратились к его личному делу, не приобщенному к следственному делу.

В карточке отдела кадров НИИ основ социалистического земледелия (НИОСЗ) Чаянов А. В. написал о себе так:

«Родился в 1888 году. Окончил Московский СХ институт (ныне Тимиряз. СХ Академия) в 1910 году. Был два года аспирантом с 1910 года и год в научной заграничной командировке. С 1913 года работаю сначала в качестве доцента, а с 1918 года в качестве профессора ГСХА. Магистерский экзамен сдал в 1913 году. С 1919 по 1928 год состоял директором Института СХ экономики, ныне НИОСХ. Работал на руководящих постах с. х. кооперации с 1915 по 1920 год, в 1921—1923 годы был членом коллегии Наркомзема РСФСР. Написал более 300 печатных листов на русском, украинском, немецком, японском, английском и французском языках. В настоящее время выходит книга «Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия», около 30 печатных листов. 12 мая 1930 г.».

Все эти сведения, данные Чаяновым о себе, не вызывали сомнений. К ним нам пришлось лишь дополнить, что родился он в семье прогрессивных русских интеллигентов. Отец — выходец из крепостных крестьян бывшей Владимирской губернии, со временем стал видным промышленным деятелем. Мать Чаянова — одна их первых женщин-агрономов России.

Мы, конечно, обратили внимание на исключительную работоспособность Чаянова А. В.

Нам помогли специалисты. Их короткое резюме гласило — основные научные труды профессора А. В. Чаянова посвящены развитию сельскохозяйственной кооперации в России, в особенности в годы Советской власти, в духе взглядов В. И. Ленина на значение кооперации в условиях новой эко-

номической политики. Эти труды Чаянова высоко ценил В. И. Ленин, используя их при подготовке своей работы «О кооперации».

Совершенный И. В. Сталиным пересмотр взглядов В. И. Ленина на методы и формы кооперативного движения в деревне неизбежно отразился и на оценке трудов Чаянова.

Выступая на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., Сталин заявил:

«Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати, а гениальные труды Маркса — Энгельса — Ленина о теории земельной ренты и абсолютной земельной ренты не должны популяризоваться и выдвигаться на первый план, должны лежать под сукном»[1].

Такое противопоставление трудов Чаянова классикам марксизма-ленинизма было сделано Сталиным со свойственным ему иезуитством — с одной стороны, он подчеркнул будто бы допущенное Чаяновым умаление значения трудов Маркса — Ленина, а с другой — придал трудам Чаянова антимарксистское, а следовательно, и антисоветское содержание.

Через полгода после такой обвинительной речи Сталина профессор А. В. Чаянов был арестован, объявлен контрреволюционером, идеологом кулацкого хозяйства и противником индустриализации и коллективизации. Все его труды были изъяты из пользования, как чуждые и враждебные нашему строю и науке.

Вывод объективных специалистов, уже не связанных оценками природы сталинщины, был однозначным — «никаких враждебных социалистическим преобразованиям в деревне установок в трудах Чаянова А. В. не содержится. Наоборот, они полностью согласуются с ленинскими взглядами на кооперацию в деревне».

Так же необоснованным оказалось обвинение Чаянова А. В. и в связях с иностранными разведками. Никаких документальных подтверждений на этот счет следствием добыто не было. Чаянов бывал за границей, но это были официально разрешенные выезды, диктуемые научными интересами, не только личными, но и всей нашей науки.

Не менее крупным теоретиком в области экономики сельского хозяйства был и профессор Николай Дмитриевич Кондратьев, автор всемирно признанной теории экономиче-

[1] Сталин И. В. Вопросы ленинизма. С. 282.

ских циклов, называемых в литературе «циклами Кондратьева».

В справке на его арест об этих заслугах Кондратьева Н. Д. перед экономической наукой не было упомянуто, зато крупно было напечатано:

«Кондратьев Н. Д. входил в состав Временного правительства Керенского. Являлся «товарищем» (заместителем. — *Прим. автора*) Министра продовольствия».

Это не было каким-либо открытием ОГПУ. Пребывание в составе Временного правительства Кондратьев не скрывал. Он был одним из первых ученых-экономистов, перешедших на службу в советские научные учреждения. Безупречно служил в них до самого ареста. Наши товарищи обнаружили в архиве стенограмму доклада М. И. Калинина на IV съезде Советов в 1927 году. Доклад был озаглавлен «Основные задачи сельского хозяйства в связи с развитием народного хозяйства и индустриализации страны».

Вот с чего начал свой доклад М. И. Калинин:

«Перед тем как делать мне доклад, я поручил профессору Кондратьеву Н. Д. составить некоторые сравнительные данные по сельскому хозяйству у нас и в Америке. Это поручение он выполнил, и я их сейчас Вам приведу...»[1].

Какой же вывод сделал Михаил Иванович Калинин из представленных профессором Н. Д. Кондратьевым данных?

«Вы видите, как необоснованны были крики о том, что у нас идет бешеное расслоение крестьянства и что в этом расслоении идет значительный рост кулацкой верхушки... Целым рядом мероприятий мы стремимся массу распыленных хозяйств не только не допустить до разорения, не допустить до превращения их в объект эксплуатации и наживы незначительной верхушечной группы, но стремимся эту массу хозяйств через кооперацию (курсив мой. — *Б. В.*), через помощь советского государства влить организационно в общее хозяйство страны»[2].

Все эти научные выводы профессора Кондратьева Н. Д. и политические ориентировки делегатов IV съезда Советов, данные Всесоюзным старостой М. И. Калининым, Сталин в том же году полностью отверг в своих выступлениях в Сибири, а затем и на Пленуме ЦК и переориентировал партию на другую политику в деревне. Было покончено с нэпом. Рыночные

[1] Калинин М. И. За эти годы. Ч. 3. С. 262.
[2] Там же. С. 265.

отношения, как основа развития социалистической экономики, будут признаны не нужными, даже вредными. Деревня встанет на путь сплошной коллективизации.

Произойдут изменения и во взглядах профессора Н. Д. Кондратьева. Об этом мы узнали, когда познакомились с его показаниями, которые он дал в судебном заседании Верховного Суда СССР как свидетель по делу «Союзного бюро меньшевиков». Трудно сказать, какие мотивы руководили Кондратьевым, насколько повлиял на все это следователь ОГПУ Агранов[1]. Последняя мысль возникла у нас не случайно. В письме в прокуратуру о реабилитации своего супруга Ольга Эммануиловна Чаянова просила обратить внимание на «методы работы следователя Агранова», который вел следствие по «делу КТП».

«Мужа забрали 21 июля 1930 г. на работе... О том, что происходило в тюрьме, я могу рассказать только с его слов. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к «трудовой крестьянской партии», о которой он не имел ни малейшего понятия. Так он и говорил, пока за допросы не принялся Агранов. Допросы сначала были очень «дружественные», иезуитские. Агранов приносил книги из своей библиотеки, потом просил меня передать ему книги из дома, говоря мне, что Чаянов не может жить без книг, разрешил продовольственные передачи и свидания, а потом, когда я уходила, он, пользуясь душевным потрясением Чаянова, тут же ему устраивал очередной допрос.

Принимая «расположение» Агранова, Чаянов дружески объяснил ему, что ни к какой партии он не принадлежал, никаких контрреволюционных действий не предпринимал. Тогда Агранов начал ему показывать одно за другим тринадцать показаний его товарищей против него.

Показания, переданные ему Аграновым, повергли Чаянова в полное отчаяние — ведь на него клеветали люди, которые его знали и которых он знал близко много лет. Но все же он еще сопротивлялся.

Тогда Агранов его спросил: «Александр Васильевич, есть ли у вас кто-нибудь из товарищей, который, по вашему мнению, не способен оболгать?» Чаянов ответил, что есть, и указал на профессора экономической географии А. А. Рыбникова. Тогда Агранов вынул из ящика показания Рыбникова и дал

[1] Подробное содержание показаний Н. Д. Кондратьева мы приведем в рассказе о деле «Союзного бюро меньшевиков».

прочесть Чаянову. Это окончательно сломило сопротивление Чаянова. Он начал, как и все другие, подписывать то, что сочинял Агранов. Так, он, в свою очередь, оговорил и себя».

В том, что именно такими или иными изощренными «методами» следователи типа Агранова добивались от арестованных показаний в совершении несуществующих преступлений, мы все больше убеждались по мере того, как углублялись в проверку многочисленных дел на членов КТП.

В Центральном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС нашего сотрудника подполковника юстиции Каратанова познакомили с запиской старого большевика Теодоровича (которого хорошо знал В. И. Ленин и во многих трудах упоминал его) на имя Орджоникидзе от 5 октября 1930 г.:

Вот ее содержание:

«Дорогой товарищ!

Обращаюсь к Вам как каторжанин к каторжанину.

Примите меня на 10 минут. Гнуснейший негодяй и провокатор оклеветал меня. 35 лет работы в партии, из них 17 лет каторги, тюрьмы и ссылки дают мне моральное право просить Вас облегчить мое дело разоблачения лживых показаний. Если я окажусь виновным, пусть партия накажет меня по заслугам. Но надо же выслушать хотя бы 10 минут.

Искренне уважающий Вас

Ив. Теодорович

P. S. Прошу Вас поручить секретарю Вашему известить меня о дне и часе по телефону 5-24-15 или вертушке 6-52 и вызвать меня поскорее. Ив. Теодорович»[1].

Однако следователь Агранов опередил вмешательство Орджоникидзе. Теодорович был арестован и по сфальсифицированному обвинению в принадлежности к той же так называемой крестьянской трудовой партии необоснованно осужден. За ним последовали аресты ряда членов Коллегии наркомзема. Трудно перечислить всех поименно, назову лишь одного — Свидерского Алексея Ивановича, безвинно расстрелянного и необоснованно названного «польским шпионом» и вот в связи с чем. Транспортный отдел НКВД на Томской железной дороге обнаружил, что на одном из участков желдорпути

[1] Иван Адольфович Теодорович, член КПСС с 1895 года, заместитель Наркомзема и директор Аграрного института реабилитирован Верховным Судом СССР 11 апреля 1956 г. Письмо его хранится в Центральном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС// Ф. 85. Оп. 27. Д. 509.

работает некто по фамилии Свидерский. Родственник врага народа! Его немедленно арестовали.

«Позвольте, — заявлял он на следствии, — никакого отношения я к члену Коллегии наркомзема Свидерскому не имею, его не знаю, родственником не являюсь. С ним никогда не встречался. Поймите, я — однофамилец».

Но и этого Свидерского на всякий случай обвинили в связях с контрреволюционной организацией поляков, живущих в СССР, и расстреляли. Он был по нашему заключению реабилитирован.

Работа по делу Чаянова, Кондратьева и других подходила к завершению. Было очевидно, что их необходимо реабилитировать. Но последовало указание «этого не делать», чтобы не переписывать «Краткий курс истории КПСС». А приверженцев сталинского «Краткого курса» было немало, да тем более влиятельных.

Только через 30 лет вновь вернулась Главная военная прокуратура к делу так называемой крестьянской трудовой партии.

Лишь 16 июля 1987 г. по протесту Генерального прокурора СССР Верховный Суд СССР отменил все приговоры 1931, 1932 и 1935 годов по делам «кулацко-эсеровской группы Кондратьева — Чаянова» и реабилитировал всех обвиненных. Одновременно сообщалось, что никакой трудовой крестьянской партии не существовало. В настоящее время выходят в свет научные труды Чаянова, Кондратьева, Юровского, Дояренко и других крупнейших экономистов 20-х годов, ставших жертвами произвола и репрессий. По мнению ученых, большинство их работ не утратило своей актуальности и сегодня...

Все шло к тому, что нужно было «раскрыть» еще и центр, возглавляющий вредительскую работу в колхозах и в созданных для их обслуживания МТС во всесоюзном масштабе.

11 марта 1933 г. в печати было опубликовано сообщение ОГПУ. Оно извещало о ликвидации контрреволюционной организации выходцев из буржуазных помещичьих классов, государственных служащих в системе Наркомзема и Наркомсовхозов.

В сообщении утверждалось, что члены этой широко разветвленной контрреволюционной организации вели вредительскую работу в МТС, в колхозах и совхозах ряда районов Украины, Северного Кавказа, Белоруссии. Вредительство выразилось в порче и уничтожении тракторов, сельскохозяйственных

машин, умышленном засорении полей, дезорганизации сева, уборки урожая и т. д.

По данному делу были арестованы около 100 крупных специалистов-аграрников.

Возглавляли эту организацию, по утверждению ОГПУ, два заместителя наркома земледелия: Конар Ф. М., член КПСС с 1919 года, и Маркевич А. М., член КПСС с 1921 года, а также заместитель наркома совхозов СССР Вольф М. М., член КПСС с 1920 года.

Нам пришлось затратить много усилий, чтобы восстановить истинное положение с работой «Трактороцентра» в эти годы. О необоснованности обвинения свидетельствует тот факт, что при участии арестованных специалистов и руководителей «Трактороцентра» в период с 1929 по 1932 год в стране было создано свыше 1 тысячи машинно-тракторных станций, которые успешно функционировали и сыграли большую роль в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Высоко оценивалась и всесторонняя деятельность функционирующих при МТС политотделов, в которых работали лучшие представители нашей партии.

Конечно, в отдельных МТС имели место случаи выхода из строя тракторов и других сельхозмашин, были недостатки в проведении сева, уборки урожая. Однако никакого организованного вредительства не было. Более того, при проверке этого дела стало известно, что провокационными материалами органы ОГПУ снабжал один из сотрудников «Трактороцентра» Дорохов, впоследствии разоблаченный в этом. Он был осужден. Руководившие следствием по этому делу Ягода и его помощник Агранов были изобличены в фальсификации (подробно об этом расскажем позже).

Арестованные специалисты из «Трактороцентра» были лишены возможности гласно защищаться от нелепого обвинения.

Как же Сталин оценивал работу «Трактороцентра»? Мы обратились к его сочинениям и обнаружили обращение, опубликованное в «Правде» 28 мая 1931 г., адресованное председателю правления «Трактороцентра», всем машинотракторным станциям. Оно было следующего содержания:

«Братский привет рабочим и работницам, техникам и специалистам и всему руководящему составу машинно-тракторных станций по случаю досрочного выполнения посевного плана в 18 миллионов гектаров.

С победой, товарищи!

В прошлом году было засеяно машинно-тракторными стан-

циями около 2 миллионов гектаров колхозных полей. В этом году — свыше 18 миллионов гектаров. В прошлом году машинно-тракторные станции обслуживали 2347 колхозов. В этом году — 46 514 колхозов. Таков путь, от сохи к трактору, пройденный крестьянским хозяйством нашей страны».

Затем Сталин выразил надежды на дальнейшие большие успехи машинно-тракторных станций в превращении нашей страны в крупное коллективное хозяйство и передовой земледельческой техники.

Закончил он свое обращение призывом:

«Вперед, товарищи, к новым победам!»[1].

Ни о каких недостатках, тем более об организованном, широкоразветвленном вредительстве в системе «Тракторо-центра» Сталин не сказал ни единого слова. И вдруг через два года деятельность «Трактороцентра» оценивается как вредительская. Это была фальсификация, которой уже начали заниматься карьеристы, пробравшиеся к руководству ОГПУ, — Ягода Г. Г., Прокофьев Г. Е., Молчанов Г. А., Агранов Я. С., Миронов Л. Г. и т. д.[2].

При судебном рассмотрении этого дела обнаружились факты незаконных методов ведения следствия. 14 подсудимых отказались от «признательных показаний». Однако был вынесен приговор — 40 человек приговорены к расстрелу, и приговор приведен в исполнение. Остальные более 50 человек были осуждены на разные сроки лишения свободы.

Чудом избежал расстрела один из руководителей этой «вредительской» организации — заместитель наркома земледелия СССР, член КПСС с 1921 года, А. М. Маркевич.

Вскоре из лагеря он обратился с заявлением на имя Сталина, Молотова и прокурора Акулова. В заявлении А. М. Маркевич обращал их внимание на «неправильные методы ведения следствия в ОГПУ, вследствие чего он и ряд других специалистов необоснованно осуждены». Он, в частности, писал: «Ягода резко оборвал меня: «Не забывайте, что вы на допросе. Вы здесь не зам. наркома. Не думаете ли вы, что мы через месяц перед вами извинимся и скажем, что ошиблись. Раз

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 49.

[2] В 1938—1939 годы Ягода Г. Г., Прокофьев Г. Е., Молчанов Г. А., Агранов Я. С., Миронов Л. Г. были изгнаны из органов НКВД, арестованы и по приговору суда расстреляны. Поступившие в 1955—1960 годы просьбы от родственников о реабилитации этих лиц были отклонены, поскольку они изобличены в фальсификации ряда дел, гибели по их вине многих невиновных.

ЦК дал согласие на ваш арест, значит, мы дали вполне исчерпывающие и убедительные доказательства вашей виновности». Все следователи по моему делу добивались только признания виновности, а все объективные свидетельства моей невиновности отметали».

Одновременно к Марии Ильиничне Ульяновой (возглавлявшей в те годы Бюро жалоб ЦК) обратился из лагеря осужденный по этому же делу Ревис А. Г., который писал, что под воздействием незаконных приемов следствия следователем Вильдановым он был вынужден признаться в несовершенных преступлениях.

Вместе с сотрудниками Комитета государственной безопасности СССР мы решили подробно разобраться, насколько обоснованными были эти жалобы и как на них реагировал Сталин.

Оказалось, что если заявление Маркевича вначале не было доложено Сталину, то на заявление Ревиса, поступившее с сопроводительным письмом М. И. Ульяновой, он отреагировал так:

«Т.т. Куйбышеву, Жданову.

Обращаю Ваше внимание на приложенные документы, особенно на записку Ревиса. Возможно, что содержание обоих документов соответствует действительности. Советую:

а) Поручить комиссии в составе Кагановича, Куйбышева и Акулова проверить сообщаемое в документах;

б) Освободить невинно пострадавших, если таковые окажутся;

в) Очистить ОГПУ от носителей специфических «следственных приемов» и наказать последних, «не взирая на лица».

Дело, по-моему, серьезное и нужно довести его до конца.

И. Сталин».

Предложение Сталина было оформлено решением Политбюро от 15 сентября 1934 г.

В составе комиссии не оказалось Жданова. Тогда он стал «хлопотать» о включении его в состав этой комиссии, и просьба его была удовлетворена.

Трудно сказать, зачем так усердно просился в эту комиссию Жданов. Предположения были разные.

Непосредственную проверку заявлений и всех материалов по этому и другим делам проводили Булатов и Назаретян (тогдашние помощники Сталина).

Сохранились черновые записи Куйбышева по работе этой

комиссии. Был составлен заключительный документ с выводами комиссии, что применение незаконных методов следствия не только по делу специалистов Наркомзема и Наркомата совхозов, но и по другим делам (называлось дело Пугачева, Силявкина и др.) имели место.

Комиссия считала необходимым:

1) искоренение незаконных методов следствия;

2) наказание виновных;

3) пересмотр дела о Ревисе и Маркевиче.

Пока писался зтот документ и готовилось его обсуждение на Политбюро, 1 декабря 1934 г. в Смольном прозвучал коварный выстрел в Сергея Мироновича Кирова.

7 января 1935 г. Маркевич снова обратился к Сталину и просил: «В случае, если у членов комиссии, товарища Куйбышева остались какие-либо сомнения в моей виновности, прошу вызвать и допросить меня еще раз».

На зто заявление Сталин наложил резолюцию: «Вернуть в лагерь»[1].

Так ничем и закончилось это расследование по поводу начавшейся фальсификации дел в ОГПУ — НКВД, а Маркевич, как и другие невинно осужденные, продолжал в лагерях отбывать незаслуженное наказание. Многие из них так и остались там навсегда... В 1957 году Маркевич и другие были реабилитированы.

В зтой главе мы рассказали об одной из самых продолжительных по времени и масштабности командировок пришедшего к руководству Сталина. Какова ее цель?

За 22 дня Сталин объехал всю Сибирь и многократно выступал перед коммунистами Барнаула, Бийска, Рубцовска, Омска и в Новосибирске — в крайкоме ВКП(б). В этих выступлениях Сталин провозгласил отказ от ленинской политики нэпа в деревне: «излишки хлеба у крестьян не закупать, а изымать». Всех сопротивляющихся судить и отправлять в ссылку. Партийных и советских работников — приверженцев ленинской политики по отношению к крестьянам Сталин назвал несерьезно мыслящими, а прокуроров и судей, стоящих на позиции законности, оскорбительно обозвал «нахлебниками кулаков» и потребовал «их убрать и заменить другими».

Предвзято используя некоторые высказывания В. И. Лени-

[1] Материалы хранятся в архиве Главной военной прокуратуры// Наряд № 358. 1956 год. Наблюдательное производство № 21972—57 на А. М. Маркевича.

на о перспективах социалистического строительства, Сталин заявил: «Для упрочения советского строя необходимо перейти от социализации промышленности к социализации всего сельского хозяйства».

Что за этим последовало?

У крестьян Сибири и не только Сибири было принудительно изъято несколько миллионов пудов хлеба, и весь он был отправлен за границу. Угроза голода, который Сталин обосновывал необходимостью применения чрезвычайных мер, так и не был устранен. Голодных людей стало еще больше.

С законом перестали считаться. Без какой-либо вины ни в чем не повинные люди, в том числе старики, женщины и дети, оказались в ссылке, где были обречены на гибель. А масштабы беззакония расширялись.

Социализация всего сельского хозяйства обернулась сплошной принудительной коллективизацией, а ее последствия всем хорошо известны.

Согласитесь, разве это не была зловещая командировка заявившего о себе диктатора?

«Спецеедство»

Кто автор этого позорного явления! Слово «спецеедство» принадлежит Сталину. Его обнаружил наш сотрудник, знакомясь с речью Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.

Сталин и расшифровал его: «Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы как непойманного преступника и вредителя. «Спецеедство» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением».

Слово «спецеедство» зародилось еще в 1918 году, и одним из организаторов репрессирования военспецов — бывших царских офицеров, перешедших на службу в Красную Армию, был Сталин, а также Ворошилов, Буденный, Щаденко и др.

В. И. Ленин в докладе о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров, произнесенном на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г., специально остановился на вопросе о специалистах и дал отповедь своим противникам. Его точка зрения на использование специалистов в стране имела практическое значение. Приведем некоторые выдержки из этой речи.

«Некоторые из наших товарищей, — говорит Ленин, — возмущаются тем, что во главе Красной Армии стоят царские слуги и старое офицерство. Естественно, что при организации Красной Армии этот вопрос приобретает особое значение, и правильная постановка его определит успех организации армии. Вопрос о специалистах должен быть поставлен шире. Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся...

Для социалистического строительства необходимо использовать полностью науку, технику и вообще все, что нам оставила капиталистическая Россия. Конечно, на этом пути мы встретимся с большими трудностями. Неизбежны ошибки. Всюду есть перебежчики и злостные саботажники. Тут необходимо было насилие прежде всего. Но после него мы должны использовать моральный вес пролетариата, сильную организацию и дисциплину. Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов... Но их надо поставить в опреде-

ленные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их... От подавления капиталистов мы перешли к их использованию, и это, пожалуй, самое важное завоевание, достигнутое нами за год внутреннего строительства»[1].

Такая ленинская политика, сочетаемая с уважительным отношением к специалистам и контролем за их деятельностью, принесла положительные результаты. Например, около 30 % бывших генералов и офицеров старой армии встали в строй борцов за власть Советов. Пост главнокомандующего Вооруженными Силами Республики занимали бывшие полковники царской армии И. И. Вацетис и С. С. Каменев.

На должности командующих регулярными фронтовыми объединениями (фронтами) в 1918—1920 годах были выдвинуты 20 человек, 17 из них — военспецы; в тот же период на должности начальников штабов фронтов назначались только опытные военные специалисты (всего 25 человек), все они были беспартийными, все честно и добросовестно выполняли свои обязанности; из 100 человек, командовавших армиями, 82 — бывшие генералы и офицеры, и лишь пятеро из них изменили Советской власти[2].

Многие специалисты старой школы, перейдя на работу на советские социалистические предприятия, также честно и добросовестно выполняли свои обязаности.

Но не обошлось и без фактов необоснованного гонения, применения даже крайних репрессивных мер в отношении «спецов». Речь идет о переписке с ВЧК В. И. Ленина по делу консультанта Госплана крупного инженера М. К. Названова, привлеченного к ответственности по делу контрреволюционного заговора, раскрытого в Петрограде. 19 августа 1921 г. В. И. Ленин спешным письмом попросил И. С. Уншлихта представить ему «1) точные справки, каковы улики и

2) копию допроса или допросов по делу Названова»[3].

М. К. Названов был приговорен Петрогубчека по этому делу к расстрелу. 26 июня 1921 г. его отец обратился к Владимиру Ильичу с просьбой смягчить участь сына. Об освобождении М. К. Названова просил и Г. М. Кржижановский, хорошо знавший его. Получив письмо Г. М. Кржижановского, В. И. Ленин в записке для членов Политбюро ЦК РКП(б) писал:

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 6—7.
[2] Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М., 1988.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 130—131.

«Получил по окончании Политбюро. Прошу послать спешно всем членам Политбюро вкруговую для письменного голосования.

10. XI. т. Молотов

Я условился с т. Уншлихтом о задержании исполнения приговора над Названовым и переношу вопрос в Политбюро.

О Названове я имел летом 1921 письмо от Красина (еще до ареста Названова). Красин просил привлечь к работе этого, очень-де ценного инженера.

Кржижановский рассказывал мне, что он, зная Названова, не раз резко спорил с ним после 25 октября 1917 г. и чуть не выгонял из квартиры за антисоветские взгляды. Весной же или летом 1921 года заметил у него перелом и взял на работу при Госплане.

Затем у меня были двое товарищей от ЦК рабочих сахарной промышленности и на мой вопрос дали положительный отзыв о Названове, подтвердив этот отзыв и письменно. На основании изложенного я вношу вопрос в Политбюро.

Предлагаю: если нужно, разыскать письмо Красина и письменный отзыв двух рабочих. Я разыщу, если Политбюро постановит, оба эти документа»[1].

В. И. Ленин предложил «отменить приговор Петрогубчека». Члены Политбюро высказались за предложение В. И. Ленина, подтвердив это решением от 14 октября 1921 г., Названов был освобожден и с тех пор работал на разных ответственных должностях до своей смерти в 1932 году.

Это письмо В. И. Ленина доказывает его чуткое отношение к судьбе не только одного специалиста старой школы, но и ко всем честным специалистам. Его требования объективно разобраться в выдвинутых обвинениях предопределили на какое-то время надлежащее отношение к специалистам.

Специалисты старой школы продолжали служить в Красной Армии и трудиться в народном хозяйстве.

Случилось так, что начатая в 1926 году по решению XIV съезда партии (декабрь 1925 г.) индустриализация вовлекла и техническую интеллигенцию.

Но индустриализация проходила не гладко, с большими срывами намеченных планов, со все обостряющейся внутрипартийной борьбой.

Вставал вопрос — чем объяснить срывы темпов индустриали-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 254—255.

зации, кто виноват в возникновении одного за другим тяжелейших происшествий в народном хозяйстве?..

Например, весной 1927 года в Грозном в бензохранилищах вспыхнул пожар, во время которого погибло 36 резервуаров — 1 300 000 пудов горючего.

В Ленинградском уезде на Дубровском лесокомбинате им. Ленина пожаром уничтожено лесопродукции на 1,5 млн. руб. и т. д.

В это время в нашей печати появляются сообщения, что белая эмиграция и иностранные разведки рассчитывают вести борьбу против СССР с помощью заброшенных из-за рубежа агентов и активизации преступной вредительской деятельности части старой интеллигенции, враждебно настроенной против Советской власти.

Появляется объяснение Сталина: «Сопротивление классовых врагов обостряется не только в деревне, но и в городе, в особенности в промышленности, новом строительстве».

Под классовым врагом в городе имелось в виду около 700 тыс. человек, отнесенных по принадлежности к городской буржуазии, хотя большинство из них служили чиновниками в советском аппарате, — все равно это были «бывшие», следовательно, «чуждые».

В промышленности насчитывалось 30 тыс. старой интеллигенции, некоторые из них не порывали связей со своими «прежними хозяевами» или продолжали работать на возникших во время нэпа в России иностранных фирмах «Метро-Виккерс», «Ллойд-Регистр», в концессиях «Лена-Гольдфилтс» и других. Они имели постоянные контакты с иностранцами, поэтому в них видели потенциальных агентов международной буржуазии и их разведок.

В специальном сообщении Советского правительства летом 1927 года говорилось: «Раскрыто несколько подпольных организаций, которые готовили диверсионные и террористические акты и поставляли кадры убийц и шпионов, имевших целью всякими путями подготовить интервенцию и втянуть СССР в войну»[1].

Вслед за этим появились такие публикации:

«9 июня 1927 г. Коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу 20 контрреволюционеров во главе с бывшим князем Павлом Долгоруким» (Известия. 1927. 10 июня).

[1] История дипломатии. М. Т. 3.

«21—25 сентября 1927 г. в Ленинграде Военная коллегия рассмотрела дело англо-финнских шпионов и диверсантов Сольского, Балмасова и других и приговорила к расстрелу» (Ленинградская правда. 1927. 21—25 сент.).

На беседе с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. Сталин так «обосновал» необходимость существования ГПУ:

«Я этим, — заявил Сталин, — вовсе не хочу сказать, что внутреннее положение страны обязывает нас иметь карательные органы революции. С точки зрения внутреннего состояния положение революции до того прочно и непоколебимо, что можно было бы обойтись без ГПУ. Но дело в том, что внутренние враги не являются у нас изолированными одиночками. Дело в том, что они связаны тысячами нитей с капиталистами всех стран, поддерживающими их всеми силами, всеми средствами. Внутренние враги нашей революции являются агентурой капиталистов всех стран. Капиталистические государства представляют базу и тыл для внутренних врагов нашей революции. Воюя с внутренними врагами, мы ведем, стало быть, борьбу с контрреволюционными элементами всех стран. Судите теперь сами, можно ли обойтись при этих условиях без карательных органов вроде ГПУ»[1].

Как и предсказывал Сталин, «без ГПУ не обошлись». Последовало противозаконное указание. Органам ОГПУ было предписано:

1) усилить репрессии за халатность, за непринятие мер охраны и противопожарных средств на складах, заводах и предприятиях государственной промышленности, на транспорте, а равно и всех прочих предприятиях государственного значения;

2) приравнять небрежность как должностных, так и всех прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие вредительские акты на предприятиях государственной промышленности, на транспорте, а равно и предприятиях государственного значения, к государственным преступлениям;

3) предоставить право ОГПУ рассматривать во внесудебном порядке вплоть до применения высшей меры наказания и опубликования в печати, дела по диверсии, поджогам, пожа-

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 236—237.

рам, взрывам, порче машинных установок как со злым умыслом, также без умысла[1].

Познакомившись с этим указанием в 1955 году, мы не могли не обратить внимание, насколько оно противоречило установленному в законе понятию «контрреволюционного государственного преступления».

Например, приравнять «халатность» и «небрежность», хотя и с тяжкими последствиями, к числу государственных преступлений.

Высшую меру наказания применять независимо от того, совершены ли действия со злым умыслом или без умысла.

Тогда же появились по существу такого же содержания и рекомендации, ориентирующие судебно-прокурорские органы на упрощенное понимание составов контрреволюционных преступлений.

XVIII Пленум Верховного Суда СССР 2 января 1928 г. принял руководящее постановление «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении».

В нем говорилось: «В целях устранения возможности неправильного истолкования в судебной практике ст. ст. 1, 2, 3, 7 и 9 Положения о государственных преступлениях XVIII Пленум Верховного Суда СССР в соответствии со ст. 6 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик разъясняет, что под контрреволюционными действиями следует понимать:

а) действия, упомянутые в указанных статьях, в том случае, когда совершивший их действовал с прямо поставленной контрреволюционной целью, т. е. предвидел общественно опасный характер последствий своих действий и желал этих последствий;

б) те же действия, когда совершивший их, хотя и не ставил *прямо* контрреволюционной цели (курсив мой. — *Б. В.*), однако сознательно допускал их наступление или должен был предвидеть общественно опасный характер последствий своих действий[2].

Такая трактовка умысла в перечисленных в постановлении Пленума Верховного Суда СССР контрреволюционных преступлениях, в частности во вредительстве и диверсии, ориентировала судебную практику на возможность привлечения за

[1] Этот приказ был издан во время фактического руководства ОГПУ Ягодой ввиду болезни Менжинского и, надо полагать, с одобрения Сталина.

[2] Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного Суда СССР. М., 1935. С. 100.

эти преступления и при недоказанности того, что виновные действовали с контрреволюционной целью[1]. В последующем появилось немало ошибок, когда обвинение в столь тяжких контрреволюционных преступлениях и суровая кара обрушивались на людей, хотя и виновных, но в другом преступлении — должностном или в ином общеуголовном.

Как же выглядело «спецеедство» в 20—30-х годах?..

Некоторые историки справедливо подмечают, что в речах, статьях и заявлениях Сталина этого периода можно найти немало слов, призывающих всемерно заботиться о старой «буржуазной» интеллигенции, а на самом деле его слова расходились с делом.

Возьмем «Шахтинский процесс», организованный с одобрения Сталина над вредителями в угольной промышленности. Нам не удалось до конца довести проверку этого дела. Было сказано коротко и ясно: «Не пересматривать же «Краткий курс истории КПСС»!»

При ознакомлении лишь с некоторыми материалами и стенограммой судебного процесса у нас тогда сложилось о нем определенное мнение. Прежде всего это не был судебный процесс над абсолютно ни в чем не повинными специалистами. 17 подсудимых признали свою вину в предъявленных обвинениях и подробно изложили, что каждый из них сделал преступного. Еще десять подсудимых признали свою виновность частично, отрицая преднамеренность и вредительский характер своих действий.

Что же показалось нам достоверным?

Ряд специалистов старой школы не скрывали и открыто высказывали свое отрицательное отношение к политике КПСС в области темпов и методов осуществления индустриализации. На шахтах и предприятиях нарушался технологический процесс производства и правила техники безопасности, что вело к авариям, снижению добычи угля и т. д.

Специалисты подтверждали связи с бывшими хозяевами шахт и предприятий Донбасса, эмигрировавшими за границу, получение от них денежных переводов, однако отрицали, что это было платой за вредительство или за передачу шпионских сведений.

Вместе с тем 23 подсудимых виновными себя в суде не

[1] К таким выводам приходили многие советские юристы, занимавшиеся исследованием проблем уголовного права (Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1928 и др.).

признали. Многие из них заявили о необъективном ведении следствия и об оговоре. Подсудимый Ржепецкий, например, сказал: «Ужас как в одиночной камере, так и здесь преследует меня. Я не знаю, чем себя оправдать». Подсудимый Асевич утверждал: «Я подписал признание по принуждению. Давно нахожусь в „невменяемом состоянии"» и т. д.

Какой-либо проверки этих заявлений подсудимых сделано не было.

Между тем при дальнейшем ознакомлении с некоторыми материалами дела наши сомнения в объективности следствия возрастали. В обвинительном заключении, подписанном Н. В. Крыленко, руководившим следствием (заметим, он же поддерживал и обвинение в суде), утверждалось, что еще в 1922—1923 годы «некоторые буржуазные специалисты создали контрреволюционную вредительскую организацию в Шахтинском районе, которая была тесно связана с бывшими собственниками угольных предприятий Донбасса... Начиная приблизительно с 1924 года эта контрреволюционная организация широко развернула свою преступную деятельность. Причем с 1925 года она действовала под непосредственным руководством так называемого «Парижского центра»... Объектом вредительства было избрано новое строительство в Донбассе. Вредители затопляли шахты, ухудшали условия труда рабочих Донбасса, чтобы вызвать широкое недовольство последних. Ставка была сделана на срыв всей производственной работы Донбасса, что катастрофически должно было отразиться на экономическом положении и обороноспособности страны».

Если это так, то возникают вопросы: «Где все эти шесть лет было ГПУ и почему вовремя не пресекло вредительские действия?» Соответствующий опыт у ГПУ был: достаточно сослаться на пресечение в 20-х годах контрреволюционной вредительской деятельности монархистов (известная операция «Трест»).

Стало быть, позволили оформиться крупной контрреволюционной организации из специалистов старой школы, довели ее численность до десятков человек... В Москве, в Колонном зале Дома Союзов, состоялся широко разрекламированный судебный процесс над 53 вредителями — специалистами старой буржуазной школы.

Невольно создается впечатление: такой судебный процесс был нужен, тем более что целая группа арестованных была подготовлена дать показания, разоблачающие как их самих, так и товарищей по работе.

На сомнительную «искренность покаяния» обратили внимание суда защитники ряда подсудимых — известные адвокаты Московской губернской коллегии Малянтович А. П.[1], Долматовский А. М. и др. (всего в процессе участвовали 16 адвокатов). В своих выступлениях они отметили, что эти «покаяния» и «оговор других» со стороны подсудимых Березовского Н. Н., Казаринова А. И., Матова Ю. Н., Братановского С. П., Шаблуна Г. А., Бояршинова Н. П. появились в деле после длительного пребывания под следствием в ГПУ и содержания их под стражей, в одиночных камерах.

В какой-то мере смягчение наказания нашло подтверждение в том, что Специальное присутствие Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующий — Вышинский А. Я., члены — Васильев-Южин М. И., Антонов-Саратовский В. П., Курченко Н. А., Киселев С. Е., приговорив шестерых подсудимых из 11 к высшей мере наказания, нашло необходимым в самом приговоре записать:

«Специальное присутствие Верховного Суда Союза ССР считает необходимым поставить вопрос на усмотрение Президиума ЦИК нижеследующего содержания.

Значительное большинство осужденных по настоящему делу к высшей мере наказания еще в стадии предварительного следствия и на судебном следствии не только признали свою вину перед пролетарским государством, но и стремились раскрыть перед ним все обстоятельства совершенных ими тяжких преступлений.

Учитывая это обстоятельство, а равно и то, что большинство осужденных представляют собой квалифицированную техническую силу, которую возможно использовать в соответствующих условиях на практической работе, Специальное судебное присутствие Верховного Суда Союза ССР в отношении Березовского Н. Н., Казаринова А. И., Матова Ю. Н., Братановского С. П., Шаблуна Г. А. и Бояршинова Н. П. ходатайствует о замене им расстрела иной мерой социальной защиты».

Это ходатайство Президиум ЦИК удовлетворил. Высшая мера наказания была заменена на 10 лет лишения свободы и на 5 лет поражения в правах. В отношении остальных пяти осужденных к высшей мере наказания (Горлецкий Н. Н., Кржи-

[1] А. П. Малянтович входил в состав Временного правительства. Был арестован, но амнистирован, поскольку много раз защищал в царских судах большевиков. Продолжал работать адвокатом до 1937 года, затем был расстрелян по сфальсифицированному делу и реабилитирован.

жановский Н. К., Юсевич А. Ю., Будный С. З. и Бояринов Н. А.) приговор был утвержден и приведен в исполнение.

О недоказанности вины привлеченных к суду свидетельствует тот факт, что четверо подсудимых были оправданы. Вследствие малозначительности совершенного четверо приговорены к условным мерам наказания, девять — к заключению на срок от одного года до трех лет.

Среди оправданных были три гражданина Германии — В. Бадштибер, Э. Отто, М. Мейер — сотрудники фирмы «Кнапп», которая поддерживала взаимовыгодные отношения с нашей страной, поставляла и обслуживала специальные машины для угледобычи. Развертывая картину широкого контрреволюционного заговора на шахтах Донбасса, ОГПУ на недостаточно убедительных материалах арестовало названных выше немецких специалистов и обвинило их в соучастии во вредительстве.

В ходе предварительного следствия Бадштибер, Отто и Мейер категорически отрицали предъявленное обвинение.

Между тем Прокуратура РСФСР (обвинительное заключение утвердил Н. В. Крыленко) предала и этих трех немецких специалистов суду. На суде их невиновность стала очевидной, и суд вынес им оправдательный приговор. Никакого извинения принесено не было. Более того, председательствующий Вышинский А. Я., выступавший в печати об итогах этого процесса, промолчал о серьезной ошибке, допущенной в отношении необоснованного привлечения немецких специалистов к суду, чем был нанесен ущерб нашим внешнеэкономическим связям, но в то же время «расхвалил» свой приговор[1].

Организаторы этого «громкого» судебного процесса несомненно преследовали цель «мобилизовать массы на повышение темпов индустриализации», «поднять бдительность» и т. д. Общественно-политическое значение этого процесса было поднято участием в нем четырех общественных обвинителей. Выступая в суде, они ссылались на полномочия тысяч рабочих и представителей новой технической интеллигенции. Клеймя позором преступные деяния подсудимых, совершенные «в угоду бывших собственников шахт и предприятий Донбасса», эти представители общественности требовали: «тяжелый меч пролетарского правосудия должен быть опущен на их головы», «антисоветская, антикультурная, предательская организация должна быть вырвана с корнем» и т. д.

[1] Экономическая контрреволюция в Донбассе. М., 1928. С. 10—18.

Получил широкую огласку приказ ОГПУ о поощрении рабочих шахтеров, которые помогли раскрыть «Шахтинское дело». Этим приказом М. С. Снитко, С. М. Голохвостов, А. Ф. Пономаренко, Н. Г. Золотарев, В. Я. Колодяжный, Н. М. Абашин были награждены каждый револьвером системы «маузер» с надписью «За борьбу с вредителями от коллегии ОГПУ»[1].

Что последовало за судебным процессом над «шахтинскими вредителями»?

В начале 1929 года следуют одно за другим заявления Сталина: «Шахтинцы» сидят теперь во всех *отраслях* нашей *промышленности*. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены» (курсив мой. — Б. В)[2].

Во время проведения сплошной коллективизации среди трех наиболее характерных форм сопротивления вражеских элементов социалистическому строительству Сталин назвал «Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во *всех отраслях нашей* промышленности» (курсив мой. — *Б. В.)*[3].

Сталин утверждал: «Наиболее квалифицированная часть старой интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Более того, вредительство составляло своего рода моду»[4].

Потрясенный арестами своих коллег, председатель Госплана Кржижановский Г. М. в 1930 году обратился с письмом к В. Р. Менжинскому за разъяснением. Менжинский, председатель ГПУ, сообщил, что «враги народа обнаружены и в ВСНХ, и в Наркомфине, и в НКПС». Есть все основания утверждать, что автором этого разъяснения был не Менжинский, а Ягода.

Все это толкало на развертывание репрессий в отношении специалистов старой школы и поиск среди них вредителей, которые якобы находились «во всех отраслях промышленности» и «далеко еще не все выявлены».

Так появилось много дел на специалистов старой школы, обвиненных во вредительстве.

В результате оперативного реагирования ОГПУ на приведенные выше высказывания Сталина первым было дело «О контрреволюционной вредительской организации в военной промышленности СССР». Следствие по этому делу шло под непосред-

[1] Приказ ОГПУ. № 205. 1928. 23 окт.
[2] Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 2-е изд. С. 217.
[3] Там же. С. 393—394.
[4] Там же. С. 459.

ственным руководством Ягоды, который привлек к работе с арестованными своих ближайших помощников, таких же, как и он сам, авантюристов, — бывшего начальника ЭКО ОГПУ Прокофьева Г. С. и др.

В обвинительном заключении, составленном 17 июля 1929 г., утверждалось, что «ОГПУ раскрыта контрреволюционная организация, возникшая в период гражданской войны и интервенции и получившая окончательное оформление в 1921 году...

Ядро этой организации составляли военные инженеры — бывшие генералы и полковники царской армии, выходцы из Михайловской артакадемии».

Нельзя было не обратить внимание на следующее утверждение ОГПУ (совпадающее с высказываниями Сталина):

«Эта контрреволюционная организация охватила всю военную промышленность в целом, начиная с высших органов Управления (ЦУПАЗ — Центральное управление пороховых и артиллерийских заводов, ГВПУ — Главное военно-промышленное управление), кончая почти всеми заводами, расположенными в различных районах СССР».

Ее руководителем был объявлен бывший генерал царской армии, военинженер, член коллегии Главного артиллерийского управления в 1917—1918 годы, а перед арестом начальник Главного военно-промышленного управления Михайлов Вадим Сергеевич.

Он — один из тех «военспецов», которые с первых дней создания Красной Армии связали свою судьбу с ней. Вместе с ним было арестовано 78 человек, объявленных также активными участниками этой контрреволюционной организации, некоторые из них были выходцами из дворян, генералами и офицерами бывшей царской армии.

При ознакомлении с делом «О контрреволюционной вредительской организации в военной промышленности СССР» каких-либо достоверных документальных данных, свидетельствующих о нарушении ритма работы военной промышленности, срыва заданий, выпуска недоброкачественной военной техники, в нем не оказалось.

Все обвинение было построено на противоречивых показаниях арестованных, из которых можно было понять только то, что среди «военспецов» были недовольные отношением к ним, что «старые специалисты будут выкинуты за ненужностью, поэтому необходимо вести работу, чтобы они были нужны долгий срок» (из протокола показаний Клиппель А. О. От 14 июня 1929 г. Т. IV. Лд. 204).

Из протокола показаний арестованного бывшего генерала Орлова М. Н.:

«Инженеры-вредители военной промышленности не создавали обычного типа контрреволюционную организацию. Была дана в 21-м году установка вести линию по торможению военной промышленности. В дальнейшем во всех своих действиях и распоряжениях они должны руководствоваться идеей вредительства. Таким образом, организация жила как бы в умах ее членов, что делало существование организации совершенно неуловимым» (от 4 августа 1929 г. Т. 5. Лд. 165).

Из протокола показаний профессора МГУ Шпитальского Е. И., сына военного чиновника:

«В связи с озлобленностью мне приходили мысли в голову о насильственной борьбе с большевиками и о технических средствах для этого вплоть до мысли отравления Большого театра, в котором происходили заседания съездов...

Я придумал тогда идею приспособления, которые позволяли производить такой выпуск газов из спрятанных баллонов автоматически без участия людей и притом в намеченные заранее приблизительные сроки. С помощью таких приспособлений удобно и безопасно осуществлять террористические действия, и я о них думал» (от 30 мая 1929 г. Т. 8. Лд. 193).

Примерно такого же содержания и многие показания других арестованных. Никакого судебного разбирательства по этому делу не было. Коллегия ОГПУ осудила всех арестованных, некоторых из них к высшей мере наказания — расстрелу, остальных — к длительным срокам лишения свободы с содержанием в лагерях ОГПУ.

Рассмотрев заявления ряда осужденных по данному делу и придя к выводу о необоснованности осуждения некоторых из них, Главная военная прокуратура внесла предложение в Верховный Суд СССР о их реабилитации.

С этим предложением Верховный Суд согласился.

Так, в 1956—1957 годы были реабилитированы: Зыбин Александр Сергеевич, ставший после отбытия незаслуженного наказания доктором технических наук, профессором Горьковского политехнического института; Клиппель Аркадий Осипович, технический директор киевского «Арсенала»; Попов В. Ф., доктор технических наук, профессор Ленинградского кораблестроительного института.

Можно назвать фамилии и других реабилитированных по этому и другим делам по военной промышленности. Однако полностью в те годы проверки по данным делам не были за-

вершены и исключительно по причине непоступления прошений от заинтересованных лиц о пересмотре дел. Это ограничение теперь снято. И проверки дел осуществляются в полном объеме.

Одновременно возникали одно за другим дела на «военспецов», проходивших службу в Красной Армии и занимавшихся якобы вредительством, главным образом в строительстве оборонительных сооружений, в особенности в военных округах на западной и дальневосточной границах.

Таких дел было проверено много, и большинство из них завершилось внесением Главной военной прокуратурой предложений об их прекращении и о реабилитации осужденных за установлением необоснованности осуждения по ним невиновных офицеров[1].

Процесс «Промпартии». Раскрытием одного контрреволюционного заговора в угольной промышленности, возникшими делами на объявленных вредителей-специалистов старой школы в военной промышленности и даже в Красной Армии Сталин не был удовлетворен. Требовались новые «громкие» судебные процессы...

Долго ждать не пришлось. Центральная пресса уведомила:

«25 ноября 1930 г. в Москве Специальное судебное присутствие Верховного Суда Союза ССР начнет слушание дела о контрреволюционной подпольной организации, именуемой «Промпартия», ставившей целью совершение вредительства и диверсий, а также подготовку интервенции западных держав с целью свержения Советской власти».

Из обнародованных тогда же сообщений было известно, что слушание этого дела продолжалось с 25 ноября по 7 декабря 1930 г., председательствовал снова Вышинский А. Я., а поддерживал государственное обвинение Крыленко Н. В. (полная преемственность после «Шахтинского процесса»).

Перед судом предстали: Рамзин Л. К., профессор МВТУ,

[1] Рассказать о каждом из них подробно мы не сможем, назовем лишь некоторые дела: на группу офицеров-специалистов Отдела военных сообщений Белорусского военного округа во главе с заместителем начальника этого отдела Аппаровичем П. Ф. (наблюдательное производство в ГВП, № 1708-59). На группу военных строителей ОКДВа во главе с начальником строительного управления Армии Кащеевым, Гайдуком и др. (наблюдательное производство № 37044-56 хранится в ГВП). Список этих дел настолько длинен, что дела о вредителях в Красной Армии, начатые в 1928 году, продолжали возникать до 1953 года. До смерти Сталина и ареста Берии «существовала как бы эстафета вредительства».

директор Теплотехнического института; Калинников И. А., заместитель председателя производственного сектора Госплана и профессор Военно-Воздушной академии; Ларичев В. А., председатель топливной секции Госплана; Чарновский Н. Ф., профессор ряда высших технических учебных заведений, председатель научно-технического совета ВСНХ; Федоров А. А., профессор высших технических учебных заведений, председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института; Куприянов С. В., технический директор Оргтекстиля ВСНХ; Очкин В. И., ученый секретарь Теплотехнического института; Ситник К. В., инженер Всесоюзного текстильного синдиката.

Все подсудимые, как сообщала печать, признали в суде себя виновными в предъявленных обвинениях. Пятеро из перечисленных подсудимых были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, а последние трое — к 10 годам лишения свободы. Приговор о расстреле не был приведен в исполнение, его заменили лишением свободы на 10 лет.

Поручение проверить обоснованность вынесенного по этому делу приговора мы так и не получили, хотя для этого были основания: во-первых, к нам обратились с просьбой заинтересованные лица, во-вторых, подсудимые обвинялись в шпионаже, что отнесено к военной юрисдикции.

Наряду с тем, что судебный процесс над «Промпартией» прочно вошел в историю, которую в то время не все хотели пересматривать, немаловажное значение имело и то, что еще занимал высокие посты в правительстве председатель суда, вынесший приговор по этому делу, А. Я. Вышинский.

Ознакомиться с материалами дела нас побудила резолютивная часть обвинительного заключения, где было сказано, в чем выражалась противогосударственная деятельность ЦК «Промпартии»:

в военной работе направлялась на дезорганизацию Красной Армии и подготовку изменнических действий со стороны отдельных частей и командного состава — в тех же целях облегчения интервенции»;

«в диверсионной работе, направленной специально на разрушение производительных сил советской промышленности и тыла Красной Армии уже непосредственно в момент интервенции».

Какими же достоверными материалами были обоснованы эти пункты обвинения? Кто из военнослужащих был или мог быть связан с контрреволюционной «Промпартией» и впос-

ледствии был разоблачен? Пересматривая дела, мы убедились, что никаких материалов по указанным пунктам обвинения в деле нет. Есть лишь неконкретные показания общего характера Л. К. Рамзина и некоторых других подсудимых.

Мы не ставили перед собой задачи глубоко проанализировать фактическую и юридическую аргументированность заключительных документов данного судебного процесса — речь государственного обвинителя Н. В. Крыленко и Приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда Союза ССР.

Однако на некоторые фрагменты этих документов обратили внимание. Например, на первые слова, произнесенные Н. В. Крыленко: «Начало настоящего судебного процесса было ознаменовано миллионным выступлением рабочего класса на улицах с протестом против действий лиц, сидящих на скамье подсудимых».

Еще не было судебного рассмотрения доказательств, не были выслушаны объяснения подсудимых, а пресса и соответствующий аппарат, подобно тому, что наблюдалось перед «шахтинским процессом», уже предопределили виновность подсудимых. Эта порочная практика создания преждевременно определенного общественного мнения сослужила пагубную роль и в последующие годы при проведении других, таких же «громких» судебных процессов.

Сопоставляя два судебных процесса — над «шахтинскими вредителями» и «вредителями из «Промпартии», Н. В. Крыленко пришел к выводу: «Если на шахтинском процессе скамью подсудимых занимали специалисты-производственники одной только отрасли промышленности — каменноугольной, то контрреволюционная организация «Промпартия» включала лиц, занимавшихся вредительством во многих основных отраслях промышленности — в НКПС, в угольной, текстильной, нефтяной, золотодобывающей, металлургии, машиностроении, паровозостроении, станкостроении и др.

Следовательно, вредительство было во всем народном хозяйстве СССР. В таком выводе были все основания сомневаться. Но Крыленко не мог прийти к другим выводам — еще до процесса Сталин сказал, что вредители есть везде и всюду.

На этом были построены и такие суждения государственного обвинителя.

«Мы имеем за истекшие два года углубление вредительской работы в смысле, во-первых, централизации всей вредительской работы во всех областях в одном руководящем цен-

тре и в создании с этой целью блока с другими контрреволюционными организациями. Во-вторых, мы имеем углубление и расширение методов вредительской работы, принявший плановый характер в целом и вместе с тем принявший специальное направление на определенные конкретные цели: оказание помощи международной буржуазии...

«Я думаю, — с определенным пафосом заявил Крыленко, — что не ошибусь, если охарактеризую это положение как консолидацию, объединение всех контрреволюционных сил для того, чтобы вооруженной рукой добиться своей основной цели — уничтожения Советского Союза».

Он утверждал, что если на «шахтинском процессе» были установлены связи вредителей только с отдельными промышленниками, то на настоящем — с правящими кругами Франции во главе с Пуанкаре...

Пуанкаре заявил протест и трижды выступал в печати с отрицанием какой-либо причастности к делу «Промпартии». Аналогично поступили все названные на процессе иностранные промышленники и бывшие российские собственники, находящиеся в эмиграции.

Крыленко не оставил все это без внимания. Он отметил в своей речи, что буржуазной прессе свойственно освещать события в нашей стране необъективно, сопровождать их подозрениями, клеветой, измышлениями и ложью. О выступлении Пуанкаре и других заграничных пособников нашим вредителям он заявил, что «все это голое отрицание. Иначе они не могут». И в целом сделал такое резюме: «Зашумела, зашевелилась эта клика, зашипели змеиные гнезда этих гадов».

В основном наша общественность была удовлетворена этой отповедью. Враждебная настроенность против СССР правящей буржуазии Франции и ряда других капиталистических государств не вызывала сомнений. Даже во французском парламенте тогда открыто раздавались призывы некоторых депутатов «взять СССР в окружение, уничтожить Коминтерн».

И все же нас интересовало, на каких доказательствах были основаны все обвинения как против подсудимых, так и тех, кто их подстрекал к преступлениям, им помогал?

Обойти данный вопрос, оказалось, не мог и Н. В. Крыленко. Он ответил так: «Одним из вопросов, или, вернее, методов опорочивания настоящего процесса, является лицемерное выражение недоумения по поводу того, что же это за процесс, в котором подсудимые все сознаются...

Об объективных уликах я еще буду говорить. Но какие

вообще могут быть улики в таком процессе? Лучшей уликой при всех обстоятельствах считаю сознание подсудимых» (курсив мой. — *Б. В.*).

Далее шли такие пояснения прокурора:

«Документы уничтожались. В период налаженной организационной связи документы не сохраняются. Люди? Свидетели? Желать, чтобы пришли и рассказали о своей вредительской организации, находясь на свободе? Чтобы они пришли к нам и как бы со стороны рассказали обо всем — мы же не идиоты, чтобы оставить таких людей на свободе».

В процессе фигурировали и «объективные доказательства». Что это такое?.. Из архива Госплана были извлечены стенограммы выступлений подсудимого Калинникова И. А., бывшего заместителя Председателя производственного сектора Госплана (одно из выступлений на заседании президиума Госплана 29 декабря 1927 г., второе — при обсуждении контрольных цифр промышленности предстоящей пятилетки и третье — при обсуждении хода пятилетки 5 февраля 1929 г.).

Действительно, И. А. Калинников настойчиво выступал, как выразился обвинитель, за «минималистские темпы». Его выступление противоречило тому, что требовал запланировать Сталин, и ряд товарищей, которые, не считаясь с объективными возможностями, высказывались за «форсированные темпы индустриализации», за «пятилетку в четыре года». Только много лет спустя стало ясно, как был прав профессор И. А. Калинников.

Приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР был, как и следовало ожидать, суровым, окончательным и обжалованию не подлежал. Пятеро подсудимых — Л. К. Рамзин, И. А. Калинников, В. А. Ларичев, Н. Ф. Чарновский и А. А. Федоров, как основные организаторы «Промпартии» и ее руководители, приговорены к высшей мере наказания — расстрелу; С. В. Куприянов, В. И. Очкин и К. В. Ситнин — к лишению свободы сроком на 10 лет.

На другой день, 8 декабря 1930 г., Президиум ЦИК рассмотрел ходатайства о помиловании осужденных к расстрелу и заменил его на 10 лет лишения свободы, соответственно снизив наказание остальным осужденным.

Приведем аргументы, содержащиеся в этом постановлении. ЦИК СССР принял во внимание, что: «осужденные не только сознались и раскаялись, но и своими показаниями разоружили свою организацию, являвшуюся агентурой и использовавшую директивы интервенционистских и военных кругов буржуазной

Франции и их придатков «Торгпрома» — объединения бывших крупных русских капиталистов в Париже;

Советская власть не может руководствоваться чувством мести, в особенности в отношении обезвреживания сознавшихся и раскаявшихся преступников».

Для многих зто решение оказалось непонятным. Зачем тогда были миллионные демонстрации рабочих масс с требованием расстрела?

Н. В. Крыленко разъяснил: «нет необходимости в физическом уничтожении обезвреженного врага. Мы не руководствуемся чувством мести. Когда нужно, умеем беспощадно и жестоко расправляться — в 1926 году расстреляли 26 белогвардейцев во главе с бывшим князем Павлом Долгоруковым; в 1930 году — 48 вредителей снабженцев, спекулировавших на продовольственных трудностях. От террора мы не отказываемся». Это было сказано в назидание будущим вредителям...

Третьим «громким» был процесс по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков». Ликвидация вредительства в народном хозяйстве СССР не завершилась арестом и осуждением врагов народа из Донбасса, лидеров «Крестьянской трудовой партии» (КТП), Промпартии и многочисленных членов зтих якобы существовавших организаций...

ОГПУ сообщило, что есть еще одна контрреволюционная вредительская организация, более опасная по своим прочным идейным воззрениям, чем все предшествующие, — «Союзное бюро ЦК РСДРП меньшевиков». Среди арестованных — видные деятели меньшевистской партии — Громан Шер, Иков, Суханов и другие — всего 14 человек. Программа зтой организации — реставрация капитализма в нашей стране. Они якобы делали ставку на интервенцию, для чего избрали вредительство основным методом своей контрреволюционной деятельности. Вредителям удалось занять отдельные руководящие посты в Госплане, ВСНХ, Госбанке, Наркомторге и Центросоюзе.

Судя по обвинительному заключению, вредительская работа выражалась в каких-то неправильных расчетах и извращениях принципов распределения товаров, в вопросах спроса и сбыта. Было стремление дискредитировать взятые Советской властью темпы развития промышленности, задерживать развернутое наступление социализма по всему фронту. Для зтого преподносились искаженные оценки, раздувание трудностей, недоучет ресурсов.

В суде почти все подсудимые, не оспаривая выводов об-

винения, посвятили пространные показания изложению своих идейных взглядов, с какими каждый из них вступил в РСДРП, принимал участие в рабочем движении, были убеждены в правоте своих взглядов на методы и пути социалистического строительства, хотя они и расходились со взглядами и идеями большевиков.

Каждый из подсудимых заявил, что убедился в бесполезности своих усилий изменить курс партии большевиков, по существу отрекся от идей меньшевизма, своим покаянием перед судом заверял, что будет стремиться своим трудом принять посильное участие в строительстве социализма. Это был удар по всему «международному меньшевизму» и по той политике, которую проводили лидеры II Интернационала.

В суде подсудимыми признавался факт получения в течение 1928—1930 годов специального финансирования от заграничных организаций II Интернационала, а также от «Торгпрома» в размере 500 тыс. руб., которые были соответственно распределены по ячейкам меньшевиков, существовавшим в СССР.

Знакомясь с этим делом, мы имели цель выяснить, в чем конкретно выражалась преступная связь лидеров «Союзного бюро меньшевиков» с лидерами «Крестьянской трудовой партии» Кондратьевым и Чаяновым, в отношении которых мы вели проверку их дела. И оказалось... Через несколько месяцев пребывания под следствием в тюрьме ОГПУ профессор Кондратьев Николай Дмитриевич — один из нареченных ОГПУ лидеров «Крестьянской трудовой партии» был вызван (или принужден — сие остается неизвестно) в суд для дачи свидетельских показаний по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков». Основания для этого были.

В обвинительном заключении утверждалось, что третья по счету контрреволюционная организация, состоящая из вредителей меньшевиков, находилась в блоке с двумя другими контрреволюционными партиями — «КТП» и «Промпартией», и все они составляли единый фронт антисоветских сил, поставивший перед собой задачу при помощи международной буржуазии и осуществленной ею интервенции свергнуть Советскую власть.

Суд выслушал обстоятельные показания свидетеля Кондратьева... Он показал, что знал о существовании контрреволюционной меньшевистской организации, неоднократно встречался с лидерами этой организации Громаном, Сухановым и другими. Были эти встречи и у самого Кондратьева на квар-

тире, обычно по воскресеньям. «Разумеется, — пояснил Н. Д. Кондратьев, — что это не было простое «чаепитие» или «приятное время препровождение». Были и беседы, дискуссии политического содержания».

Как характеризовал их Кондратьев: «В области промышленности была известная общность взглядов, но и известное различие. Я бы так сказал, что та и другая организация считали, что мелкая промышленность должна быть денационализирована, значительная часть крупной промышленности построена на началах смешанного акционирования, а известная доля государственной промышленности — крупнейшая — должна оставаться в руках государства...

Предполагалось, что область торговли будет в значительной мере сосредоточена в руках кооперации, частью в руках частного капитала...»

Высказал Н. Д. Кондратьев суду и мнения участников дискуссии по вопросу политического устройства Советского государства.

«Та и другая организация стояли на позиции признания демократической республики. Форма ее мыслилась различно, могла быть принята советская форма, но во всяком случае, без сохранения диктатуры, могла быть какая-нибудь другая форма...

В области внешней политики должно быть создано положение, обеспечивающее вхождение нашей страны в Лигу наций, без этого невозможно урегулирование экономических отношений между всеми странами».

Прервав изложение Н. Д. Кондратьевым своих показаний, государственный обвинитель Н. В. Крыленко задал ему следующие вопросы:

Крыленко: Одной общей формулировкой можно сказать: «Реставрация капиталистических отношений?»

Кондратьев: Да... Я должен сказать, что предполагалась реставрация капиталистичесих отношений, хотя со следующей оговоркой. Разумеется, не шло речи о реставрации довоенного капитализма на 100 %, так как его нет и на Западе.

Крыленко: Склады оружия были?

Кондратьев: Мне неизвестно существование ни одного большого склада оружия.

Крыленко: А маленькие?

Кондратьев: И маленькие мне неизвестны...

Вся заключительная часть его показаний в суде была посвещена изложению его политических воззрений.

«У меня не было, — заявил Н. Д. Кондратьев, — никакой заинтересованности в борьбе с революцией вообще и с социалистической, в частности.

Общий дух моих политических воззрений я мог бы характеризовать как дух принятия реформизма, социального реформизма, эволюционности или постепенного в развитии. И мне казалось, что даже две революции, пережитые нами, — февральская и даже октябрьская — лишь открывали возможность для дальнейшего глубокого преобразования социального строя, но не открывали возможности непосредственного строительства социализма. Мне казалось, что основное препятствие лежит у нас в крайней отсталости, патриархальности сельского хозяйства. Отсюда я — противник напряженных темпов индустриализации — в особенности тяжелой индустрии».

Заканчивая свои показания, Н. Д. Кондратьев заявил, что «он все обдумал, все обсудил».

К каким же выводам он пришел?

«Я ошибся. Крестьянство заняло другую позицию, нежели ту, какую я предполагал. Оно пошло в колхозы»... «Ошибся я и в вопросе индустриализации. Советский Союз организовал такие темпы развития индустриализации и такие темпы накопления в стране, как мир никогда не видывал...

Третье — для накопления нужно самоограничение населения. Оно добровольно, «безропотно» пошло на это. Я этого раньше недооценивал».

Далее Кондратьев сказал, что с его прошлыми высказываниями связано появление в стране такого явления, как «кондратьевщина». Теперь провозгласил он:

«Я не считаю себя возможным именоваться «кондратьевцем». Я считаю необходимым не только для себя, но и для тех, которые вместе со мной боролись указанным оружием, сложить это оружие прежде всего, и не только сложить его, а потом его и разрушить и разрушить не только его, но и те элементы в социалистической действительности, которые приводили к его возрождению. Позвольте на этом закончить».

Председательствующий суда Вышинский А. Я. распорядился коменданту: «Вывести свидетеля Кондратьева Н. Д. из зала суда».

Государственный обвинитель Крыленко подвел итог всем выступлениям в суде подсудимых и свидетелей кратким заключением:

«В своих исторических диссертациях обвиняемые в достаточной мере вскрыли всю мелкобуржуазную природу меньше-

визма и сами дали оценку своей контрреволюционной работе».

Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР вынесло 9 марта 1931 г. свой приговор и все 14 подсудимых были осуждены на разные сроки лишения свободы — от 2 до 10 лет лишения свободы.

Вместе с А. В. Чаяновым был осужден и Н. Д. Кондратьев[1].

Обвинитель и адвокат на процессе над «вредителями на электростанциях СССР». С четвертым по счету делом и с материалами не менее «громкого» судебного процесса над вредителями на электростанциях СССР мы познакомились по указанию Генерального прокурора Союза ССР Р. А. Руденко.

К нему на личном приеме обратился известный поэт Евгений Долматовский и просил разобраться с делом его отца, адвокатом, которого он считал невинно погибшим в 1938 году.

За восстановление честного имени своего мужа боролась и супруга — Адель Марковна Долматовская. В архиве Главной военной прокуратуры сохранилось ее письмо товарищу Вышинскому:

«Дорогой Андрей Януарьевич!

Вы хорошо знали моего мужа... Он был участником известных судебных процессов над шахтинскими вредителями и вредителями на электростанциях СССР. Как защитник он выполнял свой профессиональный долг. Неужели это может быть поставлено ему в вину... Прошу разберитесь...»

А. Я. Вышинский на это обращение никак не отреагировал.

Адвокат Московской коллегии адвокатов Долматовский Арон Моисеевич, вместе со своими коллегами действительно принимал участие в судебном рассмотрении дела на «Шахтинцев», где Вышинский возглавлял Специальное судебное присутствие, а на процессе над «вредителями на электростанциях СССР» выступал в качестве государственного обвинителя (Долматовский был его аппонентом).

Потому Вышинский «хорошо знал Долматовского».

За что же был арестован и осужден адвокат Долматовский А. М.?

Следователь центрального аппарата НКВД Графский с одобрения известных «преуспевающих» тогда своих руководите-

[1] Профессор А. В. Чаянов и профессор Н. Д. Кондратьев были реабилитированы в 1988 году, хотя имелись основания сделать это раньше. Но тогда «распадался» весь блок.

лей-авантюристов Владзимирского и Кобулова предъявили А. М. Долматовскому обвинение в том, что он «с 1922 года был активным участником антисоветской кадетско-меньшевистской организации, проводил работу по налаживанию связей с заграницей».

Участвуя в судебном процессе над «вредителями на электростанциях СССР», А. М. Долматовский принял на себя обязательство защищать двух английских подданных Альберта Вильяма Грегори и Чарльза Нордволла, объявленных английскими шпионами. «Какой же еще нужен материал для «истребления» защитника, взявшегося защищать шпионов, — так рассуждали в НКВД и сделали Долматовского тоже шпионом».

Нам предстояло объективно разобраться в роли А. М. Долматовского в этом процессе и ознакомиться с содержанием этого дела.

Материалы дела свидетельствовали о том, что на Златоустской, Зуевской, Ивановской, Бакинской и на ряде других электростанций системы Мосэнерго в 1928—1932 годы имели место аварии, выход из строя турбин и других механизмов и к ним были причастны такие наши специалисты, которые в прошлом служили в белой армии, не скрывали своих антисоветских настроений. Все их поступки и действия ОГПУ были расценены, как вредительские.

Для технического обслуживания турбин и механизмов мы пользовались услугами специалистов английской фирмы «Метрополитен-Виккерс». ОГПУ собрало данные о том, что эти иностранные специалисты подстрекали наших специалистов, путем подкупа, к совершению диверсионных и вредительских актов на электростанциях.

Что касается речи нашего адвоката А. М. Долматовского на этом процессе, то она безупречна. Вот выдержка из стенограммы судебного процесса:

«Председатель суда (Ульрих): Слово имеет член Коллегии защитников товарищ Долматовский.

Долматовский: Товарищи судьи, я защищаю Грегори, Нордволла. О Грегори мне не приходится говорить много, поскольку материалы, которые были предъявлены, оказались недостаточными, по мнению прокурора, для того, чтобы его признать виновным».

Установив, что от обвинения Грегори отказался Вышинский, мы обратились к стенограмме процесса, к речи Вышинского и к тому, что он заявил о Грегори. По этому делу в качестве одного из обвиняемых проходил английский подданный, ди-

ректор Московской конторы фирмы «Метро-Виккерс» Торнтон. На суде Торнтон виновным себя ни в чем не признал и, более того, заявил, что свои показания на предварительном следствии в ОГПУ он дал под воздействием «морального давления». Речь идет о его признательных показаниях, данных на допросе в ОГПУ 12 марта 1933 г.

На все это государственный обвинитель Вышинский отреагировал следующим образом: «Не нравится Торнтону этот документ, но документ есть все-таки документ. Торнтон пытался опорочить этот документ ссылками на какое-то «моральное давление». Что же вы не рассказали подробно, что это за «моральное давление», как это так на вас «морально давили». Он сказал: «мне говорили, что если ты будешь давать показания правильно, тогда будет хорошо». Я не постесняюсь перед всем миром, через посредство этого зала заявить то же самое: если вы будете давать показания правильные, будет лучше, чем ежели вы будете говорить неправду. Что же, разве я оказываю этим на вас «моральное давление»?

Потом, говорит он, мне еще сказали: «Если ты будешь давать иные показания, то окажешься бесполезным и в Англии, и в СССР». Позвольте и мне оказать на вас такое же «моральное давление» и сказать: гражданин Торнтон, вы уже бесполезны и здесь, и там, потому что вы как разведчик доказали всю свою несостоятельность, ибо через 24 часа после ареста выдали свою агентуру и сделали это потому, что вы трус и предатель по природе и вам не может доверять даже ваша английская разведка. А здесь же в СССР вы бесполезны потому, что после того, что произошло, от вас не может быть никому никакой пользы.

Вот вам «моральное давление». Я вам показал, что вы собой представляете с точки зрения тех требований, которые к вам могут предъявить люди, умеющие уважать себя и других, защищать свои интересы, выполнять свой долг, чего вы, к сожалению, не выполнили ни по отношению к нашей стране, обманув наше доверие, ни по отношению к учреждению, доверившему вам свои тайны. Что еще говорили вы по поводу «морального давления»? Ничего. И еще одно замечание. Вы говорите, что протокол 13 марта содержит в себе неправду. Допустим. А подумали ли вы, что, сообщая то, что вы сообщили 13 марта, вы играли головами своих товарищей? Вы это понимали! Нет, этот документ вам не удастся опорочить. Но пусть он останется на вашей совести.

Вы указали, между прочим, в этой записке и на одно лицо,

находящееся здесь на скамье подсудимых, — это Грегори. Я должен сказать, что оговор подсудимого или какого-нибудь другого лица может иметь значение только тогда в нашем суде, когда он сопровождается какими-нибудь объективными данными, когда он не остается только голым оговором. Когда Торнтон говорит о Кушни, мы видим деятельность Кушни; (когда Торнтон говорит о Монкгаузе, мы видим деятельность Монкгауза; когда Торнтон говорит о Нордволле, мы видим деятельность Нордволла; когда Торнтон говорит о Макдональде, мы видим деятельность Макдональда. Когда Торнтон говорит о Грегори, — я должен признать это, — одного голого заявления Торнтона, не подкрепленного другими данными, считаю недостаточным для того, чтобы поддержать обвинение в отношении Грегори. Я считаю возможным вынесение по отношению к нему оправдательного приговора».

Так и случилось. Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР в пункте 17 приговора было записано: «Грегори Альберта Вильяма, английского подданного по недостаточности улик, оправдать».

Возникал вопрос: зачем при таком положении с доказательствами надо было английского подданного Грегори предавать суду? И без того в Англии было создано общественное мнение, что «все обвинения в отношении английских специалистов искусственно созданы». Вышинскому потребовалось немало усилий для того, чтобы в своей речи опровергнуть эти высказывания и заодно раскритиковать существующее в Англии так называемое правосудие и, наоборот, распропагандировать на весь мир «идеальные» принципы нашего уголовно-процессуального законодательства, в особенности в отношении соблюдения обязанности исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность...

Переходя к защите другого подсудимого, английского подданного Нордволла, А. М. Долматовский в суде заявил:

«Гораздо сложнее моя задача в отношении подсудимого Нордволла. Подсудимый Нордволл уличается здесь рядом лиц. Мне придется разобрать эти показания в отдельности...»

Это обстоятельный разбор нет необходимости полностью пересказывать.

Закончил А. М. Долматовский свою речь о Нордволле такими словами:

«Таким образом, я и думаю, что все обвинения, которые здесь Нордволлу были предъявлены, конечно, обвинения серь-

езные, имеющие за собой известные данные, но при той проверке, которой они подверглись здесь на судебном заседании, должны быть опровергнуты. Я прошу суд оправдать Нордволла».

В последнем слове на суде Нордволл сказал:

«Для меня очень больно было слушать речь государственного обвинителя. Я такой человек, который интересуется исключительно своей работой и всегда старается работать добросовестно. Я всегда поддерживал интересы, планы строительства СССР и сделал все зависящее от меня, чтобы помочь выполнению этих планов. Моя частная жизнь в России была посвящена исключительно моей семье, я жил среди русских людей.

После тех показаний, которые я выслушал на суде, и после той справедливости, которая мне была оказана в ГПУ после моего ареста, я, как я уже ранее указал, всегда был другом Советского Союза и считаю, что суд в своем распоряжении имеет документальные доказательства этого. Я уверен, что суд может вынести только один приговор — это приговор оправдательный, а не обвинительный. И в настоящий момент я остаюсь другом Советского Союза и не боюсь этого сказать даже в присутствии всех представителей прессы».

Специальное присутствие Верховного Суда СССР в своем приговоре записало: «Нордволла Чарльза, как не принимавшего непосредственного участия в совершении аварий на электростанциях ограничиться удалением из пределов СССР с запрещением въезда в СССР сроком на 5 лет». Грегори Альберта Вильяма за недостаточностью улик оправдать.

Возвращаясь к процессу, скажем, что из всех преданных суду английских подданных — служащих Московской фирмы «Метрополитен-Виккерс» был осужден лишь один Торнтон Лесли Чарльз, которого суд все же признал виновным в шпионаже и осудил к трем годам лишения свободы.

После этого суда всякие отношения с этой фирмой были прекращены. Не нам, юристам, делать выводы — насколько этот «громкий» судебный процесс был так необходим и направлен для пресечения действительной «шпионской деятельности» представителей иностранных фирм.

Что касается обоснованности осуждения по этому делу каждого из наших специалистов, то это требует, по нашему мнению, особо тщательной проверки.

Заметим только, что в приговоре в отношении главных подсудимых в этом процессе Гусева В. А., Сухоручкина Л. А.

и Лобанова А. Т., приговоренных к 10 годам лишения свободы, было сказано: «Избрание этой меры репрессии вместо расстрела суд обосновывает исключительно тем, что преступная вредительская деятельность указанных осужденных имела локальный характер и не нанесла серьезного ущерба промышленной мощи СССР.

От всех этих процессов над «вредителями» в 1928—1933 годы у нас складывалось впечатление — одним из способов воздействия на интеллигенцию старой школы была избрана репрессия, с помощью которой внушали страх расстрелом, но фактически его не осуществляли, за исключением пяти осужденных по «шахтинскому процессу». В основном осужденных специалистов использовали по специальности, но в заключении, в условиях, определенных для их содержания ОГПУ.

Так, появились «особые места заключения» для осужденных специалистов, получившие название в более поздние годы «Шарашка». В ней отбывали наказание Л. К. Рамзин, а в последующие годы известные наши ученые-конструкторы А. Н. Туполев, С. П. Королев и др.

Возникла «Шарашка» в системе ОГПУ — НКВД в результате документа, с которым нам удалось познакомиться. Назывался он «Циркуляр Высшего Совета Народного Хозяйства и Объединенного государственного политического управления». Содержание: Об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство, № 139 от 15 мая 1930 г.

В преамбуле этого циркуляра сказано: «За последние дватри года органами ОГПУ раскрыты контрреволюционные вредительские организации в ряде отраслей нашего хозяйства. Вредителям удалось проникнуть даже в ВСНХ, Госплан, заводоуправления и цеха... Ликвидация последствий вредительства должна стать ударной задачей нашей промышленности...

В этом деле должны быть использованы инженеры-вредители, осужденные ОГПУ... Использование вредителей следует организовать таким образом, чтобы работа их проходила главным образом в помещении органов ОГПУ...

Для этого отбирать заслуживающих доверия специалистов. Оказывать им содействие в деле постановки опытных работ...

Подписали:

Председатель ВСНХ Куйбышев
Заместитель Председателя ОГПУ Г. Ягода»

Сталин осудил «спецеедство», но он и санкционировал его существование до своей смерти.

Камуфлированная законность

Мой правовой ликбез. В один из осенних дней 1932 года я впервые переступил порог служебного здания прокуратуры. Это было в небольшом районном центре Венев Тульской области.

Меня пригласил районный прокурор Дмитрий Тимофеевич Никифоров и объявил, что я рекомендован райкомом комсомола в «группу содействия прокуратуре». Существовала тогда такая общественная форма привлечения населения и тем более комсомола к работе в государственных органах.

Был я тогда очень молод. Смерть отца, большая семья, нужда заставили сразу же по окончании школы-семилетки пойти работать. В то время через станцию Венев проходило строительство вторых путей Москва — Донбасс. Взяли меня в рабочую колонну подносить «костыли» и избрали секретарем комсомольской организации. Одним словом, молодой представитель рабочего класса с «чугунки»...

После обстоятельной, благожелательной беседы Д. Т. Никифоров заключил:

«Пойдешь... Со временем прокурором станешь... А пока возьми вот эту папку... Здесь есть что почитать и знать надо...»

Самым первым документом, переданным мне на ознакомление, было письмо В. И. Ленина «О «двойном» подчинении и законности». Если сказать правду, я тогда не понимал, в чем вред «двойного» подчинения, каково оно есть на самом деле и каким должно быть. Местную власть я представлял себе четко. Знал, что все вопросы в районе решаются в райкоме партии, большим авторитетом пользуется предРИК. А чтобы прокурор не подчинялся ни райкому, ни РИК, этого я не допускал.

Изучив письмо В. И. Ленина, я с большим интересом прочел постановление «о революционной законности». С понятием «законность» столкнулся тогда впервые. Понравилось мне, что начиналось это постановление с положительной оценки: «Отмечая десятилетие организации Прокуратуры и достигнутые за этот период в Союзе ССР успехи в деле укрепления революционной законности, являющейся одним из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся (кулачеством, перекупщиками-спекулян-

тами, буржуазными вредителями) и их контрреволюционной политической агентурой, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР особо указывают...»

Из прочитанного становилась понятной суть «революционной законности», и я испытывал какое-то удовлетворение от того, что эти успехи зависят от прокуратуры и конкретно от Д. Т. Никифорова, с которым только что беседовал и от кого получил эти документы...

Оказалось, что «Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР особо указывают на наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения, особенно в деревне».

Правительствам союзных и автономных республик, органам прокуратуры и краевым (областным) исполнительным комитетам предписывалось осуществить ряд мер по предупреждению и устранению нарушений законности.

Среди этих мер было требование «устранить факты наложения твердых заданий, раскулачивания и т. п., допущенные в нарушение законов Советской власти в отношении отдельных колхозников и единоличных середняцких хозяйств»...

Судам и прокуратуре было предложено «привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискаций или изъятия имущества, налагать на виновных строгие меры наказания». Особо были выделены вопросы соблюдения законности в отношении колхозов. В п. 5 было сказано: «Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР обращают внимание всех местных органов Советской власти и прокуратуры на то, что задача строжайшего соблюдения революционной законности в отношении колхозов и всей массы колхозников является задачей особо важной в условиях, когда большинство трудящихся крестьян объединилось в колхозы».

Далее приводится перечень этих нарушений. Было предложено местным органам Советской власти и прокуратуре «неуклонно привлекать к строгой ответственности всех должностных лиц, виновных в нарушении основных начал колхозного строительства».

Вместе с тем содержалось предупреждение последовательно проводить «установленные советскими законами задания и меры в отношении кулацких элементов».

Заканчивалось это постановление тем, что в целях дальнейшего укрепления революционной законности, улучшения и поднятия значения судебно-прокурорских органов категорически запретить снятие или перемещение народных судей или прокуроров иначе, как по постановлению краевых (областных) исполнительных комитетов (в отношении судей) или решением краевого (областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры (в отношении прокуроров)[1].

Вызвало большое удовлетворение и то, что это постановление подкреплялось Обращением ЦК ВКП(б): «Ко всем краевым и областным партийным комитетам, ЦК национальных республик и всем районным партийным комитетам.

ЦК ВКП(б) обращает внимание всех партийных организаций на публикуемое 27 июня постановление ЦИК и СНК СССР о мероприятиях по укреплению революционной законности[2] и требует от всех партийных организаций принятия самых серьезных мер по полному проведению его в жизнь.

Отмечая особую роль, которую в деле укрепления революционной законности должен сыграть суд и прокуратура, ЦК предлагает всем партийным организациям:

1. Обеспечить им всяческую помощь и поддержку в деле укрепления революционной законности.

2. Последовательно проводить в жизнь указания партии о строжайшей ответственности коммунистов за малейшую попытку нарушения законов.

ЦК ВКП(б)»[3]

Нетрудно представить себе, какое чувство удовлетворения испытывали работники суда и прокуратуры от принятых решений по укреплению законности и обеспечению им всяческой помощи и поддержки.

Было подчеркнуто, что в нашей стране происходит острая классовая борьба, и «чем шире размах социалистического строительства, чем острее классовая борьба, тем важнее значение революционной законности». Следовательно, борьба продолжается, но в рамках законности, с соблюдением ее.

Сильное впечатление произвела на меня речь М. И. Калини-

[1] См.: СЗ СССР. 1932. № 50. Ст. 298—299.

[2] Речь идет о постановлении Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «О революционной законности» от 25 июня 1932 г.

[3] Сов. юстиция. 1932. № 19. С. 1—2.

на на торжественном заседании по поводу 10-летия Советской прокуратуры: «...Я хочу,.. чтобы Вы прониклись сознанием, что все те законы, которые проводятся нами, все политические призывы, вся Ваша работа будет иметь наибольшие результаты тогда, когда судебные органы, в первую очередь прокуратура, поставят своей задачей действительно беречь человека. Чтобы она умела всегда, когда чувствует, что с человеком неправильно расправляются, умела бы этого человека защищать. И если каждый гражданин Советской республики твердо будет знать, что общество не только от него требует, но общество его и бережет целым рядом своих институтов и, главным образом, основным карающим (как это кажется внешне) институтом, если это сознание будет привито народу, тогда я не сомневаюсь, что прокуратура справится со своей задачей, тогда без сомнения, судебный рычаг будет одним из могучих рычагов строительства социализма»[1].

Возвращая прочитанные мною документы Д. Т. Никифорову, я услышал:

— Ну понял, что к чему?

— Не совсем. Но кое-что усвоил.

— Со временем познаешь больше...

— Усвоил, например, что могу вас поздравить с юбилеем, с успехами, которые достигнуты при участии прокуратуры.

— Да, все это так. И в то же время не так просто... Очевидно, обратил внимание на это место в письме Ленина?..

Дмитрий Тимофеевич взял ленинское письмо и зачитал: «Есть ли высокомерие в том взгляде, что законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик?.. Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впадать в бюрократический централизм и т. п., значило бы мешать местным работникам, в том учете местных различий, который является основой разумной работы. Между тем, законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство». Д. Т. Никифоров повторил слово «попустительство» несколько раз для лучшего, видимо, моего понимания его смысла.

«Теперь ты уже знаешь, — сказал Никифоров, — наша Прокуратура построена на ленинских принципах. Его аргументация возобладала. 3-я сессия ВЦИК приняла Положение о

[1] Сов. юстиция. 1932. № 20. С. 1—2.

централизованном прокурорском надзоре. С этого дня и ведем мы счет своему возрасту. Уже десять лет существуем, но до претворения в жизнь всех этих ленинских принципов о законности еще далеко. Надо отметить, что сказываются до сих пор взгляды среди многих товарищей на то, что законность мешает социалистическому строительству, прокуратура не нужна... Мы благодарны Михаилу Ивановичу Калинину. Он не единожды разъяснял сущность и необходимость укрепления законности. Говорил добрые слова о суде, прокуратуре...

Так закончилась моя первая встреча с будущим моим наставником и учителем и мое приобщение к «Храму правосудия»...

За ширмой законности. Обоснованное применение мер репрессии, в том числе и крайне суровых в отношении действительных опасных преступников-террористов-кулаков и т. д., сопровождалось и многочисленными фактами грубейшего нарушения законности, заканчивавшихся нередко трагично. Из многих сигналов об этом, доходивших до Сталина, можно упомянуть, например, письмо писателя М. А. Шолохова.

Приведем некоторые выдержки из этого письма:

«20 апреля 1932 г.

Тов. Сталин!

Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок на 1932 год по Вешенскому району. Судите сами: по району имеется коров в колхозном обобществленном стаде — 2025, в личном пользовании колхозников — 6787, у единоличников — 526, всего — 9328...

По хуторам происходила война сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а где ввязывались, там дело кончалось убийством. Так, был убит колхозником Антиповского сельсовета уполномоченный сельсовета, пришедший забирать корову.

После того как до района дошло постановление ЦК от 26 марта, положение усложнилось, колхозники стали защищаться уже не только кольями, но и постановлением ЦК, ссылаясь на него: «задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника была своя корова».

Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе неуверенно. И если Вешенский райком ВКП(б) и молчит, то, по-моему, только потому, что в

прошлом году, когда крайком предложил сдать на мясо 3 тыс. рабочих быков, а райком вздумал ходатайствовать о снижении, то получил от крайкома выговор.

Считаю, что вопрос этот имеет для районного колхозного хозяйства первостепенное значение, поэтому решил обратиться к Вам.

С коммунистическим приветом
М. Шолохов».

На письмо Сталин никак не отреагировал. Возможно «кому-то поручил разобраться».., но нарушения законности в деревне не прекращались...

Пока шло разъяснение, каким должна быть революционная законность, Сталин готовил закон, во многом определивший всю суть законности на предстоящее будущее...

7 августа 1932 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР приняли особое постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

В преамбуле говорилось: «За последнее время участились жалобы рабочих и колхозников на хищения (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте и хищения (воровство) кооперативного и колхозного имущества со стороны хулиганствующих и вообще противообщественных элементов. Равным образом участились жалобы на насилия и угрозы кулацких элементов в отношении колхозников, не желающих выйти из колхозов и честно и самоотверженно работающих за укрепление последних.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов Советской власти». Закон был суров. По нему могло быть привлечено к ответственности любое лицо (даже подросток) за хищение (воровство) в любом размере, и даже осуждено к высшей мере социальной защиты — расстрелу.

Вспоминались высказывания И. Сталина в 1926 году: «вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под инте-

ресы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже»[1].

После принятия Закона от 7 августа 1932 г. он подкрепил свою оценку, назвав воровство «контрреволюционным безобразием», а самих воров «врагами народа»[2].

С тонкостями юридических определений Сталин никогда не считался, и его никто не посмел поправить.

По данным, опубликованным в печати[3], к началу 1933 года, за неполные пять месяцев, по этому закону было осуждено 54 645 человек. Из них 2110 — к высшей мере наказания. Закон применялся еще много лет, жестоко, неосмотрительно и даже без достаточных к его применению оснований и доказательств. В деревне его окрестили «Закон о пяти колосках», ибо имели место случаи осуждения даже за сбор колосков на убранном колхозном поле. Во время введения этого закона почти повсеместно в стране был голод.

Вот какой была тогда обстановка в деревне:

на Северном Кавказе, нижней и средней Волге, Украине колхозы не смогли в 1932 году выполнить заданий по сдаче хлеба. Когда Сталину доложили, что руководители Ореховского района Днепропетровской области разрешили колхозам оставить себе фонды на посев, засыпать страхфонд, он впал в неистовый гнев. 7 декабря 1932 г. за его подписью всем партийным органам был разослан циркуляр, в котором Сталин объявил этих руководителей «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику под флагом своего «согласия» с генеральной линией партии». Он потребовал «немедленно арестовать и наградить их по заслугам, т. е. дать им от пяти до десяти лет тюремного заключения каждому». Такой же срок по его требованию давался «саботажникам» хлебозаготовок и в других районах. В Сталинградский округ была послана подписанная Сталиным и Молотовым телеграмма, требовавшая «преступников», повинных в прекращении сдачи хлеба, «немедленно судить и дать пять, лучше десять лет тюремного заключения».

В эти районы были командированы чрезвычайные комиссии. На Северный Кавказ выехала группа в составе Л. М. Кагановича (руководитель), М. А. Чернова, А. И. Микояна, М. Ф. Шкирятова, Г. А. Юркина, Г. Г. Ягоды и др. На Украине

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 136.
[2] См.: Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 209.
[3] См.: Правда. 1988. 16 сент.

чрезвычайную комиссию возглавлял В. М. Молотов. Репрессии стали средством проведения хлебозаготовок.

В сложнейшей социально-экономической обстановке в стране Сталин счел возможным на январском Пленуме ЦК (7—12 января 1933 г.) заявить: «В итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы».

К чему это должно было привести в отношении капиталистических элементов и к чему оно на самом деле привело?

Это привело к тому, что оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы».

Чтобы предупредить свертывание репрессии, он разъяснил:

«Будучи вышибленными из колеи и разбросавшиеся по лицу всего СССР, эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и, главным образом, — по колхозам и совхозам.

Расползлись и укрылись они там, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто их них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры.

Пойти в прямую атаку против Советской власти эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты и рассеяны. Поэтому единственное, что остается им делать — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют вредительство в колхозах и совхозах»[1].

В ходе работы этого Пленума ЦК Сталин выступил со специальной речью «О работе в деревне» (11 января 1933 г.), в которой обрисовал облик замаскировавшегося в деревне врага и дал советы как его разоблачить. Он прежде всего потребовал обратить внимание на то, что «враг понял изме-

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 207—208.

нившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроился, изменил тактику — перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой...

...Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей, с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут — «долой колхозы». Они «за» колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится...

Чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное контрреволюционное лицо. Но много ли имеется у нас в деревне коммунистов, обладающих этими качествами? Коммунисты нередко не только не разоблачают таких классовых врагов, а, наоборот, сами поддаются их жульнической демагогии и плетутся за ними в хвосте»[1].

На январском Пленуме ЦК Сталин дал определение революционной законности в будущем. Он, конечно, был знаком с высказываниями о содержании законности М. И. Калинина (о необходимости «беречь человека, ограждать его от произвола»), П. П. Постышева (перевоспитывать «деклассированных элементов», т. е. вышибленных из колеи бывших) и др.

Однако считал, что он, Сталин, — единственно верно истолковывающий идеи Ленина, должен внести ясность и в этот вопрос.

«Говорят, что революционная законность нашего времени ничем не отличается от революционной законности первого периода нэпа. Это совершенно неверно. Революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острием главным образом против крайности военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гаранти-

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 229—230.

ровала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно по-иному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит, следовательно, в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, представленными в наше распоряжение законами Советской власти, является одной из основных задач партии».

Утверждая, что главное в «деятельности» бывших людей — массовое воровство и хищение государственного, кооперативного имущества, колхозной собственности, Сталин грозно предупреждал и дал свою юридическую квалификацию этому явлению: «Допускать воровство и хищение общественной собственности — все равно, идет ли дело о собственности государственной или собственности кооперативной и колхозной или проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу. Из этого исходило наше Советское правительство, когда оно издало ...закон об охране общественной собственности (установлено, что Сталиным в текст закона внесены слова «и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа». — *Прим. автора*).

Этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент»[1].

Как ни значима охрана общественной собственности, но в выступлениях Сталина на январском Пленуме ЦК ни слова не было сказано об охране прав советского человека, не были осуждены факты грубых нарушений этих прав и строго не предупреждены об ответственности за их нарушения в будущем. Все это означало, что «революционная законность» становилась «пустой фразой».

Более того, после выступлений Сталина на январском

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 208—209.

(1933 г.) Пленуме ЦК директивными органами принимались решения, явно направленные на расширительное применение закона от 7 августа 1932 г.

3-я сессия ЦИК СССР VI созыва приняла решение считать особыми формами хищений обман в деле учета колхозной продукции, труда и урожая[1].

СНК СССР предписал специальным своим постановлением привлекать к уголовной ответственности руководителей тех торговых организаций, где обнаружены хищения и растраты[2].

Президиум Верховного Суда РСФСР 28 мая 1933 г. дал указание судебным органам: «применять суровые меры как в отношении непосредственных воров, так и тех лиц, которые своей бездеятельностью или слабостью руководства и контроля способствовали и попустительствовали этим преступлениям, и применять к ним наравне меры, предусмотренные законом от 7 августа 1932 г.».

Нарком юстиции РСФСР Н. В. Крыленко в своей книге «Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности», изданной в 1932 году, привел факты, когда в судах Москвы, Ленинграда, Харькова и других был рассмотрен ряд дел на растратчиков в системе торговли и вместе с непосредственными виновными были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны несколько руководителей торговых предприятий (не доглядевшие или проявившие слабый контроль и т. д.).

Массовое необоснованное, противоречащее соблюдению истинных принципов советского правосудия и законности осуждение осуществлялось не только в отношении лиц, обвиненных по закону от 7 августа 1932 г., но и тех, кто выступал против насаждения и расширения в стране беззакония и произвола.

Ознакомившись с архивными материалами, характеризующими состояние прокурорского надзора за деятельностью ОГПУ — НКВД в те годы, мы получили определенное представление, необходимое для правильной ориентации в работе по пересмотру дел того времени. Важные сведения содержались в «Товарищеском письме», адресованном прокурорам, надзирающим за органами ОГПУ, и подписанном помощником Прокурора Верховного Суда СССР Катаняном. В нем отмечалось: «За последнее время среди идущих с мест дел стали

[1] СЗ. 1933. № 6. Ст. 41.
[2] СЗ. 1933. № 13. Ст. 76.

поступать дела с неправильной квалификацией и со слишком расширительным толкованием статей, предусмотренных главой о государственных преступлениях».

В «Письме» имелись рекомендации:

«необоснованно не применять ст. 58^{10} (антисоветская агитация) например, лишь за высказывание критических замечаний;

правильно толковать ст. 58^{7} (вредительство) и не путать вредительство с халатным отношением;

при предъявлении обвинения за участие в контрреволюционной организации обязательно выяснить конкретную роль обвиняемого в составе организации, детализировать его преступные действия;

не допускать осуждения лишь за факт службы в белой армии.

В нем подчеркивалось, что количество возбужденных дел «давило на прокуратуру, и она лишена возможности наблюдать за законностью».

Прокурорам напоминалось, что за все недочеты следствия наряду с органами ОГПУ отвечают в равной мере и они. «Письмо» призывало к тому «чтобы те полномочия, которые прокуратура имеет, были полностью использованы для действительного, а не бумажного надзора».

Как свидетельствовали последующие документы, коренного улучшения прокурорского надзора за деятельностью ОГПУ достичь не удалось.

На состоявшемся 17 февраля 1932 г. Всесоюзном совещании прокуроров, наблюдающих за ОГПУ, отмечалось, что, вследствие недостаточности перестройки прокуратуры и массовости операций в расследовании и рассмотрении дел по существу были допущены значительные ошибки, сводящиеся к вынесению «тройками» обвинительных приговоров по недоследованным делам, к необоснованному осуждению социально близких элементов и т. п. Часто под категорию кулака подводился «мощный середняк», «крепкий середняк». Кулаками считали даже тех, кому во время революции было по 10—12 лет. Не удовлетворительно была поставлена работа и по рассмотрению жалоб на необоснованное осуждение во внесудебном порядке «тройками».

По жалобам, требующим расследования по вновь открывшимся обстоятельствам, прокуратура не использует на это свои полномочия.

Обращалось внимание на возрастание количества дел,

возбужденных на сотрудников ОГПУ. Участились случаи самовольных расстрелов, изнасилований, избиения, издевательств, хищений из продовольственных баз продуктов, присвоения личного имущества спецпоселенцев.

От прокуроров было потребовано принять меры к пресечению этих преступлений, наряду с мерами, принятыми коллегией ОГПУ, шире разъяснять спецпоселенцам их право на обращение к прокурору[1].

После принятия постановления ЦИК СССР «О революционной законности» масштабы беззакония, допускаемые в стране определенными представителями административных органов, в особенности ОГПУ, не только не сократились, но и возросли. Различным репрессивным мерам со стороны ОГПУ подвергались тысячи честных, невиновных людей, искусственно превращенных во врагов народа.

Тем не менее Сталин продолжал последовательно ограждать ОГПУ от всякой критики. В 1927 году он «отчитал» представителей иностранных рабочих делегаций за то, что они поддались пожеланиям врагов народа ликвидировать ОГПУ. В 1931 году на беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом «отмел» его предположение, что значительная часть населения Советского Союза живет в обстановке страха.

Приветствуя в декабре 1932 года работников и бойцов с 15-летием ОГПУ, Сталин воодушевил их, что они честно выполняют свой долг, и призвал ОГПУ к «искоренению врагов» с помощью «обнаженного меча».

Все это было на руку пробравшимся в ОГПУ авантюристам, использовавшим свое служебное положение в карьеристских целях. А Сталину данные органы были нужны для сохранения надежной опоры в укреплении своего диктаторского положения.

С ведома Сталина и по просьбе группы прокуроров, надзирающих за ОГПУ, на Всесоюзном совещании в феврале 1932 года была принята резолюция, в которой было сказано: «...учитывая особые условия, совещание высказалось за необходимость военизации аппарата прокуратуры по надзору за ГПУ как в центре, так и на местах».

Просьба была удовлетворена.

В апреле 1932 года были созданы в областях, краях и республиках специальные военные прокуратуры ОГПУ, а Положением о Прокуратуре Союза ССР, утвержденным ЦИК и

[1] Архив Прокуратуры СССР//А. Ф. 8131. Оп. 13.

СНК СССР 17 декабря 1933 г., учреждалась в составе Прокуратуры СССР — прокуратура по спецделам. В Положении указывалось, что надзор за законностью и правильностью действий ОГПУ осуществляется на основе особого положения.

Для разбора дел о контрреволюционных преступлениях в 1934 году были учреждены особые суды — спецколлегии. Они были организованы в Верховном Суде Союза ССР, верховных судах союзных и автономных республик, краевых, областных и окружных.

Меры по укреплению законности, и в частности по обеспечению прокурорского надзора и судебного контроля за правильным применением уголовного законодательства по делам о контрреволюционных преступлениях, в значительной мере ослаблялись установлением разного рода изъятий в осуществлении этого контроля и надзора по делам данной категории.

Так было положено начало обособлению прокурорского надзора и судебных органов, существованию ведомственной системы прокуратуры и трибуналов[1], что пагубно сказалось на всей последующей практике их независимого функционирования.

У меня сохранился документ, зафиксировавший положение о надзоре за законностью, а точнее, разгул беззакония в стране в 30-е годы. Содержал он и меры по выходу из создавшегося крайне напряженного состояния. Это — Инструкция от 8 мая 1933 г., адресованная «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» и подписанная Председателем Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотовым (Скрябиным), Секретарем ЦК ВКП(б) И. Сталиным.

Вручая мне копию данной Инструкции (я тогда уже был штатным работником прокуратуры — народным следователем

[1] Военные прокуратуры ОГПУ впоследствии стали военными прокуратурами войск НКВД и МВД, а в областных, краевых и республиканских прокуратурах существовали отделы по делам спецподсудности. Эти специальные военные прокуратуры и отделы были ликвидированы в 1954 году как не отвечающие надлежащей организационной структуре органов советской прокуратуры. С принятием в 1955 году Положения о прокурорском надзоре в СССР прекратило действие и Особое положение о надзоре за законностью и правильностью действий ОГПУ, сохранявшее свою силу до 1953 года. В то же время были ликвидированы и спецсуды и военные трибуналы войск НКВД — МГБ — МВД.

района), прокурор Дмитрий Тимофеевич Никифоров напутствовал:

«Держись этой Инструкции, но, помни, за каждый неправильный арест будешь отвечать только ты... Понял ты... И никто другой».

Вспомнил обо всем этом и, в частности, об Инструкции, когда пришлось возглавить работу специального аппарата в Главной военной прокуратуре, занятого пересмотром дел прошлого.

Так как никто из товарищей, которые работали в этом аппарате не знали Инструкции от 8 мая 1933 г., мы организовали коллективное ознакомление с ней, сопроводив комментариями. Начали, конечно, с преамбулы, в которой отмечалось:

«Отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению трудящихся крестьян, развернувшееся еще в конце 1929 года и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения Советской властью массовых арестов и острых форм репрессий, в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края».

Пришлось пояснить, что это коснулось 1,3 млн. кулацких хозяйств, в семьях которых насчитывалось до 6 млн. человек. Присовокупить к ним надо было еще и семьи «подкулачников». Таким образом, вырисовывались огромные масштабы массовых выселений, исчисляемых миллионами людей...

Массовые репрессии продолжались еще несколько лет. В Инструкции это объяснялось так:

«Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 году, широко распространившиеся массовые хищения колхозного и совхозного имущества потребовали дальнейшего усиления репрессивных мер против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников».

И делался вывод:

«Таким образом, три последних года нашей работы в деревне были годами борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов.

И эти три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне, к окончательному укреплению наших советских социалистических позиций в деревне...»

«ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в мас-

совых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».

В Инструкции отмечалось, что обстановка в деревне дает возможность прекратить применение массовых выселений и острых форм репрессий, однако в ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около 100 тыс. семей.

Политическая работа в целях изоляции кулацких и антиколхозных элементов часто подменяется административно-чекистскими «операциями» органов ГПУ и милиции. Между тем, метод массового выселения крестьян за пределы края в условиях новой обстановки изжил себя, выселение может применяться лишь в частичном и единичном порядке и лишь к главарям и организаторам борьбы против колхозов, производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам Советской власти.

Со свойственной ему манерой Сталин обвинил в массовом выселении крестьянских семей лишь местных партийных и советских работников и предусмотрительно в духе своей репрессивной концепции предупредил исполнителей этой Инструкции:

«Было бы неправильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означают ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться. Она будет обостряться, так как классовый враг видит, что колхозы победили, он видит, что наступили последние дни его существования, — и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с Советской властью. Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом. Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность — всемерно заострена. Речь идет, стало быть, об усилении нашей борьбы с классовым врагом. Но дело в том, что усилить борьбу с классовым врагом и ликвидировать его при помощи старых методов работы — невозможно в нынешней новой обстановке, ибо они, эти методы, изжили себя. Речь идет о том, чтобы улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными. Речь идет, наконец, о том, чтобы каждый наш удар был заранее подготовлен политически, чтобы каждый наш удар подкреплялся действиями широких масс

крестьянства. Ибо только при подобных способах улучшения методов нашей работы можем добиться того, чтобы окончательно ликвидировать классового врага в деревне».

Между тем в Инструкции было записано:

«Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. В то же время выселения допускать только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок».

Кто и как должен определять таких виновных, ничего не сказано, зато даны контрольные цифры:

«Выселение допустить только из следующих областей и в следующих предельных количествах:

Украина	200	хозяйств	Вост. Сибирь	1000	хозяйств
Сев. Кавказ	1000	»»	Белоруссия	500	»»
Н. Волга	1000	»»	Зап. область	500	»»
Ср. Волга	1000	»»	Башкирия	500	»»
Ц. Ч. О.	1000	»»	Закавказье	500	»»
Урал	1000	»»	Средняя Азия	500	»»
Горьков. край	500	»»			
Зап. Сибирь	1000	»»	Всего:	12 000	хозяйств».

Из приведенных данных видно, что они были сокращены в 10 раз против запроса с мест. Однако те, кто запрашивал в десять раз больше, остались на своих местах... Как были соблюдены контрольные цифры, установленные центром, сведений нам получить не удалось. Да и какого-либо строгого учета высланных, лишенных избирательных прав в масштабе страны, по той информации, какую мы имели, не велось. А из отрывочных сведений, например, только по 24-м районам Московской области, значилось 12,5 тыс. середняков, незаконно лишенных избирательных прав и сосланных. Как правило, их из места поселения не возвращали, так как все хозяйство было конфисковано.

Специальный раздел Инструкции был посвящен «Упорядочению производства арестов». Констатировались такие факты:

В ЦК ВКП(б) и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов, председатели сельсоветов и секретари ячеек, районные и краевые уполномоченные... — все, кому только не лень и кто не имеет никакого права арестовывать. Не уди-

вительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться».

Не трудно представить себе, что пережили тысячи людей, подпавшие под такие самостийные аресты. Понимая, видимо, это, авторы Инструкции в категорической форме предписывали:

воспретить производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону, — председателями РИК, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями ячеек и пр.

Аресты производить только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции.

Следователям производить аресты только с предварительной санкции прокурора.

Аресты, производимые начальниками милиции, должны быть подтверждены или отменены районными уполномоченными ОГПУ или прокуратурой по принадлежности не позднее 48 часов после ареста.

Запретить органам прокуратуры, ОГПУ, милиции применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда за маловажные преступления.

В качестве меры пресечения могут быть заключаемые под стражу до суда только лица, обвиняемые по делам: о контрреволюции, о терактах, о вредительстве, о бандитизме и грабеже, о шпионаже, переходе границы и контрабанде, об убийстве и тяжелых ранениях, о крупных хищениях и растратах, о профессиональной спекуляции, о валютчиках, о фальшивомонетчиках, злостном хулиганстве и профессиональных рецидивистах.

Установить при производстве арестов органами ОГПУ предварительное согласие прокурорского надзора по всем делам, кроме дел о террористических актах, взрывах, поджогах, шпионаже и перебежчиках, политическом бандитизме. ...Обязать прокурора СССР и ОГПУ обеспечить неуклонное исполнение Инструкции 1932 года о порядке прокурорского контроля за производством арестов и содержанием под стражей лиц, арестованных ОГПУ.

Сталин и на этот раз вывел ОГПУ из-под контроля прокуратуры: запись о том, что ОГПУ испрашивает предвари-

тельное согласие прокурорского надзора на арест, была сведена на нет. По делам, которыми занималось ОГПУ, оно попрежнему могло арестовывать без согласия прокурора...

Вскоре после XVII съезда ВКП(б) Михаил Иванович Калинин выступил с речью на торжественном заседании, посвященном 10-летию Верховного Суда Союза ССР (26 апреля 1934 г.).

В отличие от Сталина, который прислал Верховному Суду СССР такое приветствие: «Да будет он карающей рукой пролетариата, направленной против врагов Советской власти», Калинин сказал: «Мы очень часто говорим, что народный суд должен проводить правильную классовую линию во всей своей работе. Кое-кто понимает это подчас необычайно шаблонно, упрощенно. Некоторые думают, что проведение правильной классовой линии примерно сводится к тому, что если обвиняемый — выходец из буржуазного класса, то при всех случаях надо его бить и в хвост, и в гриву. Такое упрощенчество, конечно, сугубо неправильно. Наш суд должен бить активных врагов, тех, которые борются против линии партии, тех, которые любыми формами и методами сопротивляются мероприятиям партии. Но наш суд не должен бить только за то, что тот или иной человек является выходцем из разгромленных, ликвидированных эксплуататорских классов. Ведь и наша карательная политика является не только карательной, она ставит перед собой задачу карать и одновременно воспитывать, перевоспитывать».

Понравились мне высказывания Михаила Ивановича Калинина и о прокуроре:

«Наш районный прокурор работает в довольно-таки сложной, трудной обстановке. Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невиновный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле.

Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, при которой каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный Советской властью прокурор».

Жесткие требования, которые он предъявлял к работникам советской юстиции, неизменно сочетались с заботой о соблю-

дении законности, об охране прав и интересов советского человека.

Выполнению этих требований послужило состоявшееся 23—27 апреля 1934 г. Первое Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников и Первое Всесоюзное совещание прокурорских работников.

На первом совещании были заслушаны и обсуждены доклады Прокурора Союза ССР А. Н. Винокурова «О задачах органов юстиции в связи с решениями XVII партсъезда» и наркома юстиции Крыленко Н. В. «О практике применения закона от 7 августа 1932 г.».

В принятой по этим докладам резолюции отмечалось, что «задачи окончательной ликвидации капиталистических элементов и создания бесклассового общества, поставленные XVII партсъездом, требуют усиления органов диктатуры пролетариата. Укрепление пролетарской диктатуры неразрывно связано с ростом социалистического правосознания и усилением значения социалистической законности...

В этих условиях приобретает особое значение крепость и незыблемость советского закона и укрепление стоящих на страже его органов юстиции».

Революция призывала к успешному выполнению постановления ЦИК СССР «О революционной законности», закона от 7 августа 1932 г. и Инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. Одновременно придавалось особое значение тому факту, что «в целях укрепления социалистической законности на территории всего Союза Советских Социалистических Республик 20 июня 1933 г. была учреждена Прокуратура СССР»[1].

В резолюции содержалось и признание того факта, что «Основными недостатками в работе судебно-прокурорских органов является наличие политических извращений и ошибок при применении законов от 7 августа 1932 г. и 8 декабря 1933 г. (которым была усилена ответственность за выпуск недоброкачественной продукции и предложено рассматривать выпуск как тяжкое противогосударственное преступление).

Содержание этих извращений заключалось, с «одной стороны, в смазывании политического значения этих важней-

[1] Первым Прокурором СССР был назначен Иван Алексеевич Акулов, член КПСС с 1907 года, профессиональный революционер, видный партийный и государственный деятель. 23 июля 1937 г. был арестован и по необоснованному обвинению 29 октября 1937 г. осужден к расстрелу. Реабилитирован посмертно 18 декабря 1954 г.

ших законов, а с другой стороны, в увлечении массовыми репрессиями» (курсив мой. — Б. В.).

В своих докладах, с которыми выступили на совещании Н. В. Крыленко (о применении закона от 7 августа 1932 г.) и Г. К. Рогинский (о применении закона от 8 декабря 1933 г.), все извращения в практике применения этих законов были проиллюстрированы многими примерами и фактами. Однако острой оценки их нетерпимости дано не было и мер к пресечению не принято.

Особый интерес представлял доклад заместителя прокурора СССР А. Я. Вышинского «О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы». Его содержание сводилось к тому, чтобы вся деятельность судебно-прокурорских органов в борьбе с последними остатками классового врага и его агентуры сочеталась со строгим и неукоснительным соблюдением в следственном и судебном производстве норм советского уголовно-процессуального законодательства. Выдвигалось требование повышения контроля и надзора за соблюдением законности во всей деятельности суда и прокуратуры.

По итогам этого совещания было Циркулярное письмо Прокуратуры Союза ССР в адрес всех районных прокуроров. В нем подчеркивалось, что «районная прокуратура является основным оперативным звеном всего прокурорского аппарата. От четкой, гибкой и активной работы районного прокурора в значительной степени зависит качество работы всей прокурорской системы и суда»[1].

В этом же 1934 году вышла книга Н. В. Крыленко «Ленин о суде и уголовной политике», приуроченная в десятилетию со дня смерти Владимира Ильича Ленина, с таким посвящением: «Величайшему продолжателю дела Ленина, вождю ленинской коммунистической партии И. В. Сталину посвящает автор свой труд».

Она углубляла познания о ленинском понимании роли и значении революционной законности в строительстве социализма с момента создания государственной власти и основ планового хозяйства. В ней подробно освещались организационные принципы и основные задачи советского суда, его деятельность не только как карательного органа, но и органа по воспитанию трудящихся к соблюдению дисциплины. Под-

[1] См.: Резолюции Первого Всесоюзного совещания прокурорских работников 23—27 апреля 1934 г. М., 1934.

черкивалась обязанность суда обосновывать применение той или иной меры наказания и обеспечивать строгое соблюдение процессуальной формы в его работе.

В таком же духе выступала тогда и наша пресса. Из ряда ее публикаций обращала на себя внимание передовая статья «Правды» от 7 августа 1934 г.:

«Советский закон — не мертвая догма, он — живое и оперативное выражение воли партии и правительства, проникнутое духом борьбы за коммунизм. Пренебрежение формальными требованиями советского закона есть замаскированные попытки подорвать основы законности. Советские законы чужды консервативности, наше правительство изменяет законодательство в соответствии с потребностями коммунистического строительства, — именно поэтому точное исполнение каждого требования советских законов совершенно обязательно для всего населения нашей страны и для всех звеньев государственного аппарата.

Надо раз и навсегда ликвидировать безответственную болтовню о том, что требование строжайшего соблюдения советских законов по существу и по форме есть якобы бюрократическая формалистика».

Между тем одновременно с рассуждениями об укреплении правовых основ в деятельности Советского государства и органов правосудия шло разрушение основ законности. Это наглядно видно из принятого 8 июня 1934 г. Закона об уголовной ответственности за измену Родине. Обоснованно выделив повышенную ответственность за данный вид преступления для военнослужащих, законодатель в то же время устанавливал уголовную ответственность для всех совершеннолетних членов его семьи, независимо от проживания с ним и какой-либо конкретной их вины, лишь за родство с изменником Родины. Такого объективного вменения еще не было в советском уголовном праве.

О том, как истолковывался и применялся на практике этот противозаконный акт, имеются многочисленные свидетельства, поражающие трагизмом.

В еще большей степени подрывало основы законности и принципы советского правосудия принятое 5 ноября 1934 г. постановление ЦИК и СНК СССР об учреждении особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР. Проект этого постановления, как теперь стало известно, был подготовлен Кагановичем и одобрен Сталиным.

Первоначально особое совещание получило право приме-

нять к общественно опасным лицам (не к уличенным в совершении преступлений, а к признанным) серьезные ограничения свободы:

а) ссылку на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливался народным комиссариатом внутренних дел СССР;

б) высылку на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах Союза ССР;

в) заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет[1];

г) высылку за пределы Союза ССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными.

В том же году было принято решение о создании в судебной системе специальных судов. Появились военные трибуналы войск НКВД. Под эгиду Военной коллегии были переданы дела как в отношении военнослужащих, так и гражданских лиц. Судебная процедура была предельно урезана, процессуальные гарантии изъяты. Дела рассматривались без заседателей и защиты.

Как ни странно, но Положение об особом совещании при НКВД СССР почти полностью копировало реакционные законы царя Александра III (Правила о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию преступления от 19 мая 1871 г. и Положение от 14 августа 1881 г.). Сталин не мог не знать, что эти Положения представляли возможность министру внутренних дел царского правительства карать арестованных жандармерией граждан, когда:

не нашлось явных признаков и достаточных следов преступления;

совершены деяния, кара за которое еще не вошла в Уложение о наказаниях или кои вовсе не упомянуты в законе;

уличающие сведения добыты секретным путем и не могут быть подтверждены фактически.

В итоге жандармы имели право арестовать любое лицо

[1] Права особого совещания были расширены в 1936 и 1940 году настолько, что оно могло выносить решение не только о заключении в лагерь, на максимальный срок, но и о расстреле. Ни одного протеста на решения особого совещания прокуратура не приносила. Только после ареста Берии в сентябре 1953 года по настоянию Н. С. Хрущева этот противоконституционный орган был ликвидирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г.

без каких-либо доказательств его виновности, за деяние, не признанное законом в качестве преступления, и на основании не подлежащих проверке сведений...

Надо полагать, что революционер-подпольщик Иосиф Джугашвили не мог не следить в печати за освящением судебного процесса по делу Петербургской группы РСДРП («Процесс 44-х»), состоявшегося в 1906 году в Петербурге.

Выступивший в защиту подсудимых на этом процессе присяжный поверенный В. Н. Новиков начал свою речь словами: «Господа судьи! Ведь это не новый факт, что жандармское дознание, хотя бы и произведенное в порядке Устава уголовного судопроизводства, не обладает достоверностью и что наша политическая полиция не стоит на высоте своего назначения и, дознания, проводимые ею, не имеют никакой цены. Почти на каждой странице обвинительного акта имеется фраза: «по полученным охранным отделением сведениям», «до сведения охранного отделения дошло». Что это за фразы? Что это за сведения?»

Почти каждое обвинительное заключение, составленное следователями НКВД по делам, направляемым в особое совещание, начиналось тоже с утверждений: «По полученным НКВД сведениям» или «Управление НКВД располагает данными» и т. д.

Основанием для направления дел на рассмотрение особого совещания служили те же соображения, которыми руководствовалась царская жандармерия.

Это нисколько не смущало истинных революционеров и самого Сталина, испытавших лично жандармский произвол, перенести его в нашу действительность...

Через особое совещание прошло десятки тысяч дел. Меру наказания предлагал следователь, с которым, как правило, совещание соглашалось. Трудно представить себе более «широкие права» у следователя НКВД — МГБ.

Законы отложить в сторону

О Законотворчестве после выстрела в Смольном. 1 декабря 1934 г. в Смольном прогремел выстрел, от которого погиб Сергей Миронович Киров. Это трагическое событие было использовано для развертывания новой волны репрессий. Теперь оно направлялось не только против тех, кого Сталин объявил потенциальными противниками колхозного строя, но и против всех, кто думал и действовал иначе, чем Сталин, кто был в оппозиции к нему.

Чтобы «развязать руки» НКВД и суду не в осуждении, а в непременном уничтожении неугодных, Сталин лично потребовал от Секретаря Президиума ЦИК СССР Енукидзе незамедлительно составить и опубликовать постановление, датированное 1 декабря 1934 г. «О внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство».

Указание Сталина было выполнено. Согласно внесенным изменениям, следствие по делам о терроре должно было проводиться в течение не более десяти дней; обвинительное заключение вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дела слушались без участия сторон; кассационного обжалования приговоров как и подачи ходатайств о помиловании не допускалось; приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно по его вынесении. Все это противоречило основным принципам советского судопроизводства. Без соблюдения процессуальных гарантий было расследовано рассмотрено дело «Ленинградского зиновьевского террористического центра»[1].

Военной коллегией Верховного Суда СССР 28—29 декабря 1934 г. были приговорены к расстрелу не только непосредственный убийца Кирова С. М. Николаев Л. В., но и объявленные как соучастники: Котолынов И. И., Шатский Н. Н., Румянцев В. В., Мандельштам С. О., Мясников Н. П., Левин В. С., Сосицкий Л. И., Соколов Г. В., Юскин И. Г., Звездов В. И., Антонов Н. С., Ханик Л. О., Толмазов А. И.

Приговор был приведен в исполнение немедленно. А 15—16 января 1935 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР

[1] В расследовании дела участвовали Вышинский и Шейнин. Ими было и составлено обвинительное заключение, основанное на «показаниях» Николаева, полученных с нарушением закона в отношении «Зиновьевцев».

были осуждены к тюремному заключению на разные сроки: Зиновьев Григорий Евсеевич, Лев Борисович Каменев и еще 17 человек[1].

8 декабря 1934 г. в угоду Сталину Прокурор СССР (И. А. Акулов) и Председатель Верховного Суда СССР (А. Н. Винокуров) издали директиву, в которой дали перечень должностных лиц, покушения на жизнь и здоровье которых должны квалифицироваться как террористические акты и рассматриваться в порядке постановления от 1 декабря 1934 г.

В директиве говорилось, что «за организацию процесса, за правильность и точность квалификации и вынесенного приговора отвечает, наравне с председательствующим в судебном заседании, председатель военного трибунала округа, корпуса, председатель соответствующего областного и главного суда».

Одновременно директивой предписывалось придать этому закону обратную силу: «Все дела, не законченные расследованием и не заслушанные до 1 декабря, расследовать и рассматривать в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г. Дела, по которым поданы кассационные жалобы, принесены кассационные протесты или которые истребованы в порядке надзора после 1 декабря с. г., не подлежат рассмотрению в кассационном и приговоры по ним подлежат исполнению»[2].

Вскоре (23 января 1935 г.) Прокурор СССР И. А. Акулов издал приказ и директиву о фактах проявления некоторыми работниками прокуратуры политической близорукости и о притуплении с их стороны классовой бдительности, текст которых воспроизведем полностью:

«Всем прокурорам союзных и автономных республик, крайоблпрокурорам. Отмечавшееся, в связи с убийством тов. Кирова, усиление активизации антисоветских элементов, в форме контрреволюционной агитации, одобряющей не только террористический акт над тов. Кировым, но и совершение таких терактов над другими руководителями Партии и Советского правительства, поставило перед Прокуратурой задачу

[1] В 1988 году Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б. и все остальные, привлеченные к уголовной ответственности по делу, так называемой Зиновьевской контрреволюционной организации «Московский центр» реабилитированы, а дело за отсутствием состава преступления прекращено. Изложение фальсификации дела содержится в справке, опубликованной в Известиях ЦК КПСС (1989. № 7. С. 64—85).

[2] См. директиву Прокурора СССР и Председателя Верховного Суда СССР № 1/001520 от 8 декабря 1934 г.

быстро решительно пресечь подобного рода контрреволюционные выступления.

При общем правильном понимании опасности таких контрреволюционных выступлений со стороны прокурорского надзора на местах отмечен ряд случаев политической близорукости и притупления классовой бдительности некоторых работников прокуратуры, нашедших выражение в непонимании особой важности выступлений антисоветских элементов с террористической пропагандой.

Так, например:

прокурор Кандалакшского района Рендель (Карельская АССР) отказывал в производстве арестов за контрреволюционные выступления, одобряющие террористические акты над руководителями Партии и Советского правительства, не считая такие выступления контрреволюционными.

Органами УГБ ИПО был арестован Сотинский Г. А., который вел контрреволюционную агитацию за необходимость совершения террористических актов над вождями Партии и Советской власти.

Прокурор Кинешемского района Еремин по делу Сотинского дал следующее заключение:

«С направлением дела в особое совещание не согласен, так как в действиях Сотинского никакого состава преступления нет.

Дело в уголовном порядке надлежит прекратить, обвиняемого из-под стражи освободить».

Аналогичные факты имели место в Воронежской области, где прокурор Усманского оперсектора Дергачев освободил двух арестованных, которые после убийства тов. Кирова среди рабочих вели к-р агитацию, указывая, что: «Надо убить весь ЦК ВКП(б) и т. п.».

Приказом Прокурора РСФСР т. Антонова-Овсеенко прокурор Кандалакшского района Рендель снят с работы, с передачей вопроса о пребывании его в рядах ВКП(б) в парторганы.

Мною снят с работы прокурор Кинешемского района ИПО Еремин и расследуются факты политической близорукости и притупления классовой бдительности, проявленные работниками прокуратуры Воронежской области.

В связи с запросами ряда прокуроров в Прокуратуру Союза за разъяснениями о квалификации указанных выше контрреволюционных выступлений,

разъясняю:

1. Контрреволюционные выступления, одобряющие терро-

ристические акты в отношении каждой партии и Советского правительства, квалифицировать по ст. 58^{10} УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

2. В тех случаях, когда такие выступления носят организованный характер (наличие группы, обсуждение необходимости совершения терактов над вождями партии и правительства, обработка людей или участников группы в направлении террора) даже при отсутствии элементов прямой подготовки террористического акта (подыскание средств, способов, выяснение возможностей и т. п.) надлежит квалифицировать по ст. ст. 58^{11}, 17, 58^{8} УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик с тем, однако, что на такие дела не распространяется закон от 1 февраля 1934 г. в отношении порядка их рассмотрения.

3. По вопросу о подсудности дел по ст. 58^{10} УК предлагаю руководствоваться следующим:

а) групповые дела по ст. 58^{10} УК при наличии достаточных доказательств для рассмотрения в суде направлять в спецколлегии по подсудности;

б) дела в отношении одиночек, обвиняемых в террористической пропаганде и террористических высказываниях, а также и дела групповые, по которым нет достаточных документальных данных для рассмотрения в судах, как правило, направлять для рассмотрения особым совещанием при НКВД СССР, что, однако, не исключает передачи этих дел для рассмотрения в спецколлегии, если это вызывается местными условиями.

Предупреждаю всех работников прокуратуры, что всякое проявление политической близорукости, притупления классовой бдительности по этим делам повлечет немедленное отстранение работников, допустивших это, с постановкой вопроса о пребывании их в рядах партии.

Приложение: приказ № 55/2с[1]

п. п. прокурор Союза ССР — И. Акулов

ПРИКАЗ
ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

23 января 1935 г. — г. Москва

№ 55/2с

10 декабря 1934 г. в производстве УНКВД АКССР возникло дело по обвинению Сафронова Василия Павловича в под-

[1] См. приказы и директивы Прокурора СССР за 1935 год.

готовке к совершению террористического акта в отношении Председателя СНК АКССР.

В процессе расследования по этому делу было установлено, что отец Василия Сафронова — Павел Александрович Сафронов, узнав об убийстве тов. Кирова, заявил в кругу своих знакомых, что «мало одного Кирова, надо и Сталина убить».

В процессе расследования Павел и Василий Сафроновы были взяты под стражу и им было предъявлено обвинение по признакам ст. 58^8 УК.

20 декабря 1934 г. пом. прокурора АКССР по спец. делам тов. Малкова Нина Яковлевна, ознакомившись с материалами дела, предложила в письменной форме освободить Павла Сафронова.

Принимая во внимание, что Малкова проявила полное непонимание задач, стоящих перед органами прокуратуры в настоящее время, и что при таких условиях дальнейшее ее нахождение на прокурорской работе недопустимо; что пом. прокурора АКССР Власов, исполняя в это время обязанности Прокурора Республики, допустил отсутствие должного руководства работой Малковой и, в частности, надзором за делами УНКВД; что и. о. Прокурора АКССР Михайлович не обеспечил надлежащей постановки работы в секторе по спец. делам.

Приказываю:

1. Пом. Прокурора АКССР Малковой Нине Яковлевне объявить строгий выговор и с работы в органах прокуратуры снять.

2. Пом. Прокурора АКССР Власову объявить строгий выговор.

3. И. о. Прокурора АКССР Михайловичу Григорию Степановичу указать на отсутствие должного наблюдения за спецсектором.

4. Копию настоящего приказа разослать Прокурорам Союзных Республик, краев и областей, военным прокурорам округов и Прокурорам дорог.

п. п. Прокурор Союза ССР И. Акулов

Вскоре И. А. Акулов и Председатель Верховного Суда СССР А. Н. Винокуров были освобождены от занимаемых должностей[1].

[1] Пост Прокурора Союза ССР занял А. Я. Вышинский.

Через некоторое время даже такая директива была признана недостаточной. Отменяя ее «как явно политически неправильную», А. Я. Вышинский предложил всем прокурорам квалифицировать как террористический акт не только контрреволюционные выступления, содержащие одобрение террористических актов, но и «обычные высказывания террористических намерений». Предлагалось также дела, по которым нет достаточных документальных данных для рассмотрения в судах, направлять для рассмотрения Особым совещанием при НКВД СССР.

Такие указания по линии прокуратуры и суда ориентировали на упрощенное понимание состава террористического акта, расширение круга лиц, посягательство на жизнь которых следует рассматривать как террористический акт. Они позволяли подводить под террористический акт угрозы и антисоветские высказывания, широко применяя при этои чрезвычайный закон от 1 декабря 1934 г.

Не ясной была позиция на закон от 1 декабря 1934 г. наркома Юстиции Н. В. Крыленко. В юридической литературе можно встретить утверждение, что Крыленко отрицательно относился к закону от 1 декабря 1934 г., как противоречащему основным принципам советского уголовного права и процесса[1].

Между тем, занимаясь реабилитацией самого Н. В. Крыленко, мы познакомились с хранящимся в архиве его докладом от 23 марта 1935 г. на общем собрании студентов Саратовского правового института и работников юстиции, где он заявил:

«Против кого должно направляться сейчас подавление? Первый объект подавления — открытые контрреволюционные действия, открытые контрреволюционные акты, их мало, но они есть. Есть очень много и скрытых контрреволюционных актов, актов контрреволюционных по своему существу, которые должны нами оцениваться как контрреволюционные, хотя они часто не подходят под формальные моменты, в частности под определение нашего Уголовного кодекса. Уголовный кодекс сильно устарел, и в ряде статей не отвечает новым общественным отношениям в стране».

Интересовала нас и позиция по этой категории дел руководителей центральных органов военной юстиции, где реша-

[1] См.: Жогин Н. В. Надзор за следствием — важнейшая обязанность прокурора //Сов. государство и право. 1962. № 9. С. 93.

лось много таких дел. Наиболее полно она выражена в письме-обращении Главного военного прокурора, текст которого приводим полностью:

«ВСЕМ ВОЕННЫМ ПРОКУРОРАМ

Дорогие товарищи!

Громадные успехи социалистического строительства в нашей стране, превращение России нэповской в Россию социалистическую и, следовательно, окончательная победа социализма в городе и в деревне, не могли не вызывать бешеного ожесточения сопротивления классового врага и его агентуры, теряющих последнюю почву под ногами.

Подлое убийство тов. Кирова, совершенное отхвостьем зиновьевско-троцкистской оппозиции, превратившейся в замаскированную двурушничеством форму белогвардейской организации, свидетельствует о том, что враг переходит к крайним средствам сопротивления.

Это требует усилия всех рычагов пролетарской диктатуры на основе всемерного повышения классовой бдительности, настроенности и непримиримости к врагам.

В первую очередь это требование относится к нам, работникам Военной прокуратуры, поставленным партией на важнейший участок борьбы с наиболее острыми формами контрреволюционной работы и в то же время непосредственно стоящих на страже крепости и мощи РККА — важнейшего оплота пролетарской диктатуры.

Однако ряд фактов сигнализирует явное притупление классовой бдительности у отдельных работников Военной прокуратуры.

Эти факты находят свое выражение в смазывании существа контрреволюционных дел, в несвоевременной изоляции классово-враждебных элементов, в затяжке расследования контрреволюционных преступлений, не всегда к тому же проводимом с достаточной полнотой.

Приведем несколько подобных фактов:

1. В депо Бочкарево бригадир Подопригора, исключенный в 1930 году за антисоветские действия из партии, выступая по поводу приговора Военной коллегии над контрреволюционерами Зиновьевым, Каменевым и др., заявил, что приговор в отношении Зиновьева неправилен, что Зиновьев заслужил иного отношения к себе, что он — Зиновьев — защитник рабочего класса.

Налицо активное контрреволюционное выступление зиновь-

евца, которого необходимо было немедленно арестовать и привлечь к ответственности.

Инструктор политотдела Уссурийской дороги и парторг депо совершенно правильно потребовали немедленно арестовать контрреволюционера Подопригору.

А пом. военного прокурора Уссурийской железной дороги т. Малиевский заявил, что оснований для ареста этого активного контрреволюционера-зиновьевца он не видит, и в санкции на арест отказал.

Подопригора был арестован только распоряжением прокурора дороги т. Пелих.

За притупление классовой бдительности, попытку смазать контрреволюционный характер выступлений зиновьевца Подопригора, Малиевский снят ГВП с должности пом. военного прокурора Уссурийской железной дороги и уволен из рядов Военной прокуратуры.

2. В декабре 1934 года красноармеец 18 ОМСБ Шевелев в группе красноармейцев вел такие разговоры по поводу убийства тов. Кирова: «на место Кирова еще 20 человек найдется, их всех перестрелять не жаль». Ясно, что Шевелев, пробравшийся в Красную Армию, классовый враг, сбросивший маску; этого врага необходимо было немедленно арестовать и привлечь к ответственности.

А военный прокурор 3-го стрелкового корпуса т. Доминский в санкции на арест Шевелева отказал и дело в отношении его в уголовном порядке прекратил, мотивируя «отсутствием социально чуждых данных в социальном происхождении Шевелева, а также недолговременным пребыванием его в воинской части».

И в данном случае — явное притупление классовой бдительности, недооценка контрреволюционного характера выступления классового врага.

За эту грубую политическую ошибку на военного прокурора стрелкового корпуса Доминского наложено дисциплинарное взыскание.

В целом ряде случаев Главной военной прокуратуре приходилось давать телеграфные указания об изоляции лиц, обвиняемых в контрреволюционных преступлениях по полученным информационным донесениям.

Это свидетельствует о недостаточной большевистской твердости у ряда прокуроров в борьбе с классово-враждебными элементами.

Сигнализируя об этих фактах притупления классовой бди-

тельности, имевших место в наших рядах, Главная военная прокуратура еще раз напоминает о том, что только большевистская настороженность и непримиримость, революционная бдительность во всей нашей работе, — именно то, что дает нам Сталинский стиль — обеспечит окончательный разгром классового врага и его агентуры.

п. п. С коммунистическим приветом — Розовский»[1].

Военная коллегия Верховного Суда СССР, возглавляемая Ульрихом, «штамповала» приговоры по таким делам. В этот период не было вынесено ни одного оправдательного приговора, ни одного решения о возвращении дела на доследование.

Еще более примитивным было рассмотрение дел на особом совещании.

Как свидетельствуют материалы, в частности докладная записка бывшего помощника Главного военного прокурора т. Ремнева[2], на особом совещании царила обстановка полного беззакония; нередко дела решались без заключений прокуроров, без изучения уголовных дел. Разбирательство дел, как сообщал т. Ремнев, независимо от его сложности, происходило чрезвычайно быстро. Судьбу человека решали без его вызова и без рассмотрения доказательств его вины. Но никаких мер к устранению этого ненормального положения в работе особого совещания не принималось.

Во второй половине 1935 года, в самый разгар преследования определенных лиц в связи с убийством Сергея Мироновича Кирова, произошли события чрезвычайной важности: 17 июня 1935 г. Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) приняли постановление «О порядке производства арестов».

Содержание этого постановления видно из его текста.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Во изменение инструкции от 8.V.1933 г. аресты по всем без исключения делам органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора.

2. В случае необходимости произвести арест на месте преступления, уполномоченные на это по закону должностные

[1] Подлинник письма хранится в архиве ГВП в томе «Указания и директивы ГВП за 1935 год».

[2] Докладная записка т. Ремнева хранится в архиве Прокуратуры СССР.

лица из НКВД обязаны о произведенном аресте немедленно сообщить соответствующему прокурору для получения подтверждения.

3. Разрешения на аресты членов ЦИК Союза ССР и ЦИК союзных республик даются лишь по получении органами Прокуратуры и НКВД с согласия председателя ЦИК Союза ССР или председателей ЦИК союзных республик, по принадлежности.

Разрешения на аресты руководящих работников наркоматов Союза и союзных республик и приравненных к ним центральных учреждений (начальников управлений и заведующих отделами, управляющих трестами и их заместителей, директоров и заместителей директоров промышленных предприятий, совхозов и т. п.), а также состоящих на службе в различных учреждениях инженеров, агрономов, профессоров, врачей, руководителей, ученых, учебных и научно-исследовательских учреждений, — даются по согласованию с соответствующими народными комиссарами.

4. Разрешения на аресты членов и кандидатов ВКП(б) даются по согласованию с секретарями районных, краевых, областных комитетов ВКП(б), ЦК нацкомпартий, по принадлежности, а в отношении коммунистов, занимающих руководящие должности в наркоматах Союза и приравненных к ним центральных учреждениях — по получении на то согласия председателя Комиссии Партийного Контроля.

5. Разрешения на аресты военнослужащих высшего и среднего комсостава РККА даются по согласованию с наркомом Обороны[1].

6. Разрешения на аресты даются в районе районным прокурором, в автономных республиках — прокурорами этих республик, в краях (областях) — краевыми (областными) прокурорами.

По делам о преступлениях на железнодорожном и водном транспорте разрешения на аресты даются участковыми прокурорами, дорожными прокурорами бассейнов по принадлежности; по делам, подсудным военным трибуналам, прокурорами военных округов.

Разрешения на аресты, производимые непосредственно

[1] В архиве Главной военной прокуратуры сохранились документальные подтверждения о даче согласия К. Е. Ворошиловым на арест почти всех лиц из высшего комполитсостава РККА.

народными комиссариатами внутренних дел союзных республик, даются прокурорами этих республик.

Разрешения на аресты, производимые непосредственно народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР, даются Прокурором Союза.

Председатель Совета
Народных Комиссаров
Союза ССР
В. МОЛОТОВ

Секретарь Центрального
Комитета ВКП(б)
И. СТАЛИН[1]

Пришедший на смену Ягоды новый нарком внутренних дел Ежов перечеркнул это постановление и стал производить аресты при отказе прокуроров в санкции или вообще без обращения к ним, в том числе членов ЦИК и других руководящих работников наркоматов Союза и союзных республик.

Требование Вышинского, обращенное в его директиве от 19 июня 1935 г. ко всем прокурорам, «никакого отступления от правил, изложенных в постановлении СНК и ЦК ВПК(б) от 17 июня 1935 г., не допускать», повисло в воздухе.

Органы НКВД перестали считаться с партийными органами и с прокуратурой.

Помнить об указании вождя... выступая на собрании партийного актива Прокуратуры СССР в 1936 году, Вышинский заявил: «Надо помнить указание товарища Сталина, что бывают такие периоды, такие моменты в жизни нашей, в частности, когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону».

К чему это привело, объясняет сложившаяся в 1935—1938 годы обстановка в Ленинграде.

Вскоре после убийства С. М. Кирова начальником Управления НКВД г. Ленинграда был назначен комиссар государственной безопасности Заковский, сменивший Медведя, не обеспечившего предупреждение террористического акта над Кировым, за что и был арестован.

Новому начальнику были даны указания «очистить Ленинград от зиновьевского отребья».

Как это сделать, Заковский хорошо знал. Он уже имел опыт, работая под непосредственным руководством Ягоды, предавшего забвению чекистские традиции, заложенные Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Ягода вскоре был арестован. Заковского не тронули. Он был нужен...

[1] См.: Наряд ГВП. О. 17. Пор. № 37. 1935.

Началась «кампания» массовых арестов, осуждения, выдворения из Ленинграда. Прежде всего она коснулась приверженцев Зиновьева, а затем в число контрреволюционеров попали многие жители Ленинграда. Расскажем об одном из них. Вся вина Бориса Степановича Жженова — талантливого студента Ленинградского университета, арестованного Заковским, состояла в том, что он не принял участия в прощальной процессии при похоронах С. М. Кирова, сославшись на отсутствие у него теплой обуви. Это был суровый декабрь 1934 года...

При отсутствии какого-либо состава контрреволюционного преступления в поступке Бориса Жженова, объясняемого к тому же уважительными мотивами, ему было предъявлено обвинение по ст. 58^{10} УК «за проведение контрреволюционной агитации и пропаганды». И он был осужден на несколько лет лишения свободы и отправлен в один из лагерей Гулага, откуда и не вернулся.

Следом за Борисом была репрессирована почти вся семья Жженовых. Членов этой трудовой семьи, коренных ленинградских жителей, совершенно незаконно лишили прописки и выдворили в ссылку. В такую же ссылку было предписано отправить и молодого киноактера Георгия Жженова. Участвуя в съемках, он избежал этой ссылки. Но избавиться от «всевидящего и пристрастного ока» Георгию Степановичу не удалось.

Не помогли ему и «восставшие» военные прокуроры Ленинградского военного округа, которым стало известно о незаконных методах следствия, применяемых подчиненными Заковскому сотрудниками.

Военные прокуроры получили жалобу от одного арестованного по подозрению в шпионаже о том, что сотрудники НКВД осуществили в отношении него провокацию. Будучи верующим человеком, он попросил свидания со священником. К нему подослали переодетого в священника сотрудника, который и оформил исповедь как признание арестованного в шпионаже в пользу Польши. При проверке были выявлены и другие факты применения незаконных методов следствия. Военный прокурор Ленинградского военного округа диввоенюрист Кузнецов Н. М. сделал представление Заковскому о прекращении незаконной практики фальсификации следственных материалов и о наказании виновных. Заковский наложил резолюцию «так было, так и будет». Он не только отмел законные требования надзирающего военного прокурора,

но и обвинил его во вредительстве, выразившемся в противодействии борьбе с врагами народа. При попустительстве тогдашнего Главного военного прокурора Розовского диввоенюрист Кузнецов Н. М. был арестован, ряд военных прокуроров округа наказаны за ослабление борьбы с контрреволюцией и притупление бдительности: Кузнецов был приговорен к 15 годам лишения свободы.

Это развязало руки авантюрным типам, в изобилии оказавшимся на следственной работе в аппарате Управления НКВД Ленинграда. Их начальник Заковский, сломивший сопротивление прокуроров, торжествовал победу.

В это время он и подписал лично очередной ордер на арест Жженова Георгия Степановича, на еще одного шпиона. Повод для ареста нашелся. В Управление НКВД Ленинграда поступили сведения, как это отражено в справке на арест, о состоявшемся знакомстве их поднадзорного Жженова Г. С. с американским подданным Файвонмилем, одним из служащих посольства США в Москве.

Арестованный Жженов Георгий Степанович надеялся, что его внимательно выслушают следователи. Он расскажет, как случайно в поезде состоялось знакомство с Файвонмилем, не только лично его, но и всей актерской группы, следовавшей в Комсомольск-на-Амуре сниматься в картине «Комсомольцы». В беседах с Файвонмилем не было ничего преступного. Тем более что они происходили в присутствии других лиц. Их можно спросить, они подтвердят все это. Но надежды Георгия Степановича не оправдались. В ответ он услышал от следователей Кириленко и Моргуля грубую брань, оскорбления, угрозы. Им нужны были признательные показания, а не те, которые давал Жженов.

Тогда эти следователи предприняли «конвейерный способ допросов»...

Так вынужденно и были подписаны Жженовым сочиненные следователями показания. Для большей убедительности предусмотрительные следователи перед подписью арестованного подписали: «Протокол составлен с моих слов. Мною прочитан, показания записаны правильно. Жженов».

Из учиненных в протоколе допроса записей следует, что Жженов дал согласие Файвонмилу стать агентом американской разведки и получил задание.

Первое — собирать сведения о воинских частях Красной Армии, об их расположении в Ленинградском военном округе и вооружении; второе — установить место нахождения

в Ленинграде военных заводов и количество вырабатываемой продукции.

«Сочинителей» этих показаний нисколько не смущало, насколько реальными были такие задания для киноактера.

То, что сумел передать Жженов американской разведке, по мнению следователей, звучало убедительно.

Он сообщил о перспективах города Комсомольска-на-Амуре и его промышленном и военном значении, а также о политических настроениях киноработников «Ленфильма» (оказывается, в этом американская разведка остро нуждалась...).

Георгий Степанович пишет одну за другой жалобы, пишет всем, от кого может зависеть вмешательство в объективное решение его судьбы. Но все его жалобы «канули в Лету».

Такова была судьба жалоб не только Жженова, но и почти всех заключенных. Многие из этих жалоб не выходили из тюремных стен или лагерей. Действовала жесткая цензура, тем более в отношении таких жалоб, где сообщалось о пытках и избиениях.

А те жалобы, которые все же прорывались через запретные ограничения и кордоны и поступали адресатам, как правило, надлежащим образом не рассматривались.

Так обстояло дело, к глубокому сожалению, и в аппарате Прокуратуры Союза ССР, в Главной военной прокуратуре, на обязанности сотрудников которых лежала особо повышенная ответственность надзирать за соблюдением законности в отношении лиц, находящихся под следствием или отбывающими наказания в местах лишения свободы.

Несколько жалоб Жженова дошли до аппарата Главной военной прокуратуры. Их разыскали мы в архивохранилище, где они пролежали без какого-либо реагирования почти 20 лет.

Приведем некоторые выдержки из них:

«Во имя каких «высших соображений» — известных только моим следователям, и никому больше, нужно было посадить меня в тюрьму, оклеветать и сделать преступником?»

Жженов просил Верховного прокурора обратить внимание на следующее:

«В результате грубого, тенденциозного, антисоветского метода следствия, в результате ряда издевательств морального, психического и физического порядка я был вынужден поставить подпись под выдуманной лживой детективной историей».

В одной из своих жалоб он даже с некоторой иронией

рассуждал: «Меня обвиняют в шпионаже в войсках ЛВО и в оборонной промышленности Ленинграда. Чудовищно и смешно! С таким успехом досужая фантазия моих следователей могла приписать мне поражение, понесенное англичанами от немцев при Ютландском бое, в империалистическую войну (забыв дату моего рождения) и т. д.».

С понятной настойчивостью, томящийся в тюрьме невиновный Георгий Жженов спрашивает:

«Во имя чего я должен был заниматься контрреволюционной деятельностью?..

Меня заставляют менять убеждения, меня стараются озлобить против моего же правительства, заключив меня в тюрьму...

Я не дворянин, не купец, не поп. Я не имел до революции миллионов! Советская власть вырастила меня, дала мне воспитание и хорошую профессию. Я был творчески и материально обеспеченный человек. Имел семью».

Не сумел Жженов кого-либо убедить и своим проникновенным заявлением: «Я много видел и перенес, несмотря ни на что был, есть и буду честным советским человеком».

Тринадцать месяцев, нарушая установленный законом обычный срок содержания под стражей подследственного, велось следствие по делу Жженова. Такое грубое нарушение закона не являлось каким-то редким явлением в тогдашней следственной практике НКВД. Томительное, длительное содержание арестованных в тюремных условиях, в ожидании решения по делу, тоже входило в арсенал психического давления на арестованных, в особенности на «строптивых», каким был Жженов.

Георгий Степанович Жженов был дважды осужден особым совещанием и при отсутствии вины пробыл в лагерях свыше 10 лет. Что ему пришлось испытать и пережить, он описал в своей повести «От «Глухаря» до «Жар птицы», изданной в 1989 году.

Начиная с 1935 года массовой фальсификацией дел на так называемых террористов и шпионов органы НКВД стали заниматься не только в Ленинграде, но и повсеместно. Одновременно в большом количестве появлялись дела на «вредителей и диверсантов», действующих якобы по заданию троцкистско-зиновьевского блоков и центров. Извлеченные из архивов материалы свидетельствовали, что в 1934—1935 годы недостатки в строительстве и эксплуатации ряда предприятий химической и угольной промышленности, аварии, взрывы,

пожары и крушения на железнодорожном транспорте имели место. В свое время они тщательно расследовались компетентными органами и не рассматривались как результат умышленных действий. Однако органы НКВД при расследовании таких дел стали квалифицировать их как результат диверсионно-вредительской деятельности.

Например, тщательно расследовались в свое время аварии, происходившие в 1934—1935 годах на Горловском азотно-туковом комбинате.

Причины взрыва воздухораспределительного аппарата исследовались в ноябре 1935 года. Государственной комиссией и Комиссией ЦК профсоюза. Обе комиссии пришли к одинаковому выводу о том, что взрыв произошел в результате грубого нарушения инструкций по технике безопасности, халатности и нераспорядительности инженерно-технического персонала. В своих объяснениях, данных в 1956 году, на это же указали возглавлявший комиссию ЦК профсоюза Серов и член Государственной комиссии Мороз.

За проявленную халатность были осуждены заведующий цехом Халезов, сменный инженер Крушельницкий и заведующий цеховой лабораторией Химич.

В связи со взрывом в цехе аммиачной селитры Горловского азотно-тукового комбината к уголовной ответственности по обвинению в халатном исполнении своих служебных обязанностей привлекались инженеры Драч и Сичков, но дело в отношении их в процессе следствия было прекращено.

В 1936 году органы НКВД вновь подняли оба дела об этих взрывах и изобразили последние как результаты диверсионно-вредительских актов, за что упомянутые выше Халезов, Крушельницкий и Драч были приговорены к высшей мере наказания.

Действительными причинами неудовлетворительной работы этого комбината и частых аварий на нем в 1934—1936 годы были плохо спланированная при строительстве завода очистка коксового газа и недостатки в организации технологического процесса, что обусловливалось новизной химического производства в СССР и отсутствием достаточного количества квалифицированных инженерно-технических кадров.

Возглавлявший экспертную комиссию по Горловскому азотно-туковому комбинату профессор Гальперин в 1956 году показал:

«Нам было заявлено сотрудниками НКВД, что вопрос о злоумышленной организации взрывов сомнений не вызывает,

ибо арестованные сами сознались в совершенном ими преступлении и злоумышленный характер взрывов доказан. Нам нужно было только подтвердить техническую возможность совершения таких взрывов».

Это сфальсифицированное дело в 1956 году было прекращено.

По делу о взрыве на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, в результате которого погибли 10 и получили тяжелые ранения 14 рабочих, в ноябре 1936 года был проведен сфальсифицированный органами НКВД так называемый «Кемеровский процесс», по которому осуждено к расстрелу по обвинению в диверсионно-вредительской деятельности девять инженерно-технических работников (Носков И. И., Шубин Ф. И., Куров М. И., Ляшенко И. Т., Андреев В. М., Коваленко И. В., Леоненко Н. С., Пешехонов И. А. и Штиклинг Э. И.). Все они посмертно в феврале 1958 года были реабилитированы.

Крушение поездов на перегонах Яхино — Усть — Катав, Единовер — Бердяуш и Бутырское — Мишкино произошло в результате излома дефектных рельс.

Бывший работник Южно-Уральской железной дороги Король П. А. в своем объяснении по поводу крушения на перегоне Единовер — Бердяуш писал, что состояние пути на этом перегоне аварийное, наличие дефектных рельс достигает 3000 штук и что только на трех километрах пути обнаружено 44 дефектных рельса.

Нарком путей сообщения Каганович в записке в ЦК ВКП(б) сообщал, что за десять месяцев 1935 года на железных дорогах страны ежедневно происходит 190 крушений и аварий первой группы, основная причина которых — неисправность пути и подвижного состава. На железнодорожных путях имеется негодных к эксплуатации 274 000 рельс, 40 000 (из 140 000) стрелок, 150 тысяч накладок.

Между тем за упомянутые и другие аварии в промышленности и на железнодорожном транспорте были осуждены организаторы «параллельного антисоветского троцкистского центра» во главе с Пятаковым Ю. Л. и Радеком К. Б.

Еще в 1956—1961 годы в связи с поручением Центрального Комитета партии проводилась проверка указанного дела. Установлено, что оно сфальсифицировано, однако вопрос о реабилитации был решен лишь частично. По нашему заключению, утвержденному Генеральным прокурором СССР, в 1956—1961 годы Верховным Судом СССР были реабилитированы лишь те из осужденных по этому делу, которые к

оппозициям и антипартийным группировкам не примыкали, — Серебряков Л. П., Пушин Г. Е., Граше И. И., Турок И. Д., Муралов Н. И., Норкин О. Б., Князев И. А., Богуславский М. С., Строилов М. С.

И уже в 1987—1988 годы это дело вновь было изучено и дополнительно проверено Комиссией ЦК КПСС.

Подтвердив правильность принятого по нему решения, еще в 1956—1961 годы в Пленум Верховного Суда СССР Генеральным прокурором СССР был внесен протест об отмене полностью приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 января 1937 г. и о реабилитации Пятакова Ю.(Г)Л., Сокольникова Г. Я., Радека К. Б., Лившица Я. А., Дробниса Я. Н., Ратайчака С. А., Шестова А. А., Арнольда (Васильева) В. В.

Постановлением от 13 июня 1988 г. дело было прекращено[1]. **Когда «законы были отложены в сторону», Сталин не забыл тех, кто требовал сместить его с поста Генерального секретаря.** В начале 1932 года из честных, принципиальных коммунистов в Москве образовалась группа «Союз марксистов-ленинцев», во главе ее стояли бывший секретарь Краснопресненского района ВКП(б) Москвы Рютин Мартемьян Никитович и Слепков Александр Николаевич, член партии с 1919 года, профессор Ростовского педагогического института.

Группа приняла решения составить манифест-обращение «Ко всем членам ВКП(б)». В нем давалась оценка тяжелого экономического положения, в котором оказалась страна из-за допущенных сталинским руководством перегибов в вопросах формирования темпов индустриализации и сплошной коллективизации, сопровождавшихся насилиями над крестьянами, подчеркивалась необходимость демократизации внутрипартийной и государственной жизни, восстановления ленинских норм и принципов. В обращении утверждалось:

«Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях, насильно созданные колхозы разваливаются.

...На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана.

...Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры

[1] Подробно об этом деле см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 30—50.

партии, установил в ВКП(б) и во всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти».

Группа предлагала осуществить организационные изменения в руководстве партии, сместить Сталина И. В. с поста Генерального секретаря.

Предложение этой группы, как известно, не было осуществлено. Группу объявили контрреволюционной. Всех членов ее исключили из партии и постановлением Коллегии ОГПУ во внесудебном порядке, без возможности защищать себя от предъявленного обвинения, осудили к различным мерам наказания. В 1936—1937 годы они были вновь осуждены за то же самое, но уже к расстрелу.

В 1955 году мне с участием наших товарищей пришлось заниматься проверкой дел на всех участников этой группы. В ее состав входили Петровский П. Г. — сын известного старого большевика Петровского Г. И., Марецкий Д. И., Слепков А. Н., Стэн Я. Э. Родственники, будучи сами репрессированными, но оставшиеся в живых, ходатайствовали о реабилитации незаконно осужденных. Еще в 1955 году Главная военная прокуратура пришла к заключению о необходимости пересмотра всех этих дел и о полной реабилитации всех осужденных. Однако реализовать тогда это наше заключение полностью не удалось. Реабилитация Рютина М. Н. и некоторых других была отложена. Несколько осужденных, например, Петровский П. Г., Марецкий Д. И., Стэн Я. Э., Колоколов Н. И. и другие были реабилитированы в 1955 году.

В 1988 году дело на участников «Союза марксистов-ленинцев» вновь было изучено и всесторонне проверено с привлечением дополнительных материалов, хранящихся в спецархивах. Была установлена полная несостоятельность осуждения Рютина М. Н. и других нереабилитированных участников его группы.

8 июня 1988 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила приговор коллегии ОГПУ от 11 октября 1932 г., а 13 июня 1988 г. Пленум Верховного Суда СССР отменил судебные приговоры за отсутствием состава преступления в отношении лиц, осужденных по делу «Союза марксистов-ленинцев».

Теперь очевидно то, что сделанное в 1954—1960 годы по реабилитации, недостаточно. Спустя 20 лет новым партийным и государственным руководством признано необходимым

продолжить дело восстановления исторической правды и справедливости, реабилитировать всех невиновных, ставших жертвами сталинизма.

Приятно сознавать, что осуществленный нами в 1955—1960 годы частичный пересмотр дел по «громким политическим процессам» и принятые по ним решения нашли подтверждение в решениях Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30—40-х — начале 50-х годов.

При моем участии в те годы были реабилитированы:

3 июня 1957 г. первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Икрамов А. И.;

19 декабря того же года первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Шарангович В. Ф.;

15 марта 1959 г. Нарком финансов СССР Гринько Г. Ф.;

15 июня того же года председатель правления Центросоюза Зеленский И. А. и нарком лесной промышленности СССР Иванов В. И.;

6 июля 1963 г. первый заместитель наркома иностранных дел СССР Крестинский Н. Н.;

6 марта 1965 г. Председатель Совнаркома Узбекской ССР Ходжаев Ф. У.;

7 февраля 1966 г. советник полпредства в Германии Бессонов С. А.

Все они проходили по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока», по которому были осуждены как руководители Бухарин Н. И. и Рыков Н. И.

4 февраля 1988 г. Верховным Судом СССР дело прекращено в отношении всех осужденных за отсутствием в их действиях состава преступления как сфальсифицированное. Н. И. Бухарин и Н. И. Рыков посмертно реабилитированы[1].

Только в 1988 году полностью пересмотрено так называемое «Кремлевское дело» и прекращено за отсутствием состава преступления в действиях Л. Б. Каменева, Т. И. Глебовой-Каменевой-Афремовой и С. Л. Седова (сына Троцкого), остававшихся нереабилитированными.

Почему же в 1955—1960 годы эти и другие дела не были полностью пересмотрены и на многие годы остались незаслуженно числиться «врагами народа» невинно осужденные?

[1] К возбуждению и расследованию этих дел имели отношение не только Ежов и группа следователей НКВД, но и Вышинский, Шейнин, участвовавшие в допросах и составлении обвинительных заключений.

При всем желании Н. С. Хрущева восстановить историческую правду и ликвидировать все последствия сталинщины он не сумел преодолеть сопротивление влиятельных лиц из своего окружения пересмотру и исправлению истории партии. С октября 1964 года, когда он ушел с поста Первого секретаря ЦК КПСС, мы почувствовали, как в директивных органах стали меняться взгляды на необходимость продолжения той работы, которую вели правоохранительные органы по реабилитации, тем более в отношении осужденных по «политическим процессам 1935—1937 годов».

«Заговор» в Красной Армии

История создания дела. Перед нами извлеченное из архива уголовное дело. На обложке «Совершенно секретно. Хранить вечно». «Долежалось, — кто-то сказал из нас. — И, кажется, никто не прикасался». Читаем дальше надпись: «По обвинению М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова и В. К. Путны в совершении преступлений, предусмотренных п. б. ст. 58, ст. ст. 58^7, 58^8 и 58^{11} УК РСФСР».

Мы знаем, о чем идет речь, — измена Родине, шпионаж, террор, создание контрреволюционной организации. Почти полный перечень самых тяжких преступлений перед Родиной.

Первые страницы дела... Справки на арест: «органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности...» О самой деятельности ничего конкретного. Нет и санкции прокурора на арест. Между тем всего полгода прошло после принятия новой Конституции. Вспомнилось: «Никто не может быть арестован иначе, как с санкции прокурора».

Кто же такие обвиняемые?

Для начала познакомимся с их автобиографиями.

Михаил Николаевич Тухачевский, родился в 1893 году, член большевистской партии с апреля 1918 года, командующий армиями и фронтами в годы гражданской войны, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, до 11 мая 1937 г. первый заместитель наркома обороны СССР, а с 11 мая — командующий войсками Приволжского военного округа, 26 мая 1937 г. арестован.

Иона Эммануилович Якир, родился в 1896 году, член большевистской партии с апреля 1917 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа, командарм 1-го ранга.

Иероним Петрович Уборевич, родился в 1896 году, член большевистской партии с апреля 1917 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б) и член ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1-го ранга.

Август Иванович Корк, родился в 1887 году, член партии с

1927 года, награжден двумя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе, командарм 2-го ранга.

Роберт Петрович Эйдеман, родился в 1895 году, член партии с марта 1917 года, награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, член ЦИК СССР, председатель Центрального совета Осоавиахима СССР, комкор.

Борис Миронович Фельдман, родился в 1890 году, член партии с 1919 года, начальник одного из Главных управлений Красной Армии, комкор.

Виталий Маркович Примаков, родился в 1897 году, член партии с 1914 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор.

Витовт Казимирович Путна, родился в 1893 году, член партии с февраля 1917 года, награжден тремя орденами Красного Знамени, военный атташе в Великобритании (по 1936 год), комкор.

Приступая к исследованию обстоятельств возникновения этого дела, мы изучили сложившуюся после убийства С. М. Кирова обстановку в стране.

В 1935 году прошли судебные процессы над убийцей Кирова С. М. — Николаевым и теми, кто разными методами, как сочло следствие, «способствовали или желали такого террористического акта».

От арестованных тогда крупных хозяйственных руководителей — известных троцкистов Е. А. Дрейцера, С. В. Мрачковского и И. И. Рейнгольда следователи НКВД, которыми руководил Ежов, получили показания о том, что в армии якобы существует военно-троцкистская организация и в нее входят заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В. М. Примаков и военный атташе при полпредстве СССР в Великобритании В. К. Путна.

Хотя никаких конкретных данных в показаниях не содержалось и никто их проверкой не занимался, 14 августа 1936 г. комкор, член Президиума ЦИК Виталий Маркович Примаков был арестован. Из справки о его аресте можно было лишь узнать, что «командир Красной Армии Примаков В. М. примыкал к троцкистско-зиновьевской оппозиции».

Познакомившись с личным делом комкора Примакова и другими архивными документами, мы убедились, что он — один из легендарных командиров гражданской войны. Боевая

слава червоных казаков и их командира была не меньше, чем у Буденного и бойцов Первой Конной. О червоных казаках слагали такие же песни, как и о буденновцах.

Выходец из семьи сельского интеллигента — он уже в гимназии разделял взгляды революционно настроенных учащихся. В 17 лет познал арест, допросы в жандармерии, военно-окружной суд и ссылку в кандалах на вечное поселение в Сибирь. Только после февральской революции каторжанин Примаков обрел свободу и снова приобщился к активной революционной борьбе.

Став во главе организованного им самим полка Червоного казачества Украины «Красный командир», Примаков прошел путь от командира полка до заместителя командующего военным округом.

На этом пути у него были такие назначения:

1926 год — военный советник Китайской национальной Армии,

1927—1928 годы — военный атташе в Афганистане;

1929 год — военный атташе в Японии,

1931 год учился в Германской академии генштаба.

Полмира объездил Примаков. О его работе за границей положительно отзывались вышестоящие начальники.

Иначе оценивали эти поездки Примакова «за границу» товарищи из особого отдела НКВД: «Екшался с капиталистами да с фашистами».

Арестованный Примаков категорически отрицал какую-либо свою вину перед Родиной, Красной Армией. Но это не устраивало тех, кто его арестовал.

Заниматься его делом было поручено следователю Авсеевичу А. А., который через девять месяцев получил от Примакова заявление на имя наркомвнудела Ежова, начинающееся такими словами:

«В течение девяти месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 году, я связался в Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания». В показаниях Примакова значилось, что в «троцкистскую организацию» входит И. Э. Якир, его считают самым подходящим на пост народного комиссара

вместо Ворошилова, а во главе заговора стоит М. Н. Тухачевский, который связан с Троцким.

Мы занялись розыском следователя Авсеевича. Нам повезло. Уволенный из органов НКВД, он хорошо устроился. Оказался здравствующим, преуспевающим генерал-лейтенантом авиации.

Вызванный в Главную военную прокуратуру генерал Авсеевич, после некоторого раздумья, вспомнил: «Да, принимал участие в расследовании дела на руководителей «военно-фашистского заговора в Красной Армии», лично неоднократно допрашивал арестованного комкора Примакова В. М.».

В своем объяснении Авсеевич написал следующее:

«Примаков сидел как активный троцкист. Потом его дали мне. Я стал добиваться от него показаний о заговоре. Он не давал. Тогда его лично допросил Ежов, и Примаков дал развернутые показания о себе и о всех других организаторах заговора».

Что стоили эти показания, прояснили извлеченные из архива и не приобщенные к делу заявления В. М. Примакова. 29 августа 1936 г. он обратился к заместителю наркома внутренних дел А. С. Агранову:

«Очень прошу вас лично вызвать меня на допрос по делу о троцкистской организации. Меня все больше запутывают, а я некоторых вещей вообще не могу понять сам и разъяснить следователю. Очень прошу вызвать меня, так как я совершенно в этих обвинениях не виновен. У меня ежедневно бывают сердечные приступы». На это заявление никто не реагировал.

Писал В. М. Примаков и И. В. Сталину: «Я не троцкист и не знал о существовании военной контрреволюционной организации троцкистов. Но я виновен в том, что, отойдя от троцкизма в 1928 году, я не до конца порвал личные связи с троцкистами — бывшими моими товарищами по гражданской войне и при встречах с ними (с Кузьмичевыми, Дрейцером, Шмидтом, Зюком) вплоть до 1932 года враждебно высказывался о тт. Буденном и Ворошилове.

Личные отношения с бывшими троцкистами после моего отхода от троцкистской оппозиции прервались и со многими я совершенно перестал встречаться... Заявление об отходе от троцкизма я написал в 1928 году в Кабуле, в полной изоляции от троцкистов — написал честно, без двурушничества, без обмана.

...Я не троцкист и не контрреволюционер, я — преданный

боец и буду счастлив, если мне дадут возможность на деле, работой доказать это»[1].

Голос В. М. Примакова так и не был услышан. Более того, следователю было позволено окончательно сломить волю этого незаурядного человека и привести его на суд таким, каким было угодно организаторам судебного процесса и услышать от него «нужную речь».

20 августа 1936 г. был арестован военачальник высшего ранга, комкор Витаутас Казимирович Путна. В справке на арест утверждалось, что органы располагают данными о том, что Путна В. К. «занимается контрреволюционной деятельностью».

Изучая его личное дело, мы обнаружили, что из богатой боевыми заслугами биографии Путны можно было извлечь лишь единственный в какой-либо степени порочащий его, как коммуниста, поступок: «Во время учебы на военно-академических курсах РККА в 1923 году В. К. Путна примкнул к антипартийной оппозиции».

Выходец из беднейшей литовской крестьянской семьи, он примкнул к революционному движению рижского пролетариата еще до революции. В 1913 году он был схвачен царской охранкой и за революционную пропаганду среди рабочих заключен на длительный срок в тюрьму. Только во время войны был освобожден из тюрьмы и отправлен на фронт. Здесь он повел революционную работу среди солдат 12-й армии.

В феврале 1917 года В. К. Путна вступил в ряды РКП(б), а затем во главе батальона в апреле 1918 года добровольно вступил в ряды Красной Армии. Он был организатором первых отрядов Красной Армии в Витебской губернии, затем оказался на Восточном фронте, возглавил 27-ю Омскую стрелковую дивизию. С его именем связаны большие успехи, одержанные этой дивизией в тяжелых, кровопролитных боях с колчаковцами. Три ордена Красного Знамени, полученных за подвиги в боях гражданской войны, украшали грудь этого талантливого военачальника.

В 1926 году В. К. Путна командовал 6-м и 2-м стрелковыми корпусами, затем, как наиболее эрудированный и высокоподготовленный военачальник, был направлен на военно-дипломатическую работу: военным атташе в Японии (1927), Финляндии (1928), Германии (1929—1931), Англии (1934—1936).

[1] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 44.

В личном деле В. К. Путны сохранился положительный отзыв бывшего посла СССР в Англии И. М. Майского.

В чем же должен был признаваться арестованный комкор Путна В. К.

Арестованным Путна В. К. было поручено «заняться» также следователю Авсеевичу. На первом же допросе Путна высказывался, что поддерживал оппозицию, подтвердил, что полностью от нее отошел, когда убедился в ошибочности — никакой связи с оппозиционерами не имел и никакой контрреволюционной деятельностью не занимался.

Ежов остался недоволен такими показаниями В. К. Путны и потребовал добиться от него признаний. Через неделю появился протокол допроса, в котором следователем Авсеевичем было записано: он, Путна, «знал о существовании «троцкистских центров и совместно с Примаковым В. М. участвовал в военной организации троцкистов»...

Принудив Примакова и Путну дать на себя признательные показания и покаяться перед Ежовым, следствие, как это можно было судить по материалам дела, успокоилось. В течение нескольких месяцев «новых» показаний от них не требовали.

За это время состоялись «громкие» политические процессы: над объявленными главарями «Объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» Зиновьевым и Каменевым (24 августа 1936 г); над лидерами антисоветского троцкистского центра Пятаковым и Радеком (23—30 января 1937 г.).

Наступившее «затишье» было недолгим.

28 февраля — 3 марта 1937 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б). В НКВД вновь оживилась работа.

13 мая 1937 г. по личному указанию Ежова был арестован один из ближайших соратников Ф. Э. Дзержинского по ВЧК и руководящий сотрудник НКВД Артур Христианович Артузов. Его аресту предшествовала полученная Ежовым информация о том, что Артузов располагал материалами, поступившими из-за кордона о причастности М. И. Тухачевского к готовящемуся заговору в Красной Армии, и что эту информацию Артузов скрыл.

На допросе Артузов пояснил: «Да, такая информация из заграницы поступала. Из нее следовало: готовится заговор и возглавляет его генерал Тургуев». Проведенной тогда проверкой было выяснено — под фамилией Тургуев в 1931 году в Германию ездил Тухачевский. Информация была доложена

Ягоде. Тот заявил: «Это несерьезный материал. Сдайте его в архив».

И его сдали. Ни о каком заговоре никакими достоверными данными НКВД не располагало. Это была очередная дезинформация[1].

В ОГПУ было известно, что активную враждебную деятельность против СССР и Красной Армии ведет РОВС — Российский Общевоинский Союз, созданный в 1924 году из белогвардейцев-деникинцев и возглавляемый Деникиным, затем генералом белой армии Кутеповым.

Наша контрразведка сталкивалась с организуемыми РОВСом неоднократно авантюрами. Пограничной охраной задерживались нарушители границы. Среди них было немало и таких, которые обоснованно подозревались в нарушении границы с целью выполнения шпионских и диверсионных заданий. Органами ОГПУ был разоблачен ряд замаскировавшихся белогвардейцев, проникших на нашу территорию с целью установления контактов с некоторыми офицерами царской армии, перешедшими на службу в Красную Армию и склонения их на сотрудничество с РОВСом.

Нами было изучено и многотомное дело о контрреволюционной вредительской организации, действующей в Красной Армии под законспирированным названием «Весна».

От двух офицеров, служивших в царской армии, были получены показания, что во главе заговора якобы стоит М. Н. Тухачевский и что он примыкает к правым. Копии протоколов их допросов были препровождены Сталину и доложены ему. Сталин направил их Г. К. Орджоникидзе с запиской следующего содержания: «Прошу ознакомиться. Поскольку зто не исключено, то возможно». Следов реагирования Орджоникидзе на данную записку нам обнаружить не удалось. Надо полагать, что Орджоникидзе отнесся к зтим заявлениям как к клеветническому доносу. Он хорошо знал М. Н. Тухачевского по Кавказскому фронту и был уверен, что он к никаким оппозициям не примыкает.

Как бы там ни было, но зти сведения бросали тень подозрений на М. Н. Тухачевского, тем более что сдать зти материалы в архив приказал Ягода. К зтому времени он был арестован как соучастник Бухарина и Рыкова, а сле-

[1] А. Х. Артузов — одна из жертв Ежова, который уничтожил его как одного из первых чекистов, открыто выступившего на партактиве против насаждаемого Ежовым произвола.

довательно и скрывал сведения о Тухачевском с определенным умыслом.

В январе 1937 года на открытом судебном процессе «антисоветского троцкистского центра» имя Тухачевского не раз было упомянуто как лицо, на которое рассчитывала оппозиция. Хотя на суде было заявлено, что этому не следует верить, тем не менее все это осталось без должного опровержения.

Напротив, нарастание компрометирующих сведений о Тухачевском «кое-кого» вполне устраивало и облегчало подготовку расправы над ним.

Ежов приказал вернуться к допросам томящихся уже несколько месяцев в тюрьме арестованных Примакова и Путны. Теперь от них требовалось получить прямые показания о руководящей роли в военном заговоре Тухачевского. Эти «нужные» показания начальник отдела Леплевский И. М. и следователь Авсеевич А. А. получили путем зверского избиения Примакова и Путны, о чем свидетельствовали показания бывших сотрудников НКВД В. И. Бударева, Н. Н. Селивановского и др.

Одновременно получением показаний на Тухачевского занялся заместитель Ежова — Фриновский М. П. Он узнал, что 6 мая 1937 г. УНКВД Московской области арестован комбриг М. С. Медведев, до 1934 года занимавший пост начальника ПВО РККА, и решил воспользоваться им.

Познакомившись с делом осужденного в 1939 году следователя НКВД Радзивиловского А. П., мы обнаружили такие его показания:

«Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский и поинтересовался: проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные? Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева, занимавшего большую должность в Генштабе, уволенного из армии и исключенного из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслугу Ежова перед ЦК». Я принял задание к исполнению. Не сразу, конечно, но добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора и о его руководителях. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову и Фриновскому, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть

Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделано, а его заявление об отказе не фиксировать. Протокол же с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен Ежовым в ЦК.

Через два дня под физическим воздействием со стороны следователя А. П. Радзивиловского Медведев подписал ложное показание о своем участии в «троцкистской военной организации», возглавляемой заместителем командующего Московского военного округа Б. М. Фельдманом. А еще через два дня он[1] подписал показания, из которых следовало, что в состав руководящего центра этой контрреволюционной организации входили М. Н. Тухачевский (возможный кандидат в диктаторы), И. Э. Якир, В. К. Путна, В. М. Примаков, А. И. Корк и т. д.

Работа по сбору компрометирующего материала в отношении М. Н. Тухачевского энергично продолжалась...

2 мая 1937 г. командующий Уральским военным округом комкор Борис Сергеевич Горбачев, один из легендарных героев гражданской войны, оказался в тюрьме. Четырежды раненного в грудь Горбачева украшали три боевых ордена Красного Знамени.

Доставленный в Москву арестованный комкор Горбачев Б. С был передан в распоряжение следователя Ушакова З. И. Тот уже заготовил протокол допроса. Оставалось только подписать. Такой протокол был нужен. Его ждал сам Ежов и надеялся на способного следователя, который уже приобрел в аппарате славу отменного «кольщика» (так называли тех, кто мог от любого арестованного получить нужные показания).

В том протоколе Горбачев значился участником заговора, был связан с Тухачевским, Примаковым и Путной (первый еще не был арестован, а остальные уже сидели в тюрьме несколько месяцев).

Цель заговора, как было записано в протоколе, — организация вооруженного восстания, захват Кремля, насильственное свержение высшего руководства партии и государства.

26 дней лежал на столе у Ушакова этот протокол допроса, не подписанный Горбачевым. Все эти дни Ушаков не бездействовал. И, наконец, он своего добился, хвастливо поучая сослуживцев: «беспредельно упорствующих людей не бывает».

[1] Позже, в Военной коллегии М. Е. Медведев заявил, что все эти показания ложные, тем не менее он был приговорен к расстрелу.

Так появился протокол допроса Горбачева от 31 мая 1937 г., который Ушаков использовал в допросах Тухачевского.

Горбачев Б. С. больше был не нужен, даже опасен. Его дело в срочном порядке закончили и передали в Военную коллегию, которая 3 июля 1937 г. под председательством Ульриха вынесла ему смертный приговор.

Об этих, хотя и полученных незаконными методами, показаниях Примакова В. М., Путны В. К., Медведева М. Е., Горбачева Б. С., «изобличающих» Тухачевского М. Н. в организации заговора и об участии в нем других военачальников высшего ранга, Ежов доложил Сталину.

Без промедления была получена санкция на арест «заговорщиков». Были арестованы:

14 мая — командарм 2-го ранга Август Иванович Корк;

15 мая — комкор Борис Миронович Фельдман;

22 мая — комкор Роберт Петрович Эйдеман;

в тот же день — 22 мая — Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский;

28 мая — командарм 1-го ранга Иона Эммануилович Якир;

29 мая — командарм 1-го ранга Иероним Петрович Уборевич.

За арестом последовало следствие.

Наедине со «следователем». Александр Чехлов в рассказе «Расстрелянные звезды»[1] так охарактеризовал облик следователя М. Н. Тухачевского:

«У следователя по особо важным делам была самая заурядная и, можно сказать, мало симпатичная внешность. Он был небольшого роста, вертляв и суетлив. Наверно, ему иногда хотелось казаться значительным, он напускал на себя важность, но она не шла к его невзрачному лицу с мелкими, словно бы стертыми чертами.

Несмотря на такую наружность, следователь был мастером своего дела. А может быть, его внешность помогала ему в его нелегком ремесле. Наверно, люди, которых ему приходилось допрашивать, поначалу не принимали его всерьез, а потом, по прошествии некоторого времени, когда они спохватывались, было уже поздно».

Теперь мы изучаем дело о нем, настоящем следователе, приложившем максимум усилий и изобретательности в разо-

[1] См.: Даугава. 1988. № 1. С. 40—41.

блачении главного «заговорщика» в Красной Армии маршала М. Н. Тухачевского.

Листаем его дело: «Ушаков (он же Ушимирский) Зиновий Маркович, 1895 года рождения, уроженец местечка Хабное Кагановического района Киевской области, член ВКП(б) с 1930 года. Тогда же стал работать в органах НКВД Украины». В своих показаниях он признается, что его наставник — чекист Леплевский И. М. Когда его в декабре 1936 года назначили начальником Особого отдела НКВД СССР, он, Ушаков, переехал с ним в Москву, «хотел, — по его словам, — работать под руководством Николая Ивановича (имеется в виду Ежов)».

Далее он расхваливает свои способности:

«Со дня прихода Николая Ивановича я работал не покладая рук на пользу партии и советской власти и добился значительных результатов. Разоблачил таких заговорщиков, как Чубарь, Постышев, Коссиор, Эйхе, Мирзоян, Гилинский[1] и др. Одно ознакомление с томами каждого из этих дел покажет, сколько сотен и тысяч заговорщиков я вскрыл. А сколько шпионов разоблачил. Во всем Наркомате знали, в том числе и руководство, что вряд ли еще кто-нибудь из следователей обрабатывает так тщательно своих арестованных, как я выкачивал из них все факты[2]».

О том, как оправдывал это назначение Ушаков, мы узнали из его показаний:

«Я буквально с первых дней работы поставил диагноз о существовании в РККА и флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первый получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилией Закупнева».

...На арестованного Фельдмана было лишь одно косвенное показание Медведева, я даже выразил удивление, почему мне не дали более важную фигуру. В первый же день допроса Фельдман написал заявление о своем участии в военно-троцкистской организации, в которую его завербовал Примаков...

Я достал из штаба личное дело Фельдмана и начал изучать его связи. В результате пришел к выводу, что Фель-

[1] Все упомянутые лица необоснованно осуждены и посмертно реабилитированы.

[2] См. архивно-следственное дело по обвинению Ушакова-Ушимирского З. М.//Т. 2. С. 11.

дман связан дружбой с Тухачевским, Якиром и др., имеет семью в Америке и поддерживает с ней связь.

Я понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским, и вызвал его 19 мая рано утром на допрос. Допрос пришлось прервать, так как Леплевский И. М.[1] вызвал меня на оперативное совещание.

Рассказав о показании Фельдмана и проанализировав доложенное, я начал ориентировать следователей при допросах больше внимания уделять вскрытию несомненно существующего в РККА военного заговора.

Во время моего доклада один из следователей Карелин покачивал головой и шепотом сказал, что «я поспешно делаю такие выводы и не должен так определенно говорить о Тухачевском и Якире». А Леплевский бросил реплику: «Анализируете вы логично, а на деле еще очень далеки от таких результатов».

Я ответил: «Думаю, что сегодня получу от Фельдмана полное подтверждение своих выводов». На что Леплевский с еще большей едкостью сказал: «Ну-ну, посмотрим».

Я заперся в кабинете, вызвал Фельдмана. К вечеру 19 мая было написано Фельдманом на мое имя следующее заявление:

«Я хочу через Вас или т. Леплевского передать Наркому т. Ежову, что я готов, если нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что я знаю о военном заговоре... Вы не ошиблись, определив на первом же допросе, что Фельдман не закоренелый, неисправимый враг, а человек, над коим стоит поработать, потрудиться, чтобы он раскаился и помог следствию ударить по заговору».

Так было добыто еще одно «доказательство» о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП(б) об аресте Тухачевского и др.

Каким предстал на первом допросе перед следователем — капитаном Ушаковым арестованный маршал:

«В гимнастерке без ремня, с оборванными петлицами, на которых совсем недавно были маршальские звезды. А на гимнастерке зияли следы от вырванных с нее знаков — орденов боевого Красного Знамени». Кто он теперь? Да

[1] Руководил отделом и занимался следствием по делу Тухачевского и других.

никто... Отсюда и соответственно обращение с ним. Не случайно на протоколе допроса Тухачевского осталось несколько «бурых пятен». Проведенная нами судебно-химическая экспертиза дала заключение: «Это — следы крови человека»...

Прежде, чем составить протокол, в котором значилось, что Тухачевский стоял во главе заговора, «опытный» Ушаков решил «ошеломить» арестованного маршала изобличающими его очными ставками. К ним уже были соответствующим путем «подготовлены» ранее арестованные сослуживцы М. Н. Тухачевского комкоры Примаков В. М., Путна В. К. и Фельдман Б. М.

Положенных по закону протоколов этих очных ставок в деле не оказалось, и они, видно, не составлялись.

Ушаков заставил Тухачевского написать несколько заявления на имя Ежова с признанием своей вины в организации заговора. Изучая их, мы не могли не обратить внимания на то, что при перечислении фамилий участников заговора одни фамилии перечеркивались и заменялись другими, без каких-либо объяснений.

В одном случае Тухачевский отрицал свою причастность к троцкистской оппозиции и какую-либо вообще связь (кроме служебной) с Троцким, Пятаковым, Бухариным и Рыковым. В других, подписанных им документах соглашался о наличии преступной связи с этими лицами и даже с тем, что намечалось свержение советской власти путем «дворцового переворота».

О том, как «закреплялись» полученные незаконными методами «признательные показания» от арестованных, рассказывали на следствии многие бывшие следователи. В частности, из показаний сотрудника НКВД Дагина И. Я. мы узнали, что об очных ставках с участием членов Политбюро заранее предупреждали всех следователей, которые не переставали «накачивать» арестованных вплоть до самого момента очной ставки. Больше всех волновался всегда Ежов, он вызывал к себе следователей, выяснял — не сдадутся ли арестованные на очной ставке, интересовался не существом самого дела, а только тем, чтобы следствие не ударило «лицом в грязь» в присутствии членов Политбюро, а арестованные не отказались бы от своих показаний. Уговоры и запугивания продолжались даже в комнатах, где рассаживали арестованных перед самым вызовом на очную ставку.

Известные мне очные ставки с присутствием членов Полит-

бюро готовили Николаев, Райхман, Листенгурт, Ушаков[1].

Об одной такой очной ставке рассказывал З. М. Ушаков: «Очная ставка должна была проводиться Ежовым в присутствии Молотова и Ворошилова в кабинете Ежова. Первым был вызван Каширин[2]. Егоров[3] уже сидел в кабинете. Когда Каширин вошел и увидел Егорова, он попросил, чтобы его выслушали предварительно без Егорова. Егорова попросили выйти. Каширин заявил, что показания на Егорова им были даны под физическим воздействием следствия, в частности, находящегося здесь Ушакова. Каширин заявил: Никакого военного заговора нет, арестовывают командиров напрасно. На вопрос Воршилова Каширину: почему же вы дали такие показания? Каширин ответил, указывая на меня, что он меня препирал показаниями таких людей, которые больше, чем я. При этом добавил, что на двух допросах его били»...

Правдивость этих показаний Ушакова-Ушимирского была подтверждена арестованным Фриновским М. П. (заместителем Ежова).

Как же на все это отреагировали Молотов и Ворошилов, которые лично выслушали объяснение командарма Каширина, необоснованно арестованного и склоняемого к даче ложных показаний на Маршала Советского Союза А. И. Егорова? Никак...

Об участии Молотова и Ворошилова в очных ставках показал на допросе и арестованный бывший начальник особых отделов НКВД СССР Федоров Н. П., осуществлявший разгром военных кадров после своего предшественника, арестованного Николаева-Журид[4].

5 сентября 1938 г. отъявленный фальсификатор капитан госбезопасности Ушаков-Ушимирский Зиновий Маркович был арестован. О его аресте решение принял новый заместитель наркома внутренних дел СССР Берия.

Приведу рассказ самого Ушакова-Ушимирского о том, каким было следствие в отношении его.

«Мой арест в ночь с 4 на 5 сентября с. г. в Хабаровске, — писал Ушаков-Ушимирский, — потряс меня, так как я никогда ни в чем не отступал от сталинской линии партии, свято относился к партийным и государственным обязанностям и

[1] См. архивно-следственное дело на Ушакова-Ушимирского З. М.// Т. 2. С. 345, где приобщено заявление Дагина И. Я.

[2] Каширин — командарм 2-го ранга, командующий СКВО.

[3] А. И. Егоров — Маршал Советского Союза.

[4] См. архив ГВП НП № 19273-55 на Федорова Н. П.

по мере сил моих боролся со всеми происками контрреволюции.

Первая встреча со следователем состоялась в Лукьяновской тюрьме в Киеве. Его фамилия оказалась Яролянц...

Некоторые следователи считают, что с арестованного надо сначала «сбить спесь», так поступил и Яролянц. Он сказал, что им известно о моем участии в сионистской организации на Украине и предложил давать правдивые показания.

Я предложил следователю выслушать мою биографию и тотчас же проверить ее при помощи моего брата плотника, живущего в Киеве, и одного из братьев Л. М. Кагановича, хорошо знающего нашу семью.

Тогда меня стали бить. Пробовал протестовать...

Не расставаясь мысленно и сердцем с Николаем Ивановичем, я заявил, ссылаясь на его же указания, что бить надо также умеючи, на что Яролянц цинично ответил:

«Это тебе не Москва, мы тебя убьем, если не дашь показания».

Невозможно передать, что со мной в то время происходило. Я был скорее похож на затравленное животное, чем на замученного человека. Мне самому приходилось в Лефортовской (и не только там) бить врагов партии и Советской власти, но у меня никогда не было представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах. Правда, мы не били так зверски, к тому же допрашивали и били по необходимости, и то — действительных врагов (не считая несколько отдельных случаев, когда мы арестовывали ошибочно, но быстро, благодаря Николаю Ивановичу, исправляли свои ошибки). Короче говоря... я сдался физически, т. е. не выносил больше не только побоев, но и напоминания о них.

Можно смело сказать, что при таких изобличениях волевые качества человека, как бы они ни были велики, не могут служить иммунитетом от физического бессилия, за исключением, может быть, отдельных редких экземпляров людей»[1].

Руководили следователями НКВД Ежов и Фриновский. Оба они, как известно, тоже были арестованы в 1938 году и осуждены. Приведем некоторые из показаний, которые они давали:

«*Фриновский:* Ежов требовал от меня подбирать таких следователей, которые были бы или полностью связаны с на-

[1] См. архивно-следственное дело Ушакова-Ушимирского З. М.// Т. 2. С. 185—187.

ми, или за которыми были бы какие-либо грехи, и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках... По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные. Знало ли руководство Наркомата, т. е. я и Ежов? Знали и поощряли. Как реагировали? Я, честно, никак, а Ежов даже это поощрял»...

Ежов, не опровергая этих показаний, объяснил:

«Порядок рассмотрения дел был до крайности упрощен. Он был проще и в этом смысле даже бесконтрольнее, чем по обычным уголовным делам... Прокуратура СССР не могла, конечно, не замечать всех этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР, в частности Прокурора СССР Вышинского, я объясняю той же боязнью поссориться с НКВД и показать себя не менее «революционным» в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действия НКВД в правительство»...

Ссылаясь на бездеятельность Прокуратуры СССР и Вышинского, Ежов рассчитывал на смягчение своей участи. Что касается «боязни НКВД», то ее насаждал не кто другой, как сам Ежов. Все старались быть угодными Сталину: и Вышинский, и Ульрих действовали так не из-за боязни Ежова. Им покровительствовал сам Сталин.

Еще на XIV съезде ВКП(б) Сталин хитроумно заметил о невозможности построить социализм в «белых перчатках»[1].

Уже при Ягоде имели место факты принуждения арестованных к признанию вины путем физического воздействия на них, о чем знал Сталин[2].

Особенно широко физическое насилие стало применяться в НКВД при Ежове (известно изречение «ежовые рукавицы»).

Сталин так разъяснял «санкцию» на избиение неподатливых арестованных: «Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос, почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 340.

[2] См. приведенные факты при проверке дела на заместителя наркома земледелия Маркевича и других.

бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый и правильный метод»[1].

Эта санкция ограждала следователей-авантюристов и садистов от какой-либо ответственности за глумление над людьми, запросто объявленными «бешеными агентами буржуазии, заклятыми врагами» и лишенными всякой возможности на защиту[2].

Каким был суд! Перед нами стенограмма протокола заседания Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР, состоявшегося 11 июня 1937 г. Председательствовал армвоенюрист В. В. Ульрих.

Подсудимым разъяснили: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г. Это означало, что участие защитника в судебном процессе исключается, приговор окончательный и обжалованию не подлежит...

Стенограмма содержала всего несколько страниц, свидетельствовавших о примитивности разбирательства со столь тяжкими и многочисленными обвинениями. Да и тот факт, что «процесс» длился один день, говорил сам за себя. Пересказывать все содержание стенограммы нет необходимости. Чтобы лучше представить себе, какие показания давали подсудимые по тому или иному пункту обвинения, мы их сгруппировали. И вот что получилось.

Тухачевский прежде всего заявил: «У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к Отечеству, которое с гражданской войны защищал... Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. До прихода Гитлера к власти наши

[1] О таком содержании указаний Сталина дали показания Ежов, Фриновский и др.

[2] Только в 1989 году Верховный Совет СССР принял Закон о допуске адвоката с момента задержания лица, подозреваемого в совершении любого преступления и при расследовании его органами прокуратуры, КГБ и МВД, что ставит следователя под независимый контроль, а арестованному дает возможность квалифицированно защищаться.

отношения с Германией были взаимно заинтересованные».

Аналогичные показания об отношении к Родине дали Уборевич, Корк, Фельдман, Якир, Путна. Якир сообщил, что учился в 1929 году в академии генерального штаба Германии, читал там лекции о Красной Армии, а Корк некоторое время исполнял обязанности военного атташе в Германии.

Выясняется и такой вопрос: разделяли ли подсудимые взгляды лидеров троцкизма, правых оппортунистов, их платформы? На этот вопрос Тухачевский ответил: «Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого, точно так же выступал против правых».

Путна не отрицал «Наличие связей» со Смирновым, Фельдманом, Пятаковым. Характер этих связей не выяснялся.

Было выдвинуто и другое тяжкое обвинение — вредительство с целью ослабления мощи Красной Армии. Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич разъяснили, что строительство военных объектов, реконструкция желдорузлов, формирование воздушно-десантных частей и т. д. действительно шло медленно. Были недостатки и упущения в боевой подготовке войск. Тухачевский пояснил: «Если бы немного поднажали и дополнительные средства нам дали, наше положение чрезвычайно сильно выиграло бы».

Вредительство со стороны Тухачевского и активно поддерживавших его Уборевича и Якира расценивалось как настойчивое внедрение концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию. С резким осуждением такой концепции выступил на суде С. М. Буденный.

Ульрих неизменно спрашивал: «Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?» Когда Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич пытались что-то разъяснить, Ульрих обрывал: «Вы не читайте лекций, а давайте показания». Однако подсудимые продолжали утверждать, что они правы, что будущая война будет войной моторов...

Наконец выяснялся вопрос: был ли у подсудимых сговор по поводу отстранения К. Е. Ворошилова от руководства Красной Армией? Тухачевский, Уборевич, Корк, Путна признали, что разговоры об отстранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: когда решили поставить в правительстве вопрос о Ворошилове, то «нападать на него по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова».

Почему хотели выступить против Ворошилова? Какие ошибки и упущения могли быть поставлены в вину наркому? На суде этого не выясняли. Желание же подсудимых обратиться в правительство расценили как вынашивание террористических намерений в отношении Ворошилова.

Когда подсудимым предоставили «последнее слово», все они, за исключением Примакова, заявили о своей преданности делу революции, Красной Армии, лично товарищу Сталину.

Невероятным по своему содержанию оказалось «последнее слово» Примакова:

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т. е. из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман — с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...» В восторг пришли организаторы этого судилища. Торжествовал и следователь Авсеевич, подготовивший Примакова к такой речи на суде.

Каким мог быть приговор? Его содержание было предрешено приказом наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 г.

В нем сообщалось:

«С 1 по 4 июня с. г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при народном комиссаре обороны

СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную, вредительсткую и шпионскую работу в Красной Армии». 11 июня 1937 г. Специальное судебное присутствие Верховного Суда Союза ССР признало всех подсудимых виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине и постановило: «Всех подсудимых лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского — звания Маршал Советского Союза и приговорить всех к расстрелу».

12 июня 1937 г. приговор был приведен в исполнение...

Убедившись, что обвинение Тухачевского и других военачальников в тяжких государственных преступлениях необоснованны, а осуждение неправосудно, Главная военная прокуратура доложила свое заключение Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко. Вскоре от него последовало указание подготовить протест на постановление Специального судебного присутствия.

31 января 1957 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР по заключению Генерального прокурора отменила приговор от 11 июня 1937 г., дело производством прекратила за отсутствием состава преступления, все проходившие по делу об участниках «антисоветской троцкистской военной организации» были полностью реабилитированы. 27 февраля 1957 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил их в партии.

Тем же приказом Ворошилова извещалось: «Бывший заместитель народного комиссара обороны Гамарник — предатель и трус, побоявшийся предстать перед судом советского народа, покончил жизнь самоубийством...

Конечной целью этой шайки было — ликвидировать советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнув рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов...

Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты Гамарники и Тухачевские, Якиры и Уборевичи и прочая предательская падаль, лакейски служившие капитализму, стерты с лица земли и память о них будет проклята и забыта.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
К. Ворошилов»

После ареста Ежова, а также Николаева, Райхмана, Листенгурта, Ушакова-Ушимирского (сотрудников особого отдела НКВД СССР), принимавших участие в расследовании дел по «военному заговору», было установлено, что показания о причастности Гамарника к «военному заговору» получены незаконными методами для придания самоубийству Гамарника иную, чем в действительности, причину. Тем более, что этого желал Ворошилов, не терпевший открытой критики со стороны Гамарника.

Все это послужило основанием для Генерального прокурора СССР Руденко Р. А. обратиться 22 июля 1955 г. с запиской в ЦК КПСС. Свою записку он закончил такими словами:

«При таком положении сомнительные показания Тухачевского, Якира и Уборевича, при отсутствии других объективных доказательств, не могут быть положены в основу обвинения Гамарника Я. Б. в измене Родине, и это обвинение с Гамарника Я. Б. должно быть снято».

Записка была рассмотрена 6 августа 1955 г. на заседании Президиума ЦК КПСС и принято постановление согласиться с предложением Генерального прокурора СССР. Когда Роман Андреевич Руденко сообщил нам об этом решении, мы спросили его: «А как реагировал на ваше предложение член Президиума ЦК К. Е. Ворошилов?»

— Как? Да никак. Куда денешься. Со скрипом, но проголосовал «за».

В 1955—1956 гг. Ворошилов перестроился, стал поддерживать просьбы о реабилитации многих из тех командиров, на арест которых давал санкции. В своих резолюциях на заявлениях он писал: «Знал как преданного командира», «Сомневался, что может вредить», «Был отличным политработником» и т.д.

И совсем удивил нас Климентий Ефремович Ворошилов, когда мы увидели его подпись под такими словами о Яне Борисовиче Гамарнике: «Вся сравнительно короткая жизнь Яна Борисовича Гамарника — это трудовой и ратный подвиг. От рядового коммуниста до крупного партийного руководителя — таков его путь. Ян Гамарник на любом посту работал с полной энергией. Он показывал пример простоты и скромности, органически не терпел кичливости и зазнайства. Он был настоящим большевиком-ленинцем. Таким он и останется в сердцах тех, кто знал его лично, в памяти всех трудящихся».

Кажется невероятным, но факт — в тот самый день, 11 июня 1937 г., когда Я. И. Алкнис заседал в Судебном присутствии

Верховного Суда СССР и подписался под смертным приговором Тухачевскому и другим осужденным, было принято решение о его снятии с поста начальника Воздушного Флота.

Пять месяцев прожил Яков Иванович Алкнис в неведении, в томительном ожидании решения его судьбы.

22 ноября 1937 г. командарм 2-го ранга Яков Иванович Алкнис был арестован.

Следователь Рогачев встретил арестованного командарма такими словами: «А вы, оказывается, сами шпион»...

Всякого обвинения мог ожидать Алкнис, но только не этого. Он мог предположить, что где-то, когда-то совершил ошибку, может быть даже грубую, неправильно поступил и этот поступок при желании можно истолковать как преступление. Идеальных людей на свете нет. Но назвать шпионом...

Как здесь не возмутиться?

«Успокойтесь, Алкнис, посмотрите, — предложил следователь, — на справку о вашем аресте. Знакомые вам фамилии Ежов, Вышинский, Ворошилов. Они не ошибаются... А теперь давайте показания о вашей принадлежности к военно-фашистскому заговору в РККА и о вашей шпионской деятельности в пользу буржуазной Латвии».

В деле Алкниса оказался всего лишь написанный следователем Рогачевым протокол его допроса. Под каждым листом протокола стояла подпись Алкниса. Содержание протокола сводилось к тому, что Алкнис признает, что был привлечен командармом Эйдеманом (осужденным вместе с Тухачевским) в контрреволюционную организацию, действующую в Красной Армии, занимался вредительством в авиации. Кроме того, бывшим военным атташе буржуазной Латвии Гартманисом был завербован и снабжал его шпионскими сведениями.

Никаких других материалов, подтверждающих эти «признания», в деле Алкниса нет.

Суда практически не было. Он состоялся через восемь месяцев содержания Алкниса под следствием (28 июля 1938 г.). В деле есть два листа. Один назван протоколом судебного заседания, в котором записано:

«Подсудимому разъяснена сущность предъявленного обвинения, спрошено, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, признает полностью, что написано на предварительном следствии, и заявляет, дополнить ничего не имеет».

В последнем слове Алкнис заявил: «Если возможно, сохраните жизнь. Готов любым трудом искупить свою вину».

В чем же состоит его вина?.. Об этом ни единого слова в протоколе...

Через несколько минут он выслушал провозглашенный Ульрихом (с которым он восемь месяцев тому назад судил Тухачевского) краткий приговор Военной коллегии — «подсудимого Якова Ивановича Алксниса расстрелять»...

Через соответствующие органы, где хранится Список-справочник СССР, изданный начальником немецкой полиции безопасности и СД до нападения Германии на Советский Союз, мы навели справку, из которой следовало: «Алкснис (партийная кличка Астров) Яков Иванович отнесен к категории лиц, опасных для фашистского режима, которых немецкая полиция намечала к аресту в случае захвата советской территории гитлеровскими войсками».

Этой справкой окончательно было опровергнуто какое-либо обвинение Алксниса в сотрудничестве с иностранными разведками...

Наша проверка завершилась розыском тех следователей НКВД, которые имели отношение к аресту Алксниса и ведению следствия по его делу.

Допрошенный в Главной военной прокуратуре бывший следователь НКВД Эдлин М. З. показал: «Я ехал в Лефортовскую тюрьму допрашивать своих арестованных. Меня вызвал начальник отделения Рогачев, дал протокол Алксниса и сказал: «Дай ему подписать». Я, конечно, указание начальника выполнил, взял протокол и дал его прочитать Алкснису.

Прочитав, Алкснис ответил мне следующее: «Пусть его подписывает тот, кто его составил». Об этом я доложил Рогачеву. Я знал, что теперь начнется избиение Алксниса. Рогачев всякого, кто не подписывал, жестоко избивал. Через несколько дней я наблюдал, как Алксниса жестоко избивали несколько человек, которые специально были для этого в штате тюрьмы».

Свидетелями такого жестокого и неоднократного избиения Алксниса были и еще два бывших следователя НКВД — Постель А. О. и Ивкер Э. А., которые дали об этом показания.

Подготовленные нами заключения в Верховный Суд СССР о посмертной реабилитации Якова Ивановича Алксниса, члена Коммунистической партии с 1916 года, командарма 2-го ранга — заместителя наркома обороны СССР, депутата Верховного Совета СССР 1-го созыва, а

также об отмене всех решений о наказании его супруги — Лиднас Кристины Карловны были утверждены Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко.

Верховный Суд СССР согласился с этими предложениями...

Под смертным приговором всем подсудимым, причастным к «военному заговору», стояла подпись П. Е. Дыбенко. Спустя восемь месяцев после суда был арестован и он.

С 1937 года его имя было предано забвению. Извлеченное из архива личное дело П. Е. Дыбенко и его послужной список свидетельствовали о нем как об одном из активных революционеров и подлинно легендарных героев гражданской войны. А рядом лежало другое архивно-следственное дело на Дыбенко П. Е., создателями которого было НКВД.

Обвинительное заключение, составленное следователем НКВД, старшим лейтенантом госбезопасности Казакевичем, и приговор Военной коллегии, вынесенный под председательством Ульриха, начинались с утверждения, что арестованный Дыбенко П. Е. еще в 1915 году был завербован царской охранкой для провокаторской работы среди матросов Балтийского флота и выдавал ей революционно настроенных из них.

Однако в деле не содержалось никаких данных ни о том, кем был завербован Дыбенко, кого конкретно он выдал охранке. Бесспорным было другое: сын крестьянина-бедняка Павел Дыбенко, служа на флоте в 1912 году, вступил в члены РСДРП, вел среди матросов пропаганду революционных идей.

В 1915 году на линейном корабле «Император Павел I» вспыхнуло антивоенное восстание матросов. Одним из организаторов этого восстания был матрос Павел Дыбенко.

В ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 г. Центробалт откликнулся на призыв Петроградского военно-революционного комитета поддержать восстание петроградского пролетариата. В Петроград была направлена целая эскадра из 11 боевых кораблей, в том числе крейсер «Аврора», и 10 тысяч моряков. Они приняли активное участие в свержении Временного правительства и в переходе власти к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Во главе революционных матросов Балтики был П. Е. Дыбенко.

I съезд Советов заслуженно избрал председателя Центробалта Дыбенко П. Е. членом первого образованного во главе с В. И. Лениным Советского правительства.

Матрос Дыбенко П. Е. стал народным комиссаром по военно-морским делам, безупречно служил в Красной Армии.

В НКВД его обвинили в преступной связи с врагами народа Рыковым, Бубновым, Томским и в участии в военно-фашистском заговоре.

Мы обратили внимание на запоздалый арест «заговорщика». Он был произведен 26 февраля 1938 г. спустя более года, как были осуждены и расстреляны Рыков, Бубнов, Тухачевский и вместе с ними ряд видных военачальников. Всех этих лиц Дыбенко знал и с ними общался. А тогда для ареста больше ничего и не требовалось.

Причину опоздания с арестом нетрудно было обнаружить. Командарм Дыбенко входил в состав Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР, рассматривавшего дело Тухачевского и его сообщников. Состав суда подбирался тщательно. Дыбенко попал в него не только в силу своего авторитета в РККА, но и потому, что одним из пунктов обвинения Тухачевского, Якира и других было принижение роли конницы. Главным обвинителем готовился выступать Буденный. Ему нужна была поддержка в составе суда. А Дыбенко мог помочь ему. После окончания академии Дыбенко издал свой труд «Военная доктрина и эволюция армии». В нем он раскритиковал наших и западных военных историков, не дооценивающих перспективную роль конницы в будущем.

Дыбенко поставил свою подпись под приговором. Больше он был не нужен и даже опасен.

Продолжим рассказ о трагической судьбе других членов Специального судебного присутствия по делу Тухачевского.

Обратившийся в Главную военную прокуратуру генерал армии А. В. Хрулев писал: «С Николаем Дмитриевичем Кашириным мне пришлось вместе работать, когда он был командиром 7-й Самарской кавалерийской дивизии. Он был очень хорошим партийцем, простым человеком, умел разговаривать с красноармейцами, крестьянами, всегда был близок к партийной организации и вообще был исключительно обаятельным человеком». А. В. Хрулев не верил, что Н. Д. Каширин — враг народа, и просил разобраться. В чем же могли обвинить этого героя гражданской войны?

В обвинительном заключении, составленном следователем Ушаковым-Ушимирским и утвержденном начальником особого отдела НКВД Николаёвым-Журидом (уже известными нам как фальсификаторы), и в приговоре Военной коллегии

под председательством Ульриха, штамповавшего его выдвинутые обвинения, утверждалось, что:

Каширин Н. Д. с 1928 года состоял в диверсионно-террористической организации правых, в которую был завербован Рыковым[1]:

с 1930 года установил связь с Шеболдаевым[2] — руководителем повстанческих организаций на Северном Кавказе;

с 1934 года состоял в антисоветской заговорщической организации, действующей в Красной Армии.

Знакомясь с его делом, мы обнаружили, что одновременно с Николаем Кашириным были арестованы и два его брата.

Родословная Кашириных уходила в далекое прошлое Оренбургского казачьего войска. Отец Кашириных — Дмитрий Иванович долгое время состоял в должности атамана Верхнеуральской станицы, дослужился до первого казачьего офицерского звания — подхорунжего.

Он сумел дать своим сыновьям Николаю, Ивану и Петру хорошее образование. Они окончили Оренбургское юнкерское училище, стали офицерами царской армии и все оказались участниками первой мировой войны. После Октябрьской революции все трое связали свою судьбу с Советской властью, с Красной Армией.

Каширины стали организаторами первых красных партизанских отрядов в Оренбуржье из казаков-уральцев, которые объединились в Южноуральский партизанский отряд во главе с Николаем Дмитриевичем Кашириным. Заместителем у него был Василий Константинович Блюхер.

Этот отряд, пройдя с боями по тылам белых 1500 км, вышел под г. Кунгур на соединение с частями Красной Армии, был преобразован в 30-ю дивизию.

Командуя 30-й стрелковой дивизией на Восточном фронте, Каширин Н. Д. отлично зарекомендовал себя как начальник кавалерийской и затем смешанной группы из нескольких дивизий во время операций при ликвидации Врангеля.

В аттестации Каширина, составленной М. Н. Тухачевским, комдив характеризовался как выдающийся военачальник, достойный выдвижения на должность комкора.

[1] А. И. Рыков — член Политбюро ЦК ВКП(б), Председатель Совнаркома СССР был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

[2] Шеболдаев Б. П. — Секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(Б), никаких повстанческих организаций не создавал и был необоснованно осужден и реабилитирован посмертно.

В аттестации Каширина, написанной М. В. Фрунзе, сказано: «Знаю тов. Каширина с конца 1919 года по совместной работе. Чрезвычайно толковый и рассудительный человек. Глубоко предан интересам дела и посвящающий ему всего себя. Как военный начальник пользовался всегда большой популярностью среди войск и подчиненных.

В операциях проявил крупные оперативные способности и выдающуюся энергию».

Проявив незаурядные командирские качества, Н. Д. Каширин становится начальником кавалерийской дивизии, затем командует корпусом, а с 1930 по 1937 год — войсками Северо-Кавказского военного округа. Перед арестом получил назначение на должность начальника Управления боевой подготовки РККА.

Как старый кавалерист и приверженец этому роду войск Каширин Н. Д. был также включен в состав суда над Тухачевским. Поставив свою подпись под смертным приговором, он стал больше не нужен. И тогда приступили к фальсификации дела против него.

Занялся этим все тот же фальсификатор следователь Ушаков-Ушимирский на допросе 4 января 1940 г., проведенном с участием прокуроров Главной военной прокуратуры военного юриста 1-го ранга Коперника.

Разбирались мы и делами на осужденных братьев Каширина Н. Д. — Кашириных И. Д. и П. Д.

Иван Дмитриевич вместе со старшим братом Николаем был в числе организаторов партизанского отряда в г. Верхнеуральске. Участвовал в боях с дутовцами, воевал в объединенном Южноуральском партизанском отряде, которым командовал его брат Николай, а затем В. К. Блюхер.

В апреле 1917 года Иван Дмитриевич Каширин вступил в партию большевиков. После гражданской войны в 1920 году И. Д. Каширин был направлен на работу в ВЧК и в чекистских органах проработал до 1931 года. В последующие годы находился на ответственной работе в советских и хозяйственных учреждениях. Перед арестом занимал должность начальника мобилизационного отдела Наркомлеса СССР. За революционные заслуги в период гражданской войны Иван Дмитриевич Каширин был награжден орденом Красного Знамени. За время пребывания в партии неоднократно избирался членом бюро ряда губкомов, обкомов и крайкомов партии. Был избран членом ВЦИК и ЦИК.

Петр Дмитриевич Каширин вступил в партию большевиков в

1919 году, на руководящей советской работе — с 1921 года. Многие годы был председателем Оренбургского горсовета и Оренбургского губисполкома.

Иван Дмитриевич и Петр Дмитриевич Каширины обвинялись в создании из представителей белого офицерства повстанческой организации, готовя ее под руководством японской разведки к вооруженному выступлению против Советской власти. Директивы на создание такой контрреволюционной организации они якобы получили от Рыкова, Томского, Бухарина и от своего брата Николая — командующего Северо-Кавказским военным округом.

За этой выдумкой следователей последовали массовые аресты в Оренбургской и Челябинской областях за принадлежность к этой контрреволюционной организации, причем основанием служил лишь факт пребывания того или иного гражданина в дутовской банде или чуждое социальное происхождение.

Тщательное изучение этих дел, проверка материалов, послуживших основанием к их возбуждению, свидетельствовали о том, что повстанческой контрреволюционной организации на самом деле не существовало.

За искусственное создание этой организации руководители и следователи управлений НКВД (Лапшин Ф. Г., Луговцев Ф. К., Ворончихин И. Г., Чистов П. В., Полевик Ф. М. и др.) были осуждены в 1940 году. Они признали, что били арестованных, вынуждая их к самооговору и даче показаний на других об участии в заговоре, приобщали к делу подложные справки о социальном происхождении и т. д.

Между тем ни один из невиновно пострадавших тогда не был реабилитирован.

Только в апреле 1956 года по протесту военного прокурора Уральского военного округа Афанасьева Н. П. было реабилитировано 628 невинно осужденных таких граждан.

Были реабилитированы по заключению Главной военной прокуратуры и осужденные Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР Николай, Иван и Петр Каширины, которым необоснованно вменялось обвинение в создании повстанческой контрреволюционной организации на Южном Урале.

...Мы продолжали проверять дела на осужденных членов Специального судебного присутствия по делу Тухачевского и других...

При ознакомлении со стенограммой этого судебного процесса мы обратили внимание на то, что член Специального судебного присутствия командарм 1-го ранга Иван Панфилович Белов

обратился к подсудимому Путне В. К. с таким вопросом: «Для какой цели вы создавали провокации против Белова?»[1].

На этот вопрос Путна ответил следующим образом: «Я не создавал. В инциденте с Беловым с моей стороны никакой провокации не было»...

Больше никаких разъяснений в стенограмме не содержалось. Так и осталось неизвестным, что за инцидент, в котором участвовали Путна и Белов, какие последствия наступили или могли наступить. В то же время у нас создалось предположение, что этот вопрос задан Беловым не случайно. Видимо, между ним и Путной существовали не совсем нормальные взаимоотношения.

Это не исключено и учитывалось при рассмотрении кандидатур в состав суда над Тухачевским и, в частности, над Путной. Рассчитывалось на возможное «отмщение» со стороны Белова...

После участия в судебном разбирательстве дела Тухачевского и других командарм Белов И. П. недолго оставался в занимаемой должности. Его избрали в депутаты Верховного Совета СССР 1-го созыва, но принять участие в работе первой сессии этого Верховного Совета не дали. Перед ее открытием его арестовали. Тогда по этой причине в работе первой сессии Верховного Совета СССР не участвовали многие депутаты. Но об этом ничего не было сказано. Сессия все равно была правомочной рассматривать внесенные на ее рассмотрение вопросы.

О депутатской неприкосновенности тогда не было и речи. По крайней мере, для НКВД она не существовала...

Обвинение Белова в участии в том самом заговоре, которым якобы руководил Тухачевский, было также сфальсифицировано, как и в отношении Тухачевского и других.

Однако в деле Белова оказалось пространно написанное им показание об участии в заговоре и в вербовке его Тухачевским...

Как же смогли следователи — Николаев-Журид, Ямницкий и Казакевич — добиться от Белова признания несуществующих преступлений, да еще их собственноручного изложения? Вопрос этот требовал разъяснения. Мы знали, что в 1939 году Николаев-Журид и Ямницкий были арестованы и по приговору суда расстреляны, Казакевич же тогда не привлекался к ответственности...

И вот он в Главной военной прокуратуре. Признает, что участвовал в расследовании дела на командарма Белова, но свое участие всячески принижал. «В основном, — утверждал Казаке-

[1] Белов имеет в виду себя.

вич, — допросами Белова занимались мои начальники Николаев-Журид и Ямницкий. Они зверски избивали Белова, который длительное время не хотел давать никаких показаний. И делали это, — подчеркнул Казакевич, — с большим наслаждением. Что касается меня, то я Белова не бил».

Казакевич прекрасно знал, что Белова нет в живых и никто не может его уличить. И все же показание Казакевича помогло ответить на возникший у нас вопрос о собственноручно написанном Беловым оговоре.

Одним из авторитетнейших членов Специального судебного присутствия был командарм 1-го ранга начальник штаба РККА Борис Михайлович Шапошников.

Согласно стенограмме, Борис Михайлович Шапошников не задал ни одного вопроса ни одному из подсудимых. Такое его пассивное поведение вызывало недоумение. Ведь на судебном процессе обсуждались принципиальные вопросы о характере будущей войны и о средствах и методах обеспечения боеспособности Красной Армии. Безучастным он остался и при выяснении виновности подсудимых в том, как они представляли себе роль танков и кавалерии в будущей войне. А ведь командарм Шапошников Б. М. — крупный военный теоретик, к тому же занимал должность начальника штаба РККА. Наверняка у него были вопросы к подсудимым, уточняющие их позицию. Б. М. Шапошников уклонился от обсуждения этих вопросов и оказался в роли члена этого суда не случайно.

Б. М. Шапошников относился к числу «военспецов». Окончил Академию Генерального штаба царской армии (в 1910 году). Имел чин полковника царской армии. Сталин был в числе тех, кто решительно возражал В. И. Ленину против привлечения «военспецов» к строительству Красной Армии, открыто выражал им недоверие и даже без достаточных оснований преследовал их.

На этот раз Сталин включением Б. М. Шапошникова в состав суда хотел показать, что он поддерживает тех военспецов, кто послушно выполняет его волю и независимо от собственных убеждений следует за подготовленными им решениями.

Так появилась подпись Б. М. Шапошникова под смертным приговором Тухачевского и других, самая авторитетная в смысле признания подсудимых виновными в подрыве боеспособности Красной Армии путем недооценки кавалерии. То, что пережил Борис Михайлович, ставя свою подпись, осталось неизвестно. Думаем, нелегко ему было.

Сталин не забыл этого... В 1939 году Б. М. Шапошников был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а в 1940 году назначен заместителем наркома обороны, ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. За несколько дней до окончания Великой Отечественной войны Борис Михайлович Шапошников умер и унес с собой немало из того, что знал и испытал, работая со Сталиным...

Среди корреспонденции, поступавшей к нам в Главную военную прокуратуру, было и такое:

Василий Васильевич Блюхер — сын Маршала Советского Союза Блюхера Василия Константиновича просил: «Хочу знать судьбу родителей».

О себе написал всего несколько строк: «Мне было в 1938 году 10 лет. Воспитывался в детском доме. Получил среднетехническое образование. С 1948 года работаю на Среднеуральском медеплавильном заводе».

И категорически утверждал:

«Мои родители не способны предать Родину.

20 января 1956 г. В. В. Блюхер».

Одновременно пришло к нам и поручение от Генерального прокурора Союза ССР Р. А. Руденко. К нему обратился с просьбой разобраться с делом Блюхера генерал армии Андрей Васильевич Хрулев.

«Я Блюхера Василия Константиновича знал, когда он командовал корпусом в Ленинграде — 1923—1924—1925 годы. Очень хорошо знал его, когда он командовал Отдельной Краснознаменной дальневосточной армией. Мне, как работнику центрального аппарата, приходилось очень часто встречаться с ним, решать вопросы организации обороны Дальнего Востока и военного строительства на ДВК...

Я одно точно знаю, что Блюхеру присвоено звание Маршала по личному предложению Сталина, чему сильно завидовали Уборевич и Якир.

Мне кажется, что о Блюхере могут дать самые лучшие отзывы: Буденный, Мерецков, Жуков, Конев и Тимошенко. Знал его и товарищ К. Е. Ворошилов, который (я убежден) даст самый положительный отзыв.

Генерал армии А. Хрулев».

Нам предстояло разобраться с делом еще одного Маршала Советского Союза, входившего в состав Суда над Тухачевским.

В извлеченном из архива деле на Василия Константиновича

Блюхера читаем справку на арест. Родился 1 февраля 1890 г. Уроженец деревни Барвинка Рыбинского района Ярославской области, русский, член ВКП(б) с 1916 года, перед арестом — командующий ОКДВА (Отдельной краснознаменной дальневосточной армии).

Нас удивила фамилия Василия Константиновича — Блюхер. Оказалось, что его точная фамилия — Медведев. Выяснилось, что его дед Лаврентий Медведев дослужился в русской армии до чина унтер-офицера. Воевал под командованием Суворова. В сражении под Ватерлоо отличился некий Маршал Блюхер. Подстать ему таким же героем был и русский солдат Медведев. И стали его называть только Блюхером. С тем именем вернулся Лаврентий Медведев в родное село. Так и укоренилось это прозвище. По наследству оно перешло к Константину Павловичу Медведеву — отцу Василия, а тот окончательно стал числиться по документам Блюхером. Отец прогнал Василия за непослушание из дома, и он уехал в город на заработки, затем оказался на службе в армии и с военной службой не расставался. Но вернемся к первому листу дела, к справке на арест...

Из ее краткого содержания следовало, что В. К. Блюхер подлежит аресту как японско-немецкий агент, занимавшийся шпионажем в Красной Армии, и участник антисоветской заговорщической организации, ставящей своей целью совершение террористических актов против руководителей партии и государства.

К справке приложен ордер на арест, подписанный Ежовым 22 октября 1938 г.

Это был один из последних, если не последний ордер, подписанный всесильным «железным» наркомом.

А где же санкция прокурора на арест? Ее не было. Да она и не требовалась. Ордер, подписанный Ежовым, не нуждался ни в чьих утверждениях. Это означало, что санкцию на арест дал «Сам» — Сталин. Так было при решении судьбы не только Блюхера, но и многих других.

Заключительные листы дела состояли из постановления о прекращении следствия по делу. Следователь утверждал: «арестованный Блюхер признал себя виновным в участии в заговоре и что следствие не может быть продолжаемо в связи с его смертью».

Мы приступили к углубленной проверке, как и от чего скончался в тюрьме 48-летний маршал?

В особом пакете при деле, как бы для ориентировки, лежали документы следующего содержания:

Протокол допроса С. А. Попова — офицера для особых пору-

чений Блюхера, датированный 8 августа 1938 г., за два месяца до ареста маршала. Он давал показания о событии, происшедшем восемь лет тому назад:

«В декабре 1930 или январе 1931 года на квартире у Блюхера собралась группа высшего и старшего комполитсостава, приехавших на совещание.

Во время этой встречи я поинтересовался библиотекой своего начальника. Взял одну из книг и когда ее листал, то из нее выпало письмо. Я бегло прочел его содержание. Запомнилось: «В недалеком будущем Вам предстоит встать во главе всех вооруженных сил, как самому выдающемуся и авторитетнейшему командиру Красной Армии». Письмо было адресовано Василию Константиновичу и подписано «А. И. Рыков». Я понял, что речь идет о замыслых Рыкова и Блюхера. Тогда я обратился к присутствующему здесь заместителю начальника политуправления Скворцову, показал ему письмо и объяснил, где и при каких обстоятельствах его обнаружил. Скворцов тут же пригласил в отдельную комнату Блюхера и задал ему вопрос: «Что это за письмо?..» Блюхер ответил: «Провокационная афера. Я предупрежден особым отделом».

На этом разговор был закончен. А письмо Блюхер забрал».

Удивляло то, что С. А. Попову не был задан вопрос: «Так что же вы все прошедшие восемь лет молчали об этом событии? Никому о нем не сообщали, не докладывали».

Вопроса такого не последовало, и не случайно. Мы расценили данный документ как ту самую провокационную аферу, как ее и охарактеризовал тогда же сам Блюхер, разгадав, что это была проверка его реакции на такое содержание письма. Блюхер с омерзением отверг эту провокацию, организованную Ягодой, видимо, по указанию Сталина: самостоятельно Ягода этого сделать не смог бы. Берия к этим материалам решил возвратиться, поскольку Рыков был уже объявлен одним из лидеров правой оппозиции, осужден и расстрелян...

Но одного этого документа Берия посчитал недостаточным. И тогда в пакете появился рапорт сотрудника особого отдела ОКДВА, докладывающего о том, что в столе командующего хранится конверт «заграничного происхождения» и ему негласно удалось прочесть содержание вложения.

Дословно было сказано, что Блюхера просили «отдать японцам хоть клочок земли»...

Мы заинтересовались историей появления этого рапорта, авторством письма и выяснили, что эта была очередная про-

вокация, организованная лично Берией, при участии трех его сотрудников, перед самым арестом Блюхера.

Как же обстояло дело с получением от Блюхера признания об участии в заговоре? На первом же допросе Блюхеру было заявлено, что он изобличен как один из организаторов военно-фашистского заговора в Красной Армии. Как и следовало ожидать, он искренне возмутился. И следователь был вынужден записать ответ Блюхера: «Я считаю это обвинение очередной в отношении меня провокацией»...

Спустя полтора года Блюхер в числе других членов Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР поставил свою подпись под смертным приговором Тухачевскому, Корку, Уборевичу и другим бывшим своим соратникам, предавшим Родину и Красную Армию, в чем тогда, как надо полагать, не сомневался...

Мы снова обратились к стенограмме судебного заседания по делу Тухачевского. Нас интересовало, каким было участие Блюхера в допросах подсудимых. Обнаружили запись о двух заданных им вопросах.

Вопрос Блюхера подсудимому Путне: Вы вели систематически работу по дискредитации авторитета Блюхера по заданию Гамарника?

Ответ Путны: Да, пытался дискредитировать вас.

Вопрос Блюхера подсудимому Якиру: В чем конкретно выражалась ваша подготовка поражения авиации в будущей войне?

Ответ Якира: Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написано там в деле...

От Блюхера требовали того же самого, что и от Якира. Признания... И совсем не важно, сможет ли он что-либо сказать конкретно. Так появился новый протокол допроса, в котором следователем Ивановым записаны признания Блюхера. Удалось это Иванову потому, что в допросе участвовал сам Берия. Его фамилия упомянута в числе допрашивающих.

Что же предшествовало этому признанию? Нам удалось найти одного из следователей НКВД, занимавшихся делом Блюхера и уволенного из органов — Головлева.

На допросе в Главной военной прокуратуре 12 ноября 1955 г. Головлев показал:

«Блюхера я видел дважды, 5 и 6 ноября. Он был невероятно сильно избит. Все лицо у него представляло сплошной синяк и было распухшим. Допрашивал его Иванов с участием Берии... Я спросил у Иванова, будучи поражен видом Блю-

хера, — было такое впечатление, будто он попал под танк: «Что это значит?..» Иванов мне ответил: «Ему здорово попало»...

Из тюремной камеры Блюхер больше не вышел. Следователь Иванов получил из медчасти тюрьмы справку, что его подследственный Блюхер В. К. 11 ноября 1938 г. умер от закупорки легочной артерии, образовавшейся в венах таза.

Допрошенная в 1956 годы врач Лефортовской больницы Розенблюм засвидетельствовала:

«Я осматривала арестованного Василия Константиновича Блюхера. Все лицо у него было в сплошных синяках. Затем я обнаружила кровоизлияние в склеру глаза. Она была переполнена кровью. Кто определил причину его смерти, я не знаю. Как и не знаю, кто выдал следствию справку о смерти».

Почему был уничтожен такой легендарный командарм?.. Пока Блюхер не отразил, не проучил зарвавшихся японских самураев, захвативших в июле 1938 года высоты Безымянную и Заозерную в районе озера Хасан, его не трогали. Затем — выскажем предположение — Сталин заключил, что впредь обойдется без Блюхера. Слишком нетерпим этот легендарный человек рядом с ним, Ворошиловым и Буденным. В уничтожении Блюхера был заинтересован и Берия. В. К. Блюхер погиб не от смертельной болезни, а был завлечен в ловушку, обезоружен и убит...

Берию не надо было учить как это делать. Знакомясь с его делом, мы уже знали, что на счету опытного палача немало жертв, лишенных жизни таким же преступным образом. В суде он, например, без какого-либо смущения объяснял: «Я не давал указание забивать арестованных до смерти».

Не вызывало никакого сомнения, что необоснованное, противозаконное постановление следователя НКВД Иванова о прекращении дела по обвинению Блюхера В. К. в связи с его смертью нельзя оставлять в силе. И оно было отмечено Главной военной прокуратурой и утверждено Генеральным прокурором Союза ССР Р. А. Руденко.

Это означало, что Маршал Советского Союза Блюхер Василий Константинович посмертно полностью реабилитирован.

Список членов Специального судебного присутствия замыкал командир кавалерийской дивизии имени И. В. Сталина комдив Евсей Иванович Горячев. Как свидетельствовала стенограмма процесса, Е. И. Горячев на нем безмолвствовал...

Нас, конечно, интересовала судьба и этого члена суда.

Но, к нашему удивлению, мы не смогли получить сведения о его службе в Красной Армии после этого процесса...

Из личного дела, хранившегося в Центральном государственном архиве Советской Армии и заполненного самим Горячевым, мы узнали, что он родился 14 июля 1892 г. в Донской области. Служил в старой армии с 1913 года, в донском казачьем полку в чине подхорунжего; в Красной Армии — с момента ее создания, прошел путь от командира сотни до командира дивизии в кавалерийских частях 1-й Конной Армии. О безупречной, отважной службе Евсея Ивановича Горячева в годы гражданской войны свидетельствовало его награждение двумя орденами Красного Знамени. Третьим орденом Красного Знамени Горячев Е. И. был награжден в 10-летний юбилей 1-й Конной армии. Несколько лет Е. И. Горячев был порученцем у Буденного. Как никто он подходил для участия в суде над Тухачевским.

Мы получили сведения, что Е. И. Горячев после суда покончил жизнь самоубийством. В Энциклопедическом словаре датой его смерти обозначен 1938 год.

Чтобы влиять на судей, НКВД устраивал провокации. Допрошенный нами все тот же следователь Авсеевич рассказал о том, что накануне процесса над М. Н. Тухачевским, а точнее за день, 10 июня, он получил указание от своего руководства «взять» у В. М. Примакова показания на членов суда — командармов Шапошникова Б. М., Дыбенко П. Е. и Каширина Н. Д. Это указание было выполнено. Правда, с большим трудом, с использованием тех же средств воздействия на Примакова, ему удалось составить отдельный протокол, в котором значилось, что Примакову известно, что к заговору примкнули упомянутые выше лица и что они должны были вести работу по вербовке новых участников их антисоветской, заговорщической организации.

На наш вопрос Авсеевичу, с какой целью это было сделано, он ответил:

«Понятно с какой... Ведь данный протокол был вручен Ульриху, а он знал, как и когда воспользоваться им».

Знакомясь с архивно-следственными делами на участников «военно-фашистского заговора», нам приходилось читать такие протоколы допросов арестованных, в которых было записано, что во главе этого заговора стоит не только М. Н. Тухачевский. Видели мы и протоколы очных ставок арестованных командармов с находящимся на свободе Егоровым. Арестованные, как это следовало из записи следователей, подтвер-

ждали свои ранее данные о Егорове показания, а тот их категорически отрицал.

И все же А. И. Егоров был арестован, репрессирован...

Это был третий Маршал Советского Союза, объявленный врагом народа, из пяти, кому впервые в истории Красной Армии было присвоено столь почитаемое во всех армиях высокое воинское звание. О трагической судьбе М. Н. Тухачевского и В. К. Блюхера мы уже знали. С делом Егорова нам предстояло еще разобраться. Об этом просила прокуратуру его дочь.

Еще не приступая к изучению его дела, мы решили убедиться, насколько достоверны шедшие в нашем аппарате разговоры о том, что Егоров почти всю гражданскую войну провоевал вместе со Сталиным, что Сталин ему доверял и высоко ценил его полководческий талант. И, наконец, трудно было допустить, чтобы Сталин, не убедившись в предательстве маршала Егорова, дал согласие на его арест и осуждение.

В книге «История гражданской войны» есть такая запись: «Лето и начало осени 1919 года были для Советской Республики временем величайшего напряжения всех сил. 12 сентября Деникин издал приказ о переходе в наступление по всем фронтам. Коммунистическая партия и Советское правительство приняли энергичные меры по разгрому войск Деникина. Состоявшийся в сентябре 1919 года Пленум ЦК РКП(б) наметил конкретные мероприятия по укреплению Южного фронта. Командующим фронтом был назначен А. И. Егоров, членом Реввоенсовета Южного фронта — И. В. Сталин»...

Следовательно, они оба были самыми ответственными лицами за оборону Царицына, за разгром войск Деникина.

И каково было наше удивление, когда мы прочли в обвинительном заключении по делу Егорова А. И. один из первых пунктов обвинения:

«Егоров Александр Ильич состоял в течение 12 лет на службе в царской армии после окончания юнкерского училища, дослужил до чина полковника Генерального штаба, а в 1918 году перешел на службу в Красную Армию и с двурушнической целью в том же году вступил в партию большевиков. В 1919 году он установил преступные связи с руководителями антисоветской организации Каменевым С. С. и Лебедевым П. П., а также с Троцким, по заданию которого пытался сорвать выполнение плана Сталина по разгрому Деникина»...

Казалось бы, такую чушь, сочиненную следователем НКВД Казакевичем, не стоило и опровергать.

Но уклониться от этого мы не могли. Ведь этот пункт обвинения полностью вошел в приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР и, следовательно, провозглашен от имени государства.

В деле Александр Ильич Егоров представлен человеком без биографии, без характеристики всего его жизненного пути. О нем сказано лишь: «полковник Генерального штаба царской армии», и эта запись в анкете арестованного подчеркнута толстым стержнем красного карандаша (владел таким карандашом в центральном аппарате НКВД только один человек — Ежов), — и все понимали, что это означало.

И как бы случайно упомянуто: «до ареста занимал должность заместителя наркома обороны»...

Да, действительно, Александр Ильич Егоров относился к числу «военспецов». Но собранные нами объективные сведения о Егорове позволяли сделать вывод о том, что он относился к числу тех, кто решительно порвал со старым буржуазным строем, с его идеологией, стал верно служить делу революции. Вспомним прозорливые и поучительные слова Владимира Ильича Ленина, высказанные им на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г.: «Некоторые из наших товарищей возмущаются тем, что во главе Красной Армии стоят царские слуги и старое офицерство... Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручить работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно необходимо учиться у них»[1].

Вступив в партию большевиков, как свидетельствовало его партийное дело, А. И. Егоров ни в каких оппозициях не участвовал и не за какие проступки к партийной ответственности не привлекался. А какой была его служебная репутация?..

Александру Ильичу Егорову было доверено в гражданскую войну командование 9-, 10-, 14-й армиями, а затем двумя фронтами — Южным и Юго-Западным. Деятельность Егорова на этих должностях получала неизменно положительную оценку. Не случайно по окончании гражданской войны командарм Егоров стал во главе Западного приграничного округа. В последующие годы он командовал войсками Уральского и Белорусского военных округов. В 1931 году А. И. Егоров воз-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 5 и 6.

главил Генштаб РККА, а в 1935 году назначен начальником Генерального штаба всех вооруженных сил страны.

По поводу двух последующих назначений у нас возникли определенные недоумения. В самом деле: как понять, чем руководствовались, принимая такие решения?

После непродолжительной ссылки М. Н. Тухачевского перед арестом в Куйбышев на должность командующего Приволжским военным округом перед Сталиным возник вопрос, кто же может заменить Тухачевского? Сталину хорошо были известны полководческие способности своего друга К. Е. Ворошилова. Поэтому совершенно оправданными были в той ситуации такие назначения:

Маршал Советского Союза Егоров А. И., в соответствии с публикацией в Правде от 11 мая 1937 г., назначен первым заместителем народного комиссара обороны. Наркоматом обороны А. И. Егоров освобожден от должности начальника Генштаба. Начальником Генштаба РККА назначен командарм 1-го ранга Шапошников Б. М.

Из этого факта со всей очевидностью следовало, что Сталин продолжал доверять А. И. Егорову и высоко ценил его опыт и знания.

А через год, 27 июля 1938 г., Ежов подписал ордер на арест Маршала Советского Союза Егорова А. И., который перед тем был освобожден от должности первого заместителя наркома обороны и, подобно Тухачевскому, тоже отправлен в ссылку — в Тбилиси в качестве командующего Закавказским военным округом. Сталиным был санкционирован арест Егорова.

Таким образом, оба заместителя К. Е. Ворошилова оказались «врагами народа», но сделано было это так, что «разоблачены» и арестованы они были, когда занимали должности рангом пониже.

Свойственная Сталину и его сообщникам «игра» была рассчитана на то, что «не все разберутся».

Необоснованные репрессии, применяемые к М. Н. Тухачевскому, В. К. Блюхеру, А. И. Егорову и другим, не случайны, а закономерны.

Художниками Н. Котовым и П. Добрыниным нарисована была панорама, изображающая героическую оборону Царицына. В центре панорамы стояли во весь рост величественные Сталин и Ворошилов, руководящие боевыми операциями, и больше никто из полководцев не изображен.

В «Правде» от 20 апреля 1938 г. сообщалось: «Панорама

выставлена в Музее революции СССР для всенародного обозрения. Смотри и любуйся, советский народ. Восторгайся и отдавай почести тем, кого созерцаешь».

В архиве был обнаружен «Приказ армиям Южного фронта от 10 января 1920 г.»[1], в котором говорилось: «Основная задача, данная войсками Южного фронта, — разгром «Добровольческой армии» противника, овладение Донецким бассейном и главным очагом южной контрреволюции, Ростовым — выполнена. Подписи: Егоров, Сталин».

О каком срыве сталинского плана разгрома Деникина может идти речь?

Егорову также вменялось в вину, что он состоял с 1919 года в антисоветской организации, руководимой главкомом Советской Республики Сергеем Сергеевичем Каменевым.

Деятельность главкома Каменева, как и всего его штаба, протекала под непосредственным руководством Советского правительства, возглавляемого Лениным. Насколько глубоко и внимательно вникал в те годы Владимир Ильич в положение дел на всех фронтах — общеизвестно.

Следуя примеру К. Е. Ворошилова, следователи осмелились назвать покойного С. С. Каменева руководителем антисоветской организации.

Эта несправедливость, допущенная в отношении С. С. Каменева, была исправлена только после реабилитации М. Н. Тухачевского.

Так обстояло дело с первым пунктом обвинения.

Познакомим читателей с формулировкой других пунктов обвинения А. И. Егорова, как они изложены в обвинительном заключении и приговоре:

в 1920 году подготовил террористической акт в отношении Сталина;

в 1928 году установил преступные связи с Рыковым и Бубновым и по их заданию создал в РККА антисоветскую террористическую организацию правых;

в последующие годы установил контакты по антисоветской работе с Тухачевским и Гамарником;

в 1931 году, находясь на учебе в Германии, установил шпионские связи с германским генеральным штабом, а в 1934 году по заданию Рыкова стал агентом польской разведки.

Какими же доказательствами располагало следствие и суд

[1] ЦГАСА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 1178. Л. 8.

для признания виновным Егорова А. И. в совершении этих инкриминируемых ему преступлений? Никакими...

Восемь месяцев провел в одиночной камере до суда А. И. Егоров, наконец родился сочиненный следователями Казакевичем и Ямницким протокол допроса.

Они даже подготовили отдельную справку для доклада своему начальству: «Егоров сообщил, что был связан по антисоветской деятельности с С. М. Буденным».

Но кто-то, видимо, впредь запретил упоминать в протоколах в качестве заговорщика задушевного друга Сталина, и тогда на всякий случай пришили к делу справку. До ареста С. М. Буденного дело не дошло.

Неразжалованного Маршала Советского Союза Егорова А. И. судили негласно в Военной коллегии и председательствовал Волин — председатель Верховного Суда СССР. О судебном разбирательстве составлен беспримерно примитивный протокол. В нем был записан даже в таком виде ответ подсудимого на вопрос: «Признаете себя виновным?» — «Будто признаю»...

Осуждение А. И. Егорова состоялось в 22-ю годовщину Красной Армии, а 23 февраля 1939 г. он был расстрелян. Лишь в 39-ю годовщину Вооруженных Сил Маршал Советского Союза Александр Ильич Егоров был посмертно реабилитирован.

С одним из следователей, участвовавшим в «расследовании» по делу Егорова, нам удалось встретиться в 1956 году. Второй следователь, Ямницкий, был расстрелян в 1940 году. В. М. Казакевичу удалось уйти от ответственности за преступное усердие, проявленное не только по делу Егорова, но и по ряду других дел. Его подобрал Абакумов, и он продолжил службу в особых отделах. Нам он представился как участник обороны Сталинграда. Грудь его была в орденах. За какие заслуги они были получены, мы не проверяли. Что же он нам объяснил?

— Припоминаю, вел следствие по делу Маршала Егорова А. И., но я пальцем его не тронул.

— Егоров все рассказывал без принуждения, — продолжал объяснять Казакевич, — охотно, мне было известно, что Ежов обещал ему сохранить жизнь.

Было ли так?.. Проверить невозможно.

— Когда 17 ноября 1938 г. вышло постановление, осуждающее преступные методы следствия, насажденные Ежовым, и было строжайше запрещено их применять, я, — утверждал Ка-

закевич, — обратился в 1939 году к Кобулову, заместителю Берии, и сказал ему: «Ведь Егоров оговорил себя». Кобулов ответил: «Если врага обманули для пользы дела, так это хорошо».

Судите, как хотите, давал нам понять Казакевич, Кобулова нет в живых, он расстрелян вместе с Берией...

— Направить дело А. И. Егорова в суд и составить обвинительное заключение по делу приказал Берия, — заключил свое объяснение Казакевич. («А что такое приказ, вы, люди военные, знаете».)

Так мы столкнулись со своим бессилием. Собирать на Казакевича доказательства, изобличающие его лично в применении преступных методов следствия, было нелегко.

Мы не самоустранились от преследования в уголовном порядке следователей-фальсификаторов и клеветников-доносчиков. Непросто было и добиться для них справедливого и безусловно обоснованного наказания. Некоторые из них были преданы суду и осуждены.

Организация без членов не бывает

Пришедший ко мне на доклад майор юстиции Павел Михайлович Андриященко начал его необычно:

— Хочу напомнить, Борис Алексеевич, один из эпизодов из фильма «Чапаев»...

— Бросьте шутить... Ближе к делу...

— Нет... Я серьезно. Послушайте и представьте себе следующий эпизод из этого фильма: Василий Иванович Чапаев на подручных предметах, помните, на клубнях картофеля, доходчиво объясняет комбригу Елане «где должен быть командир в бою?» и поучает: должен быть там, откуда ему легче оценить ситуацию в целом, откуда лучше руководить бригадой...

Чапаев сердится на Еланю потому, что тот, по его мнению, нужно или ненужно, скачет впереди пехотной цепи. Василий Иванович боится, что «пуля-дура» лишит его не только близкого друга, но и лучшего комбрига дивизии, умного, отважного, беспредельно преданного Советской власти бойца».

— Откуда у вас такой комментарий к этому эпизоду? — спросил я.

— Вычитал в журнале «Экран». Специально разыскал в связи с исследуемым нами делом. Оказывается, Еланя — это не кто иной, как настоящий комбриг Чапаевской дивизии Кутяков Иван Семенович. Под таким нареченным именем вывел Фурманов Кутякова в своем романе, затем это имя перешло и в фильм...

— Что же получается? Василий Иванович всячески беспокоился за жизнь своего боевого друга, оберегал его от «пулидуры», а она настигла его?..

— Да, — ответил Андриященко, — грустная история. Сколько раз «пуля-дура» могла оборвать его жизнь на поле боя, но пощадила. А вот когда, казалось бы, и неоткуда ей появиться — появилась...

Документы из личного дела Ивана Семеновича Кутякова свидетельствовали, что он, сын батрака, с первых же дней гражданской войны добровольно вступил в красногвардейский отряд. Оказавшись на фронте, отважно воевал. Его личная храбрость выдвигает его в командиры сначала отрядом, затем

бригадой, а после трагической гибели Василия Ивановича Чапаева — в начальники созданной Чапаевым дивизии.

В сложнейшей боевой обстановке принял Кутяков овеянную славой дивизию — штаб ее был разгромлен белоказаками под Лбищенской, фронт дивизии неимоверно растянут, фланги открыты, в тылу дивизии находились крупные силы врага.

И вновь 22-летний комдив демонстрирует свои незаурядные командные способности и безграничную отвагу. Вскоре войска под его командованием окончательно разбили белоказачью армию и взяли Гурьев. Уральский фронт был ликвидирован.

Таким же зарекомендовал он себя, командуя весной 1920 года 25-й дивизией в боях с белополяками под Киевом, при форсировании Днепра и прорыве в тыл противника. Это был большой успех в борьбе с белополяками.

Служил в Средней Азии. Не менее ожесточенными были там сражения революционных интернациональных войск под его командованием с оголтелыми бандитами Джунаид Хана.

Личные боевые заслуги Ивана Семеновича Кутякова отмечены самыми высокими наградами: награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Красного Знамени Хорезмской Советской Республики, почетным революционным оружием...

Что же случилось с этим легендарным красным командиром, которого пощадила фронтовая «пуля-дура», а в 1938 году, спустя почти 20 лет, он предстал перед военным судом и был приговорен к расстрелу?..

Читаем обвинительное заключение по его делу.

«В совершении преступлений, предусмотренных ст. 58 п. 1 «Б» (измена Родине, совершенная военнослужащим), п. 8 (теракт), п. 11 (участие в контрреволюционных организациях), Кутяков И. С. изобличается приобщенным к делу вещественным доказательством — дневником. Такое редко встречалось в делах тех лет. «Вещественное доказательство — дневник. Куда уж более объективнее, достовернее... Это даже не «собственноручные показания», написанные или составленные арестованным в камере, после «внушительной беседы»... Это писалось автором наверняка без чьего-либо давления, внушения, от души, искренне. В этом была их несомненная ценность...

В деле фигурируют дневниковые записи, относящиеся лишь к 1936—1937 годам.

«9 января 1936 г. Конечно, к ведению войны СССР не готов

ни политически, ни экономически, нам нужно выиграть хотя бы 3—5 лет. В Москве много арестованных военных, даже Ширинкин, герой гражданской войны... Все перепуталось.

2 марта 1936 г. Маршал Тухачевский вел почти 100 % решительную атаку по Вор. + Егор. + Якир + Уборевич»[1].

7 апреля 1936 г. Был в Кремле 24 марта. Что хотел вождь, не ясно. Но, конечно, не случайно хозяин подчеркнул, что ведет со мной переписку. Но как они лгали, льстили, рисовались, доказывали, что если бы их не было, то в армии никакого прогресса не было.

27 августа 1936 г. Умер главком С. С. Каменев. Старик сделал свое дело и незаметно ушел восвояси. Вопрос времени, все там будем. Наступает время, когда все ветераны гражданской войны уйдут из жизни: одних расстреляют, другие, как Томский, сами покончат с собой, третьи, как Каменев, уйдут в могилу.

13 февраля 1937 г. Все перепутано, не поймешь, кто враг, кто друг.

12 марта 1937 г. Вождь не дает ответа уже на третье письмо. Неужели ему клевещут на меня, и он верит. Если так, тогда он не вождь.

15 марта 1937 г. Пока «железный» будет стоять во главе, до тех пор будет стоять бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться.

Одно меня успокаивает, что в будущем, может быть даже далеком, увековечат мое доброе имя.

20 апреля 1937 г. Вот и терпи теперь, если хочешь есть раз в сутки щи. Не хочешь? В твоем распоряжении четыре револьвера, нажми курок и конец: земля — пыль — ветер и все...»

15 мая 1937 г. заместитель командующего Приволжским военным округом комкор Кутяков И. С. был арестован.

Целый месяц арестованный Кутяков не давал никаких показаний. Затем появились его собственноручные показания. Подчеркнув, что он, Кутяков, никакой антисоветской деятельности не проводил, в то же время признавал, что входил в группу Седякина — Ковтюха. Они были недовольны Ворошиловым за то, что он их «затирал». В числе недовольных Ворошиловым он назвал и Великанова (комкора).

Далее И. С. Кутяков показал, что и он враждебно относился

[1] Расшифровывалось так: по Вор. — Ворошилову — вели атаку — Егор — Маршал Егоров, Якир и Уборевич.

к наркому обороны К. Е. Ворошилову и считал, что он не справляется с работой. Подрывал его авторитет. Высказывал свое отношение к Ворошилову близким мне людям (Ковтюху, Седякину), а в пьяном виде допускал мат и считал, что он не является для меня авторитетом... Ковтюх считал себя обиженным по службе так же, как и я. Одной из задач группы являлась «борьба за смену Ворошилова». Этим признанием следователи не были вполне удовлетворены. И через месяц они добились от Кутякова заявления на имя наркома Ежова. В нем он уже признал, что участвовал в антисоветском военном заговоре, возглавляемом М. Н. Тухачевским...

В этом заявлении Кутяков воспроизвел свой разговор с комкором Фельдманом[1], от которого, как Кутяков утверждал, он узнал о наличии в РККА группы лиц высшего начсостава, недовольных Ворошиловым и борющихся за смену руководства Наркомата. Фельдман сказал, что в эту группу входят Тухачевский, Гамарник и другие.

Однако он, Кутяков, просит учесть, что политически никогда не сочувствовал Тухачевскому и Уборевичу, считал их «белой костью», представителями вновь нарождающейся военной аристократии».

Этим заявлением Кутяков отмежевывался от какого-либо своего участия в заговоре Тухачевского. Кутяков действительно выражал, нередко открыто, свое неприязненное отношение к выходцам из нетрудовых слоев, которых недолюбливал, и им не доверял. Это подтвердили в своих отзывах о нем его сослуживцы, хорошо знавшие его (генерал-полковник артиллерии Хлебников Н. М., генерал-лейтенант Хмельницкий Р. П., пулеметчица Чапаевской дивизии Попова М. А. и др.).

Допрошенный в Главной военной прокуратуре в 1956 году генерал-полковник артиллерии Хлебников Николай Михайлович показал:

«Кутяков был прямым и требовательным командиром. Будучи сам пролетарского происхождения, он прежде всего поддерживал таких же борцов за революцию и недолюбливал людей «бывших», говорил об этом прямо и открыто. В частности, он не любил ком. войсками МВО Корка, называл его нередко «золотопогонником», высказывал иногда недовольство Тухачевским, называл его «белоручкой».

Этим и объяснялось, что Кутякова не включили в одну груп-

[1] Б. М. Фельдман, как заговорщик, осужден вместе с М. Н. Тухачевским.

пу с Тухачевским. Его судили отдельно, но все равно как участника военно-фашистского заговора. Ему не могли простить выражение личной неприязни к вождю, к наркому обороны, его намерение издать книгу под названием «Киевские Канны» и иначе оценить действия 1-й Конной армии против белополяков. Однако во всем этом не было никакого преступления со стороны комкора Кутякова Ивана Семеновича.

По этим основаниям Главная военная прокуратура внесла предложение о его посмертной реабилитации. С этим предложением согласился Верховный Суд СССР.

Знакомясь с делом Кутякова, мы узнали, что существовала якобы особая группа «заговорщиков», состоявшая из комкора Ковтюха, командармов 2-го ранга Седякина и Великанова. Утверждалось, что они «были недовольны Ворошиловым больше, чем другие, и это не скрывали». Оказалось, что они так же, как Кутяков, были арестованы и осуждены. Мы истребовали их дела для проверки. Было решено проводить ее одновременно, чтобы получить более ясное представление о существовании заговорщической группы Ковтюха — Седякина...

Изучая автобиографические данные этих командиров, выяснили, что все трое были участниками первой империалистической войны. В царской армии имели небольшие чины, звания. Одним словом, относились к категории «военспецов»:

Михаил Дмитриевич Великанов окончил школу прапорщика, стал поручиком;

Александр Игнатьевич Седякин имел военно-инженерное образование и был дивизионным инженером;

Епифан Иович Ковтюх дослужился в царской армии до звания штабс-капитана. Оно было подчеркнуто красным карандашом. Такая отметка служила как бы ориентиром для недоверия.

А были ли для этого основания?

Мы решили познакомиться с теми архивными документами о жизненном и боевом пути этих командиров, которые игнорировали следователи НКВД.

Эти достоверные документы поведали, что Великанов М. Д. был избран солдатами членом полкового революционного комитета. Ему доверили командование ротой, затем 2-м симбирским полком, военкомом которого был Николай Михайлович Шверник. Солдаты этого полка стойко обороняли Оренбург и не дали белоказакам захватить его, что имело большое значение для развития боевых успехов на Восточном фронте.

Позже М. Д. Великанов был назначен начальником 20-й стрелковой дивизии, с которой сражался на Юго-Западном фронте. Дивизия под его командованием одержала ряд крупных побед над деникинцами.

М. Д. Великанов выполнял ответственные задания в Закавказье — помогал трудящимся Азербайджана, Грузии и Армении изгнать белогвардейцев, муссавистов, дашнаков и интервентов. За успешную боевую деятельность в годы гражданской войны награжден орденом Красного Знамени, а также азербайджанским и армянским орденами Красного Знамени.

Таким предстал перед нами «царский поручик» М. Д. Великанов за время своей службы в Красной Армии. После окончания гражданской войны ему было присвоено звание командарм 2-го ранга и поручено командовать Забайкальским военным округом. В этой должности он и был арестован в 1937 году.

Листаем послужной список, аттестационные листы на другого «военспеца», перешедшего из царской армии на службу в Красную Армию, на Александра Игнатьевича Седякина.

Сразу как только его зачислили в ряды Красной Армии, ему, как военному инженеру, было поручено командовать одним из первых бронепоездов. Затем А. И. Седякин принимает под свое командование полк, бригаду. Военно-технические знания Седякина были использованы при разработке и осуществлении ряда боевых операций нашими войсками на Южном фронте.

А. И. Седякин принимал участие в подавлении контрреволюционного Кронштадтского мятежа. Ему было приказано командовать южной группой 7-й армии, на которую была возложена одна из самых трудных задач — преодолеть ожесточенное сопротивление не сдающих оружие мятежников. И с этой задачей группа Седякина успешно справилась...

После окончания гражданской войны А. И. Седякина, ставшего «красным военспецом», привлекают к формированию и совершенствованию первых воинских частей бронесил РККА, назначают заместителем начальника Главного управления по инспектированию этих войск, а затем поручают подготовку военно-инженерных кадров.

А. И. Сидякин возглавил первую Военно-техническую академию РККА.

В последующие годы он продвигался по службе. Его назначили начальником Управления ПВО РККА.

Числящийся «заговорщиком» комкор Епифан Иович Ков-

тюх — штабс-капитан царской армии и «военспец» при Советской власти стал легендарной личностью.

Об этом, конечно, мы узнали не из материалов дела, а из поступивших в Главную военную прокуратуру писем, в которых земляки и боевые соратники Ковтюха просили реабилитировать их красного полководца:

«Прочтите, если не читали, — советовали нам авторы этих писем, — «Железный» поток» А. С. Серафимовича... Кожух — это Ковтюх...»

Е. И. Ковтюх действительно послужил прототипом главного героя таманского похода Кожуха. Об этом свидетельствуют имеющиеся в архиве записи и наброски этой повести. Из них стало известно, что в основе «Железного потока» — история похода Таманской армии (лето — осень 1918 года), один из драматических эпизодов гражданской войны на юге России.

В августе 1918 года контрреволюционным восстанием была охвачена почти вся Кубань. Войска, находившиеся на Таманском полуострове, оказались отрезанными от основных советских частей. Таманская армия, под командованием Ковтюха, была вынуждена отступать. Отступление происходило при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. Таманская армия прокладывала себе дорогу с боями. Ее преследовали белоказачьи отряды с тыла и с левого фланга, она натыкалась на неприступные боевые заслоны грузинских меньшевиков, вела кровопролитные бои с отборными белоказачьими войсками генерала Покровского. Армия была отягощена многотысячной толпой беженцев, которые под страхом белого террора покинули родные станицы. Отступление шло по голодным местам, а армия не была обеспечена нужным продовольствием, к тому же плохо одета и плохо вооружена. Между тем поставленная цель была достигнута. Таманская армия пробилась к своим.

Нетрудно представить себе, какой героизм совершили бойцы этой армии. Какое человеколюбие, милосердие проявили они, спасая от гибели тысячи обездоленных людей.

А. С. Серафимович назвал командарма этой армии Ковтюха Е. И. «кремневым человеком».

Через 20 лет после этих событий Е. И. Ковтюха лишили свободы. И остался он один на один — не с открытым врагом, а с людьми, именующими себя чекистами. Ковтюх был глубоко убежден: если это настоящие чекисты, то произошла какая-то досадная ошибка. Разберутся и отпустят его. Какой он враг, если за успешную службу награжден тремя орденами Крас-

ного Знамени, золотыми часами. В его послужном списке одни благодарности. За плечами у него и Тамань, и Царицынский фронт, и упорные бои с врангелевцами и т. д. Наконец, его ни в чем не упрекнули за всю службу.

Между тем от него требуют:

— Прекратите запираться... Следствие располагает данными о вашей принадлежности к военно-фашистскому заговору... Вы хотели свергнуть Советскую власть?..

— Помилуйте, — отвечает Ковтюх следователям, — вы в плену глубочайшего заблуждения. Еще не было вас на свете или вы только что появились, а я вместе с вашими отцами и дедами уже боролся за Советскую власть, за вашу свободу, за вашу будущую жизнь...

В ответ следователи хихикают. Извергают брань...

Да кто же они? — никак не может понять Ковтюх.

— Какими же вы располагаете данными о моей принадлежности к заговору?

— Доказательства есть в деле и получены от авторитетнейших людей, — и они потрясли перед Ковтюхом пачкой бумаг.

— Что это? — спросил Ковтюх.

— Например, заявление Вашего адъютанта Гладких[1].

— Не может этого быть. Дайте, я прочту...

— В суде вам прочтут.

Как ни старались следователи, добиться от Е. И. Ковтюха самооговора в совершении преступления не удалось. Но дело все же направили в Военную коллегию. Были убеждены — осудят. Ведь Е. И. Ковтюх арестован по личным санкциям Ежова и Вышинского...

Расчет следователей не оправдался. Военная коллегия усомнилась в виновности Е. И. Ковтюха, но оправдать его не посмели, побоялись и вернули дело в НКВД на дополнительное расследование. И попало дело все к тем же следователям.

Каким было это доследование, мы узнали из вызванного на объяснение бывшего следователя Казакевича В. М. Вот выдержка из протокола его допроса.

[1] К делу Е. И. Ковтюха действительно было приобщено заявление Я. И. Гладких, адресованное начальнику политотдела 100-й стрелковой дивизии от 23 июля 1937 г., в котором он отрицательно охарактеризовал своего начальника. Однако из опубликованной в «Правде» от 22 ноября 1987 г. статье «Если вспомнить» Виктора Белоусова я узнал, что Я. Е. Гладких был возмущен арестом Е. И. Ковтюха, защищал его. Могу выразить только удивление.

«Я лично видел в коридоре тюрьмы, как вели с допроса арестованного, избитого до такой степени, что его надзиратели не вели, а почти несли. Я спросил у кого-то из следователей: кто этот арестованный. Мне ответили, комкор Ковтюх, которого Серафимович описал в романе «Железный поток» под фамилией Кожух. Из того кабинета, из которого вывели избитого Ковтюха, вслед за ним вышли Николаев и Ямницкий» (в 1939 году за преступные методы следствия по делу Е. И. Ковтюха и других были осуждены к расстрелу сотрудники НКВД Николаев и Ямницкий).

А дело Ковтюха вернулось в Военную коллегию, и в составе уже других членов этой коллегии ни в чем невиновный Ковтюх Е. И. был приговорен к расстрелу.

При отсутствии доказательств в совершении измены Родине, принадлежности к какому-либо антисоветскому заговору были осуждены к такой же мере наказания командармы 2-го ранга Великанов М. Д. и Седякин А. И.

Соответствовали действительности только такие факты: все названные командиры Красной Армии служили в царской армии. Имели чины. Но добровольно поступили на службу в Красную Армию и в качестве «военспецов» внесли свой вклад в строительство новой социалистической армии.

Эти заслуги высоко оценивал В. И. Ленин.

Никаких преступлений М. Д. Великанов, А. И. Сидякин, Е. И. Ковтюх не совершали и по нашему предложению были посмертно реабилитированы.

Ряд выдающихся командиров и политработников Красной Армии и Военно-Морского Флота, преднамеренно включенных в состав «военно-фашистского заговора» в качестве руководителей, активных и прочих участников, были необоснованно репрессированны.

Многие дела на участников этого «заговора», как известно, были пересмотрены, а осужденные реабилитированы.

Невероятно, но почти весь состав Главного военного совета при наркоме обороны СССР был репрессирован.

Из полученных нами данных о его составе мы узнали, что из 86 его членов лишь 10 не были арестованы в 1937—1938 гг. Это: Ворошилов К. Е., Буденный С. М., Городовников О. И., Апанасенко И. Р., Кулик Г. И., Шапошников Б. М., Каменев С. С., Хрулев А. В., Мерецков К. А., Штерн Г. М.

Как уже сказано в записках, из состава Главного военного совета был исключен перед разгулом репрессии армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник. К этому времени умер и

член совета С. С. Каменев, объявленный единоличным приказом К. Е. Ворошилова «врагом народа»[1].

Спустя несколько лет Берия вспомнил о показаниях, которые были получены в 1937—1938 годы в отношении К. А. Мерецкова, Г. М. Штерна, Г. И. Кулика как об участниках «военно-фашистского заговора». Этим он не преминул воспользоваться и с одобрения Сталина подверг их аресту...

75 членов Главного военного совета, за исключением одного корпусного комиссара Г. И. Ястребова, были расстреляны. 22 декабря 1939 г. Военная коллегия судила и Григория Герасимовича Ястребова, но вынесла оправдательный приговор. Случай беспрецедентный. Требует отдельного рассказа...

С кем же имела дело Военная коллегия, приговаривая доставленных ей арестованных членов Главного военного совета к расстрелу? Все до единого коммунисты — из них с дореволюционным стажем Великанов М. Д. и Берзин Я. К. с 1905 г., Урицкий С. П. и Мезис А. И. с 1912 г., Осепян Г. А. с 1913 г., Булин А. С., Иппо Б. М. с 1914 года. Большинство — члены партии большевиков с 1917, 1918 года. С того же времени они были и на службе в Красной Армии. За некоторым исключением все члены Главного военного совета — участники гражданской войны; за личную храбрость и отвагу, за умелое командование войсками награждены одним, а то и несколькими орденами Боевого Красного Знамени.

За несколько месяцев до их уничтожения это были единомышленники, представляющие Главный военный совет Высшего состава РККА. В конце 1935 года они собрались на очередное заседание и вместе с Наркомом обороны СССР Ворошиловым К. Е. сфотографировались (снимок см. на втором форзаце книги).

Всем им было предъявлено обвинение в участии в так называемом «военно-фашистском заговоре», а некоторым из них и в том, что они являлись агентами капиталистических разведок — от германской, японской до латышской и румынской.

Чтобы предъявить такое обвинение, следователю НКВД была достаточна лишь «малая зацепка»: либо арестованный был по национальности латыш, литовец, эстонец, молдаванин и потому должен был быть связан с их буржуазными разведками, либо по службе соприкасался по любому поводу или в какой-то

[1] Гамарник Я. Б. и Каменев С. С. признаны невиновными и посмертно реабилитированы.

ситуации с иностранцем, а потому и был, безусловно, им завербован. Все эти домыслы следователей были опровергнуты достоверными данными, полученными из соответствующих архивов.

НКВД записал в число агентов германской разведки многих командиров и политработников, которых гестапо, наоборот, относило к разряду лиц, опасных для фашистского строя и подлежащих аресту при захвате территории СССР.

Масштабы осуществляемой репрессии в отношении военных кадров не ограничивались лишь репрессией в отношении одного состава членов Главного военного совета. Репрессия неистово расширялась и преобрела характер полного «разгрома военных кадров». Специально для этой цели первый заместитель Ежова Фриновский выезжал на Украину и Дальний Восток.

Знакомясь со стенограммой выступлений Фриновского на совещаниях сотрудников НКВД Украины и Дальнего Востока, с подписанными им директивами, мы поражались, насколько бесцеремонно демонстрировал этот «ведомственный начальник» всесилие его указаний.

И эти лишенные всякой правовой основы указания в основном безропотно исполнялись. Были, конечно, в органах НКВД исполнители, которые сопротивлялись этим противозаконным требованиям, но их участь совпадала с теми, кого они справедливо защищали от необоснованного ареста. Об этих подлинных мужественных и принципиальных чекистах еще далеко не все известно. Расскажем об одном из них — о начальнике управления НКВД по Дальневосточному краю Н. И. Дерибасе.

По поручению народного комиссара внутренних дел СССР Ежова на Дальний Восток прибыла группа чекистов под руководством Фриновского в целях нанесения сокрушительного удара по правотроцкистским, военно-фашистским, белогвардейско-повстанческим, эссеровским, меньшевистским и националистическим формированиям, по агентуре японской и других иностранных разведок, а также очистки Дальнего Востока от всех враждебных Советской власти элементов.

Ознакомившись с состоянием работы аппарата УНКВД по Дальневосточному краю и некоторых областных управлений, Фриновский пришел к выводу, что работа по разгрому врагов велась неудовлетворительно.

Предписывалось всем начальникам органов НКВД подготовить и провести в семидневный срок массовую операцию по

изъятию перечисленного выше антисоветского элемента и об исполнении немедленно докладывать ему.

В числе первых арестованных по этой директиве был председатель Дальневосточного крайисполкома Крутов Г. М.

Следователь Арнольдов А. А., прибывший вместе с Фриновским, получил от Крутова показания, в которых признавался факт существования антисоветской организации в крае и в частях ОКДВА, руководимой первым секретарем крайкома партии ВКП(б) Лаврентьевым Л. И. (Лаврентием Картвелишвили)[1].

Когда протокол допроса Г. М. Крутова, составленный следователем Арнольдовым, был доложен начальнику УНКВД Дальневосточного края Дерибасу Т. Д., тот, ознакомившись с ним, заявил:

«Эти показания не «Крутова», а «следователя Арнольдова» и отказался производить аресты лиц по этим показаниям. Дерибас решительно пресекал какие-либо нарушения законности. О том, что Дерибас отказывается производить аресты, было немедленно доложено Ежову, и Дерибас был арестован. Ежов и Фриновский не посчитались с тем, что Терентий Дмитриевич Дерибас — один из почетных чекистов, член ВКП(б) с 1903 года, кандидат в члены ЦК, награжден орденом Ленина и двумя орденами Боевого Красного Знамени. Вместе с ним были арестованы его супруга Нина Ивановна Дерибас член ВКП(б) с 1908 года, сын Александр Терентьевич Дерибас, член ВЛКСМ; начальник депо станции Хабаровск и его жена Юлия Федоровна Очканова, ни в чем не виновные, кроме родства. Все они, кроме Н. И. Дерибас, были расстреляны[2]. Н. И. Дерибас лишена свободы.

Т. Д. Дерибас был не одинок в отстаивании ленинских принципов в чекистской работе. Его же участь разделили и многие другие чекисты, имена которых названы и будут еще названы...

Фриновский доложил Ежову, что за семь дней, отведенных на проведение массовых операций, только «по ОКДВА выявлены сотни командиров — заговорщиков и шпионов, находящихся на свободе, и которые только теперь арестовываются».

В одном из последующих донесений сообщалось, что «за

[1] Один из грузинских революционеров и организаторов Компартии Грузии, необоснованно репрессированный и впоследствии реабилитированный.

[2] В 1956 году они были реабилитированы. Материалы за № 9906 хранятся в Главной военной Прокуратуре.

один только день в воинских частях ОКДВА арестован 201 человек».

Против практики фальсификации дел пытались протестовать и многие прокуроры. Но и их постигла та же участь, что и упомянутых выше чекистов. Были объявлены врагами народа и арестованы многие прокуроры краев, областей и городов, военные прокуроры округов и флотов. Прокурор г. Витебска Нускальтер С. Т., член ВКП(б) с 1920 года, был арестован при следующих обстоятельствах. В ноябре 1937 года он проверял законность содержания арестованных в КПЗ УНКВД области. Начальник этого управления Горбеленя задал ему вопрос: «Кто его просил заниматься проверкой?» С. Т. Нускальтер ответил, что он — прокурор и поэтому имеет законное право на проверку. Тогда Горбеленя втолкнул Нускальтера в камеру и закрыл его там, сказав: «Ну, а теперь выполняй свои прокурорские обязанности». На арестованного при таких обстоятельствах прокурора по указанию Горбеленя было искусственно создано дело, и С. Т. Нускальтер был расстрелян.

По личному указанию Берии был арестован заместитель Главного военного прокурора диввоенюрист А. С. Гродко. На справке, которая была доложена Берии, он начертал резолюцию: «Арестовать и допрашивать крепко».

Вся вина А. С. Гродко состояла в том, что он встречался с Гамарником. Свою вину он не признал. Несмотря на отсутствие убедительных доказательств, А. С. Гродко был осужден.

Кто же ответит за эти невероятно тяжкие страдания многих советских людей? за уничтожение сотен тысяч невиновных? за разгром партийных, советских и военных кадров?

Мы видели, что самый главный виновник, организатор этих преступных деяний — И. В. Сталин. Пришло время, и его справедливо объявили преступником. Нужен ли еще какой-либо суд нам? Не сомневаюсь, преступления И. В. Сталина настолько тяжки и доказаны, что ни у какого справедливого суда не может быть иного приговора: «Не может быть прощен»...

Справедливость требует преступником объявить и К. Е. Ворошилова. История советского правосудия не знает такого изобилия достоверных неопровержимых доказательств, которые так неотразимо изобличали бы подсудимого в преднамеренном уничтожении многих неугодных ему людей. Таким

подсуимым и является К. Е. Ворошилов. И не мы виноваты, что он избежал суда.

А приговор был бы наверняка суровым, но справедливым, несмотря ни на какие прошлые заслуги...

От суда за свои злодеяния не всем удалось уйти. Своей жизнью заплатили за это Ежов и Фриновский, почти все начальники отделов центрального аппарата НКВД СССР, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники многих краевых и областных, городских управлений НКВД, изобличенные в творимом произволе, глумлении над невинно арестованными людьми.

С ними вместе на скамью подсудимых сели в 1939—1940 годы и их многие подчиненные — непосредственные исполнители пыток и домогательств от арестованных, изощренные фальсификаторы-следователи. Почти все следователи, которые занимались фабрикацией дел на участников «военно-фашистского заговора», и в особенности такие из них, которые глумились над арестованными (имеются в виду Николаев-Журид Н. Г., Ушаков-Ушимирский З. М., Агас В. М., Радзиловский А. П. и др.), были осуждены к высшей мере наказания.

Далеко не все и работники НКВД понесли наказание за свои злодеяния. По разным причинам и мотивам некоторым из них удалось продолжать служить в органах, продвигаться по службе. Время работало в их пользу. Когда в 1955—1960 годах была вскрыта их причастность к грубым нарушениям законности, творимому произволу, их пришлось освободить от судебной ответственности в силу действия закона о давности (бывшие следователи Хват, Боярский, Авсеевич и др.). Ныне общественность требует суда над ними. Для этого нужно принять закон о нераспространении на таких лиц общего закона о давности. Тогда надо признать «геноцид». Проблематичный и небесспорный вопрос? Я голосую за него.

А пока пусть действует без всяких сроков суд нравственный, общественный...

Несколько своеобразно был решен вопрос об ответственности за беззакония прокуроров и судей. Генеральный прокурор СССР Вышинский А. Я. отделался лишь легкой критикой на заседании парткома Прокуратуры Союза ССР. Вскоре он не без инициативы Молотова, при согласии Сталина получил пост заместителя наркома иностранных дел, затем пост постоянного представителя СССР в ООН и даже был выдвинут на должность заместителя Председателя Совнарко-

ма. А. Я. Вышинский оказался и в числе кандидатов в члены Президиума ЦК. Не только об ошибках, но и о прямых злодеяниях этого человека немало рассказано на страницах нашей печати.

Продолжал оставаться на своем посту и выносить неправосудные приговоры Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР Ульрих В. В. и весь состав этой коллегии. После смерти Сталина те члены коллегии, кто выносил неправосудные приговоры, были сравнительно легко наказаны — увольнением и лишением званий.

Между тем доказано, что множество дел, рассмотренных Военной коллегией, от начала до конца сфальсифицированы, ни один неправосудный приговор не пересмотрен, никто из невиновных лиц посмертно не реабилитирован и делать это никто и не собирался. Стало быть, тезис об обострении классовой борьбы подтвержден судебной практикой. Народ убеждали, что он жил в окружении «японо-немецких, троцкистских агентов», злейших «врагов народа»...

К моменту ареста Ежова Военной коллегией и военными трибуналами не было рассмотрено несколько тысяч законченных органами НКВД, особыми отделами дел на так называемых участников правотроцкистских, буржуазно-националистических и шпионских организаций. В отношении этих ожидающих суда невиновных людей было решено: «Выпускать нельзя». И старая, испытанная «судейская машина» Ульриха продолжила свою работу. В. В. Ульрих дожил безмятежно до 1952 года. Умер, сохранив за собой все почетные звания и знаки... Слушатели Военно-юридической академии на руках пронесли гроб с телом Ульриха на Новодевичье кладбище.

Не исключено, что о его смерти было доложено Сталину и он испытывал скорбь, что «потерял на редкость послушного судью». Дожившие до XX съезда КПСС члены Военной коллегии Матулевич, Детистов, Суслов и другие, причастные к вынесению многочисленных неправосудных приговоров, были наказаны — исключены из партии и лишены воинских званий.

Лишь единицам из тех арестованных, кто ожидал суда в конце 1938 — начале 1939 года, повезло. Нашлись такие сотрудники особых отделов, военной прокуратуры, которые, правильно оценив содержание постановления ЦК от 17 ноября 1938 года «О грубейших нарушениях законности в следственной работе НКВД», стали принимать решения об освобождении из-под стражи тех, в отношении которых не было

достаточных и тем более объективных материалов, изобличающих их в совершении контрреволюционных преступлений.

Так вышли на свободу будущий Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский, Александр Васильевич Горбатов, закончивший Великую Отечественную войну в звании генерала армии. Освобождены были и некоторые другие незаконно арестованные в те годы командиры. Почти все они показали себя истинными патриотами, храбро воевали, стали генералами (Владимир Николаевич Галузо, Теодор-Вернер Андреевич Свиклин и др.).

Но этой инициативе местных товарищей по освобождению незаконно арестованных не было суждено получить развитие. Вскоре Берия и Вышинский совместным указанием запретили это делать и потребовали передачи дел на всех арестованных в суд или на рассмотрение особого совещания.

Сталин ввел в заблуждение партию и народ, когда в своем Отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) в категорической форме утверждал: «Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не вовнутрь страны, а вовне, против внешних врагов».

На самом деле острие карательных органов и разведки даже в 1939 году, после ареста и осуждения Ежова и его сообщников по произволу, продолжало быть обращенными вовнутрь страны.

Берия и пришедшие с ним на службу в НКВД такие же, как и он, авантюристы, продолжали арестовывать людей по сомнительным материалам, применяя те же «ежовские методы» допроса арестованных.

Было бы наивным полагать, что о новых актах произвола, творимых Берией, Сталин не знал. К нему шли сотни, если не тысячи писем, в которых оставшиеся в живых или родственники расстрелянных взывали о справедливости, о прекращении изуверских методов работы НКВД. Достаточно сослаться лишь на письма томившегося тогда в тюремных застенках конструктора реактивной техники Королева С. П. Одно из таких писем В. С. Гризодубова вручила лично Поскребышеву — личному помощнику Сталина. Но репрессии продолжались. Об этом наш последующий рассказ.

У каждого своя судьба

Наказан за то, что не погиб. В один из дней 1955 года мне позвонил по внутренней связи Главный военный прокурор Артем Григорьевич Горный.

— Борис Алексеевич! Зайдите... У нас Михаил Александрович Шолохов.

— Шолохов!?

Я рад был с ним познакомиться. Любил этого писателя за «Тихий Дон» и «Поднятую целину».

Глубокое впечатление произвело выступление М. А. Шолохова на XX съезде КПСС. Понравилась образная, смелая речь. Запомнил, как М. А. Шолохов, обращаясь к президиуму съезда, заявил, что он будет говорить со своей родной партией «с глазу на глаз», скажет и о литературе, пусть горькую, но правду. Раскритиковал положение дел в Союзе писателей и не пощадил своего фронтового друга — руководителя Союза Алексея Суркова.

Вспомнил и выступление Н. С. Хрущева с жесточайшей критикой И. В. Сталина. Речь его произвела на всех глубокое впечатление. Впервые тогда я услышал, какую характеристику Сталину дал перед своей смертью В. И. Ленин. Он предлагал обдумать, стоит ли Сталина назначать Генеральным секретарем. Нужен такой, который отличался бы от Сталина: был бы более терпим, лоялен, вежлив и внимателен к товарищам, менее капризен и т. д. Узнали мы и о том, что допущенный в 1936—1937 годах произвол связан с ошибочной теорией Сталина об обострении в нашей стране классовой борьбы, хотя этого на самом деле не было. Приведя несколько фактов гнусной провокации, злостной фальсификации против видных деятелей партии и государства Эйхе Р. И., Косиора С. В. , Чубаря В. Я., Постышева П. П., Косарева А. А. и других, Никита Сергеевич объявил, что с 1954 года ко времени XX съезда Военной коллегией Верховного Суда СССР реабилитировано 7619 человек, причем большинство из них реабилитированы посмертно...

Предстояло приложить еще немало усилий для восстановления истины, разобраться в делах на репрессированных в те годы...

С этими мыслями я и вошел в кабинет своего начальника.

Артем Григорьевич представил меня Шолохову. Мы обменялись приветствиями.

— Пришел к вам, — сказал Михаил Александрович, — к поборникам справедливости, с просьбой. Только не знаю, вы на нас, писателей, кажется, «зуб имеете»... Был у одного прокурора. Он так обрушился на меня! Говорит: «Это вы, шелкоперы, пустили в ход мерзкую характеристику... — Помните у Гоголя: «если есть у нас один порядочный человек — так это прокурор, да и тот...» Вы-то как относитесь к писателям?

Сказал, засмеялся, испытующе посмотрел на нас. Горный ответил:

— Сожалеем. Но что поделаешь? Бывали и такие прокуроры...

И Шолохов стал излагать суть своей просьбы:

— Буду хлопотать за генерала Михаила Федоровича Лукина. И вот еще список. Вы, наверно, знаете, кто такой Лукин?

Мы с Горным пожали плечами. Фамилию такого генерала слышали впервые.

— Так послушайте, — продолжал Шолохов. — В июле 1941 года я, Александр Фадеев и Евгений Петров поехали на Западный фронт. Нас принял командующий Иван Степанович Конев и сказал: «Что же, хотите посмотреть войну? Так поезжайте в 16-ю. Она под Вязьмой».

Приехали. Представились командующему. Им был тот самый Лукин. Спросили: «Какая обстановка на фронте?» Он ответил: «Трудная, тяжелая для нас обстановка».

Побывав в расположении армии, убедились, насколько прав был генерал Лукин — на этом участке Западного фронта сложилась крайне тяжелая, можно сказать угрожающая нашей столице обстановка. Фашисты были в 200 километрах от Москвы.

Больше мне с генералом Лукиным М. Ф. во время войны встречаться не приходилось. После войны узнал, что М. Ф. Лукин жив, попал в плен. Судьбой этого генерала заинтересовался. Мне удалось выяснить, что вскоре после нашего посещения Западного фронта части армии Лукина попали в окружение. Оказался в окружении и он сам. При выходе из окружения был тяжело ранен. Две юные сестрички на плащпалатке перенесли его в пустую землянку, там он впал в тяжелое забытье, а очнулся в сельской больнице, где попавшие в плен советские врачи ампутировали ему ногу. А дальше у Лукина был плен... Пребывание в нем и стало основанием для

учинения всяческих притеснений как ему самому, так и его семье. Он многого лишился по возвращении на Родину. Живет в обстановке созданного политического недоверия. После возвращения неоднократно допрашивался нашими органами. Намекали на его контакты с Власовым...

Вы знаете, надеюсь, не меньше меня, как Сталин, да и не только он, относился к факту пленения. «Только смерть, а не плен». Отказался предпринимать какие-либо шаги для обмена своего сына Якова, находившегося в плену у фашистов. Говорят, что когда Сталина спросили, почему он не хочет обменять Паулюса на своего сына, он ответил: «Я маршалов на рядовых не меняю». Правда это или выдумка — не знаю, но Яков погиб в лагере[1].

Наступила пауза. Затем Шолохов продолжал:

— Я убежден, что и во время войны люди не должны страдать от несправедливости. В плен попадали по разным причинам и вели себя в плену по-разному. А мерка почти для всех одна. Что же это за закон? Кто его писал?

Мы рассказали Михаилу Александровичу о некоторых документах 1949 года, в которых говорилось о том, что бывшие в плену и в окружении военнослужащие рядового и сержантского состава, проходившие проверку в спецлагерях НКВД СССР, после окончания проверки передаются в рабочие кадры промышленности или используются на строительных работах НКВД. Позднее было принято еще одно решение, в котором подчеркивалось, что бывшие в плену и прошедшие предварительную регистрацию военнослужащие, а также военнообязанные не подлежащих мобилизации возрастов из числа репатриированных советских граждан, признанные годными к военной службе, сводятся в батальоны и направляются на работу в угольную промышленность, на предприятия черной металлургии и на лесозаготовки в районы Камского бассейна, Нарымского и Ухтинского комбинатов и Печерского угольного бассейна. Указанные лица расселяются в поименованных районах на положении спецпоселенцев сроком на 6 лет.

Михаил Александрович долго молчал. Видимо, размышлял над услышанным. Вздохнул тяжело, сказал:

— Сколько судеб поломано... А жены, дети, отцы и мате-

[1] Подробности пребывания Якова Иосифовича Джугашвили в плену и его гибели изложены в очерке Александра Колесника, опубликованном в «Московской правде» 20 августа 1989 г.

ри «спецпоселенцев» — им каково? Надо этот узел развязывать. Всем нам. Я вас очень прошу, постарайтесь разобраться, как все же вел себя М. Ф. Лукин в плену? А уж как на фронте он воевал — мы бы все трое дали показания. Да вот не стало Евгения Петрова, Фадеева. Один я остался... А одному свидетелю вы, юристы, не верите...

— Ну что вы, — вступил в разговор я. — Вам поверим. Самый авторитетный свидетель.

Бросив на меня проницательный взгляд, Михаил Александрович заметил:

— Уж и опасны эти авторитетнейшие свидетели... и когда обвиняют, и когда оправдывают... Так, надеюсь, разберетесь.

— Постараемся, — заверили мы Шолохова.

— Буду вас просить ускорить пересмотр дела на начальника Реактивного института И. Т. Клейменова. Он возглавлял коллектив конструкторов, создавших «Катюшу». Об этом к вам обратились Левицкие — обе старые большевички. Одна член КПСС с 1903 года, другая с 1920 года. Это жена и теща Клейменова. Они уверены, что Клейменов и конструктора Лангемак, Глушко и Королев к числу вредителей причислены несправедливо. А с Левицкой Евгенией Григорьевной я поддерживаю знакомство многие годы... Она редактор моего «Тихого Дона». Много мне помогла, чтобы вышел мой роман, и я ей глубоко благодарен.

Они тоже испытали горькую судьбу от сталинских репрессий. Маргарита Константиновна Левицкая 8 лет провела в ссылке.

— Да разве только они, — сказал Горный. — Если есть время, мы расскажем вам, Михаил Александрович о трагических судьбах и других старых большевиков.

— С удовольствием послушаю.

Горный предложил мне рассказать о деле Толоконцева. Я сходил в свой кабинет и принес справку по этому делу. Кто такой Толоконцев? Александр Федорович Толоконцев — рабочий, токарь по металлу, член РКП(б) с 1901 года, активный участник революции. По окончании гражданской войны избран членом Центрального правления артиллерийских заводов, членом Президиума ВЦИК и ВСНХ СССР. На XIII съезде РКП(б), в мае 1924 года, избран кандидатом в члены ЦК, а с XIV съезда — член ЦК. В 1937 году, когда он находился на посту начальника Главного военно-промышленного управления ВСНХ, его арестовали.

Что же мы увидели в его деле, когда извлекли его из ар-

хива? За первым листом — анкетой арестованного, составленной без искажения его биографии, следовала справка — записка Павлуновского, одного из ответственных сотрудников аппарата НКВД, возглавляемого Ежовым. В этой краткой справке утверждалось, что НКВД располагает данными о широко развернутой вредительской деятельности врагов народа в военной промышленности и что возглавляет эту деятельность перерожденец Толоконцев. Далее утверждалось, что он связан с одной из иностранных разведок и снабжает ее шпионскими сведениями. На этом документе Ежов наложил резолюцию: «Арестовать». Далее следовали протоколы допроса арестованного.

Мы, конечно, обратили внимание, что самый первый допрос Толоконцева, оформленный протоколом, появился спустя две недели после его ареста. Протокол в общих чертах содержал признание в предъявляемых обвинениях. В деле не оказалось никаких других данных, подтверждающих виновность Толоконцева.

Что же нам удалось установить после проверки обоснованности осуждения Толоконцева? Нашим товарищам — с помощью привлеченных специалистов-экспертов пришлось перебрать груду архивных материалов. Нужны были документы, относящиеся к деятельности Военно-промышленного управления в 30-х годах.

— Нам удалось полностью опровергнуть выдвинутые против Толоконцева А. Ф. обвинения во вредительстве.

Что касается обвинения Толоконцева А. Ф. в связи с иностранной разведкой, то оно построено единственно на том, что он в составе советской делегации выезжал в Германию, возглавлял эту делегацию и вел переговоры с сотрудниками немецкой транспортной фирмы о продаже нам паровозов и вагонов и что такая договоренность была достигнута. В архиве обнаружены документы, свидетельствующие о ходе и результатах этих переговоров, и все это положительно оценено лично товарищем Орджоникидзе.

Шолохов, молча слушавший всю эту историю, наконец, спросил у нас: «Так почему же А. Ф. Толоконцев признавался в том, что он вредитель и шпион?»

Горный ответил:

— Ну, это, Михаил Александрович, особая тема разговора. Она потребует времени. Только есть ли оно у вас сейчас? А когда будет — мы с удовольствием, что знаем, расскажем. А сейчас, чтобы закончить с этим делом, я попрошу вас,

Борис Алексеевич, рассказать о событии, которое произошло с Толоконцевым на XIII съезде. Надеюсь, что это будет интересно знать нашему уважаемому гостю.

— Да, событие довольно интересное, — продолжил я. — Когда мы занимались делом Толоконцева А. Ф., у нас возник вопрос: разве он вот так безропотно согласился со своим арестом, не протестовал, не жаловался. По опыту мы уже знали, если от арестованных шли жалобы, то их, как правило, адресатам не направляли, но и к основному делу не приобщали. Были еще так называемые личные тюремные дела. И, осматривая такое дело на Толоконцева, наш работник наткнулся на отметку, что от него поступила жалоба на имя Сталина и что она отправлена адресату. Эту жалобу удалось найти в архиве. В этом нам помогли работники партархива. В своей жалобе Толоконцев полностью отвергал предъявленные ему обвинения, называл их нелепыми, надуманными, просил Сталина об объективной проверке и напоминал о том, что они вместе находились в ссылке, а также как высоко он — Сталин — оценил его на XIII съезде партии. Мы ссылкой Толоконцева на XIII съезд заинтересовались и с помощью работников партархива обратились к стенограмме этого съезда. Вот выдержка из этой стенограммы:

«*Сталин:* Товарищи! Я бы предложил товарища Толоконцева считать кандидатом в ЦК 34-м. Я не буду его защищать. Вы его хорошо знаете. Случайно он не прошел.

Председательствующий: Угодно высказаться по этому вопросу? Нет? Тогда я голосую — увеличить количество кандидатов до 34-х и считать Толоконцева кандидатом в члены ЦК. Голосование открытое. Кто против?.. Никого. Товарищ Толоконцев выбран».

Зачитанная мной выдержка из стенограммы произвела, как я заметил, сильное впечатление на Шолохова. Он о чем-то думал, потом спросил:

— А знал ли Сталин об аресте Толоконцева? Видел ли его жалобу из тюрьмы?

— И знал, и видел. Пометка есть об этом: «Доложено».

Познакомим вас, Михаил Александрович, и с другим документом — заявлением, адресованным Берии, еще одного старого большевика, оказавшегося в местах заключения:

«К Вам обращается тот Емельянов Н. А., который лично из рук И. В. Сталина принял в 1917 году у Строгонова моста в Ленинграде В. И. Ленина и укрывал В. И. Ленина в своем сарае и в шалаше за озером Разлив».

Чем же закончил свое заявление Николай Александрович Емельянов:

«Я не прошу снятия с меня судимости в виде помилования, я прошу реабилитации и восстановления меня в родной партии, которая меня воспитала с детского возраста, без которой я не могу существовать, я не могу быть врагом народа никогда. Хочу умереть только коммунистом, этого я заслужил и заслуживаю перед нашей партией, перед народом. Прилагаю характеристики на меня, которые были даны лично В. И. Лениным и Н. К. Крупской».

Письмо было адресовано Берии. Попало ли оно к нему? Да, попало. На нем он начертал резолюцию «Отказать»...

Подумать только, кому отказано во внимании — человеку, спасшему жизнь Ленина!

Николай Александрович Емельянов, так же как и члены его семьи, подвергшиеся репрессиям, нами реабилитированы.

— Так ведь это все старые большевики... И надо же... Вот уж судьба... Слово «судьба» Михаил Александрович произнес многозначительно. — Утратили мы, — с сожалением сказал он, — уважение к старым большевикам. А сколько они испытали, сколько вынесли!..

Михаил Александрович помолчал, произнес со вздохом:

— Засиделся я у вас. Но с пользой... — попрощавшись, напомнил еще раз. — Не забудьте о Лукине и просьбе Левицких. Желаю успехов. Приеду в Москву, позвоню. —

Мы пожелали ему и творческих успехов, и здоровья...

Артем Григорьевич Горный после ухода от нас Шолохова поручил мне встретиться с генералом Лукиным М. Ф. Я навел справку, где он живет... Оказалось, в Москве. Созвонился с ним. Из нашего разговора становилось ясно: встречаться со мной у М. Ф. Лукина никакого желания нет. Когда я сказал, что делаю это по просьбе М. А. Шолохова, что мне звонил об этом же Константин Симонов, Лукин преобразился:

— Неужели они помнят. Они в то время были на Смоленском направлении... Никто из военных корреспондентов не знает сложившуюся тогда обстановку так, как они... Хорошо, давайте встретимся... Мне трудно приехать.

— И не надо, — ответил я. — Если не возражаете, приеду сам. Назовите время.

При встрече генерал Лукин рассказал мне все то же, что я уже слышал от Шолохова и Симонова...

— Надоели мне эти допросы... Не ваш, конечно, а те, что были до этого... Придирчивы, — отчаявшимся голосом

проговорил Михаил Федорович. — Снимут ли с меня политическое недоверие? Наконец, поверят ли, какого содержания были у меня разговоры с Власовым и с его эмиссарами?.. Их уже нет в живых. Хотел бы я очные ставки с ними...

Я заверил Михаила Федоровича, что примем все меры к тому, чтобы найти убедительные свидетельства правоты его рассказа о поведении в плену...

На следующий день, обсуждая с моим подчиненным — военным прокурором Павлом Михайловичем Андриященко этот вопрос, он высказал предложение: «Надо изучить дело Власова». Так и сделали. Что же мы в нем обнаружили?

Перед нами протокол допроса начальника отдела пропаганды штаба РОА Меандрова от 21 февраля 1946 г.

Он тогда показал: «В ходе формирования этой армии Власов все больше убеждался, что для более успешного привлечения в свою «армию» советских военнопленных ему крайне нужны находящиеся в плену генералы Советской Армии. С целью их вербовки Власов направил к ним меня. Я пытался беседовать с генералами Лукиным, Понедeлиным, Добросердовым и Кирилловым. Все они наотрез отказались, а Лукин рассмеялся мне в лицо и сказал: «Советская Армия уже разгромила гитлеровскую военную машину, а с вашей РОА и подавно справится»...

Одним из ближайших помощников у Власова был Малышкин. Нашли протокол его допроса: «Однажды меня вызвал Власов и сказал: «Съездил бы ты к Лукину, ты ведь вместе с ним служил в одной армии. Уговори его хотя бы подписать воззвание — призыв ко всем военнопленным пойти в РОА. Не желая портить отношения с Власовым, ибо я наверняка знал, что Лукин на эти мои уговоры ответит отказом, — очень хорошо знал характер и убеждения своего командарма, — все же поехал. Принял он меня первый раз более или менее сносно, но когда стало ясно, что приехал к нему не просто «повидаться», он сразу же изменился и, сославшись на недомогание, попросил меня оставить его в покое. О безуспешности моей поездки к Лукину я доложил Власову».

Теперь предстояло рассказ Лукина о встрече и беседе с Власовым сопоставить с тем, что об этом показал на следствии сам Власов, будучи арестованным...

На вопрос следователя: «Вы вели устную и письменную агитацию среди военнопленных, призывая их вступить в немецкую армию для военной борьбы с Советской властью. При-

знаете себя в этом виновным?» — последовал такой ответ Власова:

— Да, но прошу внести в мой ответ уточнения.

— Какие?

— Ну, во-первых, получив окончательный отказ Лукина, Понеделина, Снегина и других генералов о нежелании служить в РОА, я больше ни к кому из военнопленных не обращался.

На свидании с Гиммлером он высказал недовольство моей работой и заявил, что отныне всеми русскими делами будет заниматься мой заместитель Бергер»...

С чувством глубокого удовлетворения мы оценили действия следователей-чекистов, занимавшихся делом Власова. Нам понравилось — насколько хорошо и правильно поступили следователи. Они не ограничились выявлением лишь во всей полноте предательской деятельности Власова и его активных сообщников, но и обратили внимание на то, чтобы зафиксировать, как обстояло дело с вербовкой в РОА находящихся в то время в плену некоторых наших генералов. Досадно только то, что эти убедительные реабилитирующие генерала Лукина и других генералов материалы, установленные следствием и судом еще в 1946 году, были оставлены без последствий. Их либо не знали, либо просто игнорировали...

Обработав все эти данные, сделав вывод, мы отправили наше заключение в Министерство обороны. И генерал Лукин М. Ф. был реабилитирован...

Закончили проверку и по делу о «вредительстве в Реактивном институте». Были приняты решения о реабилитации Клейменова И. Т., Ленгемака, Глушко В. П., Королева С. П., о чем также просил Шолохов. Рассмотрены были и другие жалобы от репрессированных бывших военнослужащих...

Вскоре в Москву приехал Шолохов.

Искал Горного... Тот был в отъезде. Нашел меня...

— Передайте мою благодарность всем, кто занимался моими просьбами... Удовлетворен решениями. Наконец восторжествовала справедливость...

К Михаилу Александровичу Шолохову продолжали идти жалобы от репрессированных бывших военнослужащих. Он пересылал нам. Мы разбирались. Подробно сообщали ему о принятых нами решениях... У него накопился солидный материал о плене и о людях, оказавшихся в нем... Еще во время войны, во время пребывания на фронте он слышал от фронтовиков, побывавших в фашистском плену, что́ это такое... И вот под Новый 1957-й год «Правда» опубликовала

рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека». Он вызвал всенародный интерес.

Емкими и многозначительными словами писатель объяснил: «Что такое плен?»

«Ох, браток, нелегкое это дело понять, что ты не по своей воле в плену. Кто это на своей шкуре не испытал, тому не сразу в душу въедешь, чтобы до него по-человечески дошло, что означает эта шкура».

Мои товарищи с удовлетворением отмечали, что публикация такого рассказа, в котором отражены предельно четкая партийная позиция, взгляд писателя на плен, как на явление, хотя и прискорбное, но реальное, помогает нам, военным юристам, продолжать вести работу по объективному рассмотрению жалоб, поступающих от тех, кто попал в плен, а затем вернулся на родину и без должного индивидуального разбора был подвергнут различным репрессивным мерам. В этой работе нам пришлось настойчиво преодолевать длительное время трудности и сопротивления со стороны тех, кто был инициатором введения таких мер и их осуществления, кто слепо следовал оценке факта пленения, данной самим Сталиным.

На этой же беседе возник у нас разговор и по поводу предпосланного им посвящения: «Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года», которая сыграла большую роль в судьбе становления молодого писателя Шолохова.

Артем Григорьевич Горный высказал предложение, что Михаил Александрович, вероятно, имел в виду наш рассказ о трагической судьбе старых большевиков, в том числе дочери Левицкой, жены начальника Реактивного института Клейменова, ставших жертвами произвола, и которых мы реабилитировали.

Не исключено, что свое посвящение он адресовал не только лично Левицкой, но в ее лице всей гвардии старых большевиков-ленинцев, которые вынесли на своих плечах все непомерные трудности борьбы за Советскую власть и ее упрочение...

Писатели продолжали нас «осаждать»... Этот посетитель показался мне странным. Он не просто вошел, а буквально ворвался в кабинет. Представился:

— Смирнов... Сергей Сергеевич Смирнов. Член Союза писателей... Извините, не мог иначе... Несправедливость нельзя терпеть... Раньше быстро сажали. Теперь надо срочно разбираться. Без вас не обойтись...

Присел, раскрыл папку-портфель, извлек какие-то документы, стал объяснять цель своего визита...

Я понял, что он во время войны обнаружил любопытную, как он выразился, публикацию об обороне Брестской крепости. Наши враги с изумлением отзывались об исключительном мужестве, стойкости и упорстве защитников этой твердыни.

— А мы, — с возмущением говорил Сергей Сергеевич, — предали все это забвению. Я начал разыскивать защитников крепости, оставшихся в живых. Конечно, пошел в Музей Вооруженных Сил. Там об обороне Брестской крепости ни стенда, ни фотографии, ничего. Музейные работники пожимали плечами. Один из них сказал: «У нас музей истории подвигов... Какой мог быть героизм на западной границе. Немец беспрепятственно перешел границу и под зеленым светофором шел до Москвы. Вы разве это не знаете?»

Была у меня единственная ниточка: письмо А. М. Филя — бывшего секретаря комсомольской организации. Написал он его, будучи в Якутии, где остался после отбывания срока. Послал ему письмо, прося как можно подробнее описать все, что он знает об обороне крепости. Не сразу, после двух напоминаний, он все же ответил, подробно обо всем написал. О себе ни слова, зато о своих товарщах, и в особенности о полковом комиссаре Ефиме Фомине и его ближайшем помощнике — комсорге полка, заместителе политрука полка Самвеле Матевосяне, довольно подробно.

Филь А. М. написал, что, когда крепость была внезапно разбужена грохотом канонады, когда кругом рвались снаряды, бомбы, и люди, неожиданно проснувшиеся среди огня и смерти, не могли в первый момент не поддаться растерянности, — именно в этот момент появился полковой комиссар Фомин и принял на себя командование всеми подразделениями. Помогать ему стал Самвел Матевосян.

Далее Филь рассказывал, что комиссар Фомин поручил Матевосяну возглавить первую контратаку. Матевосян обратился к бойцам с горячим призывом выполнить свой воинский долг, а затем во главе комсомольцев бросился в штыковую атаку. Это был первый удар по противнику. Прорвавшийся в центр крепости отряд фашистов-автоматчиков был уничтожен...

Сергей Сергеевич долго молчал, затем добавил:

— С этого контрудара и началась героическая оборона Брестской крепости. С большим трудом мне удалось уста-

новить адрес Матевосяна. Оказалось, что он живет в Ереване... Собираюсь поехать к нему, встретиться. А сейчас у меня к вам просьба. Я добился: Филь приехал из Якутии в Москву. Очень прошу, выслушайте его.

На следующий день наша встреча состоялась. Передо мной сидел «изменник Родины», признанный таковым судом военного трибунала, отбывший большой срок наказания и теперь еще находящийся на поселении. Попросил его подробно о себе рассказать. Сохранилась стенограмма той беседы. Привожу ее с некоторыми сокращениями.

«Родился 27 сентября 1918 г. в станице Тимошевской Краснодарского края, в семье крестьянина-бедняка, — рассказывал Филь. — Семья у нас была большая. Страшно голодали. Отец умер от истощения...

Из-за голода я стал скитаться по стране. Приехал в Ростов-на-Дону. Там меня подобрала и приютила семья Москвичевых. Они меня устроили на работу в пароходство. Стал учиться, вступил в комсомол. А в ноябре 1939 года призвали в армию. Направили служить в Брест, в крепость. Служил в 84-м стрелковом полку. Избрали комсоргом группы.

В ночь на 22 июня почти все были в штабе... И вдруг — начался ад... ад кромешный. И так много ночей и дней... Оборонялись ожесточенно. Ни о какой добровольной сдаче в плен ни у кого и мысли не было... В плен попали тяжело раненные. В их числе оказался и я. Лучше было бы погибнуть там, в крепости. И ничего бы больше в жизни не испытать. Но вот выжил...

Когда привезли в первый лагерь и фашисты увидели в списке мою фамилию, почему-то подумали, что я немец.. Стали пытать, знаю ли немецкий язык, откуда родом, есть ли в Германии кто-либо из родных?.. Русский я, — отвечал. А вся моя родня на Кубани... Отвязались. Пришлось фамилию сменить. Стал Александром Митрофановичем Филипповым. Так под этой фамилией прошел по многим фашистским лагерям и оказался даже на далеком Севере, в Норвегии, в лагере под названием «Марк».

Не дай бог кому-то подобное испытать. И вот наступил долгожданный день — Победа... И радостно, и тревожно было на душе. Вроде бы тоже что-то сделали для нее и в то же время вроде бы «отсиделись» в плену, остались живыми.

Почему не бежал? Как ответить? Пытались. Но... Не всем. удавалось. Далеко не всем.

И вот прибыли на Родину. Но насладиться свободой не

пришлось. Снова попал в лагерь, но теперь уже в наш, да еще с клеймом изменника Родины...

Оказывается, в самом конце войны фашисты решили пополнить свои ряды и стали проводить насильственную мобилизацию из числа более или менее здоровых советских военнопленных.

Комендант лагеря составил список, включив в него и меня. Об этом я не знал. Да если бы и знал, все равно не согласился бы. В конечном итоге из нашего лагеря никто служить в РОА не пошел.

Однако список этот сохранился. Попал к нашему представителю, затем в органы.

Разбирался со мной такой хваткий следователь. В результате я получил большой срок и был отправлен в Якутию, добывал золото...

Сколько раз писал жалобы. А что толку: никто и «пальцем не шевельнул», чтобы проверить мое объяснение. Так и отбыл весь срок.

Сомневаюсь, что и вы найдете правду, — закончил Александр Митрофанович Филь».

Я тогда успокоил Филя, вселил в него уверенность, что прокуратура сделает все возможное. Проверкой поручил заниматься полковнику юстиции Маркарьянцу Владимиру Петровичу и подполковнику юстиции Дорофееву Геннадию Ивановичу. Это были опытные, квалифицированные юристы.

С. С. Смирнов продолжал свои настойчивые розыски всех оставшихся в живых участников обороны Брестской крепости. Вскоре он снова появился в Главной военной прокуратуре. Зайдя в кабинет, стал рассказывать: «Во время первой поездки в Брест я не раз слышал рассказы о каком-то мальчишке-бойце. Говорили, что ему было лет 12—13, но он дрался в крепости наравне со взрослыми бойцами и командирами, участвовал даже в штыковых атаках и рукопашных схватках и отличался исключительным бесстрашием. Я установил фамилию мальчика — Петя Клыпа. Он действительно служил в крепости — был воспитанником взвода музыкантов. Во время обороны крепости Петя Клыпа, ежечасно рискуя жизнью, выполнял трудные и опасные задания, участвовал в боях и всегда был бодр, постоянно напевал какую-то песенку, и один вид этого удалого, неунывающего мальчика поднимал дух защитников крепости, прибавлял им силы. Рассказывают такой эпизод. Когда положение на участке обороны 333-го полка стало безнадежным, командование решило сдать в

плен женщин и детей, находившихся в подвалах. Рассчитывали на милость. Пете, как подростку, тоже предложили идти в плен вместе с ними. Но Петя был до глубины души оскорблен этим предложением. «Разве я не красноармеец?» — с негодованием спросил он командира. Остался, принимал участие во всех дальнейших боях и в последнем прорыве, чтобы вырваться из крепости и уйти к своим, к партизанам, он был схвачен, отправлен в лагерь военнопленных, откуда бежал, добрался до партизан в Белоруссии и до конца войны отважно сражался с фашистами...

— Настоящий герой, — восхитился я, выслушав.

— Да, герой, — сокрушенно промолвил Сергей Сергеевич. — Но герой этот находится за решеткой, теперь уже в нашем лагере, в Магаданской области. Его бывший школьный товарищ совершил преступление. Петя Клыпа знал об этом, но не сообщил о преступлении и получил 25 лет срока...

Я предложил, чтобы Петр Клыпа обратился к нам с официальным ходатайством. А мы проверим виновность.

Вскоре из лагеря пришло письмо-ходатайство. И мы запросили «дело».

Работа писателя С. С. Смирнова завершилась реабилитацией А. Филя, освобождением П. Клыпа, снятием всяких подозрений с майора П. Гаврилова и С. Матевосяна и других оставшихся в живых защитников Брестской крепости. Исключенные из партии были восстановлены, надлежащим образом трудоустроены...

Позиция Шолохова, Смирнова и других писателей и журналистов, как мы были убеждены, сыграла свою роль и в принятии решения Советского правительства о судьбе оказавшихся в плену советских воинов.

Решением предписывалось:

соответствующим органам выявить и обеспечить в установленном законом порядке реабилитацию тех бывших военнослужащих, которые попали в плен в условиях, вызванных боевой обстановкой, и необоснованно осуждены как изменники Родины;

время пребывания в плену, в окружении и на спецпроверке, если пленение не было добровольным и если военнослужащий, находясь в плену, не совершил преступлений против Родины, засчитывать в срок военной службы, в общий трудовой и непрерывный стаж;

министерству обороны рассмотреть все персональные дела о таких военнослужащих и решить вопрос о восста-

новлении их в воинских званиях, о представлении к наградам за ранения и побег из плена и назначить пенсии;

установить всякого рода ограничения в отношении их семей и, в частности, не чинить препятствий их детям при поступлении в школы и институты.

Это было торжество справедливости...

Поиск неизвестных героев. Однажды Сергей Сергеевич Смирнов позвонил и спросил у меня:

— Что вы знаете, Борис Алексеевич, об Аджим-Ушкае?..

— Ничего. Я даже не слышал никогда о селе или поселке с таким названием.

Так вот послушайте несколько строчек из стихотворения:

Кто всхлипывает тут?
Слеза мужская
Здесь может прозвучать
Кощунством. Встать!
Страна велит нам
почести воздать
Великим мертвецам
Аджим-Ушкая.
Воспрянь же мертвый,
погруженный в сон,
Подземной цитадели
гарнизон!

— Как вы думаете — кто это написал?

— Мне трудно догадаться... А слова сильные, трогают...

— Вот и меня они тронули... Доискался, докопался — автор Илья Сельвинский. И написал он это еще в 1943 году, потрясенный керченской трагедией.

До меня дошли сведения о беспримерном, героическом сопротивлении небольшой группы наших воинов фашистам во время их оккупации Крыма, в частности при захвате Керчи. Недалеко от этого города есть поселок Аджим-Ушкай. Около него каменоломни. Так вот в этих каменоломнях оказался в окружении фашистов наш небольшой гарнизон. Подобно Брестской крепости, он оказал фашистам стойкое и длительное сопротивление, которое никак не мог сломить враг... Теперь, когда Керчь освобождена, некоторые местные жители вспомнили об этом героическом гарнизоне. При осмотре каменоломен, там, на стенах, нашли несколько надписей, свидетельствующих о преданности бойцов своей Родине, о ненависти к врагу. В каменоломнях оказалось немало

трупов, погибших наших воинов. Но что самое важное — почему я к вам обращаюсь?..

Когда я заинтересовался этой историей и выехал в Керчь, то среди тех, кто знал о существовании во время оккупации такого героического гарнизона на окраине города, оказалась одна женщина. Она рассказала мне, что еще в 1944 году, сразу же как был освобожден город от фашистов, каменоломни были осмотрены военным следователем с группой наших офицеров и бойцов. Этот военный следователь даже допросил ее, как одну из очевидцев творимых фашистами злодеяний. Она вспомнила, что допрашивающий ее офицер назвался военным следователем, и фамилия у него грузинская. Он сказал ей, что все это делает для суда над извергами-фашистами.

— Итак, Борис Алексеевич, нельзя ли найти и этого следователя и его материалы? — Я ответил Сергею Сергеевичу, что постараемся...

Найти военного следователя, грузина, в тех войсках, которые освобождали Керчь от фашистов, было несложно.

Нам стало известно, что таким военным следователем был Семен Макарович Киквадзе, по окончанию войны он демобилизовался и уехал в родную Грузию. Но розыски оказались безуспешными...

Один из наших товарищей, военный следователь, высказал такую мысль: «А не мог ли фронтовой следователь до окончания войны заниматься расследованием в отношении фашистов, виновных в злодеяниях?»

И тогда мы вспомнили: «Не только мог, но и обязан» Восстановили в памяти, как и почему возникла такая обязанность для органов военной прокуратуры...

В первые месяцы начала второй мировой войны девять союзных государств антигитлеровской коалиции приняли декларацию, в которой было провозглашено, что одна из основных целей войны — наказание тех, кто виновен и ответствен за военные преступления. Сталин тогда заявил: «Пусть знают палачи, что им не уйти от ответственности и не миновать карающей руки замученных народов». Примерно такое же заявление сделал и Рузвельт...

Сведения об этих злодеяниях стали поступать с самого начала войны. В нотах Наркомата иностранных дел СССР Советское правительство предупреждало гитлеровских главарей об их строгой ответственности. В 1942 году Советским правительством была образована Чрезвычайная государственная

комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков[1]. Чрезвычайная комиссия, комиссия на местах совместно с органами прокуратуры и внутренних дел, общественностью проводили работу по выявлению фашистских преступлений.

Стоя на позиции недопустимости самосуда над палачами и карателями, исходя из приверженности к закону, Советское государство определило законодательный порядок их наказания через военные трибуналы, не допуская в то же время в отношении этих тяжких преступников снисхождения и оставления из безнаказанными и по окончанию войны...

В этих целях 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности фашистских преступников за чинимые ими злодеяния на оккупированной территории СССР». В соответствии с этим Указом лица из числа войск фашистских захватчиков, уличенные в злодеяниях (убийствах и других видах массового уничтожения или жестоких издевательствах) над советскими гражданами, подлежат осуждению... Во исполнении этого Указа по линии военной юстиции были даны соответствующие директивные указания. Нам, военным прокурорам и военным следователям, действующим на фронте или в прифронтовой местности, было вменено в обязанность в установленном процессуальном порядке собирать доказательства и свидетельства об этих преступлениях, устанавливать конкретных лиц из числа фашистского командования, ответственных за эти злодеяния. По материалам, собранным военными следователями, были преданы суду еще до окончания войны и сразу же после нее ряд генералов и офицеров германской армии, полиции и жандармерии, захваченные нашими войсками в плен. Такие процессы состоялись в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великих Луках и др. Палачи и каратели были повешены. Справедливое возмездие началось...

[1] В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. было сказано, что она создается для проведения полного учета злодейских преступлений фашистов и причиненного ими ущерба, установления во всех случаях, где это представляется возможным, личности немецко-фашистских преступников, виновных в организации или совершении злодеяний, с целью предания этих преступников суду. Комиссией было проведено расследование злодеяний фашистов в 28 областях восьми союзных республик. Результатом громадной работы стали собранные документальные и вещественные доказательства, в том числе свыше 250 тысяч протоколов опроса свидетелей и заявлений о злодеяниях врага.

Поиски в архивах успешно закончились. Были найдены уникальные документы. Приведу полный текст одного из них:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

26 февраля 1944 г. с. Аджим-Ушкай Крымской АССР

Военный следователь военной прокуратуры войскового соединения 69751 капитан юстиции Киквадзе С. М., рассмотрев следственное дело № 4-44 г. «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории селения Аджим-Ушкай близ г. Керчи Крымской АССР в период ее временной оккупации»,

Нашел:

Части Красной Армии, занявшие плацдарм на Керченском полуострове и овладевшие вместе с другими поселками селением Аджим-Ушкай и районом Каменоломен, что в двух километрах северо-восточнее от г. Керчи, обнаружили в каменоломнях скелеты человеческих трупов, сгнившее военное обмундирование, гражданское платье и другие предметы в большом количестве, заявили об этом военным властям, и это положение явилось исходной точкой для расследования.

Специальной комиссией были тщательно осмотрены Аджим-Ушкайские каменоломни и этим осмотром и последующими раскопками внутри штолен была обнаружена подлинная картина неслыханных зверских действий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по отношению к военнослужащим Красной Армии и мирному гражданскому населению, которые в мае месяце 1942 года после оккупации немецкими войсками Керченского полуострова укрылись в указанных каменоломнях (катакомбах).

Озверелые немецкие войска, окружившие район каменоломен, держали все выходы под сильным обстрелом и применяли всякие зверские методы мучения людей, чтобы заставить их выйти из укрытий и сдаться в плен на их «милость». Как показывают свидетели, допрошенные по настоящему делу, а также записки, найденные при осмотре и раскопках, первым долгом немцы запретили этим людям возможность получения воды, с этой целью они забросали находящийся поблизости единственный колодец камнями и землей. Ввиду того, что в отчаянных поисках воды обреченным на гибель людям удалось в стенах катакомб каплями набирать ее и отстаивать свое существование, довольствуясь несколькими каплями в день, немцы решили взорвать ката-

комбы. Они произвели в нескольких местах взрывные работы, от силы которых обваливались целые участки катакомб, под которыми погибло большое количество людей. Удостоверившись в том, что взрывать катакомбы ввиду их огромных размеров требует затраты колоссального количества взрывчатых веществ, большого времени и труда, немецкие изверги решили легче расправиться с этим народом, железную волю которых им никакими способами не удалось сломать.

Способом умерщвления немцы избрали отравляющие вещества — газы. Перед применением газов немецкие изверги закрыли все выходы и малые отверстия из катакомб, и 24 мая 1942 г. первый раз пустили отравляющие газы в них.

Применение отравляющих веществ — газов подтверждается как свидетельскими показаниями, так и записью в дневнике политрука роты 2-го батальона 83-й бригады морской пехоты Серикова Александра, а также запиской Чебаненко Степана Титовича, найденной при раскопках пяти братских могил, обнаруженных в Аджим-Ушкайских каменоломнях...

Политрук Сериков в своем дневнике рассказывает о следующих чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков:

«24 мая 1942 г. грудь мою что-то так сжало, что дышать нечем. Человечество всего земного шара, люди всяких национальностей! Видели ли вы такую зверскую расправу, какой владеют германские фашисты? Нет! Я заявляю ответственно, история нигде не рассказывает нам об этих извергах. Они дошли до крайности. Они начали давить людей газами. Нет, не в силах описать эту картину! Пусть вам расскажут толстые каменные стены катакомб, они были свидетелями этой ужасной сцены. Мир земной Родина! Мы не забудем зверств людоедства. Живы будем, отомстим за жизнь удушенных врагами. Смерть грозила всем, и она была так близка, что ее чувствовал каждый. Чу! Слышится песнь Интернационала. Я поспешил туда. Перед моими глазами стояли четыре молодых лейтенанта. Обнявшись, они в последний раз пропели пролетарский гимн. Умирали сотни людей за Родину. Изверг, гитлеровская мразь, посмотри на умирающих детишек, матерей, бойцов, командиров! Они не просят у вас пощады, не станут на колени перед бандитами, издевавшимися над мирными людьми».

О мучительной смерти множества патриотов от гитлеровских захватчиков кроме дневника Серикова повествует и записка Чебененко Степана Титовича, найденная при раскопках

братских могил, вложенная в партбилет, обнаруженная в кармане сгнившей гимнастерки, находящейся на скелете. В записке говорится:

«К большевикам и ко всем народам СССР. Я не большой важности человек. Я только коммунист-большевик и гражданин СССР. И если я умер, так пусть помнят и никого не забывают наши дети, братья, сестры и родные, что эта смерть была борьбой за коммунизм, за дело рабочих и крестьян, за дело партии Ленина. Война жестока и еще не кончилась. А все-таки мы победим».

Чебаненко и подобные ему пламенные патриоты социалистической Родины, которые не стали на колени перед гитлеровскими поработителями, стали жертвами разгула гитлеровского режима и его бандитской армии на Керченском полуострове, которые не отказались против фактически «арестованных» людей, загнанных в катакомбы, применить с целью их истребления отравляющие газы.

О количестве погибших от злодейских немецких рук в катакомбах можно судить по следующим доказательствам:

1. Раскопками обнаружено пять братских могил, имеющихся внутри катакомб, количество похороненных определено комиссией в 3000 человек.

2. Допрошенная по настоящему делу гр-ка Белименко З. С. показала, что количество военнослужащих и граждан, находящихся в катакомбах, как она слышала об этом от своих знакомых, исчислялось от 4 до 5 тысяч человек.

3. Приобщенный к настоящему делу журнал учета командного состава, который не является полным, но в оставшейся части зарегистрировано более 500 командиров, по званию не ниже младшего лейтенанта, тоже дает возможность судить о правильности показаний свидетельницы гр-ки Белименко.

Кроме перечисленных выше неслыханных чудовищных преступлений, фашистская немецкая армия грабителей и бандитов, проведя свою линию, данную им верховным главнокомандованием немецкой армии, когда-то зажиточное село Аджим-Ушкай, где до вторжения немцев проживало не менее 3 тысяч жителей, совершенно разрушила, и в настоящее время, пройдя по этому селу, лишь можно догадаться, что когда-то здесь существовали жилые дома и другие здания, от которых остались развалины фундаментов, отдельные дымоходные трубы...

Колоссальное капитальное здание Аджим-Ушкайской церкви до той степени разрушено и изуродовано, что его можно

различить лишь по общему очертанию, если долго присматриваться с расстояния. В селении Аджим-Ушкай в настоящее время никто не проживает, так как негде жить, и жители оккупационными армиями угнаны в немецкое рабство.

Исходя из вышеизложенного, является установленным, что всю полноту ответственности за массовые убийства-умерщвления советских людей отравляющими газами, находящихся в Аджим-Ушкайских каменоломнях в количестве не менее 5 тысяч человек, за полное разграбление и уничтожение селения Аджим-Ушкай и угон советских граждан в немецкое рабство, несут руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и верховное командование германской армии, а также командиры войсковых соединений и частей, принимавших непосредственное участие в операциях на Керченском полуострове и являющихся участниками перечисленных выше зверств, а именно:

командир 132-й немецкой пехотной дивизии генерал-майор Линдеманн; командиры полков, входящих в состав этой дивизии: 42-го пехотного полка подполковник Кегигсбергер; 72-го пехотного полка полковник Штоут; 97-го пехотного полка полковник фон Блехейн.

Все эти разбойники подлежат уголовной ответственности за преступления, совершенные ими в отношении советских граждан на советской территории, в соответствии с уголовным законодательством Союза Советских Социалистических Республик.

Исходя из вышеизложенного и руководствуясь указаниями Прокурора Союза ССР и Главного военного прокурора Красной Армии «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников»,

Постановил:

Следственное дело № 4-44 г. представить военному прокурору Отдельной Приморской армии для направления в краевую комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Военный следователь ВП В/Ч 69751
капитан юстиции Киквадзе С. М.»

Так Сергей Сергеевич Смирнов стал первым обладателем убедительного свидетельства о беспримерном мужестве и ге-

роизме советских воинов и тяжких преступлениях фашистского военного командования. Он первый и обнародовал это, хотя прошло с тех пор более десяти лет... Вышла повесть С. С. Смирнова об этих событиях — первое документальное свидетельство о героизме и мужестве многих советских офицеров и солдат, женщин и детей, оказавшихся в течение длительного времени в исключительно тяжелейших условиях в каменоломнях, лишенные света, с ограниченным запасом воды и продовольствия, но с огромным неисчерпаемым запасом духовных сил и непреклонной волей «достойно умереть, но не сдаться врагу...»

Вслед за Смирновым о трагедии Аджим-Ушкая написали очерки и рассказы другие авторы. Но в основе всех этих публикаций лежали доказательства, зафиксированные фронтовым военным следователем капитаном юстиции Киквадзе Семеном Макаровичем.

Прочитав его постановление, С. С. Смирнов спросил:

— А какова судьба этих злодеев-генералов? Неужели живы?.. Гуляют на свободе?

— Трудно сказать. Всякое может быть... Направим эти материалы через МИД правительству ФРГ.

Таким же неистовым в поиске неизвестных героев был и писатель Юрий Михайлович Корольков. Как-то он позвонил мне по телефону и попросил его принять.

Представившись представителем парткома Союза писателей, Юрий Михайлович пояснил, что коммунистов интересует судьба некоторых писателей.

— Был такой талантливый татарский поэт Муса Джалиль. Я, правда, как и вы, при жизни его не знал. Недавно встретился со своим старым другом Ильей Френкелем. Во время прогулки с ним он заговорил о товарище по перу — о Мусе Джалиле, и не скрывая своего возмущения, сказал мне:

— Ну что у нас творится. В одном из столичных журналов набрали гранки со стихами Джалиля. И перед самым выпуском журнала вытащили их... Было сказано: «Автор подозрительный. Был в плену, пропал без вести». А стихи прекрасные. Патриотические. Написаны в плену. Предатель, чужой человек не мог так написать. Возьми, почитай сам.

Среди них было стихотворение «Не верь». Когда я прочитал его, оно мне понравилось и взволновало. Не скрою... Позвольте, я прочту несколько строф:

Коль обо мне тебе весть принесут,
скажут: «Изменник он! Родину предал!»

Не верь: дорогая, слово такое,
не скажут друзья, если любят меня...

Или вот еще. Это обращение к Родине:

Прости меня, твоего рядового
Самую малость, часть твою.
Прости за то, что я не умер
смертью солдата в жарком бою.
Кто может сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов свидетель: я не струсил.
Пылинку жизни моей не берег...

Стихи эти произвели на меня большое впечатление, и я признался в этом Юрию Михайловичу...

— Вы обратили внимание, — спросил он меня, — на упоминание Волхова?.. Так, я поясню... В первые же дни войны Муса Джалиль добился направления его в качестве военного корреспондента на Волховский фронт, в армию Власова. Этот предатель не только сам сдался в плен, но и поставил под удар несколько сот наших командиров и бойцов, которые были внезапно пленены фашистами. Попал в плен и раненый Муса Джалиль. До прихода к вам я постарался навести кое-какие справки о нем в нашем секретариате. Мне удалось выяснить только следующее: сразу же по окончании войны жена Мусы Джалиля обращалась в секретариат, была на приеме у А. А. Фадеева. Посылалось письмо от Правления Союза писателей в Главную военную прокуратуру с просьбой разобраться в судьбе поэта Мусы Джалиля. Какой был ответ из Главной военной прокуратуры, найти не удалось. Из разговоров с сотрудниками секретариата удалось выяснить, что в то время были распространены слухи: Муса Джалиль в плену, изменил Родине. Пошел служить немцам в национальном легионе «Идель-Урал». Некоторые вернувшиеся из плена якобы сами лично видели Мусу одетым в нацистскую форму. Вот и все, что мне известно, — заключил свое сообщение Юрий Михайлович...

— Если обращение А. А. Фадеева в Главную военную прокуратуру действительно было, то тогда, — сказал я обнадеживающе, — мы его найдем. Этот срок небольшой, нам приходится поднимать документы из архивов и с более давними сроками их хранения.

— Да... Вам можно позавидовать, — произнес Юрий Ми-

хайлович. — Работа архивная хотя и пыльная, но интересная... Ведь вы — кладоискатели. И находите, не менее ценное, чем металл, истину...

— Да и вам пожаловаться грех, — ответил я, — судя по всему, писатели тоже своеобразные кладоискатели... Прощаясь, мы условились, что одновременно займемся поиском истины о судьбе Мусы Джалиля.

Через несколько дней я позвонил Юрию Михайловичу Королькову и сообщил, что найдены интересующие его материалы о Мусе Джалиле. Пригласил его приехать.

Из найденных нами в архиве материалов следовало, что по просьбе А. А. Фадеева в августе 1945 года в Главной военной прокуратуре была принята жена Мусы Джалиля — Амин-ханум Залилова. Ее принимал военный прокурор отдела ГВП Владимиров. Сохранилась запись этой беседы. Залилова сообщила, что о судьбе мужа она располагает противоречивыми сведениями: друг мужа, тоже писатель (я назвал Королькову его фамилию), сообщил ей, что муж ее — предатель, что его видели в плену в нацистской форме. И в то же время она имела встречу с лейтенантом Гриневым, проходившим службу во время разгрома фашистов в Германии, и его бойцы на территории Моабитской тюрьмы подобрали записку. Текст этой записки был дословно записан полковником юстиции Владимировым в лист беседы с А. Залиловой и гласил:

«Я, татарский писатель Муса Джалиль, заключенный в Моабитскую тюрьму за политическую работу против фашистов и приговоренный к смертной казни. Сообщите об этом в Москву, в Союз писателей. Прошу передать мои приветы Фадееву, Тычине и моим родным, которые живут в Казани». Офицер Гринев эту просьбу Мусы Джалиля выполнил. Записка была доставлена по назначению. Ну а дальше, спросите вы меня?.. Что было дальше?.. К сожалению, наши товарищи проверку всех этих сведений не довели до конца, и материалы положили в архив. Между тем в этом же материале есть объяснение того самого писателя, который сообщил А. Залиловой, что ее муж изменник — предатель Родины. На вопрос к нему военного следователя капитана юстиции Воронина: «Откуда вам известно о предательстве Мусы Джалиля?» он ответил: «От Махмута Ягульдинова. Этот человек сам лично видел Мусу Джалиля в плену, одетого в нацистскую форму...»

Я заверил Юрия Михайловича, как бы ни было трудно, но мы постараемся выяснить, кто такой Махмут Ягульдинов, где

он находится, что может рассказать о своих встречах с Мусой Джалилем.

Нам удалось установить, что фигурировавший в материалах проверки человек под фамилией Махмут Ягульдинов, лично встречавшийся с Мусой Джалилем в плену и видевший его в нацистской форме, на самом деле является Махмутом Ямалутдиновым. Он действительно был в плену, вернулся из плена на Родину, но вскоре был разоблачен как изменник Родины и осужден военным трибуналом Туркестанского военного округа. Его уже нет в живых. Он был приговорен к расстрелу, и приговор приведен в исполнение. Но извлеченное из архива дело на Ямалутдинова многое прояснило. Оказалось, что Ямалутдинов попал в плен и, оказавшись в одном из легионов, сформированном фашистским командованием из пленных бойцов нерусских национальностей, изъявил желание активно сотрудничать с гитлеровцами. Он получил назначение на должность командира отделения и чин унтер-офицера немецкой армии. Являясь, как потом выяснилось, тайным агентом гестапо, Ямалутдинов выведал о существовании в легионе подпольной патриотической организации, подготовлявшей переход легиона на сторону Красной Армии, во главе которой стоял политработник Гумеров. По его доносу Гумеров и весь штаб организации были арестованы, а план перехода легионеров сорван. На вопрос председателя военного трибунала: «Что вам известно о личности Гумерова?» подсудимый Ямалутдинов ответил:

— Под фамилией Гумеров прикрывался известный татарский писатель — поэт Муса Джалиль, политработник — военный корреспондент.

— А что вам известно о его судьбе?

— Слышал, что фашисты казнили его...

Мне пришлось признаться, что по вине некоторых военных юристов вот такие убедительные доказательства патриотической деятельности Мусы Джалиля оставались на безмолвных листах юридических протоколов, покрываясь пылью...

Через некоторое время последовал звонок:

— Борис Алексеевич! Смотрели сегодняшние газеты? — услышал я с другого конца провода восторженный возглас Юрия Михайловича Королькова, — Мусе Джалилю присвоено посмертно звание Героя Советского Союза... Наконец-то истина восторжествовала.

— А не правда ли, Борис Алексеевич, многому учит нас этот факт. Надеюсь, не единственный.

Я ответил: «Да». И рассказал Юрию Михайловичу, что мы только что закончили проверку нескольких дел на служивших в «Туркестанском легионе», и стали свидетелями того, насколько сильным было стремление наших соотечественников, вынуждено оказавшихся в фашистском плену, вырваться из него и перейти на сторону Красной Армии... Об одном из таких дел и был мой рассказ...

Война застала Бакита Байжанова на службе в пограничных войсках на одной из застав западной границы. Но на войне пограничник Байжанов был всего несколько часов. Затем плен. Нет, он не сдался врагу, не смалодушничал. Его обезоружили и захватили. Захватили после того, как Бакит Байжанов и его товарищи-пограничники сделали все возможное, чтобы сдержать натиск гитлеровцев. Но силы были неравны...

Начались скитания по лагерям. Первый, второй, третий и, наконец, «особый». Его фашисты организовали осенью 1941 года в местечке Легионово, недалеко от Варшавы, и назвали так не случайно. Он комплектовался строго по национальному признаку — из военнопленных среднеазиатских национальностей.

Лагерь опоясывала в несколько рядов колючая проволока, лютовала охрана. Но иногда у пленных появлялся сравнительно сытный обед. Или вдруг каждый невольник получал полный кисет махорки. Или им неожиданно разрешалось собраться вместе и организовать что-то вроде вечера самодеятельности. Или просто отбирали группу пленных и везли ее на увеселительную прогулку в ночную Варшаву. Одним словом, это была тщательно разработанная ведомством Геббельса целая система приемов, применявшаяся для того, чтобы нравственно растлить души людей, сыграть на их национальных чувствах, на простых человеческих слабостях, принудить пойти в услужение к врагу.

Прошло некоторое время. Однажды всех военнопленных свели на плац лагеря и перед строем объявили: «Отныне все вы без исключения зачисляетесь на службу в «туркестанский легион». По такому случаю в лагере появился «вождь» так называемого мусульманского комитета некий Вали-Каюм-хан, пригретый фашистами. Этот презренный предатель Родины, провозгласивший себя «фюрером» Средней Азии, обошел строй военнопленных и изрек антисоветскую речь. Его слушали внешне внимательно. Оратор, конечно, понимал, что вряд ли кто разделяет его взгляды, а тем более сожа-

леет об изгнанных навсегда баях и ханах. Но Вали-Каюм-хан не обращал на это внимания. Он держался надменно.

Всем своим видом он как бы давал понять: «Не вздумайте возражать или отказываться... Мы сумеем усмирить любого». И это понимал каждый военнопленный: «Ничего не поделаешь — придется пока терпеть».

Однако многие задумывались: как найти выход из создавшегося положения?

— Что думаешь делать, Бакит? — спросил его однажды знакомый Айдарбек Тиметов.

— Хочу понравиться фашистам, — со скрытой иронией ответил тот.

— Это зачем тебе?

— Не столько мне, сколько всем...

На этом разговор оборвался. Но смысл его постепенно прояснялся.

Сначала Бакит Байжанов пожелал пойти на учебу. Зачем? Чтобы занять командную должность. На курсах он старался прослыть за исполнительного, прилежного слушателя и этим обратил на себя внимание, заслужил доверие своих «учителей» — фашистских офицеров. После окончания курсов Байжанова назначили на должность командира взвода.

Подчиненные Бакита почувствовали, что добился он этой должности не для личного благополучия, а для облегчения их участи. Главное — он получил возможность свободнее общаться с людьми, изучать их.

Когда в сентябре 1942 года один из батальонов «туркестанского легиона» прибыл на фронт, Бакит Байжанов каждому из своих подчиненных наедине сказал: «Стрелять по своим не будем. Я свяжусь со всеми другими командирами, и мы решим, что предпринять».

Пока шло строительство оборонительных сооружений, предприимчивый Бакит сумел за это время разведать, кто из жителей тех сел, где дислоцировался легион, был настроен против фашистов. Позже через этих людей он связался с партизанами. От них он регулярно получал сводки Совинформбюро, советские листовки, а иногда даже газеты. Они являлись источником самой правдивой информации о том, что делается на фронтах, и Байжанов, оставаясь незамеченным, распространял их среди своих подчиненных.

И вдруг Бакита арестовали. Пока остается неясным, каким образом и что именно удалось немцам узнать о Байжанове. При аресте у него нашли советскую листовку, которую он не

сумел ни уничтожить, ни передать. Фашисты не без оснований предполагали, что Байжанов действует против них давно и не один, что у него немало соратников. Но кто они? Чтобы как-то выйти на их след, фашисты наугад арестовывали то одного, то другого подчиненного Байжанова. Но никто не выдал патриота. Стойко, мужественно выдержал все муки и пытки фашистского застенка и Бакит Байжанов.

Гитлеровцам так и не удалось раскрыть тайной организации и ее планов. И все же Байжанова казнили. Его злодейское убийство свершилось в первых числах декабря 1942 года в тюрьме г. Богучарова. Нацисты не раз напоминали его товарищам: «Так будет с каждым из организации».

В ночь на 19 декабря 1942 г. участники группы Байжанова собрались на свое тайное собрание и приняли решение действовать, как только начнется наступление. Решено было направить самых верных товарищей в расположение передовых частей Красной Армии и доложить командованию, что легионеры не будут воевать против своих и откроют свои позиции для облегчения обхода и разгрома фашистских войск на этом участке фронта.

Смельчакам было также поручено рассказать о расположении огневых точек фашистов и условиться, что наступление частей Красной Армии станет для них сигналом к восстанию. Фашисты будут уничтожены тем же самым оружием, которым они вооружили легион.

Выполнить это опасное задание было поручено Нигмету Табишкину, Курумше Мухамеджанову, Мусабаю Малыбаеву и Аскару Алиакбарову. По двое они должны были пробраться в разных местах на позиции частей Красной Армии. Им удалось это сделать.

В архиве Министерства обороны сохранились документы, официально подтверждающие, что во время декабрьской наступательной операции частей Красной Армии в районе Дона 193 советских военнопленных — казахов и узбеков, насильно зачисленных фашистами в «туркестанский легион», восстали, не пожелали воевать против Красной Армии и влились снова в ее ряды. Многие из них потом продолжали громить врага до окончательной победы.

После того как Юрий Михайлович познакомился с судьбой пограничника Байжанова Б. и его друзей, он сказал:

— Имею, правда, неточные пока сведения, но из «Идель-Урала» тоже были переходы легионеров на сторону Красной Армии. Нельзя ли узнать поточней?.. Я собрался написать

о Мусе Джалиле книгу — весь его жизненный путь описать — от рождения до казни фашистами.

Я пообещал Королькову выяснить... Через некоторое время мы получили обстоятельную справку о судьбе созданного гитлеровцами легиона «Идель-Урал».

После того как гитлеровцы раскрыли массовую подпольную организацию в Едминском лагере, после восстания в 4-м батальоне, германское верховное командование отправило всех легионеров во Францию — подальше от Восточного фронта. Татарский легион в составе нескольких тысяч человек очутился в Южной Франции, в районе Ле-Пю. В 1944 году легионеры снова восстали, и весь легион перешел на сторону французских партизан. Во время восстания были убиты нацисты, работавшие в легионе. В дальнейшем легионеры принимали участие в боях с гитлеровцами и освободили несколько французских городов...

Передавая Королькову эти сведения, я сказал ему: «Как, видите, дело, начатое Мусой Джалилем, получило свое развитие и можно считать, что фашистская затея сформировать воинские части из советских военнопленных нерусской национальности для борьбы против Советского Союза закончилась бесславно. А еще хочу вам сообщить, что сами легионеры учинили суд над тем самым фельдфебелем Блоком, который через предателя Ямалутдинова сумел раскрыть существование подпольной организации, возглавляемой Мусой Джалилем... Они его казнили. Одним словом, возмездие восторжествовало.

С передовой в тюрьму. Случаев, когда военнослужащего неотложно арестовывали на передовой, было немало. Об одном из таких арестов и судьбе арестованного фронтовика мы расскажем.

Впервые мое заочное знакомство с Александром Исаевичем Солженицыным, в прошлом капитаном Красной Армии, состоялось в сентябре 1955 года.

Из секретариата ЦК КПСС к нам было передано заявление А. И. Солженицына. Адресовано оно было на имя Н. С. Хрущева. Датировано сентябрем 1955 года. Приведу фрагменты из него:

«От административно-ссыльного, проживающего в с. Берли, Джамбульской области, работающего преподавателем средней школы». Далее он писал, что непрерывно находился на фронте, на передовой в составе 794 ОАРАД (68-й Севско-Речицкой ПАБР). «...Только на основании моей вздорной

юношеской переписки с моим другом детства, извращенно искаженной и раздутой до неузнаваемости в протоколах, вынужденный бессонницей и физическим изматыванием, а это практиковалось при Абакумове, без всяких оснований был подвергнут административным решением заключению особым совещанием на восемь лет. После отбытия этих восьми лет был определен на «вечную» ссылку...

В настоящее время смертельно болен, у меня рак (метастаза семеномы забрюшечных лимфатических желез)».

Он сообщал, что успешно в свое время закончил Ростовский государственный университет, все 32 предмета сдал на «отлично» и он просит об освобождении его от ссылки.

Видимо, надо пояснить, что к нам, в Главную военную прокуратуру это заявление было направлено по той причине, что осужденный Солженицын являлся капитаном.

Для нас тогда это был один из невинно пострадавших, один из многих тысяч, потому все пошло по заведенному порядку: было истребовано личное дело.

Из него мы узнали:

Солженицын Александр Исаевич вступил на службу в РККА 18 октября 1940 г. Первое место службы — 74-й отдельный гуж-транспортный батальон. Должность — красноармеец-ездовой;

с 14 апреля 1941 г. курсант 3-го Ленинградского артиллерийского училища;

1 декабря 1942 г. присвоено воинское звание — лейтенант;

15 сентября 1943 г. — старший лейтенант; 7 мая 1944 г. — капитан.

О том, как воевал А. И. Солженицын по выпуску из училища (ускоренного курса), говорят сохранившиеся в архиве наградные листы. Текст первого:

«Командир БЗР-2 (батареи звуковой разведки) лейтенант Солженицын получил в январе 1943 года необученных бойцов. К 17 марта 1943 г. батарея звуковой разведки была обучена звуковой разведке и готова к выполнению боевой задачи. За период май — июнь БЗР-2 под умелым руководством лейтенанта Солженицына выявила основную группировку артиллерии противника на участке Малиновец — Сетуха — Бол. Малиновец (Орловское направление). 11.6.43. в период операции три вражеских батареи, засеченных БЗР-2, 44-й ПАБР (пушечно-артиллерийская бригада) — подавила.

В период наступления наших войск 12.7.43 вся группировка артиллерии противника, которая была выявлена БЗР-2, подав-

лена 44-й ПАБР, что дало возможность успешно и быстро прорвать сильно укрепленную линию обороны немецко-фашистских войск.

За успешную и быструю подготовку личного состава, за умелое руководство по выявлению группировки артиллерии противника на участке Малиновец — Сетуха — Бол. Малиновец командира БЗР-2 представляю к награде — ордену Отечественной войны II степени.

Командир 794 ОАРАД
капитан (подпись) Пшеченко

26 июля 1943 г.

Достоин правительственной награды — ордена Отечественной войны II степени

Командир 44 ОПТАБР РГК
гвардии полковник (подпись) Айрапетов

Наградить орденом Отечественной войны II степени

Командующий артиллерией 63-й армии
генерал-майор артиллерии (подпись) Семенов

Приказом командующего артиллерией 63 А № 05/21 от 10.8.43 награжден орденом Отечественной войны II степени.

Нач. отд. кадров УК арт 63 А
капитан (подпись) Анохин.

Под всеми подписями — печати.

Текст второго наградного листа:

«В боях с немецко-фашистскими захватчиками перед прорывом и во время прорыва глубокозшелонированной обороны немцев в р-не северней Рогачева тов. Солженицын благодаря своей хорошей организации и руководству сумел обеспечить разведкой левый фланг наших наступающих частей. 24.06.44 две батареи противника вели фланговый огонь по переправе через реку Друть и нашей наступающей пехоте. Тов. Солженицын, несмотря на сплошной шум, сумел обнаружить эти две батареи и скорректировать по ним огонь наших трех батарей, которые (батареи противника) были подавлены, тем самым обеспечил безпрепятственную переправу наших войск и продвижение их вперед.

Тов. Солженицын достоин правительственной награды — ордена Красная Звезда

Командир РАД 68 А
майор (подпись) Пшеченко

6 июля 1944 г. Достоин правительственной награды ордена Красная Звезда

Командир 68-й армейской пушечной артиллерийской
Севско-Речицкой бригады
полковник (подпись) Травкин

8 июля 1944 г.

Приказом по 68-й армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригады награжден орденом Красная Звезда. Приказ № 019 от 8 июля 1944 года.

Начальник штаба 68-й армейской пушечной артиллерийской
Севско-Речицкой бригады
подполковник (подпись) Кравец.

Звуковая разведка, как и всякая разведка на фронте, была всех ближе к противнику. Командиром батареи звуковой разведки назначался, как правило, один из самых грамотных, толковых и храбрых артиллерийских офицеров: сложные приборы, математика, геометрия, солдат немного, но все с образованием...

Скупые, но очень содержательные строки наградных листов лишь усилили вопрос: «Какой же проступок должен был совершить капитан Солженицын, чтобы его прямо с передовой, из боя и в тюрьму?» Ведь война-то еще не кончилась, и заменить комбата было не так просто.

Уголовное дело капитана Солженицына начиналось, как и всякое «дело», со справки на арест. Составлена эта справка 30 января 1945 г. Автор ее — старший оперуполномоченный 4-го отдела 2-го Управления Народного комиссариата государственной безопасности капитан государственной безопасности Либин.

В справке содержалось следующее: «Солженицын Ал-др Иванович (обратите внимание на отчество: не Исаевич, а почему-то Иванович), 1918 года рождения, уроженец Кисловодска, русский, беспартийный, с высшим педагогическим образованием, находящийся в Красной Армии в звании капитана, совершил следующее преступление:

Имеющимися в НКГБ материалами установлено, что Солженицын создал антисоветскую молодежную группу и в настоящее время проводит работу по сколачиванию антисоветской организации.

В переписке со своими единомышленниками Солженицын критикует политику партии с троцкистско-бухаринских позиций. Постоянно повторяет троцкистскую клевету в отношении руководителей партии и товарища Сталина. Так, в одном из писем Виткевичу от 30 мая 1944 г., критикуя Сталина и его лозунги по крестьянскому вопросу, употребил в адрес Ста-

лина...(матерщину). То же повторил в письме от 15 августа 1944 г. тому же Виткевичу, когда разбирал учение Сталина о трех сторонах диктатуры пролетариата.

В том же духе он написал и жене — Решетовской от 14 октября 1944 г.

25 декабря 1944 г. Солженицын сообщал Виткевичу: «Письмо твое и злоба твоя отозвались во мне очень громко. ...Надо беречь силы, не расстрачивать резервов и тебе в этом пропагандировать меня не надо».

Дальше в справке: «Арестовать и этапировать в Москву».

Фактический арест был произведен в действующей армии, на территории 2-го Белорусского фронта, в расположении 68-й Севско-Речицкой бригады.

Постановление-справка на арест была утверждена заместителем наркома госбезопасности Кобуловым, а санкция на арест дана Главным военным прокурором Вавиловым.

Коль санкция на арест давалась столь высокопоставленными фигурами, то весь нижестоящий аппарат, вся репрессивная машина до самого последнего «винтика» начинала крутиться до тех пор, пока человек не исчезал за колючей проволокой. Тут сбоя, остановки, возврата в прежнюю жизнь для обвиняемого уже быть не могло.

Сами фамилии подписавших такую «справку» были приговором. Так что Солженицын был обречен заранее, до следствия и суда. Кому-то надо было посадить его так, чтоб не выскочил долго, потому и появились столь весомые подписи, которые связали по рукам и ногам всякое объективное расследование. Это очень важный момент.

За «справкой» в «деле» шли документы следствия. Надо заметить, они оригинальны. Свидетелей по делу, когда велось предварительное следствие, — ни единого. Хотя назывались Виткевич, Решетовская... Допрашивать их не стали... Почему?

В деле несколько протоколов допросов Солженицына. Вот выдержки из одного из них от 28 мая 1945 г. Спустя почти пять месяцев после ареста. Этот допрос был учинен с участием военного прокурора подполковника юстиции Котова и помощника начальника 3-го отдела Езепова. Протокол подписан ими и самим Солженицыным, который написал:

«В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю».

Вопрос: «В чем именно?»

Ответ: «В том, что начиная с 1940 года при встречах и в переписке с другом — Виткевичем Николаем Дмитриевичем,

клеветал на вождя. В отдельных вопросах был убежден, что Сталин не имеет ленинской глубины. Утверждал в этих письмах и разговорах, что мы не были полностью готовы к войне 1941 года. Утверждал и соглашался в письмах и разговорах с Виткевичем об отсутствии свободы слова и печати в нашей стране. Мы действительно записались в так называемые революционеры. Мы считали, что создание, я подчеркиваю, антисоветской организации непосильно нам двоим и предполагали, что у нас могут найтись единомышленники в столичных литературных и студенческих кругах.

Вот на все эти темы я вел разговоры с друзьями детства, еще кроме Виткевича — Симоняном К. С., Решетовской Н. А. и Власовым Л. В.».

Никто из этих людей допрошен не был.

После столь весомых, если так можно выразиться, показаний — признания с участием прокурора, было составлено обвинительное заключение по делу.

Готовилось оно уже названным Езеповым и утверждено начальником 2-го Управления НКГБ комиссаром государственной безопасности 2-го ранга Федоровым 8 июня 1945 г. Воспроизводя объективно биографические данные Солженицына, следователь записал, что он — командир батареи звукоразведки, дважды награжден орденами — Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

Далее следует и трагическая справка о том, что Солженицын «с 1940 года занимался антисоветской агитацией и предпринимал практические шаги к созданию антисоветской организации».

В связи с этим ему было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 58^{10} УК РСФСР, предусматривающей ответственность за антисоветскую агитацию, и по ст. 58^{11} УК, предусматривающей ответственность за создание антисоветских организаций.

После такого обвинительного заключения было внесено предложение: в суд с ним не ходить. Почему?

Видимо, в признание Солженицына не очень верилось. Боялись, что на суде он поведет себя «неправильно». Дело было направлено в особое совещание.

Восемь лет с такими обвинениями и в те времена — необычно. Видимо, сыграло свою роль перечисление Езеповым заслуг обвиняемого, его наград... В отличие от Либина, арестовавшего Солженицына, Езепов был более объективен.

Фронтовая биография Солженицына, видно, оказала свое воздействие на особое совещание.

Находясь в московской тюрьме для военных на Матросской тишине, в июне 1947 года Солженицын написал на имя Генерального прокурора жалобу-заявление. Начал он ее так:

«Всякое контрреволюционное преступление определяется прежде всего наличием контрреволюционного умысла. Никакого контрреволюционного умысла у меня не было и нет. Как свидетельствуют вся моя боевая характеристика, командование за неделю до моего ареста по настоящему делу в ночь с 26 на 27 января 1945 г. в Восточной Пруссии при контратаке немцев моя батарея попала в окружение. Гибель ценнейшей секретной техники и личного состава казалась неминуемой. Я же, действуя в исключительно трудных условиях, вывел личный состав из окружения и технику спас (смотрите характеристику командира и боевой отзыв майора Мельникова)».

Дальше он писал в этой жалобе:

«Невозможно представить, чтобы человек с контрреволюционным настроением и с контрреволюционным умыслом, а следовательно, враг Советской власти, до дня своего ареста так полно и беспредельно отдавал свою жизнь для того, чтобы отстоять Советскую власть и все ее завоевания. Сложность моего дела заключается в том, что я в переписке с Виткевичем и при встречах с ним допускал неправильное толкование по отдельным теоретическим вопросам, и неправильно критиковал отдельных писателей и наши литературные издательства. Однако во всем этом не было контрреволюционного умысла, а действовал человек, опьяненный самомнением молодости, увлеченный диалектическим материализмом и переоценивающий свои способности. Пытался поскорее иметь свои собственные оригинальные суждения и впал в горькое и тяжелое заблуждение.

То же самое и по вопросу литературы. Мне казалось, что издательство не всегда правильно поступало, когда мне отказывало в приеме в печать отдельных моих произведений.

Когда я говорю, что сложность моего дела заключается в этом, то я имею в виду — неправильные действия следователя, который под моральным и иным давлением принудил меня признать на предварительном следствии, что все это якобы исходило из моих контрреволюционных убеждений. Однако то, что это не так, свидетельствуют мои произведения, которые были изъяты при моем аресте и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Если внима-

тельно ознакомиться с этими моими произведениями, отдельные из которых получили положительные отзывы, то можно усмотреть, что все они идеологически строго выдержаны, да иначе они и не могли быть по моему мировоззрению. Таким образом полностью отпадает версия предварительного следствия о моей контрреволюционной деятельности».

Главной военной прокуратурой совместно с представителями КГБ была проведена проверка. Это уже были новые люди, не имеющие отношения к бериевскому аппарату. Конкретно делом Солженицына занимались подполковник юстиции Горелый и капитан КГБ Орлов.

Был допрошен Виткевич Николай Дмитриевич. Он показал, что в беседах и переписках оба они выражали недовольство культом личности, осуждали его, но никаких антисоветских разговоров по существу не велось.

Были допрошены Решетовская, Симонян. Они дали Солженицыну прекрасные характеристики, говорили, что он умный, талантливый, хорошо учился.

Таким образом, военной прокуратурой и КГБ был сделан вывод: дело производством прекратить, полностью реабилитировать.

27 декабря 1956 г. мы вышли с предложением в Военную коллегию о полной реабилитации и прекращения дела за отсутствием состава преступления.

6 февраля 1957 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приняла такое решение. Это было еще одно из многочисленных решений о восстановлении Справедливости...

Взошедший на Голгофу. Он пришел к нам в Главную военную прокуратуру и доложил по-военному: «бывший младший сержант 58-го Отдельного дивизиона бронепоездов и бывший работяга Гулага Николай Сергеевич Демьянов».

В те дни к нам обращалось много людей. Сотни покалеченных судеб...

Здесь же передо мной сидел человек, преодолевший всякий страх, который, как следовало из его рассказа, был тогда массовым, а покорность всеобщей. Он обратился к Сталину с откровенным письмом о положении в стране и в армии.

«Писать И. В. Сталину, — признался Демьянов, — было тяжелее, чем идти в атаку. Тогда я руководствовался желанием открыть глаза вождю, так как был убежден, что руководители партии и правительства не знают фактической жизни народа, они отгорожены от этой жизни стеной, которая повыше кремлевской.

Что из этого вышло, узнаете из моего дела. Извлеките его из архива 1942 года.

Расскажу немного о себе, ибо этого нет в деле. Я — сибиряк. Родом из Тобольска. Отец мой сочувствовал большевикам и в 1921 году погиб от рук белогвардейцев.

Брат Михаил в первые годы Советской власти работал начальником милиции. Его убили бандиты. Второй брат Роман отвоевал и за себя, и за меня и вернулся весь израненный. Ехал и я на фронт, но не доехал. Хотел найти правду, а стал «антисоветчиком и террористом». Помогите освободиться от этого клейма.

Содержание письма Демьянова И. В. Сталину не бесспорно. Несомненно — это один из документов, который характеризует силу духа нашего народа и свидетельствует о том, что и в те времена были люди, которые за свободу и правду шли на плаху. Вспомним академика Вавилова Н. И. и других.

О чем же писал младший сержант Красной Армии Николай Сергеевич Демьянов?

«Товарищ Сталин!

В грозный час, когда опасность, нависшая над нашей Родиной близка и зловеща как никогда, я снова обращаюсь к Вам с просьбой об аудиенции, со всей ответственностью бойца и гражданина — дело, о котором я хочу говорить с Вами, дело спасения Родины, дело организации отпора и победы над врагом.

Я несколько раз уже обращался к Вам, но ни на одно письмо не получил даже ответа. По-видимому, их задержали работники, контролирующие поступающую к Вам корреспонденцию. Почему? Здесь одно из двух, или эти люди недопустимо, по-лакейски ограничены и не имеют никакого понятия об опыте истории, или они со злым умыслом возводят китайскую стену между Вами и народом.

Несколько лет назад я занимался подготовкой материала для написания работы «Государство и народ». Это заставило меня, кроме теоретических произведений, особенно внимательно изучать наши общественные отношения, пристально приглядываться к самым незначительным проявлениям новых, едва нарождающихся сил и тенденций в недрах нашей системы. В результате передо мной раскрылась картина действительности, совершенно непохожая на ту, которую рисуют трудящимся высокопоставленные и высокооплачиваемые организаторы официального общественного мнения. В недрах ее уже давно возникли и развиваются общественные силы, медленно разъедающие единство между государством и народом. Ввиду своей специфичности эти силы совсем незаметны для государства и очень ощутительно воздействуют на народ. Казалось бы при нашем советском строе, когда народ и государство почти одно целое, эти силы должны были скоро выявиться. Однако этому мешали и мешают неко-

торые особенности болезней роста политической организации общества и принципы ее, носителями которых явились творцы общественного мнения и могучая армия общественной безопасности. Первые взяли на откуп и монополизировали любовь к Родине, утвердили один свой способ постижения истинного. Они составили ход мыслей, только которыми можно выражать любовь к Родине, наперекор очевидности заставили видеть светлое, где находятся густые тени, называть правильным и необходимым вредное и ошибочное. Вторые обеспечили признание этой тарабарщины, поставив каждого гражданина под угрозу быть заклейменным позорным тавром подозрительного, неблагонадежного, или даже врага народа, заставили народ прятать свои мысли, принудили носить рубище чужого недомыслия. Всем этим устранили всякую возможность выявления тех разрушительных сил, которые подтачивают мощь государства и которые с тех пор еще сильнее развиваются. Медленно, но неуклонно подавляются подлинные энтузиазм и инициатива народа, их заменяют газетным благополучием и бравадой.

Чем дальше, тем сильнее действовали эти разрушительные силы, а чем сильнее они действовали, тем упорнее их замазывали и игнорировали. Поэтому в канун войны народ, раздираемый несоответствием между теоретическими принципами государствам и последствиями их практического применения, был связан путами сомнения и недовольства...

В первые месяцы войны я написал Вам письмо, кратко излагая некоторые свои соображения и прося свидания. Через месяц я телеграфировал Вам: «Прошу аудиенции дело государственной важности». Через две или три недели снова телеграфировал: «Прошу о свидании дело спасения Родины». На почте на меня смотрели как на сумасшедшего, а через некоторое время вызвали в областное управление НКВД (это было в Харькове). Там я просто не стал говорить. Меня отпустили домой, провожая фразой: мы еще встретимся. Но эти офицеры государственной безопасности больше всего думали о своей собственной безопасности. Им некогда было заниматься делами государства. Они спешили вывезти из города своих жен и их родню, со всем скарбом. Сами они торопились «организовывать» тыл. Меня 18 октября призвали в армию.

Как будто специально для того, чтобы я еще раз мог проверить себя и свои выводы, события окунули меня в самую толщу жизни народа. В рядах отходящих, еще не сформированных частей шел я от деревни к селу, от села к станции, от станции к заводу, от завода к городу. Мы прошли пешком 700 километров. За это время я был в нескольких ротах и батальонах. Менялись места, менялись спутники по строю. Одни уходили, другие отставали. Служащие, рабочие, шахтеры, колхозники — все открывали друг другу свои сердца...

Изучая внутреннюю жизнь Красной Армии, настроение бойцов, взаимоотношение их с командирами, методы воспитания защитников отечества, снова пришел к тому же выводу, — литературно-теоре-

тический образ Красной Армии, который рисуют народу и из которого, по-видимому, исходят в Генеральном штабе, не имеет ничего общего с действительной Красной Армией. Высокий нравственный облик командиров и комиссаров, тесный контакт между рядовым и командным составом, забота о бойце, беззаветная преданность государству — это литература, списанная с исключений и игнорирующая общее, столь же вредная, как и заведомо ложное сообщение о количестве и расположении сил противника накануне боя. А в действительности... наши советские командиры думают не о судьбах государства, а о том, как бы сохранить звание командира и возможность продвигаться по служебной лестнице. Большинство же стараются устроиться с минимальной опасностью для своей жизни и с максимальными удобствами (мягко спать, пить водку, жирно есть, иметь несколько смен обмундирования). Все это на виду у бойцов, а зачастую и за счет пайка их. В строевой службе бесконечно тычут бойцу уставом, требуя неуклонного выполнения тех статей, которые обязывают бойца, и постоянно нарушают те, которые должны охранять его права. Вместо того, чтобы по настоящему заниматься боевой и тактической подготовкой, бóльшую часть времени убивают на малограмотные политзанятия, на муштру. Бойцов постоянно дергают: «Как стоите!», «Как обращаетесь!», «Почему не приветствуете?», «Не умеете подходить!». Нет ничего похожего на товарищеские отношения...

Бойцов и командиров разделяет, мягко выражаясь, потенциальный антагонизм, который часто прорывается...

Все чаще и чаще в самых разнообразных слоях народа и армии, и среди рабочих, и среди интеллигенции, среди бойцов и среди командиров слышатся одни и те же слова: «Если бы знал т. Сталин, что творится у нас?» В них и надежда и боль и бесконечное глубокое желание быть услышанным...

Есть только один светлый и благородный путь для победы над врагом — путь мобилизации духа каждого гражданина и всего народа вместе на сокрушение врага. Надо разбить броню равнодушия к судьбе государства, развязать путы вялости и сомнения, во всех сердцах зажечь пламя энтузиазма, всколыхнуть бурю чувств. Только при этих условиях мы сможем завоевать мир, достойный нашего великого народа. Другого пути нет. Вот о том, как это сделать, я и желал бы говорить с Вами.

Сознаю, одна попытка взять на себя решение такой задачи очень похожа на чрезмерную и болезненную самонадеянность, но прошу поверить мне, это не самонадеянность, а уверенность в правильности своих заключений. Решив писать, я несколько раз откладывал его. Чтобы иметь право не писать, я старался найти хотя бы намек на то, что среди людей, окружающих Вас, есть работники, понимающие истинный смысл событий. Внимательно читаю газеты, журналы. Но везде одно и то же — упорное нежелание видеть действительность какой она есть, и нет ничего похожего на стремление исходить в решениях и действиях не из искусственного, а действи-

тельного. В мае т. Александров опубликовал статью «Отечественная война и задачи общественных наук». По поводу ее я, хотя и не имею никакого ученого звания, беру на себя смелость заявить — т. Александров не понимает скрытых тенденций и закономерностей нашей жизни и скользит по поверхности явлений. А поставленные им задачи мертвы. Постигать диалектику в теории и диалектику жизни — не одно и то же. Для последнего надо обладать кое-чем другим, кроме эрудиции и ученых степеней, или как раз обладание ими не обязательно.

Итак, я нигде не нашел оснований, чтобы сложить с себя выполнение задачи, которую воспринимаю как долг гражданина и сына народа. Я стучу в двери Вашего ума и Вашего сердца, прошу — выслушайте меня. Если в этом не найдут состава преступления (это-то у нас делают быстро. Оно и понятно, ведь здесь быстрота приносит высокие посты и быстрое продвижение по службе) и не лишат меня свободы, я и впредь буду искать пути к Вам, ибо только в этом сейчас вижу средство к восстановлению подлинного могущества нашей Родины.

Гражданин Н. Демьянов
Младший сержант 58-го Отдельного дивизиона бронепоездов
Адрес для ответа

Сейчас наш дивизион прибыл в Москву для получения новой материальной боевой части. Временно эшелон стоит на станции «Лосиноостровская». О дальнейшем местонахождении его можно будет узнать или на товарном вокзале станции «Лосиноостровская», или в ГАБТУ Красной Армии».

Ответ Демьянов получил через неделю, но уже на Лубянке. С ним познакомился Кобулов Б. З. (заместитель начальника контрразведки «Смерш» Абакумова). Он уже санкционировал арест младшего сержанта Демьянова, возведенного в ранг особо опасного государственного преступника (добивавшегося изменения политики партии и непременной личной встречи с вождем). Зачем?.. Ответ для Кобулова был ясен — для террора.

Следствие было поручено вести следователю Путинцеву — одному из той команды, которую сформировал Абакумов для фальсификации ряда дел, в том числе и на ленинградских руководящих партийных работников, где Путинцев проявил особую жестокость к невиновно осужденным.

В заявлии на имя Генерального прокурора СССР Демьянов писал:

«Следователь все время мне навязывал антисоветскую агитацию среди состава дивизиона. И чего только не было в протоколах допроса... Дать признание, что призвал к необходимости смены правительства. Я внимательно читал эти про-

токолы и, если попадалась хотя бы одна лживая строка, отказывался их подписывать. Следователь буйствовал, матерился. Днем спать в камерах не давали. На допросы вызывали ночью. На допросе следователь держал по нескольку часов, поглядывал на меня и кричал: «Сидеть прямо! Руки на колени!» Угрожал переводом в Лефортовскую тюрьму: «У меня там заговоришь». Когда закончили следствие, меня заставили подписать какой-то протокол. Тогда я был сильно изнурен физически и подавлен морально».

Чем же закончил «свое» следствие Путинцев? Он предложил «внести дело на рассмотрение Особого совещания МГБ СССР и в качестве меры наказания — Демьянова Н. С. расстрелять».

С таким предложением согласился и министр Абакумов. Но Демьянову «посчастливилось». Главная Военная прокуратура высказалась против предложенной меры наказания, и Демьянов Н. С. был осужден на 10 лет лишения свободы. Другого решения в 1943 году Главная военная прокуратура добиться не могла.

И Демьянов оказался в одном из лагерей Гулага. Приведу выдержку из его прошения о реабилитации: «Сначала выводили на лесоповал, но так как я с трудом вылезал из стволов и не в силах был работать, перевели на известковые печи. Там мы переносили камни от штабеля к печи. Медленно качаясь, ходила цепочка людей от штабеля к печи, от печи к штабелю. А мысли? Мысли не убивал постоянный грызущий голод. Здесь я впервые наблюдал и поразился, как тихо умирают голодной смертью. Накроется с головой одеялом или отвернется к стене и затихнет навсегда.

Умирало очень много заключенных. Во внутренней жизни лагеря фактически хозяйничали воры, бандиты и разные проходимцы. Они выписывали пайки, будучи бригадирами. Были хозяевами в каптерках, в столовой, на кухне. Большинство с нашего этапа погибло, но я выжил. 12 августа 1952 г., отбыв 10 лет день в день, я был освобожден. Стал инвалидом, два года не работал, а сейчас опять пошел работать».

И заканчивал свое прошение Демьянов такими словами:

«В дни празднования 20-летия дня Победы переписывали участников Великой Отечественной войны. А у меня в военном билете, выданном после выхода на свободу, написано: «В Армии не служил, в Великой Отечественной войне не участвовал». В сознание вкралась тревога. Возможно я доживу до 25-летия Победы. У меня есть сын. Наверно будут внуки.

Что я им скажу? Чем могу объяснить пробел в жизни в 11 лет. Мысль о реабилитации прочно засела в голову и не дает мне покоя.

Прошу Вас рассмотреть мое дело и восстановить справедливость. В чем состоит мое преступление? За что искалечено мое здоровье и жизнь? Не знаю. Вины своей не постигаю.

Н. С. Демьянов

9 июня 1955 г. Харьков 22, Ивановская ул., д. 12, кв. 25, фрезеровщик экспериментального завода торговой техники».

31 июля 1965 г., после проверки этого дела, я подписал протест на решение Особого совещания об осуждении Демьянова Н. С. и о прекращении дела на него с полной реабилитацией.

Работая над рукописью, поинтересовался судьбой Николая Сергеевича Демьянова. Он и его супруга умерли. Жив его сын Демьянов Феликс Николаевич — инженер НИИ «Укргипромаш» и растет внук, которому есть кем гордиться, есть с кого брать пример...

Это произошло в Одессе... Наша работа по этому необычному делу началась с извлеченного из архива письма. В данном письме к Сталину обращалась мать Петровского А. П. — Петровская М. А., проживающая в Одессе, по ул. Буденного, дом 74.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мой сын Петровский Александр Павлович, 1906 года рождения, осужден Одесским военным трибуналом войск МВД летом 1945 года, с тех пор ничего неизвестно о его судьбе. Знаю, что он — не изменник Родины и прошу заинтересоваться его судьбой.

Я — простая труженица. Только Советская власть дала мне возможность свободно вздохнуть, вырастить и воспитать своих детей...

Моего сына выдал румынам Воробьев, знавший, где он скрывается.

Меня, дочь, зятя и внука мучали полтора месяца, чтобы узнать, где сын.

Иосиф Виссарионович! Верю в Вашу чуткость, Ваше внимание к каждому гражданину нашей Родины, в Вашу справедливость, верю в то, что у моего сына есть доказательства его невиновности перед Родиной и партией, поэтому обращаюсь к Вам.

М. Петровская»

Это письмо было написано 7 февраля 1947 г., когда сын уже был расстрелян.

За что же был расстрелян Петровский Александр Павлович, член партии с 1932 года? Его арестовало 18 сентября 1944 г. УН КГБ по Одесской области и предъявило обвинение в том, что он, оставленный в тылу противника в качестве секретаря подпольного Обкома КП(б) Украины, с первых дней оккупации Одессы предал интересы партии румынской контрразведке, дал откровенные показания о своей партийной принадлежности в причастности к партийному подполью и рассказал о существовании в городе и области сети партийных подпольных организаций. Являясь агентом румынской контрразведки, занимался провокаторской и предательской деятельностью, в результате румынской контрразведкой была ликвидирована значительная часть партийного подполья Одессы.

Выдал румынской контрразведке все документы подпольного обкома: пароли, шифры и явки, конспиративные квартиры и списки руководящего состава, а также продовольственные базы и склады с оружием.

В марте 1944 года Петровский был вывезен в Румынию, откуда в сентябре 1944 года по заданию разведки противника вернулся в Одессу для проведения разведывательской деятельности в советском тылу (т. 1, л. д. 104).

В заседании военного трибунала Петровский А. П., отрицая какую-либо вину, показывал: «Обстановка была сложная, я делал так, как считал нужным делать, а теперь меня никто понять не хочет, посмотрим, кто будет прав. Я на следствии и в суде говорю только правду. Добровольно я сдался жандармерии не потому, что хотел изменить Родине, считал, что так будет лучше, что этим я могу спасти свою семью, а в общем расценивайте как хотите, мне все равно, надоело об одном и том же говорить сорок раз» (т. 1, л. д. 33).

В своей защитительной речи в Военном трибунале Петровский говорил:

«Я считаю, что партийное подполье в Одессе было провалено, но кто в этом виноват, здесь надо разобраться. Ошибки были у всех, так как дело это для нас новое, опыта нет. При этом надо учесть обстановку жестокого террора в Одессе в период оккупации, мы иногда просто не находили выхода из того или иного положения. Если бы я считал себя изменником Родины, я бы не пришел сам в Одессу и не явился бы в партийные органы. Что сделал, я все рассказал, прошу мне ве-

рить, а если не верите, прошу проверить путем допроса тех работников румынской контрразведки, с которыми имел дело. Только они могут сказать, кем на самом деле это подполье было провалено. Утверждаю, что будучи в Румынии, я не был завербован какой-либо разведкой для работы против Советской власти» (т. 1, л. д. 341).

В процессе предварительного следствия и в судебном заседании Военного трибунала Петровский признал: будучи арестован оккупантами 21 октября 1941 г. на допросах показывал что: до войны был секретарем райкома и оставлен в Одессе для подпольной работы, по ряду вопросов не был согласен с линией Коммунистической партии и остался на оккупированной территории, чтобы избавиться от партии; давал согласие сотруднику румынской контрразведки капитану Поунеску о своем сотрудничестве с названной разведкой и получал задания по выявлению участников партийного подполья.

Петровский также утверждал, что заявление о своем несогласии по ряду вопросов с линией Коммунистической партии делал для того, чтобы войти в доверие к допрашиваемому его представителю румынской контрразведки. Дал согласие капитану Поунеску сотрудничать с румынской контрразведкой не с целью измены Родине, а с целью освобождения из-под ареста, избавления от ареста и расстрела своей семьи. Дав согласие о сотрудничестве, он в действительности обманул офицера румынской контрразведки Поунеску и на явках с ним дезинформировал его: сам выдумал шифр для переписки с «центром», давал фиктивные шифртелеграммы как полученные из центра. В марте 1942 года, когда румыны стали его подозревать в обмане, он от них скрылся и до апреля 1943 года организовывал работу подпольного обкома.

Несмотря на то, что объяснения Петровского не были опровергнуты и никаких конкретных фактов предательства с его стороны не установлено, он был осужден.

Приговором Военного трибунала войск НКВД Одесской области от 28—29 июня 1945 г. Петровский А. П. был приговорен к расстрелу. 5 сентября 1945 г. приговор приведен в исполнение.

Мы приступили к тщательной дополнительной проверке обоснованности ареста и осуждения Петровского А. П. и установили следующее. Петровский А. П., оставленный в тылу противника в качестве первого секретаря Одесского подпольного обкома КП(б) Украины, 21 октября 1941 г. был аресто-

ван румынской жандармерией, будучи обнаружен в подвале дома № 72 по ул. Буденного, где он укрывался.

На допросе в жандармерии Петровский признал, что до войны был секретарем Водно-транспортного райкома партии и оставлен для подпольной работы, но в качестве кого не говорил. По предложению Поунеску согласился сотрудничать с румынским разведывательным и контрразведывательным подцентром № 5 второй секции генерального штаба румынской армии. После этого был освобожден и до марта 1942 года приходил на явки к Поунеску (он же Фулга А. Д.).

В пользу указанного румынского разведывательного и контрразведывательного органа Петровский как агент не работал, бывая на явках, давал дезинформационные сведения, им лично выдуманные, а 12 марта 1942 г. от румынской разведки скрылся, написав капитану разведки письмо, в котором высказал угрозы, если его будут искать или преследовать его семью. Объективно проверить эти факты нам помогло то, что после окончания войны в 1946—1948 годы был арестован ряд бывших сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов буржуазной Румынии — Фулга А. Д., Курзрару И. С., Симионеску В. И., Бутззату Ф. М., Харитона К. С., Кочубея-Аргира Н. В., Алеонтетылвана Ф., Пержу К. И. и др. Румынские друзья предоставили возможность познакомиться и скопировать трофейные документы румынских разведывательных и контрразведывательных органов — доклады о борьбе против Одесского подпольного обкома и об аресте Петровского.

Что стало нам известно? Бывший начальник подцентра № 5 второй секции генерального штаба румынской армии в Одессе Фулга А. Д. («Поунеску»), арестованный органами советской контрразведки, на допросе 28 января 1948 г. показывал: «25 октября 1941 г. среди задержанных советских граждан в болгарской школе капитаном Тытырану Николаем был выявлен крупный партийный работник Одессы Петровский, оставленный для подпольной деятельности. Он имел документы на имя Туманова. О задержании Петровского я доложил начальнику центра «Б» и предложил завербовать его для сотрудничества с нами по выявлению советских подпольных организаций. Мне было дано указание завербовать его. Петровскому я предложил работать с нами или он будет переведен в специальную полицию. Петровский, видимо, понял, что в случае отказа сотрудничать с нами будет расстрелян, и согласился с моим предложением, т. е. дал согласие помогать нам в выявлении подпольщиков. После этого он мною был отпущен»

(Архивное уголовное дело № К-512372 на Фулгу А. Д., л. д. 21).

На вопрос, выдал ли Петровский лиц, оставленных для подпольной работы, Фулга показывал: «Нет, не выдал. Он говорил, что подпольной организации тогда еще не было в Одессе. Она должна была быть им создана после получения указаний из центра... По показаниям Петровского мы ни одного человека в Одессе не арестовали» (л. д. 21 об.).

Другой сотрудник указанного разведоргана Симионеску В. И., имевший встречи с Петровским по поручению Поунеску, на следствии в 1948 году показывал, что он имел две встречи с Петровским в феврале 1942 года. На первой встрече состоялось только знакомство с Петровским, а во время второй явки Петровский передал для Поунеску конверт, в котором была расшифрованная телеграмма. О содержании телеграммы Симионеску показывал: «Как мне позже стало известно, Петровский передал капитану Фулга расшифрованную телеграмму, в которой указывалось, что в ближайшее время в один из районов около Одессы должны прибыть несколько советских подводных лодок и произвести высадку десанта. После этой встречи Петровский исчез из Одессы».

Бывший сотрудник румынской контрразведки центра № 3 «ССИ» в оккупированной Одессе майор Курэрару на допросах 12 октября 1961 г. и в заседании военного трибунала ОдВО 25 мая 1962 г. по делу Платова давал подробные показания о личности Петровского и подтвердил, что ему лично было известно от капитана Поунеску, его заместителя и секретаря, что Петровский, дав согласие сотрудничать с румынской контрразведкой, через несколько месяцев скрылся, а капитану Поунеску написал письмо, чтобы его не искали и не трогали его родителей, в противном случае будет плохо тем, кто будет его преследовать. Курэрару подтвердил, что он лично принимал участие в розыске Петровского и для этой цели были мобилизованы все органы «ССИ», полиции и агентура.

После второго ареста Петровского (1943 г.), как показывал Курэрару, он пытался склонить Петровского к сотрудничеству, но от своих намерений отказался, так как убедился, что Петровский на это не пойдет. Об этом на допросе 12 октября 1961 г. Курэрару показывал: «Чтобы прощупать настроение Петровского и определить, подойдет ли он для вербовки в качестве агента Особого отдела информации, я вел с ним беседы о положении на фронте, причем говорил ему, что, несмотря на наступление Советской Армии, война может быть

проиграна Советским Союзом, затрагивал вопросы взаимоотношений Советского Союза со своими союзниками в войне против Германии. Петровский не соглашался с моими доводами по этим вопросам и доказывал обратное. В процессе беседы я также убедился, что Петровский может дать согласие на сотрудничество с нами, но работать не будет и при первой возможности сообщит об этом органам Советской власти. В связи с этим я от его вербовки отказался и доложил начальнику агентуры Восточного фронта Палиусу, что Петровского вербовать нельзя» (т. II, л. д. 204, 205, арх. уг. дела № 07472 на Петровского А. П.)

Правдивые показания арестованные руководители разведывательных и контрразведывательных органов буржуазной Румынии были вынуждены давать потому, что мы располагали официальными документами.

В докладе румынской специальной службы информации («ССИ» в Одессе от 27 августа 1943 г.) о направлении в военно-полевой суд дела на арестованных членов Одесской подпольной организации о Петровском указывалось: «Вскоре после вступления румынский войск в Одессу Петровский Александр был арестован по доносу, как незарегистрировавшийся коммунист. В то время Петровский жил под чужим именем, имея фальшивый паспорт на имя Туманова. Так как не было возможности узнать, что он действительно является Петровским, были сделаны попытки завербовать его в качестве информатора, чтобы с его помощью опознать других незарегистрированных коммунистов. Но спустя короткое время после освобождения Петровского из заключения и работы его информатором бюро капитана Поунеску, он исчез и под фамилией Тушин начал вести подрывную работу. Будучи в связи с укрывавшими его сестрами Таней, Леной и Ольгой Дубовскими, Петровский старался использовать тетрадь, полученную от Сенина, чтобы связаться с членами организации, оставленными с миссией в Одессе... С помощью Решетникова ему удалось организовать три подрывных района» (т. II, л. д. 213, 214).

В приговоре Военного трибунала в одном из пунктов обвинения Петровского указано, что вскоре после встречи его со вторым секретарем подпольного обкома Сухаревым, последний был арестован румынской контрразведкой и расстрелян.

Установлено, что Петровский имел встречу с Сухаревым в марте 1942 года перед бегством от Поунеску. Арестован Сухарев 5 мая 1943 г., т. е. более чем через год после встречи, расстрелян 22 марта 1944 г. Показаниями связной Джу-

рило В. И. подтверждается, что Сухарев был арестован после того, как у нее полицией был обнаружен пропуск в село, где он скрывался (т. II, л. д. 14, 15). Дата ареста Сухарева подтверждается трофейными документами — списком арестованных участников подпольного обкома. Также достоверно установлено, что в расстреле Сухарева предательскую роль сыграл Платов, что подтверждено в 1961—1962 годы показаниями бывших офицеров «ССИ» центра № 3 в Одессе Курэрару, Никосьевича, а также трофейными документами карательных органов румынских оккупантов.

Обвинение в том, что Петровский выдал румынской контрразведке все документы подпольного обкома КП(б) Украины (шифры, пароли, явки, конспиративные квартиры и списки руководящего состава), не находит своего подтверждения.

Дополнительной проверкой выявлено, что во время первого ареста Петровского румынской жандармерией при нем никаких документов подпольного обкома не было. Записная книжка, в которой были указаны пароли, явки и фамилии руководящего состава и связных подпольных райкомов, находилась в тайнике на территории завода «Инхимкомбината». Записная книжка из тайника была изъята Петровским после его освобождения из-под стражи в октябре 1941 года и до 1943 года хранилась в тайниках в квартирах матери Петровского и сестер Дубовских — Татьяны, Ольги и Елены.

19 апреля 1943 г. записная книжка передана Петровскому, котрый ее зарыл под цементным полом в квартире Лошкарева, где он в то время укрывался.

После второго ареста Петровского в апреле 1943 года румынской полицией «Преторатом» действительно была изъята записная книжка Петровского с паролями, явками и фамилиями руководителей подпольных райкомов и связных. Указанная записная книжка попала в руки контрразведки по вине его связной Моисейчик Зинаиды и хозяина квартиры, где укрывался Петровский, Лошкарева Петра.

На допросе 28 сентября 1944 г. Лошкарев показывал: будучи уличен на очной ставке Моисейчик Зинаидой, я дал согласие выдать документы Петровского. После этого меня снова посадили в камеру, но через несколько минут вызвали, посадили в машину, со мной сели следователь, шеф полиции и мы поехали ко мне на квартиру, где я откопал банку с документами и револьвером Петровского и отдал их полиции» (т. I, л. д. 219). Эти показания Лошкарев полностью подтвердил при допросе 1—2 октября 1964 г. (т. II, л. д. 28—39).

Приведем показания Моисейчик З. К. на допросе 23 октября 1964 г.: «Мне было известно со слов Петровского, что в квартире Лошкарева укрыта коробка, в которой какие-то документы, но какие я не знала и не знаю. Известно, что эта коробка с документами была изъята после ареста Лошкарева» (т. II, л. д. 66).

В румынском документе центра № 3 «ССИ» от 29 августа 1943 г. по этому вопросу указано: «Моисейчик Зинаида с самого момента ее ареста рассказала все, что она знает, предложив работать для следственных органов, и сделала это на деле, намного облегчив этим самым следствие. Благодаря ей же стало возможным нахождение личных документов, револьвера и архива Петровского, как и других бумаг, имеющих особенное значение для дела (т. II, л. д. 218).

Из числа лиц, указанных в записной книжке Петровского, изъятой после второго его ареста, как видно из румынских списков арестованных и осужденных участников подпольного обкома, были арестованы и осуждены только Сухарев Сергей и Третьяк Александр, но Третьяк был арестован раньше, чем была изъята записная книжка у Петровского.

О личности Сухарева органам «ССИ» было известно еще в 1942 году, после ареста Платова и следствия по его делу.

О поведении Петровского на допросах в румынской контрразведке имеются показания переводчика Чакира А. Н. и следователя «ССИ» Харитона, принимавших участие в допросах Петровского.

Так Чакир на допросе 6 декабря 1944 г. показывал: «Петровского поместили в одиночную камеру под строгую охрану, несмотря на то, что была у него пуля в ноге, операции ему не делали свыше месяца. На допросах он признался, что он руководитель парторганизации, но открыто заявил, что «все равно Советская власть победит, немцам и румынам победы не видать». Поскольку сигуранца Одессы ничего не могла добиться от Петровского, «ССИ» Бухареста потребовала передать им его для следствия».

Харитон К. И. на допросе 19 марта 1945 г. показывал: «Первое время Петровский долго не допрашивался, поскольку он находился на излечении, так как в момент второго ареста пытался покончить жизнь самоубийством... Я по распоряжению полковника Пержу дважды ездил в центральную тюрьму с целью допроса Петровского. В обоих случаях Петровский показал, что действительно имел связь с вышестоящими партийными органами, но эта связь прервана за месяц до его ареста

и об осуществлении дальнейшей связи он мне ничего конкретного не показал, поэтому его показания вызвали сомнения, о чем полковнику Пержу я донес рапортом и просил, чтобы для допроса Петровского уполномочил другого сотрудника, так как мне было тяжело его допрашивать. По вопросу о своей партийной работе Петровский коротко ответил: «Все, что мог указать, я указал в своих собственных показаниях и дополнить их ничем не могу» (т. I, л. д. 273).

В процессе дополнительной проверки уголовного дела были допрошены в качестве свидетелей участники Одесского подпольного обкома, непосредственно связанные с Петровским: Ковальский Л. К., Евстратенко М. Н., Третьяк А. О., Козырев П. Н., Решетников М. Г., Левенец Ф. Н. Все эти лица арестовывались оккупантами, но никто из них не отзывался о Петровском как о провокаторе-предателе, напротив, характеризовали его как секретаря действующего подпольного обкома.

Дополнительной проверкой установлено, что в бухарестской тюрьме Петровский содержался в одинаковых условиях, как и другие советские граждане, вместе с ним вывезенные. Это подтверждается показаниями Мануйлова, Мамедовой-Сиренко и Марцишек Г. П., которые содержались с Петровским в этой же тюрьме.

Таким образом, изложенное дает основание сделать вывод, что в действиях Петровского не устанавливается преднамеренной измены Советскому государству и Коммунистической партии; действия не находятся в связи с произведенными контрразведкой противника в 1942—1943 годы многочисленными арестами участников Одесского подпольного обкома.

Изучением архивных документов облпартархива, трофейных документов, находящихся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КП Украины, судебно-следственных дел, находящихся в органах государственной безопасноси, установлено, что в период фашистской оккупации Одессы и области, несмотря на сложную обстановку и террор оккупантов, опираясь на сеть партийных подпольных звеньев и беспартийных советских патриотов, действовал и проводил определенную организационную и агитационно-пропагандистскую работу, направленную на усиление сопротивления и борьбу трудящихся против захватчиков, Одесский подпольный обком партии, руководимый первым секретарем Петровским А. П. и вторым секретарем Сухаревым С. С.

Обком партии в лице Петровского А. П. и Сухарева С. С.

осуществлял подбор кадров и руководство подпольными райкомами, восстанавливал связь с сетью подпольных организаций и групп, организовывал размножение листовок, сводок Совинформбюро.

Будучи арестованным, Сухарев С. С. был уничтожен оккупантами, а Петровский А. П., выданный изменниками Родины и окруженный вражескими солдатами и офицерами, не сдался, оказал сопротивление и был тяжело ранен. Чтобы не попасть живым в руки врага, пытался покончить с собой. Оставшись в живых, Петровский А. П. решительно отверг все домогания вражеской контрразведки склонить его на путь измены Родине.

Однако в период произвола культа личности Петровский А. П. был арестован, осужден военным трибуналом войск НКВД Одесской области и расстрелян. В 1966 году Петровский А. П. реабилитирован.

Чтобы сделать это раньше, надо было провести такое всестороннее изучение архивных материалов и прийти к следующим решениям:

1. Признать деятельность подпольного обкома партии и его руководителей Петровского А. П. (первого секретаря обкома) и Сухарева С. С (второго секретаря обкома) в период временной оккупации Одессы и области в 1941—1944 годы и ходатайствовать перед соответствующими судебными органами и Президиумом Верховного Совета СССР о рассмотрении в установленном законом порядке вопроса об отмене приговора военного трибунала войск НКВД Одесской области о Петровском А. П. и о реабилитации его (посмертно).

2. Признать подпольную деятельность в качестве секретаря Водно-транспортного подпольного райкома партии Решетникова Н. Г. Поручить партийной комиссии обкома КП Украины рассмотреть вопрос о восстановлении его в партии и представить на утверждение бюро обкома.

3. Признать подпольную деятельность Добровольского В. П., Ковальского Л. К., Третьяка Л. О., которые осенью 1942 года были назначены подпольным обкомом и Воднотранспортным райкомом партии организаторами подполья в районах Одессы.

4. Утвердить подпольщиками Дубовскую Т. К., Дубовскую О. К., Дубовскую В. К, Елисееву Н. О. (посмертно), Козырева П. Н., выполнявших обязанности связных подпольного обкома и содержавших конспиративные квартиры в 1941—1943 годах.

5. Поручить архиву при обкоме КП Украины привести в соответствие с исторической действительностью всю документацию о партийном подполье, систематизировать и обобщить материалы о партизанском и подпольно-патриотическом движении в области.

А румынские оккупанты-террористы, изобличенные в своих массовых злодеяниях, испытали на себе всю силу возмездия...

Неумалимо надвигалось нападение фашистской Германии на нашу страну. Зримо вырисовывались неизбежные тяжелые последствия для жителей нашей страны от налетов фашистских аккупантов.

Еще в 1936 году, незадолго до ареста, командующий Белорусским военным округом командарм 1-го ранга И. П. Уборевич предупреждал: «Авиация в будущей войне предстанет настолько грозной силой, что в военном отношении Смоленск, Минск серьезно защитить не удастся».

Да разве только эти города? Кто же будет виновен в необеспечении надежной защиты от вражеской авиации советского неба?

Бывший руководитель НКВД, заместитель главы Советского правительства Берия и новый руководитель контрразведки Абакумов знали виновников.

— Кто возглавлял Военно-Воздушные Силы?

— Генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов.

— Кто возглавлял противовоздушную оборону страны?

— Генерал-полковник авиации Г. М. Штерн.

— Кто координировал в Генеральном штабе их деятельность?

— Начальник Генштаба генерал армии К. А. Мерецков, помощник начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич.

Упомянутые лица были в 1936—1938 гг. в командировке в Испании. Общались там с немцами и другими иностранными гражданами. А они были разными, не только антифашисты. Следовательно, все это можно использовать как предположение о вербовке, а главное — чем располагало НКВД. В архиве были показания расстрелянных «врагов народа» Алксниса и Берзина, в которых фигурировали фамилии всех названных как соучастников военного заговора. Своими единомышленниками назвал их также расстрелянный военный корреспондент в Испании, разоблаченный «резидент фашистской разведки» Михаил Кольцов.

Берия и Абакумов вчитывались в справку на арест Коль-

цова. В ней фигурировали такие сведения: «Жена Кольцова Мария фон-Остэн, дочь крупного немецкого помещика, троцкиста, сошелся с ней в 1932 году в Берлине. В Москве Остэн вела праздный образ жизни, встречалась с немецкими эмигрантами. Вместе с Кольцовым уехала в Испанию, бежала оттуда с немцем Буш во Францию якобы из-за опасения репрессий по отношению к ней со стороны республиканского правительства».

Следовательно, шпионка. Через нее поддерживалась связь с гитлеровской разведкой. Всех этих материалов для начала дела было достаточно. Теперь остается, заключил Берия, все эти материалы передать в руки «опытных» следователей. Они-то раскроют новый заговор в РККА. «Вот уж чему обрадуется Сталин. Несомненно оценит».

Недостатка в таких «опытных» следователях-фальсификаторах не было. Выбор пал на Влодзимирского Л. Е., Шварцмана Л. Л., Родоса Б. В., Авсеевича А. А. и некоторых других. Руководство ими было возложено на Меркулова В. Н. и Кобулова Б. З., которые умели «направлять следствие в нужное направление».

Из всех намеченных к аресту «заговорщиков» роль организатора этого надуманного «нового военно-фашистского заговора» была отведена генералу армии Кириллу Афанасьевичу Мерецкову. Он был тесно связан по службе в Испании с подлежашими аресту военачальниками, его имя называлось как участника сговора с казненными в 1937 году Тухачевским, Уборевичем и Корком, которые хотели «дать бой Сталину».

Кто же такой арестованный Мерецков? «Сын крестьянина-бедняка Рязанской губернии. С 1917 года начал свою службу в Красной Армии. В том же 1917 году вступил в Коммунистическую партию большевиков. Участник гражданской войны, побывал на всех фронтах. В его личном деле есть положительные отзывы выдающихся военачальников, в том числе члена Реввоенсовета фронта И. В. Сталина».

По окончании гражданской войны Кирилл Афанасьевич Мерецков неизменно продвигался по службе на командных и штабных должностях в различных военных округах. С осени 1936 года в числе других советских военных помогал войскам республиканской Испании вести ожесточенную борьбу против фашистских мятежников.

Деятельность К. А. Мерецкова была высоко оценена Советским правительством: награжден вторым орденом Красно-

го Знамени (первым он был награжден в 1918 году за бои под Казанью), орденом Ленина.

Командные способности К. А. Мерецкова выдвинули его после пребывания в Испании в числе крупных военачальников. Он исполнял должности командующего войсками ряда округов, начальника Генштаба.

Начавшуюся войну Мерецков встретил в должности зам. наркома обороны в войсках Прибалтики. На второй день войны, во время исключительно сложной боевой обстановки, Мерецкому было приказано немедленно явиться в Москву и объявлено о назначении постоянным советником при Ставке Главного командования (т. е. при И. В. Сталине). На самом деле он был вызван для того, чтобы оказаться на Лубянке и быть переданным в «лапы» следователя Шварцмана. Безупречного прошлого как и не было. Теперь из него нужно было сделать «врага народа». Какими методами, рассказал сам следователь Шварцман, которого в 1955 году, после ареста Берии и Абакумова, также арестовали. Признавая себя виновным, Шварцман в суде показал: «Физические методы воздействия применяли к Мерецкову сначала высокие должностные лица: зам. наркома Госбезопасности Меркулов и начальник Следственной части Влодзимерский, а затем и я со следователями Зименковым и Сорокиным. Его били резиновыми палками».

На вопрос члена Военной коллегии полковника юстиции Лихачева: «Вы давали себе отчет в том, что избивали крупнейшего военачальника, заслуженного человека?» — подсудимый Шварцман ответил: «Я имел такое высокое указание, которое не обсуждается». Признал в суде факты глумления над Мерецковым и Берией, назвав их одним словом: «Это была мясорубка. Таким путем вымагались показания».

Вдруг последовал приказ: «Мерецкова из тюрьмы немедленно освободить». Передумал «Верховный».

В своей книге воспоминаний Кирилл Афанасьевич Мерецков поведал: «В сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина ... Он сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?»

Комментарии к происшедшему излишни. Поистине предел всякого изуверства: «Посадить, отдать на растерзание, а затем как ни в чем не бывало спросить — как вы себя чувствуете».

Все это было в духе Сталина ...

Но в тюрьме остались как «заговорщики» генералы военно-воздушных сил Г. М. Штерн, Я. В. Смушкевич, А. Д. Локтионов, П. В. Рычагов, И. И. Проскуров, Ф. К. Арженухин.

Их продолжали пытать. От них добивались признаний в принадлежности к фашистской разведке со времени их пребывания в Испании, в проведении вредительства.

Что же нам стало известно из личных дел этих генералов?

Командарм 2-го ранга Григорий Михайлович Штерн — один из той плеяды героических комиссаров Красной Армии, которые шли впереди и своим героизмом увлекали в бой против врагов красноармейцев. В послужном списке значилось: комиссар полка, бригады, военком штаба стрелковой дивизии, штаба кавкорпуса.

Для многих кончилась гражданская война в 1922 году, но не для Штерна. В 1923—1925 годы он оказался на Туркестанском фронте в ожесточенной борьбе с басмачеством в Средней Азии. Вначале был в должности военкома кавалерийской бригады, затем — командиром частей особого назначения Хорезмской группы войск.

Боевые заслуги Штерна по достоинству были отмечены высокими наградами.

Грянула война в Испании. С мандатом Главного военного советника при Республиканском правительстве Григорий Михайлович участвовал в борьбе с фашизмом в Испании. После Испании Штерн получил назначение на должность Командующего 1-й Отдельной Краснознаменной Армией на Дальнем Востоке.

И снова Штерн в пекле ожесточенных боев против самураев на озере Хасан, на реке Халхин Гол, против белофинов во время советско-финской войны.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 г. командарму 2-го ранга Штерну Григорию Михайловичу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза «За образцовое выполнение боевых заданий и личное геройство, проявленное при выполнении боевых заданий».

В те же годы, 1939—1940, Г. М. Штерн был избран членом ЦК ВКП(б) и депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. А перед самой войной его назначили начальником ПВО Наркомата обороны.

И вдруг арест. Штерну предъявлено обвинение в измене Родине.

Яков Владимирович Смушкевич, 1902 года рождения, уроженец местечка Ракшики Литовской ССР, вступил в Коммунистическую партию, начал свою службу в Красной Армии в 1918 году. С 1922 года проходил службу в военно-воздушных силах. Показал себя способным командиром. С октября 1936-го по июнь 1937 г. находился в Испании под псевдонимом «генерал Дуглас». Руководил воздушной обороной Мадрида и разгромом воздушного наступления фашистов под Гвадалахарой. 3 января 1937 г. награжден орденом Ленина, а 21 июня 1937 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1939 году Я. В. Смушкевич был награжден второй медалью «Золотая звезда» и стал дважды Героем Советского Союза. В представлении, подписанном командованием 1-й армейской группы комкором Жуковым и дивкомиссаром Никишовым, говорится: «...тов. Смушкевичем проделана исключительно большая работа по боевому сколачиванию и выучке частей ВВС. Воздушные силы, руководимые непосредственно т. Смушкевичем, добились полного господства в воздухе над японской авиацией и нанесли ей сокрушительное поражение. Своим заслуженным авторитетом воодушевлял и учил летчиков побеждать врага».

Перед войной Смушкевич был назначен помощником начальника Генштаба по авиации, имел звание генерал-лейтенанта авиации.

Ему также было предъявлено обвинение в измене Родине, в связях с фашистской разведкой...

Павел Васильевич Рычагов, один из молодых талантливых командиров советской военной авиации. Окончив в 1931 году военную школу летчиков, успешно продвигался по службе, был командирован в 1936 году в Испанию, где под псевдонимом «Пабло Паланкар» зарекомендовал себя отважным летчиком-командиром звена, затем эскадрильей, которая сбила 40 вражеских самолетов, в том числе шесть из них сбил лично Рычагов. За боевые подвиги П. В. Рычагов был удостоен звания Героя Советского Союза. После Испании Рычагов принимал участие в борьбе с японскими агрессорами, белофинами. В августе 1940 года был назначен начальником Главного Управления ВВС РККА.

На второй день Великой Отечественной войны П. В. Рычагов был арестован и обвинен «в проведении на протяжении ряда лет подрывной работы в ВВС»...

Такие же бездоказательные обвинения были предъявлены

и остальным арестованным генералам авиации И. И. Проскурову, Ф. К. Арженухину, А. Д. Локтионову.

Что же, следователи не были ознакомлены с их личными делами? Напротив — видели и знали, но к делу их не приобщили. Им нужен был образ врага народа без хорошего прошлого и его «признание» во враждебной деятельности. Именно этого и добивались от арестованных на многочисленных допросах следователи и их руководители.

Применение из испытанного арсенала таких «средств воздействия», которые способны были сломить волю даже самого сильного человека, заставило Штерна расписаться под составленным ими протоколом «с признанием вины». Между тем истерзанный Штерн нашел в себе силы и в конце протокола дописал следующее: «Все вышеизложенное в протоколе надуманно, так как никогда в действительности врагом, шпионом и заговорщиком я не был». И подпись «Штер».

Как же поступили с боевыми генералами-героями?

Когда в начале октября 1941 года к Москве приблизились фашисты, центральный аппарат НКВД эвакуировался в Куйбышев. Туда же перевезли и важнейших подследственных — главный «объект» работы этого аппарата. Вдогонку полетело письмо Берии: «Следствие прекратить. Немедленно расстрелять». Прилагался список на 25 человек, в нем в том числе значились: Я. В. Смушкевич, П. В. Рычагов с женой Марией Нестеренко, А. Д. Локтионов, Г. М. Штерн, И. И. Проскуров, Ф. К. Арженухин. 28 октября 1941 г. этот преступный самосуд был осуществлен.

Тирания продолжалась.

От автора

Прежде всего сознаю, что поднятая в моих записках тема — как с первых дней Советской власти осуществлялась борьба с контрреволюционными преступлениями в нашей стране, какие сложности и извращения были в ней, не полностью и не глубоко освещена. Надеюсь, на эту важную историческую тему еще будут написаны книги.

Читатель, конечно, обратил внимание, что я ограничился описанием того периода работы специально созданного аппарата Главной военной прокуратуры по пересмотру дел прошлых лет, когда непосредственно участвовал в ней (1954—1967 годы), т. е. в тот период почти полностью был завершен пересмотр всех дел на участников «военно-фашистского заговора», занимались пересмотром и других дел.

Преодолевая различного рода препятствия и сложности на путях принятия необходимых решений, мы выполняли указания ЦК КПСС и Генерального прокурора: «ни одно заявление о пересмотре дела независимо от времени его возникновения и характера не может быть оставлено без тщательного разбора обоснованности осуждения того лица, о ком содержится просьба разобраться в его виновности».

Так, еще в 1954—1960 годах по заключениям Главной военной прокуратуры, вынесенным на основании проведенных нами глубоких объективных проверок, был реабилитирован ряд необоснованно осужденных известных деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Кроме названных в записках можно упомянуть о состоявшейся тогда реабилитации Авеле Енукидзе, Яна Рудзутака, В. Я. Чубаря, А. Е. Сулимова, П. П. Постышева, В. И. Межлаука и др.

В 1955—1956 годы сотрудниками Главной военной прокуратуры и Комитета государственной безопасности проведена большая работа по объективному исследованию обстоятельств создания дела о так называемом «заговоре в комсомоле» и подготовки еще одного «громкого политического процесса» над руководителями ЦК ВЛКСМ.

На состоявшемся в ноябре 1938 года VII Пленуме ЦК ВЛКСМ были сняты с постов и выведены из состава ЦК ВЛКСМ все секретари ЦК во главе с А. В. Косаревым и объявлены «врагами народа», а затем и арестованы. «Комсомольская правда» опубликовала статьи под лозунгом: «До конца выкор-

чевать вражескую агентуру в комсомоле», «Беспощадно добить вражеское охвостье». Все это послужило поводом для развертывания в широком масштабе репрессий в отношении руководящих комсомольских работников во многих городах и районах страны.

Собранные при проверке материалы убедительно показали, что обвинения во вражеской работе в отношении А. В. Косарева, В. Ф. Пикиной, П. А. Вершкова, С. Я. Богачева и других товарищей были сфальсифицированы и основывались на провокационных заявлениях сотрудницы аппарата ЦК ВЛКСМ О. П. Мишаковой, безответственно поддержанной М. Ф. Шкирятовым и самим Сталиным.

В результате нашей проверки было сделано заключение о необходимости реабилитации упомятуных товарищей, с чем согласился Верховный Суд СССР.

Аналогичная работа проведена и по проверке дел на многих других гражданских лиц, обвиненных в проведении шпионско-вредительской работы. Среди тех, в отношении кого Главная военная прокуратура вышла с предложением о реабилитации, как необоснованно осужденных, назову академиков Н. И. Вавилова, А. Н. Туполева, С. П. Королева[1].

По нашим заключениям, в 1954—1960 годы реабилитированы многие невинно осужденные партийные и советские работники, ученые, директора заводов и фабрик, институтов, деятели культуры и искусства, писатели.

Не могу не вспомнить о том, какую большую поддержку мы имели от Отдела административных органов ЦК КПСС и его заведующего Николая Романовича Миронова. О нем мы знали немного. С комсомольской и партийной работы попал на работу в органы МГБ — КГБ. Познал «изнутри» все особенности этой работы. Познакомился и с архивными документами, раскрывающими деятельность данных органов в прошлые годы. Многое из того, что узнал он, стало известно и нам во время общения с ним, из его выступлений и публикаций тех лет[2].

[1] Ограничиваюсь упоминанием этих восстановленных при нашем участии имен в истории советской науки лишь потому, что о них, о их судьбе еще до выхода моих записок в периодической печати было подробно рассказано другими авторами.

[2] См.: Миронов Н. Р. Насущные вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности//Коммунист. 1963. № 1; Он же. Укрепление законности и правопорядка — программная задача партии. М., 1964 и 1969.

Николай Романович Миронов трагически погиб 19 октября 1964 г.

Мы неизменно имели поддержку со стороны этого отдела ЦК КПСС при решении вопроса о реабилитации таких лиц, в отношении которых было и устойчиво сохранялось со стороны некоторых влиятельных лиц мнение как о «врагах народа». На самом деле это были честные коммунисты, в связи с их реабилитацией требовалось произвести переоценку их роли в революции и в становлении Советской власти... Но сделать это не все хотели... И не все удалось...

Вся наша работа проходила под непосредственным руководством Генерального прокурора Союза ССР действительного государственного советника юстиции Романа Андреевича Руденко. Лично он и нередко его заместители А. Н. Мишутин, П. И. Кудрявцев утверждали подготовленные нами решения по определенным делам или в силу требований процессуального закона.

Руководство аппаратом, созданным в Главной военной прокуратуре для этих целей, осуществлял Главный военный прокурор. В начале работы им был генерал-майор юстиции Е. И. Варской, а затем А. Г. Горный, ставший впоследствии генерал-полковником юстиции. Решения по пересмотренным делам, отнесенным к нашей компетенции, принимали Главный военный прокурор и его заместители — авторы настоящих записок и в разное время другие заместители — А. Н. Полев, В. С. Жабин, Д. П. Терехов, И. М. Максимов, К. Н. Новиков и С. К. Занчевский. Возглавляли отделы назначенные с периферии опытные военно-прокурорские работники, занимавшие до этого и во время Отечественной войны должности военных прокуроров армий и корпусов. Из фронтовиков в основном был сформирован и весь аппарат для этой работы.

В мобилизации усилий всех наших офицеров-коммунистов нельзя не отметить роль нашего партийного комитета, который в те годы возглавлял принципиальный и высокопрофессионально подготовленный из нашей среды товарищ Борис Владимирович Цаллагов. Активная деятельность первичных партийных организаций, инициатива, напряженный труд почти всех без исключения коммунистов способствовали тому, что Главная военная прокуратура в основном успешно справлялась с возложенными на нее задачами по выполнению решений XX съезда КПСС по ликвидации последствий культа личности и устранению беззаконий.

Это не означает, что в нашей работе по пересмотру дел не было допущено ошибок, недостатков. Довольно ощутимо сказывалась и перестраховка в принятии решений, не всегда

последовательно и настойчиво отстаивались намеченные к принятию решения.

Но поддерживаемый руководством и парткомом дух самокритичности в нашей партийной организации, непрекращающаяся учеба в форме политических и профессиональных занятий помогали предупреждать и преодолевать возникающие в работе трудности и недостатки...

Люди, пишушие, вроде меня, воспоминания о прожитом и пережитом, видимо, неизбежно ревниво всматриваются в то, как после них живут и трудятся их преемники, как продолжается начатая при них ликвидация последствий сталинского режима.

С чувством большого огорчения многие из нас восприняли устранение из нашей общественной жизни так называемой «Хрущевской оттепели». На свертывание пошла работа по восстановлению справедливости и исторической правды. И немало лет ушло, чтобы партия вернулась к своему курсу, взятому на XX съезде КПСС. Нужно было новое политическое мышление о судьбах социализма и демократии.

Об этом и было сказано на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.

«В конце пятидесятых годов, — заявил в своем выступлении Михаил Сергеевич Горбачев, — в особенности после XX съезда было проверено значительное число дел тех, кто был репрессирован в 30-х, 40-х и начале 50-х годов. Выяснилось, что большинство из них было осуждено на основании их собственных показаний, полученных незаконными методами следствия. Оказались вымышленными сведения о шпионской деятельности, вредительстве и т. д. Тысячи безвинно пострадавших реабилитированы. Это принципиально важно для тех, чье доброе имя было опорочено. Но не менее важно это было и для всех нас, для всей партии, всего народа.

Возвращаться к трагическим страницам прошлого нелегко, но нельзя не подумать: довели бы эту работу до конца 20—30 лет назад, когда она была верно начата, но вскоре неоправданно свернута, сейчас многое было бы уже историей, хотя и трагической. А вот не захотели довести — и не заживает эта рана в жизни общества».

С этого времени «верно начатая» и неоправданно «свернутая работа» по реабилитации была значительно активизирована, в том числе и в аппарате Главной военной прокуратуры. Многое для этого сделали новые руководители этого аппарата — генерал-лейтенант юстиции Б. С. Попов, начальник отде-

ла, ныне преобразованного в управление, генерал-майор юстиции В. Г. Провоторов, новое поколение военных прокуроров, занятых на этой все возрастающей по объему и трудностям работе.

Предстоит осуществить проверку полностью всех дел, с тем чтобы восстановить справедливость в отношении всех без исключения жертв репрессий и обоснованно отказать в реабилитации тем, кто того не заслуживает из-за тяжести совершенных преступлений. Задача эта не из легких. И мне хочется от всей души пожелать моим товарищам успешного ее решения.

Содержание

«Возвращенне
к правде»

Выпуск третнй

Борнс Алексеевич
В н к т о р о в

Без грнфа «Секретно»:
Запнски военного прокурора

Редактор С. Н. Чнхалова
Оформленне и художественное редактнрованне
А. Б. Боброва
Техннческнй редактор Н. Л. Федорова
Корректоры А. В. Ванькова, М. В. Сладкина

ИБ № 2201

Сдано в набор 29.01.90. Подпнсано в печать 16.05.90. А-07475. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага тнпографская № 2. Гарннтура журнально-рубленая. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 17,64; усл. кр.-отт. 17,64; учет.-нзд. л. 19,59. Тнраж 200 000 экз. Заказ № 798. Цена 2 руб.
Издательство «Юрндческая литература», 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14

Ярославскнй полиграфкомбннат Госкомпечатн СССР. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.







2 руб.

«Юридическая литература»

Память
с особой горечью
возвращает нас
в трагические годы
сталинских репрессий.
Беззаконие и произвол не обошли стороной
ни одну республику,
ни один народ.
Допущенные в прошлом
массовые аресты, лагерное мученичество,
обездоленные женщины,
старики и дети в переселенческих зонах
продолжают взывать
к нашей совести,
оскорбляют нравственное чувство.
Об этом забыть
нельзя.



